

ДЖЕЙМС
ХЭРРИОТ

СОБАЧЬИ ИСТОРИИ

Издательство «Мир»

СОБАЧЬИ ИСТОРИИ

JAMES
HERRIOT'S

Dog Stories

MICHAEL JOSEPH
London

ДЖЕЙМС
ХЭРРИОТ
СОБАЧЬИ ИСТОРИИ

Перевод с английского И. Гуровой

Москва «Мир» 1996

ББК 48
Х99
УДК 619.75(0.062)

Хэрриот Дж.

Х99 Собачьи истории: Пер. с англ. — М.: Мир, 1996. — 360 с., ил.
ISBN 5-03-003267-3

Сборник рассказов английского писателя и ветеринарного врача, давно завоевавшего признание российских читателей. В отличие от ранее опубликованных книг, здесь главными персонажами являются собаки. Написанная с большой любовью к животным и с чисто английским юмором, книга учит доброте.

Для любителей литературы о животных.

ББК 48

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

Отдельные новеллы этого сборника впервые увидели свет в книгах «О всех созданиях — прекрасных и удивительных», 1985 (главы I, 3—6, 24—31, 33, 34, 36, 38—41 и 43), «О всех созданиях — прекрасных и удивительных», 1987 (главы 9, 10, 13, 15—22). «И все они — создания природы», 1989 (главы 44—50) и «Из воспоминаний сельского ветеринара», 1993 (главы 8, 12, 23 и 35).

ISBN 5-03-003267-3 (рус.)
ISBN 0-7181-2709-0 (англ.)

© James Herriot, 1986
© перевод на русский язык,
издательство «Мир», 1996

*Катрине, младшей из моих внучек,
с любовью*

Вступление

Я пролистываю страницы этой книги, и у меня возникает ощущение, что круг замкнулся. Мальчишкой я обожал собак и мечтал стать собачьим доктором, а потом всю жизнь лечил коров, лошадей, овец и свиней, но вот теперь, на склоне лет, издаю книгу собачьих историй, и, по-моему, она требует не вступления, а скорее объяснений.

В сущности, все очень просто. Мое детство в Глазго было тесно связано с собаками — и моими, и чужими. Мы жили на западной окраине города, и из моего окна открывался вид на Клайд и Нейлстон-Пад — от холмов Килпатрик и Кэмпси на севере до холмов за Бархедом на юге. Эти зеленые холмы притягивали меня, и, как ни далеко до них было, я отправлялся в пешие прогулки среди них, мимо последних в беспорядке разбросанных домов до вершин, откуда я мог любоваться морскими заливами и горами Аргайла. Теперь, когда я вспоминаю эти расстояния, они кажутся мне огромными — часто я проходил за день тридцать миль! И со мной всегда был Дон, ирландский сеттер, поджарый красавец с глянцевою шерстью. Он разделял мою страсть к сельской природе.

Часто на прогулку со мной отправлялись мои приятели, и нам в эти долгие солнечные дни особенно нравилось смотреть, как резвятся и играют друг с другом наши собаки. И даже в те ранние годы я старался разобраться в их характерах и поведении. Для меня собака никогда не была чем-то само собой разумеющимся. Почему они так преданы людям? Почему они обожают наше общество и, когда мы возвращаемся домой, встречают нас с бурным восторгом? Почему для них высшее удовольствие — быть с нами дома или в любом другом месте? Ведь они, в конце концов, всего лишь животные и, казалось бы, в первую очередь должны искать пищи и безопасности, а они одаряют нас любовью и преданностью, которым нет предела. И еще одно: при таком разнообразии в росте, форме тела и окрасе их всех объединяют несколько важнейших свойств. Почему? Почему?

Я взял мой любимый справочник — «Детскую энциклопедию» Артура Ми — и ничуть не удивился, узнав, что собаки — любимые друзья человека уже тысячи и тысячи лет. Египтяне лелеяли их, и, вероятно, они были неотъемлемой и существенной частью семейного быта в пещерах каменного века. Еще я запомнил, что происходят они, по-видимому, от волков или от шакалов. Все это было очень интересно, но не вполне объясняло, в чем же заключается их магия, и я продолжал ей удивляться. За всем этим таилось смутное желание всегда быть с собаками, всю жизнь посвятить им, но я не представлял себе, как подобная мечта может осуществиться.

Только когда я увидел статью в журнале для подростков «Меканоу мэгэзин», мечта начала обретать практическую основу. ВЕТЕРИНАРИЯ КАК ПРОФЕССИЯ! Я стану ветеринарным врачом и буду все время с собаками — осматривать их, лечить, спасать от смерти. У меня голова пошла кругом.

Я все еще пытался освоиться с этой ошеломляющей идеей, когда в нашу школу побеседовать с нами приехал старый доктор Уайтхаус, глава Ветеринарного колледжа в Глазго. Как, наверное, обидно сотням и сотням молодых людей, тщетно пытающихся поступить в ветеринарные колледжи, узнать, что в мое время эти учебные заведения всячески заманивали потенциальных студентов и студенток. Причина была простой. В тридцатых годах страна задыхалась в тисках небывалой экономической депрессии, многие люди не могли позволить себе заводить в доме собак или кошек, и — что, пожалуй, важнее всего — рабочие лошади, основа основ и слава ветеринарной профессии, стремительно исчезали с полей и улиц. Ветеринары никому не были нужны.

Доктор Уайтхаус, однако, не желал признать, будто ветеринария находится при последнем издыхании. Он сказал нам, что, избрав эту профессию, богатыми мы не станем, но зато наша жизнь будет полна удивительного разнообразия и будет приносить особое удовлетворение.

И я попался. Мне стало совершенно ясно, как я хочу распорядиться своей жизнью, но препятствия на пути к цели выглядели огромными: ветеринария требовала знания точных наук, а в них я был очень и очень слаб. В школе мне особенно хорошо давались родной и иностранные языки, и я уже отделился от группы учеников, избравших такие предметы, как физика и химия. Мне почти исполнилось четырнадцать, и через каких-нибудь полтора года я буду сдавать выпускные экзамены. Менять что-либо было уже поздно.

Как поступить? Я отправился в Ветеринарный колледж поговорить с доктором Уайтхаусом. Это был удивительный человек, сильный, доброжелательный, с мягким чувством юмора. Он терпеливо выслушал мой сбивчивый рассказ о моих проблемах.

— Я люблю собак, — сказал я ему. — Я хочу работать с ними. Я хочу стать ветеринаром. Но в школе я занимаюсь родным языком, французским и латынью. Ни одной научной дисциплины. Смогу ли я поступить в колледж?

— Ну конечно! — Он улыбнулся. — Тебе нужно сдать четыре экзамена, чтобы получить право на зачисление в наш колледж. А какие именно предметы, значения не имеет. Физикой, химией и биологией ты сможешь заняться на первом курсе.

Опять-таки современным студентам это покажется невероятным, но мне словно бросили спасательный круг.

— Я почти уверен, что сдам!

— Вот и хорошо, — сказал он. — Значит, тебе не о чем беспокоиться. Я замялся.

— Вот с математикой мне придется помучиться. Ну никак она у меня не идет! А ветеринару математика очень нужна?

Его улыбка стала заметно шире.

— Только чтобы подсчитывать дневную выручку, — ответил он.

Вот так. Теперь мне было ясно, и чего я хочу, и как этого добиться. Последние два года я занимался очень упорно и теперь посмеиваюсь, вспоминая, сколько часов я потратил, постигая эти, словно бы бесполезные, предметы. Особенно на латынь. Латынь мне нравилась, и я с наслаждением просиживал вечера над Вергилием, Овидием и Цицероном. Под конец, мне кажется, я мог бы лихо побеседовать с каким-нибудь древним римлянином, но ехидный внутренний голос спрашивал: а зачем все это студенту ветеринарного колледжа? «Но это поможет тебе разбираться в медицинской терминологии!» — ободряли меня доброжелательные люди.

Да, правда, но занятия биологией были бы мне куда полезней!

Как я и надеялся, четыре экзамена я сдал — три с отличием, а математику кое-как. И то удивительно — такой я был тупица во всем, что касалось математики. Но тогда говорили: сдай латынь с отличием, и тебе как-нибудь натянута проходной балл. Возможно, так со мной и было. Меня это мало смущало. Главное — я поставил ногу на первую ступеньку лестницы. Меня зачислили в Ветеринарный колледж Глазго. И я буду, буду лечить собак!

Я точно знал, каким собачьим доктором я стану. Все лето перед началом занятий в колледже я предавался грезам и четко видел, как стою в белоснежном халате и хирургической маске посреди сверкающей чистотой и никелем операционной. Меня окружают хирургические сестры, а на столе лежит собака, которой я возвращаю жизнь, блистательно орудуя скальпелем. Или в том же белом халате я в сияющей чистотой приемной одну за другой исцеляю собак — больших и маленьких, виляющих хвостом или уныло его поджимающих, но всех без исключения милейших симпатяг, которым только я могу вернуть жизнь и здоровье. Райское будущее!

Однако в первые же дни осеннего триместра я обнаружил, что власти предержавшие отнюдь не намерены поддерживать меня в моих чаяниях. У них были иные планы — сделать из меня лошадиного доктора!

Программа обучения будущих ветеринаров оставалась прежней вопреки кардинальным переменам вокруг, и все, чем мы занимались, было так или иначе связано с лошадьми. Иерархический порядок вырабатывался веками — лошадь, корова, овца, свинья, собака. Словно навязчивая строчка модной песенки, она звучала вновь и вновь во всех учебниках, которые мы штудировали, и проникала нам в мозг и кровь. Огромный том «Анатомии домашних животных» Сиссона содержал исчерпывающее описание костей, мышц, пищеварительной системы и т.д. лошади, впятеро меньше места занимал раздел, посвященный корове, еще меньше — овце, совсем мало — свинье, а бедной собаке его и вовсе почти не досталось.

То же самое и в важнейших вопросах ухода за животными. Перелистывая пожелтевшие страницы моего учебника почти полувековой давности, я вновь убеждаюсь, что он почти весь посвящен подковыванию лошадей, устройству конюшни, чистке, подрезанию копыт, сбруе, седлам, но главное — подковыванию. Мы были обязаны уметь подковать лошадь, точно знать, как снять старую подкову и как прибить новую. Мы проводили часы в едком дыме кузниц. И мы должны были уметь запрячь лошадь без единой ошибки — хомут, его крючья, сбруя: чересседельник и седелка, узда и вожжи и, конечно, подпруга.

Все это явилось для меня сюрпризом. Но даже еще более неожиданным

было отношение к занятиям и усидчивости. В Хиллхедской школе я привык к строгости и требовательности. Учителя относились к своим обязанностям серьезно и ставили перед учениками трудные задачи. Они заставляли нас овладевать знаниями, и нерадивость тут же каралась несколькими ударами кожаного ремешка. Теперь же я очутился в мире, где, казалось, никому не было дела, учусь я чему-нибудь или нет.

В наши дни ветеринарный факультет Университета Глазго по праву считается одним из лучших в мире — новейшее оборудование, блестящий преподавательский состав. Ветеринарный колледж полвека назад был совсем другим.

Он помещался в длинном обветшалом здании, которое, как мне говорили, в дни конки было конюшней. Судя по его виду, такая версия более чем вероятна. Для большей солидности его выкрасили в тошнотворно желтый цвет, но это делу не помогло.

В конце двадцатых годов правительство ввиду сокращения потребности в ветеринарах решило закрыть колледж в Глазго и лишило его дотации. Однако попечительский совет сложился в попытке сохранить колледж, и, когда я поступил в него, они все еще умудрялись держаться на плаву, экономя на чем только можно.

Преподаватели наши, за редким исключением, были старые, удалившиеся от дел практики. Некоторые достигли весьма преклонного возраста, оглохли, полуослепли и мало интересовались тем, что делали. Преподаватель ботаники и зоологии попросту читал нам вслух учебник. Порой он пролистывал страницу, но ничего не замечал, пока мы не начинали вопить. Тогда он смотрел на нас поверх очков, снисходительно улыбался и без малейшего смущения возвращался к пропущенной странице. Мы его очень любили и после лекции, едва он заключал ее неизменной шуточкой, обязательно устраивали ему овацию.

— Ну-с, джентльмены, — говорил он, забывая, что среди нас есть и девушка, — мои золотые часы показывают, что наше время истекло, — и благосклонно принимал наши рукоплескания.

Студенты тогда тоже были иными. Много сыновей фермеров с севера и даже с Гебридских островов. Мне очень нравились эти шотландские юноши: вежливые, добросовестные, одетые в мохнатый твид и говорившие между собой по-гэльски. Остальные были городскими ребятами вроде меня со всех концов Британии.

Особенное же потрясение я испытал, когда оказалось, что некоторые учатся в колледже уже очень долго и без малейшего успеха.

Один, по фамилии Макалун, пробыл там одиннадцать лет и добрался только до второго курса. Он тогда был рекордсменом, а еще несколько человек перевалили за десять лет. Объяснения искать не приходилось. Колледж отчаянно нуждался в средствах. Стипендий студентам не платили, за проваленные экзамены не исключали, и до тех пор, пока родители таких ветеранов продолжали платить за них, они оставались ценными членами этого мирка. Однако особенно большим уважением пользовался студент с одиннадцатилетним стажем, и когда он в конце концов ушел из колледжа, чтобы поступить в полицию, все были очень огорчены. Старый доктор Уайтхаус, читавший тогда анатомию, заметно расстроился.

— Мистер Макалун, — сказал он, кладя на стол лошадиный череп и

махнув указкой в сторону пустого места, — сидел на этом табурете одиннадцать лет. Без него нам будет очень непривычно!

Вечные студенты образовывали тесный счастливый кружок и значительную часть дня играли в покер на крышке рояля в комнате отдыха. Кстати, среди них не было ни одного с шотландского севера или гор. Эти последние посещали все лекции, снимали комнатухи в трущобах Глазго, питались овсянкой и селедкой, а в конце года получали медали.

Поскольку наше образование сосредоточивалось главным образом на лошадях, нас приобщали к тонкостям обращения с ними, в частности к принципам верховой езды. Раз в неделю наш класс отправлялся в Мотеруэлл, где мы скакали по лугу на всевозможных клячах, устремлялись в кавалерийскую атаку по узким переулкам между сталелитейными заводами и мешали уличному движению. Мало кто из нас до колледжа хоть раз сидел в седле, но никакой предварительной подготовки не полагалось, а потому мы постоянно грохались на землю и, если ударялись о нее непокрытой головой, нередко получали сотрясение мозга. Сам я на несколько дней лишился памяти, и мои родители опасались, как бы я не забыл все, чему успел научиться.

В анатомической лаборатории вскрывали мы, конечно, почти только лошадей, и тот же принцип главенствовал в изучении «материя медика» — дисциплины поистине необъятной и сложной, охватывающей действие и применение всех лекарственных препаратов, употребляемых для лечения животных. Теперь предмет этот называется фармакологией и рассматривает главным образом антибиотики, сульфаты и стероиды. Но в моих учебниках тридцатых годов о них не было ни слова. Ведь их еще не открыли. Вместо них, осторожно листая страницы и извлекая на свет цветы, засушенные моей дочуркой тридцать лет назад, я вижу почти бесконечный список медикаментов, полностью вышедших из употребления. Щелочи, Металлы, Неметаллические Элементы, Кислоты, Углерод и его Производные, Растительное Царство, и под каждым заголовком — устрашающее перечисление лекарств с их латинскими названиями и описанием воздействия на лошадь, затем на рогатый скот, потом на овцу, свинью и в заключение — на собаку.

Врачам, лечащим людей, требовалось заучить только одну дозировку, а ветеринару — пять. И в том же иерархическом порядке, запечатленном в моем древнем учебнике. Все та же гнетущая литания: лошадь, корова, овца, свинья, собака.

Но в общей атмосфере колледжа ничего гнетущего не было. Только беззаботная непринужденность. Казалось, никого не интересует, посещаем мы лекции или нет. Это практически предоставлялось на наше усмотрение. И многие предпочитали дуться в карты на рояле, а если все-таки шли на лекцию, то продолжали игру там. По временам звяканье монет в заднем ряду заглушало монотонное бормотание преподавателя.

Боюсь, мы сильно допекали бедных стариков — кричали, хохотали, швырялись разными предметами, подстраивали друг другу всякие пакости. Старичок, читавший нам гистологию, был глух как пень, но, видимо, нисколько об этом не жалел, безмятежно бормоча лекцию посреди содома и гоморры.

Мне все это казалось изумительным, особенно после моих суровых

школьных дней, и очень скоро я радостно усвоил новые привычки. Старожилы у рояля охотно принимали в свой круг новичков, я быстро присоединился к ним и не замедлил открыть, что покер — увлекательнейшее времяпрепровождение. Беда была лишь в том, что я постоянно проигрывал. И хуже того — влез в долги. Завороженный игрой, я, когда спустил деньги, выдававшиеся мне на обед и проезд, начал играть на слово и вскоре обнаружил, что задолжал всем по несколько шиллингов, а платить нечем.

Замученный угрызениями совести, я взвесил свое положение. В шестнадцать лет я еще хорошо помнил назидательные повести моего детства — «Эрик, или мало-помалу», «Приключения золотых часов». В них рассказывалось о страшной судьбе мальчика, который падал все ниже и ниже, играя в карты на деньги и предаваясь другим порокам. И все это относилось непосредственно ко мне: не я ли плачу черной неблагодарностью моим труженникам-родителям, попусту растрачивая юность у рояля?! Я отказался от карт и ввел для себя режим строжайшей экономии. Часть дороги до колледжа проходил пешком, сберегая плату за проезд на автобусе и трамвае, а обедал неудобоваримым куском теста, который в нашем буфете именовался яблочным пирогом и успешно отбивал у меня аппетит до самого вечера. В конце концов я сумел расплатиться с моими кредиторами, которые, когда я раздавал причитающиеся с меня шиллинги, словно бы удивлялись и почему-то посмеивались. Их чувства наиболее афористично выразил, пожалуй, дюжий уроженец Глазго, опуская в карман причитавшиеся ему монеты.

— Карточные долги платишь! — сказал он сквозь смех. — Ну ты плохо кончишь!

В карточной игре я больше никогда участия не принимал, но остался усердным зрителем. Эти добродушные бездельники, ветераны тысячи проваленных экзаменов, внушали мне теплую привязанность, и я вспоминаю их с нежностью, потому что теперь таких уже не найти. И мне становилось грустно, что с каждым годом в колледже ряды их рedeют. Несколько стали коммивояжерами, торгующими последней технической новинкой — пылесосами, и я часто спрашивал себя, как-то устроилась их жизнь. У Макалуна, старейшего из них, все вроде бы шло отлично — я всегда по-дружески махал ему, когда он регулировал движение на Джордж-Кроссе.

Как я уже говорил, преподавание в старом колледже часто походило на анекдот, да и вся учебная программа была по сути средневековой, однако имелись и свои светлые стороны. Мы проходили большую практику. Собственной клиники у колледжа не было, а потому мы наблюдали работу ветеринара в обычных условиях. Попросту говоря, весь последний год у нас была только одна утренняя лекция, а все остальное время мы проводили с кем-нибудь из местных ветеринаров. И вот в этом реальном мире было очень мало лошадей и очень много собак.

Мне повезло. Я был практикантом у Доналда Кэмпбелла в Ратерглене, прекрасного человека и выдающегося ветеринара; однако при моем интересе к собакам главной моей удачей явилась возможность поработать в приемной великого Уайперса в самом сердце города. Билл Уайперс (теперь сэра Уайперса), впоследствии декан нового ветеринарного факультета Университета Глазго, на много лет опережал свое время. Он начал лечить только мелких животных и поднял свою практику на уровень, в то время неслы-

ханный. Человек блестящих способностей, большого личного обаяния, наделенный неумной энергией, он вызывал у своих студентов буквально поклонение. Ну а я был совершенно очарован. Весь день только собаки и кошки! А когда я увидел великолепную операционную, первоклассные хирургические методики, рентгеновский аппарат и лабораторию, где производились анализы крови, бактериологические и разные другие, у меня осталась только одна мысль: когда-нибудь и у меня будет то же!

Такое накопление практического опыта имело огромное значение, но в те старые дни было еще одно преимущество перед нынешними: закон тогда не запрещал студентам ветеринарных колледжей работать самостоятельно. Некоторые из нас помогали местным ветеринарам по субботам и воскресеньям, и в возрасте девятнадцати лет я даже замещал ветеринара в течение двух недель. Он уехал отдыхать, а свою практику поручил мне, желторотому студенту. Длительность эти две недели целую вечность, но принесли мне большую пользу.

Было удивительно приятно применять свои знания на практике: ведь в колледже мы тоже кое-чему научились. Например, по-настоящему постигли патологию. Об этом позаботился грозный профессор Эмзли. Он был не дряхлым практиком, а динамичным ученым в расцвете лет, обожал свой предмет и умел наводить благоговейный страх. Дюжего сложения, с густыми черными бровями и пронзительными глазами, он умирал любого из нас одним взглядом. Разнузданные молодчики, бушевавшие на лекциях бедных старичков, в присутствии Эмзли становились пугливыми мышками. И он обучил нас патологии. Жгучими насмешками, жуткими вспышками гнева он вбил ее в наши головы.

Я дрожал перед ним, как и все остальные, но остался навеки ему благодарен, потому что патология лежит в основе любого лечения животных: и в те первые дни, когда я осматривал животных с пневмонией, почечными или сердечными явлениями и старался понять, что за ними кроется, она словно снимала повязку с моих глаз.

Когда я получил диплом и вышел из дверей колледжа в последний раз, меня охватило чувство огромной потери, ощущение, что навсегда ушло в прошлое что-то очень хорошее. В этом ветхом старом здании я провел несколько счастливых лет, и хотя то, чему меня там учили, во многом устарело уже тогда и в моих знаниях было много пробелов, время, проведенное там, было таким беззаботным и радостным, что оно живет в моей памяти, овеянное золотой дымкой.

Когда много лет спустя я провожал моего сына Джимми в Йорк, где ему предстояло начать новую жизнь студента-ветеринара, я сказал ему в дверях вагона:

— Повеселись хорошенько!

Я знаю, он сполна последовал моему совету, но все-таки получить от этих лет больше радости, чем получил я, наверное, не дано никому.

С дипломом в кармане я вышел теперь в широкий мир, но скоро убедился, что мир этот очень холоден и суров. Все годы занятий я словно бы носил шоры и по-прежнему верил в свою мальчишескую мечту. Мысленно я все еще был облачен в белоснежный халат или, окруженный хирургическими сестрами, склонялся над ярко освещенным операционным столом. И я не

видел никаких помех для моих честолюбивых устремлений. Для начала найду место помощника ветеринара, работающего с мелкими животными, наберусь опыта, накоплю денег и стану партнером, а то и вывешу дощечку с моей фамилией где-нибудь в Глазго. Будущее мне улыбалось — мир кишел собаками, ждущими только меня.

Но теперь я столкнулся с безжалостной реальностью. Экономическая депрессия тридцатых годов все еще тяготела над нашей профессией, как черный туман, и найти хоть какое-нибудь место представлялось почти невозможным. На каждую вакансию, о которой сообщалось в «Ветеринари рекорд», находилось восемьдесят желающих, а те немногие, кому повезло, получали нищенское жалованье. Квалифицированные ветеринары работали за тридцать шиллингов в неделю, кров и стол; в колонке «ищу работу» нередко, нагоняя ужас, значилось: «согласен работать только за содержание». Вновь и вновь там мелькала эта фраза — вопль тех, кто, подобно мне, был готов на все, лишь бы не сидеть на шее у родителей.

Мои коллеги устраивались продавцами в магазины или на верфи, и я уже совсем отчаялся, когда, наконец, получил приглашение приехать в городок среди Йоркширских холмов для личного знакомства. Место осталось за мной, и я не мог поверить в свою удачу. Это было спасение! Но в мою радость вторгалась грустная мыслишка: практика была сельская, и работать мне предстояло с лошадьми, коровами, овцами и свиньями. А как же моя мечта?

Но у меня не было времени на подобные размышления, и видение юного ветеринара в белоснежном халате в стерильной приемной скоро исчезло в небытие. Я работал в резиновых сапогах, голый по пояс, шлепал по грязи и навозу, справлялся с могучими животными. Мне отдавливали ноги, меня брыкали, лягали, швыряли наземь. Городской мальчишка, внезапно перенесенный в глухой сельский уголок со своими нравами и обычаями, я был неумелым пловцом, отчаянно барахтавшимся, чтобы не утонуть. Я все время сознавал, что я чужак и должен завоевать уважение фермеров, которые всю жизнь проводили на скотном дворе и нередко относились весьма кисло к тому, что они называли «книжностью». Дел у меня было сверх головы.

Однако в этой круговерти таилось свое очарование. Я все время работал под открытым небом, дышал чистейшим воздухом, а окружала меня природа, тем более покоряющая, что ничего подобного я не ожидал. Меня удивляло, что прежде я даже не слышал про Йоркшир. Величавые зеленые холмы, вздымающиеся высоко в небо над журчащими по гальке речушками, и серые деревушки, воздушные просторы пустошей и катящиеся по ним волны лилового вереска. Я ненароком очутился в волшебном краю, видимо никем еще не открытом — ведь часто я бывал совсем один среди этих диких холмов. Они дарили волнующее ощущение безлюдия, близости к первозданной природе, и я понял, что судьба, сделав из меня сельского ветеринара вместо собачьего доктора, компенсировала это самым чудесным образом.

С каждым месяцем это чувство все больше переходило в глубокое убеждение: я создан для такой жизни и никогда не вернусь в большой город.

Жаль, конечно, что моя мечта не осуществится — я так долго ее лелеял! Я постарался забыть о ней, но потом мало-помалу осознал, что и здесь вокруг меня собак предостаточно — очаровательнейший их мирок среди де-

ревушек, разбросанных по холмам. Люди и здесь любят своих четвероногих друзей не меньше, чем в городе. Конечно, пациентов для меня среди них будет меньше, но вполне достаточно для приятных передышек в работе с крупными животными. И к моему удивлению, я обнаружил, что мои услуги в этой области нужны, что их ищут. Причина главным образом заключалась в том, что суровые сельские ветеринары той поры, специализировавшиеся на лошадях и коровах, считали ниже своего достоинства снисходить до собак и кошек. Помню, как один такой зубр, когда я начал рассказывать об интересной операции, спасшей собаку, презрительно посмотрел на меня, буркнул:

— Такая мелочь не для ветеринара!

Но для меня собаки мелочью не были. Наоборот. К тому же оказалось, что мой патрон (а потом мой партнер) был убежденным лошадиником и все вызовы к лошадям забирал себе, оставляя собак и кошек на мое усмотрение. И в результате через год-два у меня образовалась собственная практика — работа с мелкими животными, и клиенты приезжали в наш городок издалека, ища помощи ветеринара, который не отказывался лечить их любимцев.

Эта часть моих обязанностей радовала, словно яркая нитка в суровой холстине будничной жизни. Работа с крупными животными нелегка и сейчас, но полвека назад она была гораздо тяжелее, когда в нашем распоряжении не было ни современных препаратов, ни металлических станков, ни транквилизаторов. Я был молод, полон сил и не без удовольствия справлялся со всякими трудностями, но тем не менее каким блаженством было оставить на время грязь, холод, могучих бунтующих животных и в уютной гостиной заняться осмотром и лечением милого, ласкового, а главное — такого маленького создания!

Нет, это не походило на мечту моего детства — ни белоснежного халата, ни хирургических сестер. Вместо этого в моей памяти всплывает желтый лабрадор со сломанной ногой, которого я анестезирую на полу деревенской почты, щенки, которых я принимаю в темном углу хлева, всевозможные операции на кухонных столах и гладильных досках в одиноких домишках среди пустошей. Поскольку девяносто девять процентов моего рабочего времени занимали поездки по вызовам на фермы, я не мог выделить определенные часы для приема, а потому пациентов ко мне приводили в расчете застать меня дома — то есть в обеденное время или рано утром. И моей жене часто приходилось оставлять свою стряпню, чтобы держать сопротивляющуюся собаку или кошку.

Да, реальность мало походила на мальчишеские грезы, однако у нее перед ними было одно несравненное преимущество: эта сторона моей практики никогда не достигала таких размеров, чтобы стать обезличенной. В городе через приемную проходит нескончаемый поток собак и ветеринар физически не в состоянии воспринимать их индивидуально. Со мной же такого не бывало никогда. Пусть мои пациенты обитали далеко друг от друга, я знал кличку каждого, помнил все их заболевания и, проезжая по деревенской улице, всегда с радостью узнавал их, лишний раз убеждаясь, что они совсем здоровы.

С течением времени в нашей практике, как и вообще в сельской практике, наступили изменения. Теперь люди держат гораздо больше собак, кошек

и других домашних любимцев, и пятьдесят процентов наших пациентов составляют мелкие животные. Мы обзавелись операционной, рентгеновским аппаратом и приемными, о которых я мечтал мальчишкой. Ну и, разумеется, в моем распоряжении имеются все новейшие препараты. Для меня, как и для всех ветеринаров, особенно приятно чувствовать, насколько больше у нас теперь возможностей спасти больное животное.

Я знаю, что не ошибся в выборе профессии, потому что одно появление у нас в приемной собак и кошек приводит меня в хорошее настроение. Помимо чисто медицинских аспектов, для любителя животных всегда удовольствие — просто наблюдать индивидуальные характеры четвероногих друзей человека. А всякий ветеринар уже любитель животных, иначе он не пошел бы в ветеринары. Бытует мнение, будто пациенты вызывают у нас часто клинический интерес, но это не так. Наша профессия требует сердца.

О чем и свидетельствует наше отношение к собственным четвероногим друзьям; я нередко замечал в самых, казалось бы, крутых моих коллегах просто безграничную нежность. И я со своими собаками сентиментальнее, чем самая мягкосердечная старушка, и надо сказать, эта черта облегчала мне разговоры с клиентами. Ведь многие люди стесняются показать ветеринару, как им дорога их собака, как они за нее тревожатся, как горюют, когда слишком короткий собачий век подходит к концу. Но со мной им не надо смущаться. Как поется в старой песне: «Мне ничего не говорите, я знаю сам».

Оглядываясь назад, я понимаю, насколько судьба меня щадила. Тот, кто приобретает собаку, не должен забывать, что живет она недолго и впереди ждет неизбежное горе, а мне профессионально довелось видеть множество маленьких трагедий, когда и без того короткую жизнь жестоко обрывает болезнь или несчастный случай. Но все мои собаки умирали в глубокой старости, и, хотя разлука, пожалуй, была тем тяжелее, меня все-таки утешает мысль, что мне удавалось помочь им прожить так долго.

Я часто вспоминаю их всех, их такие разные характеры, счастье, которое они мне доставляли.

Ирландский сеттер, красавец, с которым я подростком бродил по шотландским холмам; белая дворняжка, чьи разнообразные предки не поддавались установлению, отличавшаяся редкой смышленостью и непредсказуемостью; мой любимый бигль, чьи большие добрые глаза все еще словно смотрят на меня с праздничных открыток. А потом настал черед Гектора и Дэна.

Мою книгу «И ветеринары летают» я посвятил «моим собакам Гектору и Дэну, моим верным спутникам». Да они и были такими. Их жизнь была моей. Каждое утро после завтрака они мчались на улицу и прыгали в машину, готовые приступить к дневным трудам. Гектор был джек-расселл-терьером, а Дэн — черным лабрадором, и вместе они являли интересный контраст бойкости и достоинства.

Гектор был старше на два года. Когда умер мой бигль, я последовал совету, который много раз давал своим клиентам: немедленно завести новую собаку. Сутки я безрезультатно наводил справки, а затем обнаружил в вечерней газете объявление о продаже щенков джек-расселла. По странному стечению обстоятельств я за несколько дней перед тем разговаривал с

одним моим другом, и он посоветовал мне никогда не заводить джек-расселла. «Чертовы кусаки! — сказал он. — Оттяпают у тебя палец, и оглянуться не успеешь!» Мне и самому приходилось иметь в приемной дело с весьма самостоятельными представителями этой породы, и я пришел к выводу, что с дарроубийскими джек-расселлами ухо надо держать востро.

Тем не менее я поехал на ферму по объявлению и попросил показать мне щенков. Пятеро семинедельных собачат окружали мать. Четверо поглядели на меня с полным равнодушием, но пятый подбежал, виляя обрубленным хвостиком, и бурно облизал мне руку.

— Я возьму этого, — сказал я. Так началась наша пятнадцатилетняя дружба с Гектором.

Он оказался добрейшим существом, собакой, которая любила всех людей и всех других собак. И все влюблялись в него с первого взгляда, а он был открыт взглядам практически всех обитателей Дарроуби и окрестностей, потому что в те дни я ездил в машине с открытым верхом. Когда я приезжал на ферму, ребяташки неслись погладить ласкового песика, выглядывающего из автомобиля. А их родители поражались такому чуду, как дружелюбный джек-расселл-терьер. И вновь и вновь я слышал:

— Какой молодец! А нельзя его повязать с моей сукой?

С каждым годом слава Гектора как производителя росла, и он стал отцом множества веселых ласковых щенят. А эти щенята со временем тоже обзаводились потомством, неизменно наследовавшим натуру Гектора. Круг все ширился, и не будет преувеличением сказать, что Гектор единолично изменил характер джек-расселлов во всем краю.

Даже теперь, много лет спустя после его смерти, у меня сердце радуется, когда в нашу приемную входят точные подобию Гектора. У него были необычно длинная заостренная морда, поджарое туловище и классические кривые лапы; и порой потомки его потомков с такой ясностью воскрешают в моей памяти наши с ним счастливые годы, что на минуту меня охватывает грусть.

Дэна ко мне привел случай. Когда мой сын Джимми получил диплом ветеринара, он к тому же получил много разных подарков от близких и друзей. Один мой коллега преподнес ему пять фунтов, и на эти деньги он купил щенка черного лабрадора, которого нарек Дэном. Свою карьеру Джимми начал помощником знаменитого Эдди Стрейтона, ветеринара, ведущего телепередачи, и Дэн днем и ночью сопровождал его на вызовы.

Когда Джимми начал работать с нами, он привез Дэна, и у нас в доме появились две собаки. Между ними сразу же возникла дружба — Гектор запрыгал вокруг, нежно покусывая ноги большого пса, а Дэн с удовольствием позволял ему это.

Дэн был удивительно красив: благородная голова, безмятежное выражение глаз и глянцевая черная шерсть, какую редко увидишь. Джимми утверждал, что особым глянцем она обязана огромному количеству молока, которое Дэну выпивал у Стрейтона: в клинике Эдди было много кошек, и Дэну бесцеремонно вылакивал содержимое их мисочек. Мне страшно нравилось смотреть, как он бежит за брошенной палкой, на игру его мышц под блестящей шерстью. Для него же это было наивысшим удовольствием, и теперь я вспоминаю его именно таким.

Когда Джимми женился и переехал от нас, Дэна он оставил мне, зная,

как я к нему привязался. Он пожалел и меня, и Гектора. А я утешался мыслью, что его новый дом всего в миле от нас, что он по-прежнему работает со мной и, значит, будет видаться с Дэном каждый день. Джимми купил себе суку ланкаширского хилера, а после вязки оставил одного щенка, так что в поездках его сопровождали Софи и Хлоя.

Для меня же настала эра, которую я мысленно называю временем Гектора и Дэна. Для деревенского ветеринара, жизнь которого в значительной мере проходит на шоссе и проселках, очень нужны такие спутники. Устраивались они в машине всегда одинаково. Дэн вытягивался на сиденье и клал голову мне на колено, а Гектор выглядывал в ветровое стекло, упираясь лапами в мою руку на рычаге переключения скоростей. Дэна совершенно не интересовало, что происходит снаружи, Гектор же старался ничего не упустить. Когда я переключал скорость, голова у него подпрыгивала, но лапы с моей руки не соскальзывали.

Мою жизнь украшала возможность иногда делать перерывы между визитами, а поскольку край этот словно создан для прогулок с собаками, перерывы эти обретали особое значение. Как я сочувствую владельцам собак, живущим в больших городах! Сколько трудностей и помех приходится им преодолевать! А я гулял по зеленым тропкам на вершинах холмов и среди вереска. Их было неисчислимое множество — таких мягких под ногами и лапами, свободных от людей, машин и шума, уединенных, дышащих покоем.

Всякий раз, когда я мог остановить машину и выйти в безмятежный мир, это было нежданной радостью. Несколько секунд — и я погружался в красоту Йоркшира, в море солнечного света и хрустального воздуха, а два моих спутника радостно бежали впереди. Счастливые собаки, думал я. И какой счастливец я!

Во время таких прогулок Дэну обязательно требовалось нести палку. Без палки в пасти он чувствовал себя неудобно, а так как гуляли мы обычно на вершинах безлесых холмов, где отыскать что-нибудь подходящее было нелегко, он безутешно рыскал вокруг. Иногда я отламывал для него крепкий стебель вереска, но такую замену он принимал без особой охоты. Ему требовалась не просто ветка, но обязательно палка, причем большая, и очень скоро я уже возил в багажнике порядочный их запас.

Как-то фермер, заглядывавший через мое плечо, пока я выуживал из багажника резиновые сапоги и шприц, с недоумением уставился на крепкие сучья, примостившиеся среди флаконов и бутылей.

— Какого черта вы с собой дрова возите? — спросил он.

Гектора палки сами по себе не слишком интересовали, однако он обожал вцепляться в палку Дэна и вырывать ее. Начиналось настоящее перетягивание каната, и меня очень забавляло различие в поведении собак. Гектор входил в настоящий раж — буквально повисал на палке со всем упорством терьера и яростно рычал, когда его мотало из стороны в сторону. Ничего другого для него в такие минуты не существовало, но для Дэна это была просто игра, приятное развлечение, и, крепко держа палку, он то и дело поглядывал на меня, словно спрашивал: «Ловко это я, а?».

Таскал он палку по многу миль, и первым симптомом наступающего одряхления стали случаи, когда он возвращался с прогулок без палки. Я понял тогда, что с ним что-то очень неладно. И еще: старея, он перестал требовать большие палки, предпочитая теперь все более легкие.

На суперобложке моей книги «Йоркшир Джеймса Хэрриота» есть фотография — Дэн смотрит на меня. Тогда он был уже стар и прошел год после смерти Гектора. Взгляд его устремлен на что-то у меня в руке. На маленькую ветку...

То же ощущение замкнувшегося круга возникает у меня, когда я смотрю на Боди, мою нынешнюю собаку. Это бордер-терьер, а я собирался завести бордер-терьера со времени своего приезда в Йоркшир, почти пятьдесят лет назад.

У Зигфрида был тогда партнер в Либерне. Фрэнк Бингем. Я ездил к нему несколько раз в неделю помогать с проверкой коров на туберкулез. И стоило мне войти в дом, как Тоби, маленький бордер-терьер Фрэнка, подбегал ко мне, валился на спину и поглядывал в ожидании, чтобы я почесал ему живот. Мне всегда нравились маленькие собаки, которые вот так ложатся на спину — по-моему, это вернейший признак ласкового характера, — и я просто влюбился в Тоби. Не говоря уж о том, что его мохнатая мордочка, увенчанная маленькими черными ушками, была удивительно симпатичной.

— Когда-нибудь я заведу себе бордера, — говорил я Фрэнку.

Говорил я это еще очень многим, и в первую очередь себе. И так из года в год. Но когда я терял какую-нибудь из своих собак, щенков этой породы нигде не оказывалось. Когда я потерял Гектора и через год Дэна, меня, вероятно, это оглушило, так как я не последовал своей же рекомендации и не взял сразу новую собаку. Может быть, у меня было ощущение, что этих двоих мне никто не заменит. Они, такие непохожие, составляли чудеснейшую пару и более чем удовлетворяли мою потребность в четвероногих друзьях. К тому же мне тогда было уже сильно за шестьдесят, я труднее переносил утрату и был совсем не уверен, что смогу привязаться к другой собаке, как был привязан к ним.

Несколько месяцев я словно пребывал в пустоте — единственное время на моей памяти, когда у меня не было собаки, — и мои прогулки утратили бы всякую прелесть, если бы моя дочь Роза, жившая рядом с нами, не обзавелась чудесным щенком желтого лабрадора. Она назвала маленькую сучку Полли, и, к большому моей радости, я обзавелся спутницей для прогулок. Но в машине, когда я отправлялся по вызовам, одиночество было таким тоскливым!

Как-то в воскресенье во время обеда прибежала Роза и воскликнула еще с порога:

— В «Дарлингтон энд Стоктон таймс» объявление о щенках бордер-терьера. Миссис Мейсон в Бидейле.

Меня как громом поразило: я готов был тут же помчаться в Бидейл, но, к моему большому изумлению, жена сказала:

— Этим щенкам (она заглянула в газету) восемь недель, и, значит, они родились где-то под Рождество. А ты ведь говорил, что раз уж мы прождали столько времени, то лучше дождаться весенних щенят.

— Да, конечно, — ответил я. — Но, Хелен, это же бордеры! Другого такого шанса нам может долго не предоставиться!

Она пожала плечами.

— Не сомневаюсь, если мы только будем терпеливы, то найдем щенка в наиболее подходящее время!

— Но... но... — Я обнаружил, что обращаюсь к спине Хелен, нагнувшейся над кастрюлей с картошкой.

— Через десять минут все будет готово, — сказала жена. — А пока вы с Розы можете немного погулять с Полли.

Когда мы вышли в переулок за домом, Розы повернулась ко мне:

— Ничего не понимаю! Мама же не меньше тебя хочет завести новую собаку, а тут ведь бордеры — то, чего вы ждали. Это же такая редкость! По-моему, очень жаль упустить их.

— Не упустим, — возразил я.

— То есть как? Ты же слышал, что она сказала!

Я снисходительно улыбнулся.

— Сколько раз твоя мать говорила, что насквозь меня видит и может заранее предсказать, что я сделаю?

— Да, но...

— Только она забывает, что и я ее вижу насквозь. Хочешь поспорим, что она уже передумала?

Розы подняла брови.

— Сомневаюсь. По-моему, она решила твердо.

Когда я открыл дверь, Хелен кончала говорить по телефону.

Она взволнованно обернулась ко мне.

— Я звонила миссис Мейсон. Остался всего один щенок, и посмотреть его едут люди откуда-то за восемьдесят миль. Нам надо торопиться. А вы еще так долго гуляли.

Наспех проглотив обед, Хелен, Розы, внучка Эмма и я поехали в Бидейл. Миссис Мейсон провела нас на кухню и кивнула на крохотное существо с темной полоской на спине, которое возилось под столом, как-то странно извиваясь.

— Вот он, — сказала она.

Я подхватил щеночка, и он свернулся у меня на ладонях, словно стараясь достать носом до хвоста. Но хвост этот бешено вилял, а розовый язычок щекотал мне пальцы. Я уже знал, что он наш еще до того, как проверил его прикус и пощупал, нет ли у него грыжи.

Мы тут же договорились с миссис Мейсон и вышли во двор познакомиться с матерью и бабушкой щенка. Конурами им служили две небольшие бочки. Обе выскочили навстречу и уперлись лапами нам в ноги, пыхтя от радости. Я окончательно успокоился. Сын и внук таких веселых и здоровых собак обещал быть во всех отношениях превосходным псом. Когда мы ехали обратно и Эмма бережно держала щенка в объятиях, я подумал, что круг действительно замкнулся: не прошло и пятидесяти лет, как я обзавелся бордер-терьером.

Много дней мы ломали голову, как его назвать, — спорили, приводили доводы и контрдоводы. В конце концов мы нарекли его Боди в честь одного из героев телевизионного сериала «Профессионалы», которого играет наш с Хелен любимый актер Льюис Коллинз. Позже мы познакомились с Льюисом и сначала побаивались признаться ему, что назвали свою собаку в его честь. Но он нисколько не возмутился, зная нас и понимая, какое важное место занимает Боди в нашей семье.

Мы с Хелен зажили с Боди очень счастливо. Нам страшно не хватало собаки в доме, и мы радовались, когда тягостная пустота заполнилась.

Удивительно, разумеется, что заполнило ее маленькое существо длиной около девяти дюймов, с волосатой мордочкой, подернутой легкой проседью, но Боди сотворил это чудо без малейших усилий. У Хелен вновь была собака, чтобы кормить ее и заботиться о ней в стенах дома, а у меня появился спутник в машине и в вечерних моих прогулках, хотя, правда, он был почти не виден на конце поводка.

Его первая встреча с Полли была грандиозным событием. Я упомянул о дружбе с первого взгляда между Гектором и Дэнном, с Боди случилось иное. Он влюбился.

Это не преувеличение. Полли стала — и остается по сей день — самым главным живым существом его мира. Она жила рядом, и он мог вести наблюдения за ее домом из окна нашей гостиной. Взволнованное твяканье оповещало нас, что его возлюбленная вышла в сад. К счастью для его душевного мира, он каждый день ходил гулять с ней, а по воскресеньям так и несколько раз. По мере того как он взрослел, стало ясно, что этот распорядок для него важнее всего на свете.

Однажды, когда ему уже исполнился год, я гулял с ним и его подругой по проселку. Они бежали впереди, и у меня в голове роились воспоминания — трусящие бок о бок благородный лабрадор-ретривер и жесткошерстный маленький терьер. Внезапно Полли схватила палку, Боди тут же вцепился в конец палки, и началось буйное перетягивание. Маленький бордер ворчал и рычал, сосредоточенно удерживая палку, а Полли посмотрела на меня смеющимися глазами. Мне померещилось, что передо мной Гектор и Дэн.

Когда Боди стал почти взрослым, я уже мог по достоинству оценить разные его свойства. Описание бордер-терьера в моей «Собачьей энциклопедии» включает такие определения, как «выносливый», «бесхитростный», «без фокусов». Однако красивым автор его не называет и даже считает своим долгом указать, что «он лишен особого изыска более модных терьеров». Отрицать это я не могу. Косматая, усатая мордочка Боди выглядит почти комично, но меня она покорила. И глядя на нее теперь, я думаю, до чего же она выразительна и какие глубины характера выражает!

«Энциклопедия» далее так определяет эту породу: «Предельно верны, с детьми ласковы». Опять-таки и то и другое абсолютно верно, однако Боди явно считает себя сильной личностью и в качестве таковой стесняется выражать свои чувства. Если я сижу на диване, он хлопнется рядом со мной чуть-чуть виновато, будто нечаянно, однако почти вплотную ко мне. И еще у него есть привычка тихонечко заползать у меня между ногами, когда я сижу за столом — обеденным или письменным. Вот и сейчас он пристроился так, а кресло вращающееся, и мне следует остерегаться резких поворотов.

Его влюбленность в Полли имеет то дурное следствие, что он стал безумно ревнив и без колебаний кидается на любого кобеля какого угодно роста, если заподозрит в нем потенциального ухажера. Начинается непотребная драка, и мне приходится приносить извинения рассерженному владельцу.

Подобные замашки — верх неразумия для такого малыша, поскольку противник обычно оказывается сильнее. Но он никогда не сдается. Не далее чем на прошлой неделе я снял швы с его плеча — памятку о схватке с

гигантской немецкой овчаркой нечистых кровей. Когда я кинулся оттащить Боди, богатырский пес уже крутил его в воздухе за лапу, но бордер, чья пасть была набита шерстью, все еще напрашивался на что-нибудь похуже.

Пусть он неразумен, но он очень смел. В «Энциклопедии» указывается, что долгие века этих маленьких терьеров в пограничной полосе между Англией и Шотландией использовали для охоты на лисиц, чем, возможно, объясняется бесстрашие Боди. Но как бы то ни было, отправляясь на прогулку с ним и Полли, я должен всякий раз внимательно осматривать горизонт.

Однако агрессивен он лишь избирательно, и с четвероногим прекрасным полом Боди — само обаяние: кружит возле красавиц, держа хвост торчком и ухмыляясь сквозь усы. А если они соглашаются поиграть с ним, он галантно терпит, как бы они ни опрокидывали и ни трепали его. Он весело подчиняется с глупой полуухмылкой на физиономии.

Странную манеру извиваться, которую я заметил, впервые его увидев, он сохранил и став взрослым. К человеку, которому он рад, Боди приближается бочком, по-крабьи, почти касаясь носом хвоста. Ничего подобного я ни у какой другой собаки не наблюдал.

Поскольку его непосредственным предшественником был Дэн, непослушание Боди производило особенное впечатление. Большой лабрадор, как почти все представители его породы, родился с желанием слушаться. Он все время озабоченно поглядывал на меня, томясь желанием выполнить какое-нибудь мое распоряжение, и даже ждал сигнала, чтобы забраться в машину или перейти из одной комнаты в другую. С Боди дело обстояло по-иному. После долгих усилий я все-таки научил его отзываться на такие простые команды, как «лежать!» или «ко мне!», но и их он выполняет не торопясь, а если занят в такую минуту чем-то интересным, то вообще не обращает на меня внимания. После того как я крикну раз десять, он, возможно, и взглянет с мягким недоумением. Это меня бесит — ведь люди считают, что собаки ветеринаров должны быть особенно благовоспитанными. Совсем недавно мой пятилетний сосед торжественно сообщил мне: «Ты всегда кричишь «Боди! Боди! Боди!», и я сильно опасаюсь, что мои отчаянные, далеко разносящиеся вокруг крики, успели стать непременным аккомпанементом быта нашего городка.

И все же... и все же... малыш обладает собственной особой харизмой, грубоватым обаянием, которое берет в плен всех владельцев бордеров. Породы эта редкая, я ловлю себя на том что, увидев бордер-терьера на улице, начинаю разглядывать его со жгучим интересом. И я отнюдь не исключение: хозяева их проявляют такой же замороженный интерес к Боди. Мы все словно члены тайного общества.

Летом я гулял с Боди у мотеля на полпути до Глазго, как вдруг человек, выезжавший со стоянки, высунул голову в окошко.

— Какой замечательный бордер! — крикнул он мне.

Я надулся от невероятной гордости.

— Да, а у вас тоже бордер? — отозвался я.

— Ну конечно! — Он помахал мне рукой и уехал, но его товарищеский привет остался со мной.

Другая греющая сердце встреча произошла во время нашего путешествия этой весной. Я загнал машину на автомобильную палубу парома, кото-

рый ходил между Обаном и островом Барра во Внешних Гебридах, и, вылезая из нее, заметил, что седовласый американец не спускает глаз с Боди, который вытянулся в своей любимой позе у заднего стекла.

Еще один поклонник этой породы. Он подробно рассказал мне о своем бордере. Выяснилось, что по ту сторону Атлантики они еще более редкие собаки — по его словам, в такой огромной стране ее разведением занимаются лишь три питомника. Прежде чем уйти, он снова и гораздо дольше созерцал заднее стекло моей машины.

— Ах, какие собаки! — наконец произнес он благоговейно.

Я ото всей души с ним согласился. Однако, когда я думаю о Боди, достоинства его породы меня не занимают. Греет меня и преисполняет благодарности мысль, что он более чем заполнил пустоту от потери любимых псов, которые были у меня до него. Еще одно подтверждение истины, которая должна служить утешением для всех владельцев собак: короткий собачий век не означает вечной тоски утраты — пустота заполнится, а чудесные воспоминания сохранятся.

Так было с моей семьей и Боди. Он нам дорог точно так же, как все его предшественники.

На этом я и закончу свое вступление. Начал я его, чтобы объяснить, каким образом коровий доктор мог написать книгу собачьих историй, а получилось что-то вроде писем, которые приходят ко мне от моих читателей со всех концов мира. Они рассказывают мне о своих собаках, об их забавных замашках, обо всем, что те проделывают, принося в дом радость. Рассказывают они и о своих горестях, своих печалях — короче говоря, обо всем, что так или иначе сопутствует тем, кто держит собак.

Пожалуй, я выбрал наиболее удобный способ ответить всем моим корреспондентам. Ведь это то, что довелось испытать мне.

1. Трики-Ву

На смену осени шла зима, на высокие вершины полосами лег первый снег, и теперь неудобства практики среди йоркширских холмов давали о себе знать все сильнее.

Часы за рулем, когда замерзшие ноги немели и переставали слушаться, сараи, куда надо было взбираться навстречу резкому ветру, гнувшему и рвавшему жесткую траву. Бесконечные раздевания в коровниках и хлевах, где гуляли сквозняки, ледяная вода в ведре, кусочек хозяйственного мыла, чтобы мыть руки и грудь, и частенько мешковина вместо полотенца.

Вот теперь я по-настоящему понял, что такое цыпки: когда работы было много, руки у меня все время оставались влажными, и мелкие красные трещинки добирались почти до локтей.

В такое время вызов к какому-нибудь домашнему любимцу был равносильен блаженной передышке. Забыть хоть ненадолго все эти зимние досады, войти вместо хлева в теплую элегантную гостиную и приступить к осмотру четвероногого, заметно менее внушительного, чем жеребец или племенной бык! А из всех этих уютных гостиных самой уютной была, пожалуй, гостиная миссис Памфри.

Миссис Памфри, пожилая вдова, унаследовала солидное состояние своего покойного мужа, пивного барона, чьи пивоварни и пивные были разбросаны по всему Йоркширу, а также прекрасный особняк на окраине Дарроуби. Там она жила в окружении большого штата слуг, садовника, шофера — и Трики-Ву. Трики-Ву был пекинесом и зеницей ока своей хозяйки.

Стоя теперь у величественных дверей, я украдкой обтирал носки ботинок о манжеты брюк и дул на замерзшие пальцы, а перед моими глазами проплывали картины глубокого кресла у пылающего камина, подноса с чайными сухариками, бутылки превосходного хереса. Из-за этого хереса я всегда старался наносить свои визиты ровно за полчаса до второго завтрака.

Мне открыла горничная, озарила меня улыбкой, как почетного гостя, и провела в комнату, заставленную дорогой мебелью. Повсюду, сверкая глянцевыми обложками, лежали иллюстрированные журналы и модные романы. Миссис Памфри в кресле с высокой спинкой у камина положила книгу и радостно позвала:

— Трики! Трики! Пришел твой дядя Хэрриот!

Я превратился в дядю в самом начале нашего знакомства и, почувствовав, какие перспективы сулит такое родство, не стал протестовать.

Трики, как всегда, соскочил со своей подушки, вспрыгнул на спинку дивана и положил лапки мне на плечо. Затем он принялся старательно вылизывать мое лицо, пока не утомился. А утомлялся он быстро, потому что получал, грубо говоря, вдвое больше еды, чем требуется собаке его размеров. Причем еды очень вредной.

— Ах, мистер Хэрриот, как я рада, что вы приехали, — сказала миссис Памфри, с тревогой поглядывая на своего любимца. — Трики опять плюх-попадет.

Этот термин, которого нет ни в одном ветеринарном справочнике, она сочинила, описывая симптомы закупорки околоанальных желез. В подобных случаях Трики показывал, что ему не по себе, внезапно садясь на землю во время прогулки, и его хозяйка в великом волнении мчалась к телефону: «Мистер Хэрриот, приезжайте скорее, он плюх-попадет!».

Я положил собаку на стол и, придавливая ваткой, очистил железы.

Я не мог понять, почему Трики всегда встречал меня с таким восторгом. Собака, способная питать теплые чувства к человеку, который при каждой встрече хватает ее и безжалостно давит ей под хвостом, должна обладать удивительной незлобивостью. Как бы то ни было, Трики никогда не сердился и вообще был на редкость приветливым песиком, да к тому же большим умницей, так что я искренне к нему привязался и ничего не имел против того, чтобы считаться его личным врачом.

Закончив операцию, я снял своего пациента со стола. Он заметно потяжелел, и ребра его обросли новым слоем жира.

— Миссис Памфри, вы опять его перекармливаете. Разве я не рекомендовал, чтобы вы давали ему побольше белковой пищи и перестали пичкать кексами и кремовыми пирожными?

— Да-да, мистер Хэрриот, — жалобно согласилась миссис Памфри. — Но что мне делать? Ему так надоели цыплята!

Я безнадежно пожал плечами и последовал за горничной в роскошную ванную, где всегда совершал ритуальное омовение рук после операции. Это была огромная комната с раковиной из зеленовато-голубого фаянса, полностью оснащенной туалетным столиком и рядами стеклянных полок, уставленных всевозможными флакончиками и баночками. Специальное гостевое полотенце уже ждало меня рядом с куском дорогого мыла.

Вернувшись в гостиную, я сел у камина с полной рюмкой хереса и приготовился слушать миссис Памфри. Беседой это назвать было нельзя, потому что говорила она одна, но я всегда узнавал что-нибудь интересное.

Миссис Памфри была приятной женщиной, не скупилась на благотворительные пожертвования и никогда не отказывала в помощи тем, кто в этой помощи нуждался. Она была неглупа, остроумна и обладала слобным обаянием, но у всех людей есть свои слабости, и ее слабостью был Трики-Ву.

Истории, которые она рассказывала о своем драгоценном песике, широко черпались в царстве фантазии, а потому я с удовольствием ожидал очередного выпуска.

— Ах, мистер Хэрриот, у меня для вас восхитительная новость! Трики завел друга по переписке! Да-да, он написал письмо редактору собачьего журнала с приложением чека и сообщил ему, что он, хотя и происходит из древнего рода китайских императоров, решил забыть о своей знатности и готов дружески общаться с простыми собаками. И он попросил редактора подобрать среди известных ему собак друга для переписки, чтобы они могли обмениваться письмами для взаимной пользы. Трики написал, что для этой цели он берет себе псевдоним «мистер Чепушист». И знаете, он получил от редактора очаровательный ответ (я без труда представил себе, как практичный человек уцепился за этот потенциальный клад!) и обещание познакомить его с Бонзо Фотерингемом, одиноким далматином, который счастлив будет переписываться с новым другом в Йоркшире.

Я прихлебывал херес. Трики похрапывал у меня на коленях. А миссис Памфри продолжала:

— Но у меня такое разочарование с новым летним павильоном! Вы ведь знаете, я строила его специально для Трики, чтобы мы могли вместе сидеть там в жаркие дни. Это прелестная сельская беседка, но он чрезвычайно ее невзлюбил. Просто питает к ней отвращение и наотрез отказывается войти в нее. Видели бы вы ужасное выражение его мордашки, когда он смотрит на нее. И знаете, как он вчера ее назвал? Мне просто неловко это вам повторить! — Миссис Памфри оглянулась по сторонам, потом наклонилась ко мне и прошептала: — Он назвал ее «навозной дырой»!

Горничная помешала в камине и наполнила мою рюмку. Ветер швырнул в окно вихрь ледяной крупы. Вот это настоящая жизнь, подумал я и пригостовился слушать дальше.

— И я же не сказала вам, мистер Хэрриот! Трики вчера снова выиграл на скачках. Право же, он втихомолку изучает все сообщения о скаковых лошадях! Иначе как бы он мог так верно судить, в какой они форме? Ну вот, он посоветовал мне вчера поставить в Редкаре на Хитрого Парня в третьем заезде, и, как обычно, эта лошадь пришла первой. Он поставил шиллинг и получил девять!

Ставки эти всегда делались от имени Трики-Ву, и я с сочувствием представил себе, каково приходится местным букмекерам, задерганным, вечно меняющимся. В конце какого-нибудь тупичка появлялся плакат, призывающий аборигенов довериться Джо Даунсу и не тревожиться за свои денюжки. Несколько месяцев назад Джо балансировал на лезвии ножа, меряясь смекалкой с умудренными опытом горожанами. Однако конец всегда бывал один: несколько фаворитов приходили первыми один за другим, и Джо исчезал во тьме ночной, забрав с собой плакат. Как-то я заговорил с одним из старожилков об исчезновении очередного из этих злополучных кочевников. Он ответил с полным равнодушием:

— Так мы же его обчистили.

Безусловно, необходимость выплачивать звонкие шиллинги собаке была тяжким крестом для этих несчастных.

— Я так испугалась на прошлой неделе! — продолжала миссис Памфри. — И уже думала вызвать вас. Бедняжка Трики вдруг оприпался.

Мысленно я добавил этот новый собачий недуг к плюх-попанью и попросил объяснения.

— Это было ужасно. Я так испугалась! Садовник бросал Трики колечки. Вы ведь знаете, он бросает их по полчаса каждый день.

Я действительно несколько раз наблюдал эту сцену. Ходжкин, угрюмый сторбленный старик-йоркширец, который, судя по его виду, ненавидел всех собак, а Трики особенно, должен был каждый день стоять на лужайке и бросать небольшие резиновые кольца. Трики кидался за ними, приносил назад и бешено лаял, пока кольцо снова не взлетало в воздух. Игра продолжалась, и суровые морщины на лице старика становились все глубже, а губы, не переставая, шевелились, хотя расслышать то, что он бормотал, было невозможно.

— А Трики бегал за кольцами, — говорила миссис Памфри, — ведь он обожает эту игру, как вдруг без всякой причины он оприпадился. Забыл про кольца, стал кружить, твякать и лаять самым странным образом, а потом упал на бочок и вытянулся как мертвый. Вы знаете, мистер Хэрриот, я, право, подумала, что он умер — так неподвижно он лежал. Но меня особенно расстроило, что Ходжкин вдруг принялся смеяться! Он работает у меня уже двадцать четыре года, и я ни разу не видела, чтобы он хоть раз улыбнулся, и тем не менее едва он взглянул на это бедное неподвижное тельце, как разразился пронзительным хохотом. Это было ужасно! Я уже собралась бежать к телефону, но тут Трики вдруг встал и ушел. И выглядел совсем таким, как всегда.

Истерику, подумал я. Следствие перекармливания и перевозбуждения. Поставив рюмку, я строго посмотрел на миссис Памфри:

— Послушайте, ведь об этом я вас и предупреждал. Если вы по-прежнему будете пичкать Трики вреднейшими лакомствами, вы погубите его здоровье. Вы просто обязаны посадить его на разумную собачью диету и кормить его раз, от силы два в день, ограничиваясь очень небольшими порциями мяса с черным хлебом. Или немножко сухариков. А в промежутках — решительно ничего.

Миссис Памфри виновато съезжилась в кресле.

— Пожалуйста, пожалуйста, не браните меня. Я пытаюсь кормить его как полагается, но это так трудно! Когда он просит чего-нибудь вкусенького, у меня нет сил ему отказать! — Она прижала к глазам носовой платок, но я был неумолим.

— Что ж, миссис Памфри, дело ваше, но предупреждаю вас: если вы и дальше будете продолжать в этом же духе, Трики будет оприпадываться все чаще и чаще.

Я с неохотой покинул уютную гостиную и на усыпанной песком подъездной аллее оглянулся. Миссис Памфри махала мне, а Трики по обыкновению стоял на подоконнике, и его широкий рот был растянут так, словно он от души смеялся.

По дороге домой я размышлял о том, как приятно быть дядей Трики. Отправляясь отдыхать на море, он присылал мне ящики копченых сельдей, а когда в его теплицах созревали помидоры, каждую неделю преподносил мне фунт-другой. Жестянки табака прибывали регулярно, порсы с фотографией, снабженной нежной надписью.

Когда же на Рождество мне доставили огромную корзину всяких делика-

тесов от «Фортнема и Мейсона», я решил, что просто обязан слегка удобрить почву, приносящую столь великолепные плоды. До тех пор я ограничивался тем, что звонил миссис Памфри и благодарил ее за подарки, а она довольно холодно отвечала, что она тут ни при чем: все это посылает мне Трики, так его и нужно благодарить.

Заглянув в рождественскую корзину, я внезапно осознал, какую серьезную тактическую ошибку совершил, и тут же принялся сочинять письмо Трики. Старательно избегая сардонических взглядов, которые бросал на меня Зигфрид, я поблагодарил своего четвероного племянника за рождественский подарок и за былую его щедрость. Выразил надежду, что праздник не вызвал несварения его нежного желудка, и порекомендовал на всякий случай принять черный порошок, который ему всегда прописывает дядюшка. Сладостное видение селедок, помидоров и рождественских корзин заглушило смутное чувство профессионального стыда. Я адресовал конверт «мастеру Трики Памфри, Барлби-Грейндж» и бросил его в почтовый ящик лишь с легким смущением.

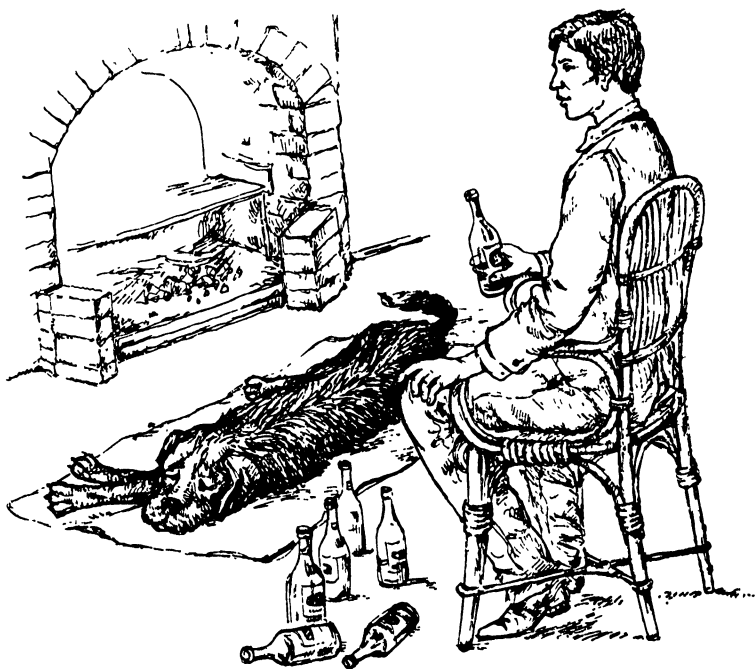
Когда я в следующий раз вошел в гостиную миссис Памфри, она отвела меня в сторону.

— Мистер Хэрриот, — зашептала она. — Трики пришел в восторг от вашего прелестного письма, но одно его очень расстроило: вы адресовали письмо «мастеру Трики», а он настаивает, чтобы его называли «мистером», как взрослого. Сперва он страшно оскорбился, был просто вне себя, но, когда увидел, что письмо от вас, сразу успокоился. Право, не понимаю, откуда у него такие капризы. Может быть, потому, что он — единственный. Я убеждена, что у единственных собачек легче возникают капризы, чем у тех, у кого есть братья и сестры.

Войдя в двери Скелдейл-Хауса, я словно вернулся в более холодный, более равнодушный мир. В коридоре со мной столкнулся Зигфрид.

— И кто же это приехал? Если не ошибаюсь, милейший дядюшка Хэрриот! И что же вы подельвали, дядюшка? Уж конечно, надрывались в Барлби-Грейндже. Бедняга, как же вы утомились! Неужто вы искренне верите, будто корзиночка с деликатесами к Рождеству стоит кровавых мозолей на ладонях?

Даже специалист по мелким животным, с какими бы оригиналами среди владельцев собак ему ни приходилось иметь дело, несомненно, выделил бы миссис Памфри. Мне же, имевшему дело главным образом с практичными фермерами и привыкшему работать в самых примитивных условиях, она казалась почти плодом моего воображения. Ее теплая гостиния необыкновенно скрашивала тяготы моего будничного существования, а Трики-Ву был милейшим пациентом. Маленький пекинес с его фантастическими недугами завоевал симпатии людей по всему миру, и я получал невероятное число писем с вопросами о нем. Он, все также плюх-попая, счастливо дожил до глубокой старости. Миссис Памфри скончалась в возрасте восьмидесяти восьми лет. Она принадлежала к тем немногим, кто узнал себя в моих рассказах, но я убежден, что они импонировали ее чувству юмора. Во всяком случае, когда я перестал писать о ней, она прислала мне письмо со следующими словами: «Таперича и смеяться-то прямо не над чем!». И я спрашиваю себя, а не посмеивалась ли она все время втихомолку?

2. Тристаново бдение

Я положил иглу на поднос и, отступив на шаг, обозрел заверченный труд.

— Конечно, не мне говорить, но вид очень и очень недурен.

Тристан нагнулся над бесчувственной собакой и критически оглядел аккуратный разрез и ровные стежки.

— Отлично, мой мальчик. Я бы и сам лучше не сшил.

Большой черный лабрадор мирно лежал на столе. Язык у него вывалился наружу, остекленевшие глаза ничего не видели. Его привезли из-за безобразной опухоли на ребрах. Она оказалась простой липомой, и я решил, что удалить ее будет несложно. И не ошибся. Опухоль вылучилась со смехотворной легкостью — круглая, целая, поблескивающая, точно облупленное круглое яйцо.

На месте безобразного нароста — этот изящно зашитый рубец, который через несколько недель станет совсем незаметным. Я был доволен собой.

— Оставим его здесь, пока он не очнется, — сказал я. — Помоги уложить его на одеяла.

Мы устроили пса поудобнее перед электрокамином, и я отправился по утренним вызовам.

Мы обедали, когда наш слух поразил на редкость странный звук — нечто среднее между стоном и воем. Возникал он негромко, достигал пронзительнейшего крещендо, затем пробегал всю гамму в обратном порядке и замирал.

Зигфрид, вздрогнув, оторвался от супа.

— Во имя всего святого, что это?

— Наверное, собака, которую я оперировал утром, — ответил я. — Иногда такое случается при ослаблении действия барбитуратов. Наверное, он скоро очнется.

Зигфрид посмотрел на меня с явным сомнением.

— Будем надеяться. Я долго не выдержу. У меня мурашки по коже бегают.

Мы пошли посмотреть на пса. Пульс хорошего наполнения, дыхание глубокое и ровное, слизистые нормального цвета. Он все еще лежал, неподвижно вытянувшись, и о том, что сознание должно было вот-вот вернуться к нему, свидетельствовал только вой, который теперь повторялся регулярно каждые десять секунд.

— Да, у него все в порядке, — сказал Зигфрид. — Но до чего же он пацокно воет! Пошли отсюда.

Обед был доеден поспешно и в полной тишине, если не считать непрерывного звукового сопровождения. Зигфрид вскочил, не дожидая последнего кусок.

— Ну, мне надо отправляться. Вызовов масса. Тристан, по-моему, собаку надо перенести в гостиную и уложить перед огнем. Так тебе проще будет за ним присматривать.

Глаза Тристана полезли на лоб.

— Ты хочешь, чтобы я весь день просидел здесь под эту музыку?

— Вот именно. Отослать его к хозяину, пока он не очнется, никак нельзя, и я не могу допустить, чтобы с ним что-нибудь случилось. Он нуждается во внимании и заботе.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я держал его за лапу или покатал в колясочке по рыночной площади?

— Избавь меня от дурацких остроумий! Будешь сидеть с собакой, и никаких разговоров!

Мы с Тристаном протащили тяжелого пса по коридору на одеялах, и я отправился по вызовам. Проходя по коридору, я посмотрел в открытую дверь на большое черное тело у камина и на Тристана, уныло поникшего в кресле. Вой не прекращался. Я поторопился закрыть дверь.

Когда я вернулся, уже стемнело, и старый дом возвышался надо мной, темный и безмолвный, на фоне холодного неба. Безмолвный-то безмолвный, но вой все еще отдавался эхом в коридоре, и жуткие его отголоски достигали даже пустынной улицы.

Захлопнув дверцу машины, я взглянул на свои часы. Шесть часов! Значит, Тристан наслаждается этим уже четыре часа. Я взбежал на крыльцо, пробежал по коридору, открыл дверь гостиной — и у меня застучало в висках. Тристан стоял спиной ко мне перед стеклянной дверью и смотрел в мглистый сад. Руки у него были глубоко засунуты в карманы, из ушей торчали клочки ваты.

— Ну как тут? — спросил я.

Он не ответил, и, подойдя к нему, я потрогал его за плечо. Эффект был потрясающим. Тристан взвился в воздух, извернулся штопором и уставился на меня.

— Господи помилуй, Джим! Ты меня чуть не угробил. Из-за этих черто-

вых затычек я ничего не слышу — кроме воя, естественно. Он всюду просочится.

Я опустил на колени рядом с лабрадором и осмотрел его. Все было в полном порядке, но, если не считать слабого глазного рефлекса, я не обнаружил никаких признаков скорого пробуждения. И все время через краткие промежутки раздавался пронзительный вой.

— Что-то он не спешит прийти в себя, — сказал я. — И так весь день?

— Именно, что так. Ни малейшего изменения. И не трать ты сочувствия на этого черта: дерет себе глотку, нежится у огня и знать ничего не знает. А мне каково? Слушаю его час за часом, все нервы мне истрепал. Еще немного, и придется тебе меня тоже усыпить. — Он запустил трясущиеся пальцы в волосы, а на щеке у него задергалась жилка.

Я взял его под руку.

— Пошли, тебе надо поесть. Сразу себя лучше почувствуешь.

Он, не сопротивляясь, позволил увести себя в столовую.

Зигфрид за чаем был в превосходной форме. Он лучился энергией и владел разговором, однако ни разу не упомянул о пронзительных вокализах, оглашавших дом. А вот Тристан явно не мог от них отключиться.

Когда мы поднялись, Зигфрид положил ладонь мне на плечо.

— Не забудьте, у нас сегодня заседание общества в Бротоне, Джеймс. Старик Ривз о заболеваниях овец — обычно он блестящ. Жаль, что ты не можешь поехать с нами, Тристан, но боюсь, тебе придется посидеть с собакой, пока она не очнется.

Тристан содрогнулся, как от удара.

— Нет, я больше не могу сидеть с этим чертовым псом! Я из-за него свихнусь!

— Боюсь, другого выхода нет. Джеймс или я подежурили бы около него, но нам нельзя пропустить заседание. Это произвело бы неблагоприятное впечатление.

Тристан, пошатываясь, вернулся в гостиную, а я надел пальто. На крыльце я остановился и прислушался. Пес выл по-прежнему.

Заседание общества прошло очень успешно. Проводилось оно в одном из роскошных отелей Бротона, и, как обычно, наиболее интересными были разговоры ветеринаров в баре после конца заседания. Испытываешь такое умиротворение, слушая рассказы о трудностях и ошибках своих коллег — особенно об ошибках.

Я развлекался тем, что старался угадать, о чем с таким оживлением беседуют те или иные группы, на которые разбились люди в переполненном помещении бара. Вот тот оратор вдруг нагнулся и сделал несколько рубящих движений ребром ладони — это он кастрировал стоящего жеребенка. А вон тот вытянул руку и шевелит пальцами — почти наверное, он помогает жеребящейся кобыле, корректирует положение передней ноги. И без малейших усилий. Как легки и просты самые сложные операции в теплом баре после двух-трех рюмочек!

Только в одиннадцать мы, наконец, разошлись по машинам и разъехались по своим уголкам Йоркшира — кто в большие промышленные города Уэст-Райдинга, кто в курортные городки на восточном побережье, а мы с Зигфридом весело возвращались по узкому шоссе, которое, извиваясь между каменными стенками, вело в Северные Пеннины.

Я виновато подумал, что все это время ни разу не вспомнил о Тристане и его бдени. А! Конечно же, его мучения уже позади и пес давно умолк. Но в Дарроуби, выпрыгнув из машины, я замер с поднятой ногой: из Скелдейл-Хауса донесся приглушенный вой. Не может быть! Время за полночь, а пес так и не очнулся? Ну а Тристан? Мне стало жутко при мысли, в каком состоянии я его найду. И дверь гостиной я отворил с содроганием.

Кресло Тристана выглядело островком в море пустых пивных бутылок. К стене был прислонен перевернутый ящик, а Тристан сидел выпрямившись, и вид у него был чрезвычайно серьезный. Я пробрался к нему, лавируя между бутылками.

— Очень было скверно, Трис? Как ты?

— Могло быть хуже, старина, могло быть хуже. Едва вы укатили, я сбегал к «Гуртовщикам» за ящиком пивка. Совсем другое дело! На третьей, а может, на четвертой чихать мне стало на псину — правду сказать, я ему подвывал уж не знаю сколько времени. Мы недурно скоротали вечерок. Да и вообще он уже приходит в себя. Видишь?

Пес поднял голову, глаза у него стали осмысленными. Вой прекратился. Я подошел, погладил его, и длинный черный хвост задергался в попытке дружески завилать.

— Так-то лучше, старичок, — сказал я. — Но уж теперь веди себя прилично. Дядюшка Тристан достаточно от тебя натерпелся!

Лабрадор, словно в ответ, тут же с трудом поднялся, сделал несколько неверных шагов и рухнул на бутылки.

В дверях возник Зигфрид и брезгливо посмотрел на Тристана, который все еще сидел очень прямо с торжественным выражением на лице, а потом перевел взгляд на барахтающегося среди бутылок пса.

— Во что ты превратил комнату? Неужели нельзя было обойтись без оргии? Ведь, кажется, ничего трудного от тебя не требовалось!

При звуке его голоса лабрадор кое-как встал на ноги и самоуверенно попытался подбежать к нему, поваливая при этом дрожащим хвостом. Далеко он не пробежал и снова плюхнулся на пол, а к ногам Зигфрида тихо подкатилась бутылка.

Зигфрид нагнулся и погладил глянцевитую черную голову.

— Милый, ласковый пес. И в нормальном состоянии, вероятно, очень хорош. Утром он совсем оправится, но вопрос в том, что с ним делать сейчас. Оставить его разгуливать здесь мы не можем — он того и гляди сломает ногу. — Зигфрид испепеляюще взглянул на Тристана, но тот и бровью не повел, а продолжал сидеть даже еще более прямо и неподвижно, точно прусский генерал. — Знаешь, заведи-ка его на ночь к себе в комнату. Нам совсем ни к чему, чтобы он себе что-нибудь повредил. Да, так будет лучше всего — он переночует у тебя.

— Благодарю тебя, от всего сердца благодарю, — произнес Тристан ровным голосом, по-прежнему глядя прямо перед собой.

Зигфрид несколько секунд шурился на него, потом отвернулся.

— Ну так уведи этот мусор, и пошли спать.

Наши с Тристаном комнаты соединялись дверью. Моя была большой, квадратной, с высоким потолком, камином с колонками и двумя изящными нишами по сторонам, как и в гостиной внизу. Ложась там спать, я всегда ощущал себя немного герцогом.

Комната Тристана прежде служила гардеробной. Была она длинной, узкой, и его скромная кровать застенчиво пряталась в дальнем ее конце. Ковра на ровных лакированных половицах не было, и я уложил пса на одеяла. Глядя сверху вниз на тонущее в подушке измученное лицо Тристана, я поспешил его успокоить:

— Он уже уснул, как младенец, и наверняка проспит до утра. Так что воспользуйся заслуженным отдыхом.

Я вернулся к себе, быстро разделся и нырнул в постель. Уснул я сразу же, а потому не знаю, когда именно за стеной поднялся шум. Во всяком случае, я внезапно проснулся, а в ушах у меня звенел гневный вопль. Понимались шуршание, глухой стук и новый отчаянный вопль Тристана.

Бежать в гардеробную у меня особого желания не возникало. Да и чем бы я помог? А потому только плотнее закутался в одеяло и прислушался. Потом задремал, но тут же очнулся от нового стука и нового крика за стеной. И опять, и опять.

Часа через два характер шума начал меняться. Лабрадор, видимо, преодолел слабость в ногах и принялся расхаживать по комнате: его когти выбивали веселую дробь по деревянному полу — цок-цок-цок, цок-цок-цок. И так без конца. Время от времени раздавался совсем осипший голос Тристана:

— Да прекрати же, Бога ради! Сидеть, чертова псина!

Видимо, я все-таки уснул, потому что, в очередной раз открыв глаза, увидел, что небо за окном посерело и в комнате довольно светло. Перевернувшись на спину, я прислушался. Постукивание когтей не умолкало, но теперь оно стало реже, словно лабрадор неторопливо прогуливался, а не метался слепо из одного конца комнаты в другой. Тристана слышно не было.

Я выбрался из-под одеяла, поеживаясь от ледяного воздуха, и натянул брюки с рубашкой. Пройдя на цыпочках к разъединяющей нас двери, приоткрыл ее — и чуть не упал от удара двух могучих лап, упершихся мне в грудь. Лабрадор страшно мне обрадовался. Он, видимо, совсем здесь освоился, красивые карие глаза весело блестели, и, разинув пасть в пыхтящей счастливой улыбке, он показал за двумя рядами сверкающих зубов безупречно розовый язык. Далеко внизу восторженно хлестал хвост.

— Ну что же, приятель, ты, кажется, ни на что не жалуешься, — сказал я. — Давай-ка посмотрим твой шов!

Я снял с груди жесткие лапы и проверил ровные стежки на ребрах. Ни отека, ни боли, никакой особой реакции.

— Чудесно! — воскликнул я. — Замечательно! Ты у нас как новенький. — Я шутливо шлепнул его, и он совсем зашелся от восторга, прыгая на меня и стараясь облизать всего с головы до ног.

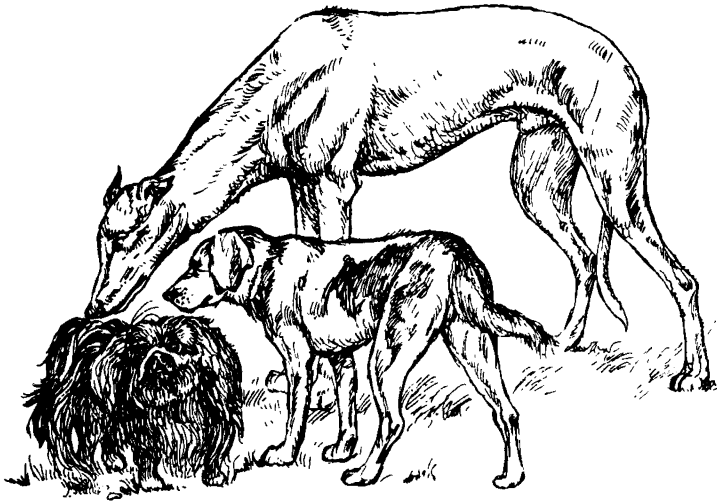
Пока я отбивался от него, с кровати донесся унылый стон. В сером утреннем свете Тристан выглядел ужасно. Он лежал на спине, обеими руками вцепившись в одеяло, и дико озирался.

— Я ни разу глаз не сомкнул, Джим, ни разу! — прошептал он. — У моего братца поразительное чувство юмора — заставить меня провести ночь с этой скотиной! И как же он порадует, когда услышит, что мне пришлось терпеть! Ты последи за ним — и держу пари на что хочешь, вид у него будет очень довольный.

Позднее, за завтраком, Зигфрид с большим сочувствием выслушал повесть о жуткой ночи, которую провел его брат, выразил ему свои сожаления и извинился за все хлопоты, которые ему доставил лабрадор. Но Тристан не ошибся: вид у него при этом был очень довольный.

Я все время подчеркиваю, что животные непредсказуемы. Собственно говоря, именно эта непредсказуемость лежит в основе большинства моих историй. Сюда же относятся и разнообразные реакции на анестезию. Насколько мне известно, люди в таких ситуациях начинают петь или сыплют непечальными выражениями. Этот пес просто выл, и, естественно, в моей памяти этот эпизод запечатлелся из-за участия в нем бедняги Тристана. Теперь мы оба любим посмеяться над подобными воспоминаниями. И рассказ этот будит во мне легкую ностальгическую грусть о временах, когда мы укладывали пациента у себя в гостиной или даже в спальне, чтобы не оставлять его без наблюдения. Мы все еще тешим себя мыслью, что не скупимся на личное внимание, однако я сомневаюсь, что способны повторить что-либо подобное.

3. Торжество хирургии

На этот раз Трики по-настоящему меня встревожил. Углядев его на улице с хозяйкой, я остановил машину, и от его вида мне стало нехорошо. Он очень разжирел и был теперь похож на колбасу с четырьмя лапками по углам. Из покрасневших глаз катились слезы. Высунув язык, он тяжело дышал.

Миссис Памфри поторопилась объяснить:

— Он стал таким апатичным, мистер Хэрриот. Таким вялым! Я решила, что он страдает от недоедания, и стала его немножко подкармливать, чтобы он окреп. Кроме обычной еды я в промежутках даю ему немного студня из телячьих ножек, толокна, рыбьего жира, а на ночь мисочку молочной смеси, чтобы он лучше спал, — ну сущие пустяки.

— А сладкое вы ему перестали давать, как я рекомендовал?

— Перестала, но он так ослабел, что я не могла не разжалобиться. Ведь он обожает кремовые пирожные и шоколад. У меня не хватает духу ему отказывать.

Я вновь поглядел на песика. Да, в этом и заключалась вся беда. Трики, к сожалению, был обжора. Ни разу в жизни он не отвернулся от мисочки и готов был есть днем и ночью. И я подумал, сколько миссис Памфри еще не упомянула — паштет на гренках, помадки, бисквитные торты... Трики ведь обожал и их.

— Вы хотя бы заставляете его бегать и играть?

— Ну, как вы видите, он выходит погулять со мной. А вот с кольцами он сейчас не играет, потому что у Ходжкина прострел.

— Я должен вас серьезно предупредить, — сказал я, стараясь придать голосу строгость. — Если вы сейчас же не посадите его на диету и не добьетесь, чтобы он много бегал и играл, ему не миновать опасной болезни. Не будьте малодушны и помните, что его спасение — голодная диета.

Миссис Памфри заломила руки.

— Непременно, непременно, мистер Хэрриот! Конечно, вы правы, но это так трудно, так трудно!

Я глядел, как они удаляются, и моя тревога росла. Трики еле ковылял в своей твидовой курточке. У него был полный гардероб курточек: теплые твидовые и шерстяные для холодной погоды, непромокаемые для сырой. Он кое-как брел, повисая на шлейке. Я уже не сомневался, что на днях миссис Памфри мне обязательно позвонит.

Так и произошло. Миссис Памфри была в полном отчаянии: Трики ничего не ест, отказывается даже от любимых лакомств, а кроме того, у него случаются припадки рвоты. Он лежит на коврик и тяжело дышит. Не хочет идти гулять. Ничего не хочет.

Я заранее обдумал свой план. Выход был один: на время забрать Трики из-под опеки хозяйки. И я сказал, что его необходимо госпитализировать на полмесяца для наблюдения.

Бедная миссис Памфри чуть не лишилась чувств. Она еще ни разу не расставалась со своим милым песиком. Он же зачахнет от тоски и умрет, если не будет видеть ее каждый день!

Но я был неумолим. Трики тяжело болен, и другого способа спасти его нет. Я даже решил забрать его немедленно и под причитания миссис Памфри направился к машине, неся на руках завернутого в одеяло песика.

Все слуги были подняты на ноги, горничные метались взад и вперед, складывая на заднее сиденье его дневную постельку, его ночную постельку, любимые подушки, игрушки, резиновые кольца, утреннюю мисочку, обеденную мисочку, вечернюю мисочку. Опасаясь, что в машине не хватит места, я включил скорость, и миссис Памфри с трагическим воплем только-только успела бросить в окно охапку курточек. Перед тем как свернуть за угол, я взглянул в зеркало заднего вида. И хозяйка, и горничные обливались слезами.

Отъехав на безопасное расстояние, я поглядел на бедную собачку, которая пыхтела на сиденье рядом со мной. Я погладил Трики по голове, и он мужественно попытался вильнуть хвостом.

— Совсем ты выдохся, старина, — сказал я. — Но, по-моему, я знаю, как тебя вылечить.

В приемной на меня хлынули наши собаки. Трики поглядел вниз на шумную свору тусклыми глазами, а когда я опустил его на пол, неподвижно растянулся на ковре. Собаки его обнюхали, пришли к выводу, что в нем нет ничего интересного, и перестали обращать на него внимание.

Я устроил ему постель в теплом стойле рядом с другими собаками. Два дня я приглядывал за ним, не давая есть, но пить разрешал сколько угодно. На исходе второго дня он уже проявлял некоторый интерес к окружающему, а на третий, услышав собачью возню во дворе, начал повизгивать.

Когда я открыл дверь, Трики рысцой выбежал наружу, и на него тут же накинулись грейхаунд Джо и остальная свора. Перевернув его на спину и тщательно обнюхав, собаки побежали по саду. Трики затрусил следом, переваливаясь на ходу из-за избытка жира, но с явным любопытством.

Ближе к вечеру я наблюдал кормление собак. Тристан плеснул им ужин в миски. Свора ринулась к ним, и послышалось торопливое хлюпанье. Каждый пес знал, что стоит отстать от приятелей — и остаток его обеда окажется в опасности.

Когда они кончили, Трики обследовал сверкающие миски и полизал дно одной или двух. На следующее утро и для него была поставлена миска, и я с удовольствием смотрел, как он к ней пробивается.

С этого момента он стремительно пошел на поправку. Никакому лечению я его не подвергал: он просто весь день напролет бегал с собаками и восторженно присоединялся к их играм, обнаружив, насколько это увлекательно, когда каждые несколько минут тебя опрокидывают, валяют и возят по земле. Несмотря на свою шелковистую шерсть и изящество, он стал законным членом этой косматой банды, как тигр, дрался за свою порцию во время кормежки, а по вечерам охотился на крыс в старом курятнике. В жизни он не проводил время так замечательно.

А миссис Памфри пребывала в состоянии неумолимой тревоги и по десять раз на дню звонила, чтобы получить последний бюллетень. Я ловко уклонялся от вопросов о том, достаточно ли часто проветриваются его подушки и достаточно ли теплая надета на нем курточка. Однако с чистой совестью мог сообщить, что опасность песику больше не грозит и он быстро выздоравливает.

Слово «выздоровливает», по-видимому, вызвало у миссис Памфри определенные ассоциации. Она начала ежедневно присылать Трики по дюжине свежайших яиц для восстановления сил. Несколько дней мы наслаждались двумя яйцами за завтраком на каждого, однако истинные возможности ситуации мы осознали, только когда к яйцам добавились бутылки хереса хорошо мне знакомой восхитительной марки. Херес должен был предохранить Трики от малокровия. Обеды обрели атмосферу парадности: две рюмки перед началом еды, а потом еще несколько. Зигфрид и Тристан по очереди провозглашали тосты за здоровье Трики и с каждым разом становились все красноречивее. На меня, как на его представителя, возлагалась обязанность произносить ответные тосты.

А когда прибыл коньяк, мы глазам своим не поверили: две бутылки лучшего французского коньяка, долженствовавшего окончательно укрепить организм Трики. Зигфрид извлек откуда-то старинные пузатые рюмки, собственность его матери. Я видел их впервые, но теперь за несколько вечеров свел с ними близкое знакомство, прокатывая их по краю, обоняя и благоговейно прихлебывая чудеснейший напиток.

Мысль оставить Трики навсегда в положении выздоравливающего больного была очень соблазнительна, но я знал, как страдает миссис Памфри, и через две недели, повинуясь велению долга, позвонил ей и сообщил, что Трики здоров и его можно забрать.

Несколько минут спустя у тротуара остановился сверкающий черный лимузин необъятной длины. Шофер распахнул дверцу, и я с трудом различил миссис Памфри, совсем затерявшуюся в этих обширных просторах. Она судорожно сжимала руки на коленях, губы у нее дрожали.

— Ах, мистер Хэрриот! Умоляю, скажите мне правду. Ему действительно лучше?

— Он совершенно здоров. Не трудитесь выходить из машины, я сейчас за ним схожу.

Я прошел по коридору в сад. Куча собак носилась по лужайке, и среди них мелькала золотистая фигурка Трики. Уши у него стлались по воздуху, хвост отчаянно вилял. За две недели он превратился в ловкого песика с ли-

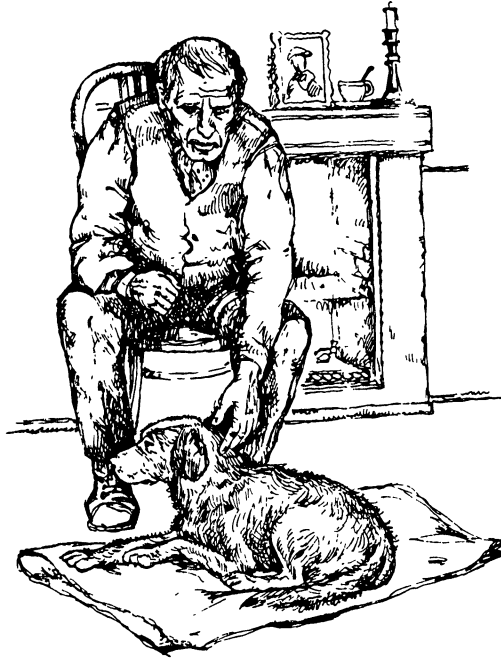
тыми мышцами. Он мчался длинными скачками, почти задевая грудью траву, и держался вровень с остальными.

Я взял его на руки и прошел с ним назад по коридору. Шофер все еще придерживал открытую дверцу, и, увидев свою хозяйку, Трики вырвался от меня и одним прыжком очутился у нее на коленях. Миссис Памфри ахнула от неожиданности, а затем была вынуждена отбиваться от него — с таким энтузиазмом он принялся лизать ей лицо и лаять.

Пока они обменивались приветствиями, я помог шоферу снести в машину постельки, игрушки, подушки, курточки и мисочки, так и пролежавшие в шкафу все это время. Когда машина тронулась, миссис Памфри со слезами на глазах высунулась в окно. Губы ее дрожали:

— Ах, мистер Хэрриот! — воскликнула она. — Как мне вас благодарить? Это истинное торжество хирургии!

Вновь Трики-Ву — и восхитительный пример лечения знакомого животного, когда можно в полной мере насладиться результатами. История эта к тому же воскрешает атмосферу товарищества в Скелдейл-Хаусе, когда мы по-братски делили деликатесы миссис Памфри. Читатели будут рады узнать, что с этих пор Трики был посажен на разумную диету и больше не страдал ни от перекармливания, ни от ожирения.

4. *Выкурите сигару!*

Я снова заглянул в листок, на котором записал вызовы. «Дин, Томпсоновский двор, 3. Больная старая собака».

В Дарроуби было немало «дворов» — маленьких улочек, словно сошедших с иллюстраций в романах Диккенса. Одни отходили от рыночной площади, другие прятались за магистралями в старой части города. Они начинались с низкой арки, и я всякий раз удивлялся, когда, пройдя по тесному проходу, вдруг видел перед собой два неровных ряда поразительно разнообразных домиков, заглядывавших в окна друг другу через узкую полосу булыжной мостовой. Перед некоторыми в палисадничках среди камней вились настурции и торчали ноготки. Но дальше ютились обветшалые лачуги, и у двух-трех окна были забиты досками. Номер третий находился в дальнем конце, и казалось, что он долго не простоит. Хлопья краски на прогнивших филенках затрепетали, когда я постучал в дверь, а кирпичная стена над ней опасно вспучивалась по сторонам длинной трещины.

Мне открыл щуплый старичок. Волосы у него совсем побелели, но глаза на худом морщинистом лице смотрели живо и бодро. Одет он был в щтопаную-перштопанную фуфайку, заплатанные брюки и домашние туфли.

— Я пришел осмотреть вашу собаку, — сказал я, и старичок облегченно улыбнулся.

— Очень вам рад, сэр. Что-то у меня на сердце из-за него беспокойно. Входите, входите, пожалуйста.

Он провел меня в крохотную комнатку.

— Я теперь один живу, сэр. Хозяйка моя вот уже больше года как скончалась. А до чего она нашего пса любила!

Все вокруг свидетельствовало о безысходной нищете — потертый линолеум, холодный очаг, душный запах сырости. Волглые обои висели лохмотьями, а на столе стоял скудный обед старика: ломтик грудинки, немного жареной картошки и чашка чаю. Жизнь на пенсию по старости.

В углу на одеяле лежал мой пациент, лабрадор-ретривер, хотя и не чистопородный. В расцвете сил он, несомненно, был крупным, могучим псом, но седая шерсть на морде и белесая муть в глубине глаз говорили о беспощадном наступлении дряхлости. Он лежал тихо и поглядывал на меня без всякой враждебности.

— Возраст у него почтенный, а, мистер Дин?

— Вот-вот. Без малого четырнадцать лет, но еще месяц назад бегал и ревился, что твой щенок. Старый Боб, он для своего возраста замечательная собака и в жизни ни на кого не набросился. А уж дети что хотят с ним делают. Теперь он у меня только один и остался. Ну да вы его подлечите, и он опять будет молодым.

— Он перестал есть, мистер Дин?

— Совсем перестал, а ведь всегда любил поесть, право слово. За обедом там или за ужином сядет возле меня, а голову положит мне на колени. Только вот последние дни перестал.

Я смотрел на пса с нарастающей тревогой. Живот у него сильно вздулся, и легко было заметить роковые симптомы неутрахающей боли: перебои в дыхании, втянутые уголки губ, испуганный неподвижный взгляд.

Когда его хозяин заговорил, он два раза шлепнул хвостом по одеялу, и на миг в белесых старых глазах появилось выражение интереса, но тут же угасло, вновь сменившись пустым, обращенным внутрь взглядом.

Я осторожно провел рукой по его животу. Ярко выраженный асцит, и жидкости скопилось столько, что давление, несомненно, было мучительным.

— Ну-ка, ну-ка, старина, — сказал я, — попробуем тебя перевернуть.

Пес без сопротивления позволил мне перевернуть его на другой бок, но в последнюю минуту жалобно взвизгнул и поглядел на меня. Установить причину его состояния, к несчастью, было совсем не трудно. Я бережно ощупал его бок. Под тонким слоем мышц мои пальцы ощутили бороздчатое затвердение. Несомненная карцинома селезенки или печени, огромная и абсолютно неоперабельная. Я поглаживал старого пса по голове, пытаюсь собраться с мыслями. Мне предстояли нелегкие минуты.

— Он долго будет болеть? — спросил старик, и при звуке любимого голоса хвост снова дважды шлепнул по одеялу. — Знаете, когда я хлопочу по дому, как-то тоскливо, что Боб больше не ходит за мной по пятам.

— К сожалению, мистер Дин, его состояние очень серьезно. Видите вздутие? Это опухоль.

— Вы думаете... рак? — тихо спросил старичок.

— Боюсь, что да, и уже поздно что-нибудь делать. Я был бы рад помочь ему, но это неизлечимо.

Старичок растерянно посмотрел на меня, и его губы задрожали.

— Значит... он умрет?

У меня сжалось горло.

— Но ведь мы не можем оставить его умирать, правда? Он и сейчас страдает, а вскоре ему станет гораздо хуже. Наверное, вы согласитесь, что

будет лучше, если мы его усыпим. Все-таки он прожил долгую хорошую жизнь... — В таких случаях я всегда старался говорить деловито, но сейчас избитые фразы звучали неуместно.

Старичок ничего не ответил, потом сказал: «Погодите немножко», — и медленно, с трудом опустился на колени рядом с собакой. Он молчал и только гладил старую седую морду, а хвост шлепал и шлепал по одеялу.

Я еще долго стоял в безрадостной комнате, глядя на выцветшие фотографии по стенам, на ветхие занавески, на кресло с продавленным сиденьем.

Наконец, старичок поднялся на ноги и несколько раз сглотнул. Не глядя на меня, он сказал хрипло:

— Ну хорошо. Вы сейчас это сделаете?

Я наполнил шприц и сказал то, что говорил всегда:

— Не тревожьтесь, это совершенно безболезненно. Большая доза снотворного, только и всего. Он ничего не почувствует.

Пес не пошевелился, пока я вводил иглу, а когда нембутал вошел в вену, испуг исчез из его глаз и все тело расслабилось. К тому времени, когда я закончил инъекцию, он перестал дышать.

— Уже? — прошептал старичок.

— Да, — сказал я. — Он больше не страдает.

Старичок стоял неподвижно, только его пальцы сжимались и разжимались. Когда он повернулся ко мне, его глаза блестели.

— Да, верно, нельзя было, чтобы он мучился, и я благодарен вам за то, что вы сделали. А теперь — сколько я должен вам за ваш визит, сэр?

— Ну что вы, мистер Дин, — торопливо сказал я. — Вы мне ничего не должны. Я проезжал мимо... и лишнего времени не потратил...

— Но вы же не можете трудиться бесплатно, — удивленно возразил старичок.

— Пожалуйста, больше не говорите об этом, мистер Дин. Я ведь объяснил вам, что просто проезжал мимо вашего дома...

Я попрощался, вышел и по узкому проходу зашагал к улице. Там сияло солнце, сновали люди, но я видел только нищую комнатушку, старика и его мертвую собаку.

Я уже открывал дверцу машины, когда меня окликнули. Ко мне, шаркая домашними туфлями, подходил старичок. По щекам его тянулись влажные полоски, но он улыбался. В руке он держал что-то маленькое и коричневое.

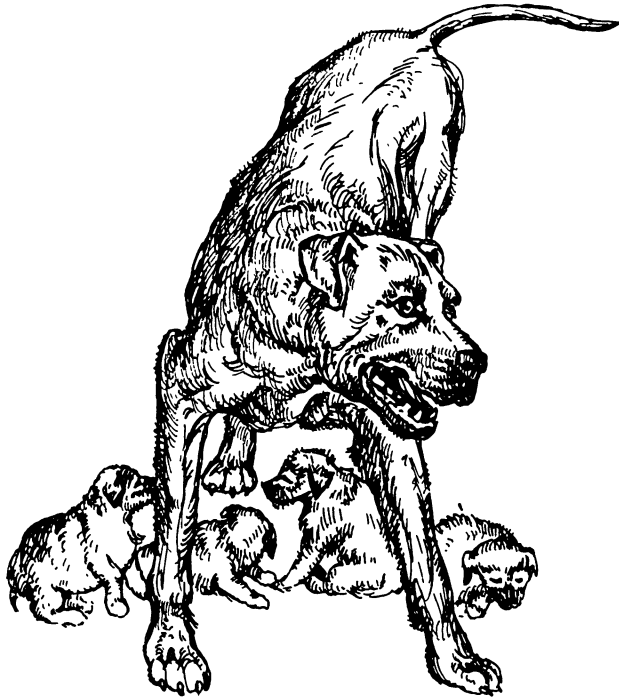
— Вы были очень добры, сэр. И я кое-что вам принес.

Он протянул руку, и я увидел, что его пальцы сжимают замусоленную, но бережно хранившуюся реликвию какого-то давнего счастливого дня.

— Берите, это вам, — сказал старичок. — Выкурите сигару!

Случай этот произошел на заре моей ветеринарной карьеры, и впечатление от него преследовало меня еще много недель, да и теперь он остается среди самых ярких и грустных моих воспоминаний. Как ни печально, но ветеринарам постоянно приходится усыплять животных, составляющих единственное утешение одиноких стариков. Хорошо еще, что барбитураты позволяют сделать это пристойно, без мучений. Но в эпизоде с мистером Дином было что-то особенное, и именно про него я вспомнил, когда впервые сказал себе: «Если я когда-нибудь напишу книгу, то этот случай опишу в ней непременно». Может быть, вся суть в сигаре...

5. Материнский инстинкт

Казалось бы, миллионеру нет смысла заполнять купоны футбольного тотализатора, но в жизни Харолда Денема этому занятию отводилось одно из главных мест. И оно скрепило наше знакомство, так как Харолд, несмотря на любовь ко всяческим тотализаторам, в футболе не смыслил ровно ничего, ни разу не побывал ни на одном матче и не мог бы назвать ни одного игрока высшей лиги. Вот почему, когда он обнаружил, что я со знанием дела рассуждаю об играх даже самых захудалых команд, уважение, с которым он всегда ко мне относился, превратилось в почтительное благоговение.

Познакомили нас, разумеется, его любимцы и питомцы. У него было множество всевозможных собак, кошек, кроликов, птичек и золотых рыбок, а потому я, естественно, стал частым гостем на пыльной вилле, викторианские башни которой, встававшие над зеленью парка, были видны из самых разных мест в окрестностях Дарроуби. Вначале мои визиты словно бы носили самый обычный характер — то фокстерьер поранил лапу, то старую серую кошку беспокоил ее синусит, — но затем меня стали одолевать сомнения. Слишком уж часто он вызывал меня по средам, когда под-

ходил срок отсылки купонов, а недомогание очередного четвероногого или пернатого оказывалось настолько пустяковым, что у меня волей-неволей возникало подозрение, не находится ли животное в полном здравии и не нуждается ли Харолд в консультации для своих ответов.

Окончательной уверенности у меня не было, но как было не заподозрить, что дело нечисто, если он всегда встречал меня одной и той же фразой: «А, мистер Хэрриот! Ну как татализатор?». Последнее слово он любовно растягивал — то-та-ли-зааатор. Вопрос этот объяснялся тем, что как-то раз я выиграл шестнадцать шиллингов! С каким благоговением он рассматривал извещение о выигрыше и почтовый перевод! Больше я никогда не выигрывал, но что из этого? В его глазах я оставался оракулом, верховным, непогрешимым. Харолд же так ни разу ничего не выиграл.

Денемы были влиятельными людьми в Северном Йоркшире. Сказочно богатые промышленники в прошлом веке, теперь они стали лидерами в сельскохозяйственной сфере. «Фермеры-джентльмены», они тратили свои деньги на создание элитных стад свиней и дойных коров, они распахивали каменистые пустоши высоко в холмах, удобряли землю и собирали с нее богатые урожаи; они осушали кислые топи и на бывших болотах выращивали картофель и кормовую свеклу: они были председателями всевозможных комитетов, организаторами лисьей травли, законодателями общества графства.

Но Харолд порвал с семейными традициями еще в ранней юности. Он опроверг прописную истину, что безделье счастья не приносит. Изо дня в день он бродил по дому и десятку акров запущенной земли, не интересуясь внешним миром, не замечая, что происходит по соседству, но бесконечно довольный жизнью. Вряд ли его хоть сколько-нибудь интересовало, что о нем думают люди, — и к лучшему, так как многие были о нем самого нелестного мнения. Его старший брат, именитый Бэзил Денем, называл его не иначе как «этот проклятый дурень», а окрестные фермеры придерживались мнения, что у него «на чердаке маловато».

Мне же он был симпатичен — добрый, простодушный, любящий неприятательные шутки, — и я с удовольствием ездил к нему. Он и его жена завтракали, обедали и ужинали на кухне, да и почти все свободное время, казалось, проводили там, а потому я сразу направлялся к черному ходу.

В тот день, о котором пойдет речь, он попросил меня посмотреть суку дога, которая только что оценилась и выглядела не очень хорошо. Случилось это не в среду, а потому я решил, что с ней, пожалуй, действительно приключилось что-нибудь серьезное, и поспешил туда. Харолд, как обычно, заговорил со мной на любимую тему — у него был чрезвычайно приятный голос, звучный, выразительный, неторопливый, как у проповедующего епископа, и я в сотый раз подумал, что названия футбольных команд, производимые словно с церковной кафедры под аккорды органа, производят удивительно комичное впечатление.

— Не могу ли я попросить у вас совета, мистер Хэрриот? — начал он, когда мы прошли через кухню в длинный, плохо освещенный коридор. — Я пытаюсь решить, кого следует прогнозировать как победителя: «Сандерленд» или «Астон-Виллу»?

Я остановился и изобразил глубокую задумчивость, а Харолд уставился на меня в тревожном ожидании.

— Как бы вам сказать, мистер Денем, — произнес я внушительно. — «Сандерленд» имеет хорошие шансы, но мне из верных источников известно, что тетушка Рейча Картера прихворнула, а это может оказать влияние на его игру в субботу.

Харолд уныло закивал головой, потом поглядел на меня внимательнее и захохотал.

— Мистер Хэрриот, мистер Хэрриот, вы опять надо мной подшучиваете! — Он пожал мой локоть и пошел дальше, басисто посмеиваясь.

Покружив по настоящему лабиринту темных, затянутых паутиной коридоров, мы наконец добрались до маленькой охотничьей комнаты, где на низеньком деревянном помосте лежала моя пациентка. Я тотчас узнал в ней могучего дога, которого видел несколько раз во дворе во время моих предыдущих визитов. Лечить мне ее еще не приходилось, но ее присутствие здесь нанесло смертельный удар одной из моих новейших теорий — что больших собак в больших особняках не встретишь. Сколько раз я наблюдал, как из крохотных домишек на задних улицах Дарроби пулей вылетают бульмастифы, немецкие овчарки и бобтейлы, волоча на поводке своих беспомощных владельцев, тогда как в парадных гостиных и в садах богатых особняков мне встречались только самые мелкие из терьеров. Но, конечно, Харолд во всем был оригиналом.

Он погладил суку по голове.

— Она оценилась вчера, и выделения у нее были подозрительно темные. Ест она хорошо, но все-таки мне бы хотелось, чтобы вы ее осмотрели.

Доги, как большинство крупных собак, обычно отличаются флегматичностью, и, пока я измерял ей температуру, сука даже не пошевелилась. Она лежала на боку и блаженно прислушивалась к писку своих слепых щенят, которые влезали друг на друга, добираясь до набухших сосков.

— Да, температура у нее немного повышенная и выделения действительно нехорошие. — Я осторожно ощупал длинную впадину на боку. — Не думаю, чтобы там остался щенок, но все-таки лучше проверить. Не могли бы вы принести мне теплой воды, мыло и полотенце?

Когда дверь за Харолдом закрылась, я лениво осмотрел охотничью. Она была немногим больше чулана, и вопреки названию в ней никакого охотничьего снаряжения и оружия не хранилось, так как Харолд принципиально не признавал охоты. В стеклянных шкафах покоились только старые переплетенные комплекты журналов «Блэквудс мэгэзин» и «Кантри лайф». Я простоял так минут десять, недоумевая, куда пропал Харолд, а потом повернулся и начал рассматривать старинную гравюру на стене. Естественно, она изображала охоту, и я задумался над тем, почему на них так часто изображены лошади, переносящиеся через ручей, и почему у этих лошадей обязательно такие невозможные длинные ноги, как вдруг позади меня послышался легкий рык — утробный рокот, негромкий, но угрожающий.

Я оглянулся и увидел, что сука очень медленно поднимается со своего ложа — не так, как обычно встают собаки, а словно ее поднимают на невидимых стропах, перекинутых через блоки в потолке: ноги выпрямились почти незаметно, тело было напряжено, шерсть вздыбилась. Все это время она не сводила с меня немигающего свирепого взгляда, и впервые в жизни я понял смысл выражения «горящие глаза». Нечто похожее мне прежде довелось увидеть только однажды — на потрепанной обложке «Собаки Ба-

скервилей». Тогда я подумал, что художник безбожно нафантазировал, но вот теперь на меня были устремлены два глаза, пылающие точно таким же желтым огнем.

Конечно, она решила, что я подбираюсь к ее щенкам. Ведь хозяин ушел, а этот чужак тихо стоит в углу и явно замышляет что-то недоброе. Одно было несомненно: еще две-три секунды, и она бросится на меня. Я благо-словил судьбу, что совершенно случайно оказался почти рядом с дверью. Осторожно, дюйм за дюймом, я продвинул левую руку к дверной ручке, а собака все еще поднималась с той же ужасной медлительностью и с тем же утробным ворчанием. Я уже почти коснулся ручки и тут совершил роковую ошибку — поспешно за нее схватился. Едва мои пальцы сжали металл, собака взвилась над помостом, как ракета, и ее зубы сомкнулись на моем запястье.

Я ударил ее правым кулаком по голове, она выпустила мою руку и тут же вцепилась мне в левую ногу выше колена. Я испустил пронзительный вопль, и уж не знаю, что было бы со мной дальше, если бы я не наткнулся на единственный стул в этой комнате. Он был старый, расшатанный, но он меня спас. Когда собаке, похоже, надоело грызть мою ногу, она внезапно прыгнула, целясь мне в лицо, я схватил стул и отбил ее атаку.

Дальнейшее мое пребывание в охотничьей превратилось в пародию на номер укротителя львов, и, несомненно, выглядело все это очень смешно. По правде говоря, я с тех пор не раз жалел, что эпизод не мог быть запечатлен на киноплёнке, но в те минуты, когда чудовищная собака кружила передо мной в тесной комнатухе, а у меня по ноге струилась кровь и обороняться я мог только ветхим стулом, мне было совсем не до смеха. В ее атаках чувствовалась свирепая решимость, и ее жуткие глаза ни на миг не отрывались от моего лица.

Щенки, рассерженные внезапным исчезновением восхитительного источника тепла и питания, все девятеро слепо ползали по помосту и что есть мочи возмущенно пищали. Их вопли только подстегивали мать, и чем громче становился писк, тем яростнее стремилась она расправиться со мной. Каждые несколько секунд она бросалась на меня, а я отскакивал и тыкал в нее стулом в стиле лучших цирковых традиций. Один раз ей, несмотря на стул, удалось прижать меня к стене. Когда она поднялась на задние лапы, ее голова оказалась почти на уровне моей, и я с неприятно близкого расстояния мог полюбоваться лязгающими зубами страшной пасти.

А главное — мой стул начинал разваливаться. Собака уже без особого усилия обломала две ножки, и я старался не думать о том, что произойдет, когда он окончательно разлетится на части. Но я отвоевывал путь назад к двери, и, когда уперся спиной в ее ручку, настал момент для решающих действий. Я издал последний устрашающий крик, швырнул в собаку остатками стула и выскочил в коридор. Захлопнув дверь и прижавшись к ней спиной, я почувствовал, как она вся содрогнулась от ударившегося о нее огромного тела.

Я опустился на пол у стены, засучил штанину и начал рассматривать свои раны, и тут поперек дальнего конца коридора проследовал Харолд с дымящимся тазом в руках и с полотенцем через плечо. Теперь я понял, почему он так задержался: все это время он кружил по коридорам, возможно

попросту заблудившись в собственном доме, но скорее взвешивая, какую команду назвать в качестве победителя.

В Скелдейл-Хаусе мне пришлось вытерпеть немало насмешливых замечаний по адресу моей новой моряцкой походки, но когда Зигфрид в спальне осмотрел мою ногу, улыбка сползла с его лица.

— Еще бы дюйм, черт побери! — Он тихо присвистнул. — Знаете, Джеймс, мы часто шутим, как нас в один прекрасный день обработает разъяренный пес. Ну так вот, мой милый, вы чуть было не испытали это на собственном опыте!

Вскоре после этого происшествия я отправился в пешее путешествие по Шотландии, и грубая материя шорт болезненно натирала полукруг, который собачьи зубы оставили на внутренней стороне моего бедра над коленом, — постоянное напоминание о том, что работа с мелкими животными тоже бывает опасной и что даже кроткие суки, оберегая своих щенков, могут стать агрессивными. Но, конечно, верно и прямо противоположное. Чаще, подходя к суке, окруженной щенками, я видел, что она просто переполнена гордостью, и, когда я брал щенков на руки, она восхищенно виляла хвостом. Заранее не угадаешь. Еще один неопределенный фактор в нашей работе.

6. Дэн — и Хелен

— Не может ли мистер Хэрриот посмотреть мою собаку? — Такие слова нередко доносились из приемной, но этот голос приковал меня к месту прямо посреди комнаты.

Не может быть... И все-таки это был голос Хелен! Я на цыпочках подкрался к двери, бессовестно прижал глаз к щели и увидел Тристана, который стоял лицом к кому-то невидимому, а также руку, поглаживающую голову терпеливого бобтейла, край твидовой юбки и стройные ноги в шелковых чулках.

Ноги были красивые, крепкие и вполне могли принадлежать высокой девушке вроде Хелен. Впрочем, долго глядеть мне не пришлось: к собаке наклонилась голова, и я увидел крупным планом небольшой прямой нос и темную прядь волос на нежной щеке.

Я смотрел и смотрел как зачарованный, но тут из приемной вылетел Тристан, врзался в меня, выругался, ухватил меня за плечо и потащил через коридор в аптеку. Захлопнув за нами дверь, он хрипло прошептал:

— Это она! Дочка Олдерсона! И желает видеть тебя. Не Зигфрида, не меня, а тебя — мистера Хэрриота лично!

Несколько секунд он продолжал таращить на меня глаза, но, заметив мою нерешительность, распахнул дверь.

— Какого черта ты торчишь тут? — прошептал он, выталкивая меня в коридор.

— Неловко как-то... Ну после того раза...

Тристан хлопнул себя ладонью по лбу.

— Господи боже ты мой! Какого черта тебе еще нужно? Она же спросила тебя! Иди туда. Сейчас же!

Но не успел я сделать несколько робких шагов, как он меня остановил:

— Ну-ка, погоди! Стой, и ни с места! — Он убежал и через пару минут вернулся с белым лабораторным халатом. — Только что из прачечной! — объявил он и принялся запикивать мои руки в жестко накрахмаленные рукава. — Ты чудесно в нем выглядишь, Джим: элегантный молодой хирург перед операцией.

Я покорно позволил ему застегнуть пуговицы, но хлопнул его по руке, когда он хотел поправить мне галстук, и побрел по коридору, а Тристан, на прощание ободряюще помахав мне, упорхнул по черной лестнице.

Взяв себя в руки, я твердым шагом вошел в приемную. Хелен посмотрела на меня и улыбнулась той же самой открытой, дружеской улыбкой, как при первой нашей встрече.

— А вот теперь с Дэном плохо, — сказала она. — Он у нас овечий сторож, но мы все так его любим, что считаем членом семьи.

Услышав свое имя, пес завилял хвостом, шагнул ко мне и вдруг взвизгнул. Я нагнулся, погладил его по голове и спросил:

— Он не наступает на заднюю ногу?

— Да. Утром он перепрыгнул через каменную изгородь — и вот! По моему, что-то серьезное. Он все время держит ее на весу.

— Проведите его по коридору в операционную, и я его осмотрю. Идите с ним вперед: мне надо поглядеть, в каком она положении.

Я придержал дверь, пропуская их.

Первые несколько секунд я никак не мог оторвать глаз от Хелен, но, к счастью, коридор оказался достаточно длинным, и у второго поворота мне удалось сосредоточить внимание на моем пациенте.

Нежданная удача — вывих бедра! И нога кажется короче, и держит он ее под туловищем так, что лапа только чуть задевает пол.

Я испытывал двойственное чувство. Повреждение, конечно, тяжелое, но зато у меня были все основания надеяться, что я быстро с ним справлюсь и покажу себя в наилучшем свете. Несмотря на мой недолгий опыт, я уже успел убедиться, что удачное вправление вывихнутого бедра всегда очень эффективно. Возможно, мне просто посчастливилось, но во всех тех — правда, немногих — случаях, когда я вправлял такой вывих, хромоте животное сразу же исцелялось словно по волшебству.

В операционной я поднял Дэна на стол. Все время, пока я ощупывал его, он сохранял неподвижность. Сомнений не оставалось никаких: головка бедра сместилась вверх и назад, и мой большой палец просто в нее уперся.

Пес оглянулся на меня только один раз — когда я осторожно попробовал согнуть поврежденную ногу, но тут же вновь с решимостью уставился прямо перед собой. О его нервном состоянии свидетельствовало только тяжелое прерывистое дыхание (он даже чуть приоткрыл пасть), но, как боль-

шинство флегматичных животных, попадавших на наш хирургический стол, он покорно смирился с тем, что его ожидало. Впечатление было такое, что он не стал бы особенно возражать, даже если бы я принялся отпиливать ему голову.

— Хороший, ласковый пес, — сказал я. — И к тому же красавец.

Хелен погладила благородную голову по белой полосе, сбегавшей по морде, и хвост медленно качнулся из стороны в сторону.

— Да, — сказала она, — он у нас и работяга, и всеобщий баловень. Дай Бог, чтобы повреждение оказалось не слишком серьезным!

— Он вывихнул бедро. Штука неприятная, но, думаю, его, почти наверное, удастся вправить.

— А что будет, если не удастся?

— Ну тогда там образуется новый сустав. Несколько недель Дэн будет сильно хромать, и нога скорее всего навсегда останется короче остальных.

— Это было бы очень грустно! — сказала Хелен. — Но вы полагаете, что все может кончиться хорошо?

Я взглянул на смиренного пса, который по-прежнему упорно смотрел прямо перед собой.

— Мне кажется, есть все основания надеяться на благополучный исход. Главным образом потому, что вы привезли его сразу, а не стали откладывать и выжидать. С вывихами никогда не следует мешкать.

— Значит, хорошо, что я поторопилась. А когда вы сможете им заняться?

— Прямо сейчас. — Я направился к двери. — Только позову Тристана. Это работа для двоих.

— А можно я вам помогу? — спросила Хелен. — Мне очень хотелось бы, если вы не возражаете.

— Право, не знаю. — Я с сомнением взглянул на нее. — Ведь это будет что-то вроде перетягивания каната с Дэном в роли каната. Конечно, я дам ему наркоз, но тянуть придется много.

Хелен засмеялась:

— Я же очень сильная. И совсем не трусиха. Видите ли, я привыкла иметь дело с животными и люблю их.

— Отлично, — сказал я. — Наденьте вон тот запасной халат, и приступим.

Пес даже не вздрогнул, когда я ввел иглу ему в вену. Доза нембутала — и его голова почти сразу же легла на руку Хелен, а лапы заскользили по гладкой поверхности стола. Вскоре он уже вытянулся на боку в полном оцепенении.

Я не стал извлекать иглу из вены, и, поглядев на спящую собаку, объяснил:

— Возможно, придется добавить. Чтобы снять сопротивление мышц, нужен очень глубокий наркоз.

Еще кубик, и Дэн стал дряблым, как тряпичная кукла. Я взялся за вывихнутую ногу и сказал через стол:

— Пожалуйста, сцепите руки у него под здоровым бедром и постарайтесь удержать его на месте, когда я примусь тянуть. Хорошо? Начинаем.

Просто поразительно, какое требуется усилие, чтобы перевести головку сместившегося бедра через край вертлужной впадины. Правой рукой я не

прерывно тянул, а левой одновременно нажимал на головку. Хелен отлично выполняла свою часть работы и, сосредоточенно сложив губы трубочкой, удерживала тело пса на месте.

Наверное, существует какой-то надежный способ вправления таких вывихов — прием, безусловно срабатывающий при первой же попытке, но мне так и не дано было его обнаружить. Успех приходил только после долгой череды проб и ошибок. Не был исключением и этот случай. Я тянул то под одним углом, то под другим, поворачивал и загибал болтающуюся ногу, отгоняя от себя мысль о том, как я буду выглядеть, если именно этот вывих не удастся вправить. И еще я пробовал отгадать, что думает Хелен, которая стоит напротив меня и по-прежнему крепко держит Дэна... и вдруг услышал глухой шелчок. Какой прекрасный, какой желанный звук!

Я раза два согнул и разогнул тазобедренный сустав. Ни малейшего сопротивления! Головка бедра вновь легко поворачивалась в своей впадине.

— Ну вот, — сказал я. — Будем надеяться, что головка снова не выскочит. Иногда такое случается. Но у меня предчувствие, что все обойдется.

Хелен погладила шею и шелковистые уши спящего пса.

— Бедный Дэн! Знай он, что готовит ему судьба, он бы ни за что не стал прыгать через эту изгородь. А скоро он очнется!

— Проспит до вечера. Но к тому времени, когда он начнет приходить в себя, постарайтесь быть при нем, чтобы поддержать его. Не то он может упасть и снова вывихнуть ногу. И пожалуйста, позвоните, чтобы рассказать, как идут дела.

Я взял Дэна на руки, слегка пошатываясь под его тяжестью, вышел с ним в коридор и наткнулся на миссис Холл, которая несла чайный поднос с двумя чашками.

— Я как раз пила чай, мистер Хэрриот, — сказала она. — Ну и подумала, что вы с барышней, наверное, не откажетесь от чашечки.

Я посмотрел на нее пронзительным взглядом. Это что-то новенькое! Неужели она, как и Тристан, взяла на себя роль купидона? Но ее широкоскулое смуглое лицо хранило обычное невозмутимое выражение и ничего мне не сказал.

— Спасибо, миссис Холл. С большим удовольствием. Я только отнесу собаку в машину.

Я прошел к автомобилю Хелен, уложил Дэна на заднее сиденье и закутал его в одеяло. Торчавший наружу нос и закрытые глаза были исполнены тихого спокойствия.

Когда я вошел в гостиную, Хелен уже держала чашку, и мне вспомнилось, как я пил чай в этой комнате с другой девушкой. В тот день, когда приехал в Дарроуби, — с одной из поклонниц Зигфрида и, пожалуй, самой грозной из них. Но теперь все было совсем иначе.

Во время манипуляции в операционной Хелен стояла совсем близко от меня, и я успел обнаружить, что уголки ее рта чуть-чуть вздернуты, словно она собиралась улыбнуться или только что улыбнулась; и еще я заметил, что ласковая синева ее глаз под изогнутыми бровями удивительно гармонирует с темно-каштановым цветом густых волос.

И никаких затруднений с разговором на этот раз не возникло. Возможно, я просто чувствовал себя в своей стихии — пожалуй, полная раскованность приходит ко мне, только если где-то на заднем плане имеется больное

животное; но как бы то ни было, говорил я легко и свободно, как в тот день на холме, когда мы познакомились.

Чайник миссис Холл опустел, последний сухарик был доеден, и только тогда я проводил Хелен к машине и отправился навещать своих пациентов.

И то же ощущение спокойной легкости охватило меня, когда вечером я услышал ее голос в телефонной трубке:

— Дэн проснулся и уже ходит, — сообщила она. — Правда, пошатывается, но на ногу наступает как ни в чем не бывало.

— Прекрасно! Самое трудное уже позади. И я убежден, что все будет в порядке.

Наступила пауза, потом голос в трубке произнес:

— Огромное спасибо. Мы все страшно за него беспокоились. Особенно мой младший брат и сестренка. Мы очень, очень вам благодарны.

— Ну что вы! Я сам ужасно рад. Такой чудесный пес! — Я помолчал, собираясь с духом: теперь или никогда! — Помните, мы сегодня говорили про Шотландию? Так я днем проезжал мимо «Плазы»... там идет фильм о Гебридских островах. И я подумал... может быть... мне пришло в голову... что... э... может быть, вы согласитесь пойти посмотреть его вместе со мной?

Еще пауза. И сердце у меня бешено заколотилось.

— Хорошо, — сказала Хелен. — С большим удовольствием. Когда? Вечером в пятницу? Еще раз спасибо — и до пятницы.

Я повесил трубку дрожащей рукой. Ну почему я всегда делаю из мухи слона? А, да неважно! Она согласилась пойти со мной в кино!

Как часто эффектнейшие исцеления остаются незамеченными, не оцененными по достоинству, но какое чудо, что вывихнутое бедро Дэна подействовало моим ухаживаниям! Вправление такого вывиха безусловно выглядит волшебством, а уж удачнее выбрать момент для этой операции трудно было бы и нарочно. И удивительно, с какой легкостью головка порой встает на свое законное место. Но если ветеринар испытывает глубочайшее удовлетворение, одним быстрым щелчком превращая хромого собаку в здоровую, то ее владелец перед этим переносит настоящий шок, когда верный друг без всякой видимой причины внезапно становится трехногим калекой. И ведь бедро вывихивается так просто! Неудачный прыжок за мячиком. Падение со стула. А какую панику вызывает такая травма!

7. Тун

Нет, видимо, я все-таки выберусь на шоссе! Мне было чему радоваться — семь часов утра, когда зимний рассвет только-только выбелил восточный край неба, не самое подходящее время, чтобы выкапывать машину из сугроба.

Узкая неогороженная дорога огибала плато, а от нее ответвлялись еще более узкие проселки, ведущие к одиноким фермам. Когда я отправился по ночному вызову — маточное кровотечение у коровы, — снег, собственно, не шел, но крепчающий ветер сметал пушистую поверхность белого одеяла, уже несколько недель укутывавшего вершины холмов. В лучах моих фар закручивались снежные смерчи, длинные, изящные, белые гребни дюйм за дюймом выростали поперек полосы асфальта.

Именно так начинаются снежные заносы, и, вводя питуитрин, а потом закрывая кровотокающую шейку матки тампоном из чистой простыни, я прикидывал, успею ли выбраться из снежной ловушки.

На обратном пути поперек дороги тянулись уже не изящные гребни, а пухлые диванные валики, и мой автомобильчик преодолевал их, время от времени двигаясь юзом и выписывая зигзаги. Но теперь впереди в бледном свете показалась успокоительно черная лента шоссе. Еще несколько сотен ярдов — и я там!

Но как раз тут по другую сторону поля замаячил Коут-Хаус. Я там лечил бычка, который объелся мороженым турнепсом, — и очередной визит был назначен на этот день. Мне вовсе не улыбалось тащиться сюда еще

раз, а окно кухни светилось. Значит, там уже все на ногах. Я свернул и через минуту-другую въехал во двор.

Дверь дома выходила на небольшое крыльцо, где ветер наметел у стены ровный двухфутовый бугор. Я наклонился над ним, собираясь постучать, как вдруг поверхность бугра дрогнула и заколыхалась. Там под снегом что-то было — что-то большое! Мне стало чуть не по себе, когда в смутном свете из снега возникло мохнатое тело. Видимо, тут от холода укрылся какой-то дикий обитатель холмов... Но ведь таких огромных лисиц не бывает, а звери крупнее здесь будто бы не водятся!

В этот момент дверь распахнулась, и свет из кухни заструился на крыльцо. Питер Тренхолм приветственным жестом пригласил меня войти, а из уютной светлой кухни мне улыбнулась его жена. Очень симпатичная молодая пара!

— Кто это? — еле выговорил я, указывая на зверя, который энергично стряхивал снег с косматой шкуры.

— Это? — Питер ухмыльнулся. — Старик Тип, а кто же?

— Тип? Ваш пес? Но зачем он залез в сугроб?

— Да его просто замело. Он же здесь ночует, у задней двери.

Я с недоумением уставился на фермера.

— Как ночует? Каждую ночь под открытым небом?

— Ага, каждую. Летом и зимой. Да не смотрите на меня так, мистер Хэрриот, он это любит. У остальных собак теплые подстилки в коровнике, а Тип от них нос воротит. Ему уже пятнадцать, а спит он тут еще с той поры, как щенком был. Помнится, покойный папаша и так и эдак заманивал его спать под крышей, но он ни в какую.

Я с изумлением посмотрел на старого пса. Теперь я мог рассмотреть его получше. Он был крупнее обычной овчарки и с более длинной шерстью, а чувствующаяся в нем неуемная энергия никак не вязалась с его пятнадцатью годами. Просто не верилось, что животное, обитающее в этих суровых холмах, по собственному выбору ночует под открытым небом — и с явной пользой для себя. Мне пришлось долго вглядываться, чтобы обнаружить признаки старости. Легкая скованность в походке, пожалуй, какая-то сухость в очертаниях морды и головы, ну и, конечно, неизбежная мутность в глубине глаз. Однако общим впечатлением была неугасимая жизнерадостность.

Он стряхнул остатки снега, вприпрыжку подскочил к фермеру и раза два гавкнул — правда, несколько надтреснуто. Питер Тренхолм засмеялся.

— Видите? Готов взяться за дело. Тип у нас на работу жаден!

Фермер пошел к службам, а я последовал за ним, спотыкаясь о замерзшие, твердые, как железо, рытвины под снегом и нагибая голову под режущим ветром. До чего приятно было открыть дверь коровника и нырнуть в его тепло!

В длинном помещении находились не только дойные коровы, хотя большую его часть занимали они. С ними соседствовали молодые телки и бычки, а в последнем пустом стойле, глубоко зарывшись в солому, спали собаки. Тут же пристроились и кошки. Да, значит, в коровнике было очень тепло! Среди животных никто так не ценит комфорта, как кошки, и они свернулись в соломе пушистыми клубками, захватив наиболее уютное место возле перегородки, откуда веяло коровьим теплом.

Тип уверенно расхаживал среди своих коллег — молодого пса и суки с тремя полувзрослыми щенками. Сразу было видно, что он тут самый главный.

Мой пациент — один из бычков — выглядел получше. Накануне у него наблюдалась полная атония рубца (первого большого отдела желудка) — естественный результат переполнения мерзлым турнепсом. Его немного раздуло, и он постанывал от неприятных ощущений. Но когда я теперь прижал ухо к его левому боку, то сразу же услышал рокотание почти правильных сокращений рубца вместо вчерашней мертвенной тишины. Промывание желудка, которое я ему устроил, несомненно, сыграло свою благую роль, а еще одно приведет все в окончательный порядок. Я любовно смешивал ингредиенты особенно мне нравившегося снадобья, которое с тех пор успело навсегда исчезнуть в волнах прогресса: унция формалина, полфунта поваренной соли, ковш черной патоки из бочонка, тогдашней обязательной принадлежности большинства коровников. Все это разводилось в двух галлонах горячей воды.

Я вставил деревянный зевник в рот бычка и закрепил его за рогами, Питер ухватил ручки, а я ввел зонд в рубец и накачал в него моего снадобья. Когда я кончил, бычок удивленно вытаращил глаза и затопал задними ногами. Вновь послушав, что у него делается внутри, я различил успокоительное бульканье содержимого рубца и улыбнулся. Подействовало! Да и когда же оно не действовало?

Вытирая зонд, я услышал звон молочной струи, бьющей в подойник, — брат Питера приступил к утренней дойке, а когда я повернулся, чтобы уйти, он прошел с полным подойником в молочную. Возле собачьего стойла он остановился и налил им в миски парного молока, после чего Тип небрежной походкой отправился туда позавтракать. Пока он лакал, молодой пес попытался присоединиться к нему, но зубы Типа сомкнулись в полудюйме от его носа, и он ретировался к другой миске. Однако я заметил, что старик не стал протестовать, когда из его миски принялись лакать сука и щенки. Кошки — черно-белая, трехцветная и серая — вылезли, потягиваясь, из соломы и подошли поближе в ожидании своей очереди.

Миссис Тренхолм позвала меня в дом выпить чаю, и когда я вышел, было совсем светло. Однако небо затягивали низкие серые тучи, а голые ветки редких деревьев возле дома гнулись под ветром, который налетал долгими леденящими порывами с белых безлюдных просторов вересковых пустошей. Йоркширцы называют такой ветер «узким», а иногда — «ленивым», поскольку он не трудится огибать тебя, а пронизывает насквозь. Мне сразу стало ясно, что на земле нет места лучше табурета возле пылающего очага деревенской кухни. Почти все люди и звери согласились бы со мной — но только не Тип. Он кружил возле Питера, грузившего на тележку тючки сена для бычков и телок в дальних сараях. А когда Питер тряхнул вожжами и жеребчик затрусил со двора, Тип вскочил на тележку.

Укладывая свое снаряжение в багажник, я оглянулся на него: широко расставив лапы, чтобы удерживать равновесие на подпрыгивающей тележке, старый пес помахивал хвостом и вызывающе лаял навстречу ветру и царству холода. Таким я и помню Типа, презревшего изнеживающие удобства и избравшего для своего ночлега самое почетное место — перед порогом своего хозяина.

Милый старина Тип! Такой типичный для тысяч и тысяч закаленных деревенских псов, которые радостно отрабатывают свое содержание среди высоких холмов Северного Йоркшира. Переполненные энергией, крепкие, жилистые. Жирных среди них не увидишь. Изнеживающие удобства, лень, правильное питание не для них — большинство пробавляются кукурузными хлопьями с молоком. Но они пышут здоровьем. Быть может, непрерывная работа в вечном движении чуть-чуть сокращает срок их жизни, но далеко не всегда. Помню двадцатилетнего старичка, который на дрожащих лапах выбирался из конюшни, чтобы встретить меня должным образом. Виляющий хвост показывал, что он все еще радуется жизни. Однако Тип остается единственной известной мне собакой, которая по собственному выбору спала в снегу.

8. Плакатик над кроватью

Над изголовьем старушки свисал плакатик. Он гласил: «Господь близко», но не был похож на обычные назидательные изречения из Писания — ни рамочки, ни прихотливых завитушек. Нет, это была полоска картона, дюймов восьми длиной, с самыми простыми буквами, какими пишут «Не курить» или «Выход», небрежно подвешенная к старому газовому рожку так, чтобы мисс Стабс могла посмотреть на нее с подушки и прочесть, что «Господь близко», о чем оповещали крупные черные буквы.

Больше смотреть мисс Стабс было, собственно, не на что. Разве что на изгородь из бирючины сквозь ветхие занавески да на стены загроможденной вещами каморки, составлявшей ее мир вот уже столько лет.

Комнатка находилась на первом этаже дома возле входной двери, и, направляясь к крыльцу через буйную чашу, которая когда-то была садом, я видел настороженные морды собак, вспрыгнувших на кровать старушки. А в ответ на мой стук отчаянный лай сотрясал домик. Так бывало всегда. В течение года я наезжал туда довольно регулярно, и ритуал оставался неизменным: яростный лай, а затем миссис Бродуит, которая ухаживала за мисс

Стабс, выгоняла всех четвероногих обитателей домика в чулан — кроме моего пациента — и открывала дверь. Я входил и видел в углу мисс Стабс на кровати, над которой висел плакатик.

Она лежала так очень давно и знала, что ей уже никогда не встать, но я никогда не слышал от нее жалоб на болезнь или боли — три собаки и две кошки были ее единственной заботой.

Нынче меня вызвали к старику Принцу, а он мне очень не нравился. Вернее, его сердце — такой митральной недостаточности, таких перебоев в работе клапана мне редко приходилось слышать. Принц меня уже ждал и радостно помахивал длинным пушистым хвостом.

Этот хвост внушал мне мысль, что в Принце крылась изрядная доля ирландского сеттера, но, ощупывая плотное черно-белое туловище, осматривая косматую голову и острые уши, торчащие, как у немецкой овчарки, я был готов изменить мнение. Мисс Стабс частенько называла его «мистер Хайнц», и, хотя в нем, наверное, не было пятидесяти семи разных кровей, физическая крепость, свойственная полукровкам, пришлось ему очень кстати. Иначе с таким сердцем он отправился бы к праотцам давным-давно.

— Я подумала, что надо бы все-таки вам позвонить, мистер Хэрриот, — сказала миссис Бродуит, симпатичная пожилая вдова с почти квадратным румяным лицом, выглядевшим особенно здоровым по сравнению с сухонькими обострившимися чертами мисс Стабс, обрамленными подушкой. — Он что-то на этой неделе раскашлялся, а утром немножко пошатывался, но ест все еще хорошо.

— Оно и видно! — Я провел рукой по ребрам, укрытым толстым слоем жирка. — Чтобы старина Принц да отвернулся от миски? Для этого уж не знаю, что потребуется!

С подушки донесся смех мисс Стабс, а старый пес шире разинул ухмыляющуюся пасть, словно тоже радуясь шутке. И его глаза заблестели совсем уж весело. Я прижал стетоскоп к его сердцу, заранее зная, что услышу. Здоровое сердце, как нас учили, стучит «лаб-дап, лаб-дап», а сердце Принца стучало «свиш-свуш, свиш-свуш». Ощущение было такое, что при каждом сокращении почти столько же крови выплескивается назад в предсердие, сколько выбрасывается в аорту. И еще одно: по сравнению с прошлым разом это «свиш-свуш» заметно участилось. Он получал дигиталин, но особых результатов это, видимо, не дало.

Я угрюмо передвинул стетоскоп. Как у всех старых собак, хроническая сердечная недостаточность сопровождалась нескончаемым бронхитом, и теперь я без всякого восторга слушал симфонию хрипов, свистов, взвизгов и побулькиваний, которую исполняли легкие Принца. Старый пес стоял гордо выпрямившись, а хвост его так же медленно реял в воздухе. Когда я осматривал Принца, он относился к этому как к великой чести; вот и теперь явно получал от всей процедуры большое удовольствие. К счастью, особых болей он не испытывал.

Выпрямившись, я потрепал его по голове, и он тут же попытался упереться лапами мне в грудь, но это ему не вполне удалось, тем не менее, хотя усилие было совсем невелико, ребра его начали судорожно вздыматься, а язык вывалился из пасти. Я ввел ему дигиталин внутримышечно, а потом гидрхлорид морфия — он подчинился с видимым удовольствием, словно это тоже входило в игру.

— Надеюсь, мисс Стабс, уколы успокоят его сердце и дыхание. До конца дня он будет сонным, что тоже должно помочь. Продолжайте давать ему таблетки, и вот микстура от бронхита. — Я достал флакон ипекакуаны с ацетатом аммиака, мою старую палочку-выручалочку.

Теперь началась вторая часть визита: миссис Бродуит принесла мне чашку чая и выпустила остальных четвероногих из чулана. Бен, силихэм, и Салли, кокер-спаниель, вступили в состязание с Принцем: кто кого перелает. Кошки, Артур и Сюзи, грациозно последовали за ними и принялись тереться о мои ноги.

Все шло давно заведенным порядком — ведь я выпил уже множество чашек чая с мисс Стабс под сенью плакатика, покачивавшегося у нее над головой.

— Как вы сегодня себя чувствуете? — спросил я.

— О, гораздо лучше, — ответила она и, как обычно, сразу же переменяла тему.

Больше всего ей нравилось разговаривать о ее четвероногих друзьях — и нынешних, и всех тех, которые перебивали у нее со времен детства. Она много рассказывала о днях, когда были живы ее близкие. Особенно она любила описывать эскапады трех своих братьев и на этот раз показала мне фотографию, которую миссис Бродуит нашла на дне ящика комода.

Я взял снимок, и с пожелтевшей бумаги мне весело ухмыльнулись трое юношей в штанах по колено и круглых шапочках девяностых годов прошлого века. У всех в руках были трубки с длинными чубуками, а прошедшие годы ничуть не угасили веселого лукавства их улыбок.

— Честное слово, мисс Стабс, молодцы как на подбор, — сказал я.

— Да, повесы они были отъявленные! — воскликнула она, откинула голову, засмеялась, и на миг ее лицо просияло от бальзама воспоминаний.

И я вспомнил то, что слышал о ней по соседству: преуспевающий отец семейства, поставленный на широкую ногу большой дом, а затем — неудачное размещение капитала за границей, разорение и полная перемена образа жизни.

— Когда старик помер, от него всего ничего осталось, — поведал мне дряхлый старожил. — Денег там сейчас маловато.

Видимо, только-только, чтобы мисс Стабс и ее питомцы могли более или менее существовать и было чем платить миссис Бродуит. Но о том, чтобы содержать сад в порядке, отремонтировать дом или позволить себе кое-какое баловство, думать не приходилось.

Я пил чай, смотрел на собак, восседавших бок о бок у кровати, на кошек, вольготно расположившихся на ней, и меня вновь охватил страх перед лежавшей на мне ответственности. Единственным светлым лучом в жизни мужественной старушки была преданная любовь этой мохнатой компании. Беда же заключалась в их тоже преклонном возрасте.

Собственно говоря, собак не так давно тут сидело четыре, но одна умерла месяца за четыре до этого — совсем уж дряхлый желтый лабрадор. И теперь я присматривал за остальными, а самым молодым среди них было по меньшей мере десять.

Бодрости им хватало, но все страдали теми или иными старческими недугами. У Принца — сердце, Салли начала много пить, наводя меня на мысль о гнойном метрите, а Бен худел и худел от нефрита. Заменить ему почки на

здоровые я не мог, а на гексаминовые таблетки, которые прописал ему, особой надежды возлагать не приходилось. И еще — ногти у него росли так быстро, что мне приходилось постоянно их подстригать.

Кошки внушали меньше опасений, но Сюзи выглядела излишне тощей, и я каждый раз со страхом ощупывал ее пушистый живот, ища симптомов лимфосаркомы. Зато Артур был здоровяком, и мои услуги ему требовались, только когда на его зубах нарастал камень. Видимо, мисс Стабс вспомнила, что он довольно давно не подвергался этой операции, и, когда я поставил чашку, попросила меня поглядеть его. Я подтащил кота к себе по покрывалу и открыл ему рот.

— Да,росло. Раз уж я тут, то сейчас этим и займусь.

Артур был огромным серым холошеным котом, живым опровержением всех теорий, утверждающих, будто кошки по натуре холодны, эгоистичны и так далее. Прекрасные глаза взирали на мир с широкой морды — шире мне видывать не доводилось — с удивительной благожелательностью и терпимостью. Каждое его движение было исполнено неопишемого достоинства.

Едва я начал соскребать камень, как серая грудь загудела от мурлыканья, точно в отдалении включили мотор. Мне не нужны были помощники, чтобы держать его. Он сохранял благожелательную неподвижность и дернулся всего один раз, когда я, пытаясь щипцами снять камень с заднего зуба, нечаянно ушипнул десну. Артур небрежно поднял массивную лапу, словно говоря: «Посторожнее, приятель!». Однако когти так и остались втянутыми.

В следующий раз я приехал еще до истечения месяца. Вечером в шесть часов мне позвонила миссис Бродуит — Бен упал и не встает. Я прыгнул в машину и минут через восемь уже пробирался сквозь бурьян в саду, а из окна за мной следили собаки и кошки. Войдя в комнату, я увидел, что старый пес лежит неподвижно на боку рядом с кроватью.

«СДП» — отмечали мы в ежедневнике — «смерть до приезда». Всего три слова, но охватывали они всяческие ситуации — конец коров с послеродовым парезом, бычков с тимпанней, телят в конвульсиях. Нынче же из них следовало, что больше мне уже никогда не подстригать когти Бена.

Больные нефритом не часто умирают столь внезапно, но последнее время белок у него в моче достиг грозных цифр.

— Во всяком случае, мисс Стабс, произошло это быстро, и он совсем не мучился. — Мои слова казались неловкими и бесполезными. Старушка полностью владела собой: ни слезинки, и смотрела она с кровати на друга, столько лет разделявшего ее жизнь, непроницаемым взглядом. Надо бы поскорее унести его! Я подсунул одеяло под Бена, взял на руки и уже шагнул к двери, но мисс Стабс остановила меня:

— Подождите немножко.

С трудом повернувшись на бок, она, продолжая смотреть на Бена тем же непроницаемым взглядом, протянула руку и легонько погладила его по голове. Затем спокойно откинулась на подушки, а я торопливо вышел из комнаты.

На кухне миссис Бродуит сказала мне шепотом:

— Я сбегаю в деревню, попрошу Фреда Маннерса закопать его. Если у вас есть время, посидите пока с ней. Поговорите о чем-нибудь, ей легче будет.

Я вернулся в комнату и сел возле кровати. Мисс Стабс несколько секунд смотрела в окно, потом обратила глаза на меня.

— Ну вот, мистер Хэрриот. Теперь моя очередь.

— О чем вы?

— Сегодня умер Бен, а следующей буду я. Такое у меня предчувствие.

— Чепуха! Просто вам взгрустнулось. Со всеми нами так бывает. — Но мне стало не по себе. Никогда прежде она об этом не заговаривала.

— Я не боюсь, — продолжила она. — Я знаю, что меня ожидает радость. У меня никогда не бывало никаких сомнений. — Она замолчала и спокойно обратила взгляд на плакатик под газовым рожком. Я тоже молчал. Потом голова на подушке вновь повернулась ко мне.

— Боюсь я только одного... — Ее лицо изменилось так внезапно, словно с него упала маска. Это мужественное лицо стало почти неузнаваемым, глаза помутнели от ужаса, и она схватила меня за руку. — Мои собаки и кошки, мистер Хэрриот... Я боюсь, что после смерти уже не увижу их, и это меня мучит. Видите ли, я знаю, что воссоединюсь с моими родителями и братьями, но... но...

— Ну и с вашими любимцами, конечно.

— В том-то и дело... — Она покачала головой, не приподняв ее, и впервые я увидел у нее на щеках слезы. — Ведь говорят, что у животных души нет.

— Кто говорит?

— Ну я читала... И многие верующие в этом убеждены.

— А я убежден в обратном. — И я ласково погладил руку, все еще цепляющуюся за мою. — Если душа — это способность любить, хранить верность, чувствовать благодарность, то у животных больше шансов на спасение, чем у многих и многих людей. Тут вы можете быть совершенно спокойны.

— Как я надеюсь, что вы правы! Порой я заснуть не могу, все думаю об этом.

— Я знаю, что прав, мисс Стабс, и, пожалуйста, не спорьте со мной. Нам, ветеринарам, читают целый курс о душе животных.

Ужас исчез из ее глаз, и она засмеялась с обычным мужеством.

— Извините, что я не удержалась. Больше я вам этим докучать не буду. Но пока вы еще здесь, скажите, только честно... Мне не надо утешений, я хочу знать правду. Вы еще очень молоды, но можно вас спросить, как верите вы сами? Будут ли мои собаки и кошки со мной?

Она посмотрела мне прямо в глаза. Я передвинул стул и сглотнул.

— Мисс Стабс, боюсь, я не слишком разбираюсь во всем этом. Но в одном я уверен абсолютно. Где будете вы, там будут и они.

Она не отвела взгляда, но он стал совсем спокойным.

— Спасибо, мистер Хэрриот, я знаю, вы говорите со мной честно. Вы так правда верите?

— Да, верю. — ответил я. — Всем сердцем верю.

Примерно месяц спустя я совершенно случайно узнал, что это был мой последний разговор с мисс Стабс. Когда умирает одинокая бедная старуха, люди не бросаются к вам на улице сообщить эту новость. Фермер, к которому я приехал по вызову, случайно упомянул, что большой дом возле деревни Корби назначен на продажу.

— Но как же мисс Стабс? — спросил я.

— Скончалась скоростижно недели три назад. Дом, говорят, совсем обветшал. Столько лет его и не красили даже.

— Значит, миссис Бродуит там не останется?

— Да нет. Я вроде слышал, она переселилась в деревню.

— А с собаками и кошками как же? Вы не знаете?

— С какими собаками и кошками?

Я заторопился. Но поехал не домой, хотя время близилось к обеду, а погнал мой злосчастный кряхтящий автомобильчик в Корби, выжимая из него все. Там я спросил у первого встречного, где живет миссис Бродуит. Он указал на маленький, но хорошенький дом. Дверь мне открыла сама миссис Бродуит.

— Входите, входите, мистер Хэрриот. Вот спасибо, что заехали.

Я вошел, и мы сели, глядя друг на друга над добела оттертой крышкой стола.

— Отмучилась она, а все равно грустно, — сказала миссис Бродуит.

— Да. Я только сегодня узнал.

— Правда, упокоилась она тихо. Заснула и не проснулась.

— Это хорошо.

Миссис Бродуит обвела взглядом комнату.

— С домом этим мне, можно сказать, повезло. Я всегда хотела такой.

У меня не хватило сил сдержаться.

— А что с собаками и кошками? — выпалил я.

— Так они в саду, — ответила она невозмутимо. — Позади дома. Там места много.

Она встала, открыла дверь, и я с невыразимым облегчением увидел, как в нее входят все мои старые друзья.

Артур мгновенно очутился у меня на коленях, радостно потирая выгнутой спиной мое плечо, а его подвесной мотор вплетал свою мягкую ноту в собачий лай. Принц, помахивая хвостом, то радостно ухмылялся мне, то приветственно тявкал, все так же хрипло.

— Они чудесно выглядят, миссис Бродуит. И надолго они тут?

— Так навсегда же. Они ведь для меня тоже свои, как для нее были, и я с ними ни за что не расстанусь. Пока они живы, их дом тут.

Я посмотрел на типичное лицо йоркширской сельской жительницы, на отвислые щеки, придающие ему угрюмость, и на добрейшие глаза.

— Чудесно! — сказал я. — Но... не будет ли вам... э... трудновато кормить их всех.

— Уж будьте спокойны. У меня на черный день кое-что отложено.

— Ну и отлично. Я буду иногда к вам заглядывать — мне ведь часто приходится проезжать тут. — Я встал и направился к двери.

Миссис Бродуит остановила меня, подняв ладонь.

— Можно вас об одной вещи попросить, пока они еще не начали готовить там все к продаже? Не заглянули бы вы сейчас туда взять лекарства, какие вы им прописывали, — они там, в комнате.

Я взял ключ и поехал в дальний конец деревни. Когда я распахнул ветхую калитку и пошел через бурьян, фасад дома показался мне странно безжизненным — в окне не виднелись собачьи морды. А когда дверь, заскрипев, отворилась, меня окутала тишина, словно тяжелый саван.

Мебель стояла на прежних местах — в углу кровать со скомканными одеялами. Я прошелся по комнате, собирая полупустые пузырьки, баночку с мазью, картонную коробочку с таблетками для Бена — много пользы они ему принесли!

Когда ничего больше не осталось, я медленно оглядел комнатушку. Ведь больше мне здесь не бывать. В дверях я остановился и в последний раз прочел надпись на плакатике, свисавшем с газового рожка над кроватью.

Старики и их любовь к четвероногим друзьям! Мисс Стабс она окутывала тихим сиянием. Мужество и вера этой старушки дарят утешение и надежду. Столько людей писали мне с той же тревогой, которая не оставляла мисс Стабс: «Есть ли у животных душа?». Могу сказать лишь, что я и теперь, как тогда, убежден — ее собаки ушли туда же, куда ушла она. Мучает стариков и другая тревога: что станет с их верными друзьями, если сами они умрут раньше их. Кто за ними присмотрит? Попадут ли они в добрые руки? Я знаю по опыту, что такие старики думают не столько о себе, сколько страдают от мысли, что после их смерти их собаки и кошки будут брошены на произвол судьбы. Страх этот не исчезает, но я убедился, что очень часто он оказывается неосновательным. Мы живем в стране, где ценится сострадание, и сколько в ней таких вот миссис Бродуит!

9. Кланси

Глухое ворчание, зарождавшееся где-то в самых недрах грудной клетки, зарокотало в моем стетоскопе, и я внезапно с пугающей ясностью осознал, что такого огромного пса мне еще видеть не доводилось. Да, насколько я мог судить по моему довольно бедному опыту, ирландские волкодавы, бесспорно, были выше, а бульмастифы, пожалуй, шире в плечах, но по общим габаритам пальма первенства несомненно принадлежала этому устрашающему колоссу по кличке Кланси.

Самая подходящая кличка для собаки ирландца, а Джо Муллиген был ирландцем до мозга костей, хотя и прожил в Йоркшире не один десяток лет. Джо привел Кланси на дневной прием, и, увидев, как косматый пес бредет, заполняя собой коридор, я припомнил, с каким солидным благодушием он сносил веселую назойливость собак помельче, когда мы встречались на лугах вокруг Дарроуби. Ну на редкость смирный, дружелюбный пес!

И вот теперь в могучей глотке клокотало зловещее ворчание, словно отдаленная барабанная дробь, раскатывающаяся по подземной пещере. И по мере того, как стетоскоп продвигался между ребрами, ворчание становилось все громче, а губы подергивались над грозными клыками, словно их колебал ветер. Вот тут я и осознал, что не только Кланси — чудовищно крупная соба-

ка, но и что я совершенно беззащитен: стою перед ним на коленях и мое правое ухо находится совсем рядом с его пастью.

Я поспешно поднялся с колен и убрал стетоскоп в карман, а пес смерил меня холодным взглядом — искоса, даже не повернув головы. Но в самой его неподвижности таилась наводящая ужас угроза. Вообще-то я не склонен волноваться, когда пациенты огрызаются на меня, но во мне крепла уверенность, что этот огрызаться не будет, а сразу устроит что-нибудь весьма эффектное.

И я слегка отодвинулся.

— Так, какие вы замечали симптомы, мистер Муллиген?

— Что-что? — Джо приставил ладонь к уху.

Я вобрал побольше воздуха в грудь и завопил:

— Что с ним такое?

Старик взглянул на меня с полным недоумением из-под козырька аккуратно надетой кепки и потрогал шарф, завязанный поверх кадыка, а из трубки в самом центре его губ поднялись завитки голубого дымка, словно знаки вопроса.

В памяти всплыли подробности былых недомоганий Кланси, и, шагнув к мистеру Муллигену, я во всю мочь крикнул прямо ему в лицо:

— Его рвет?

Ответ не замедлил себя ждать. Джо облегченно улыбнулся и вынул трубку из рта.

— Да, да, сэр. Выворачивает его. Сильно выворачивает! — Он явно почувствовал под ногами знакомую почву.

Лечение Кланси всегда велось на расстоянии. В самый первый день, когда я приехал в Дарроуби два года назад, Зигфрид сообщил мне, что этот пес — почти эрдель, но ростом с хорошего осла — совершенно здоров, и только его склонность пожирать весь мусор, какой ему попадет, приводила к неизбежным результатам. Через определенные промежутки времени ему прописывалась большая бутылка микстуры из углекислого висмута. Тогда же я узнал, что Кланси завел от скуки обыкновение валить Джо с ног и трепать как крысу. Но хозяин все равно его обожал.

Тут во мне заговорила совесть: когда-нибудь же надо провести полный осмотр. Смерить ему температуру, например. Ну что тут такого? Ухвачу хвост, приподниму и введу термометр в задний проход... Пес повернул голову и посмотрел мне в глаза ничего не выражающим взглядом, и я опять услышал глухой барабанный бой, а верхняя губа чуть вздернулась, обнажив на мгновение белую сверкающую полоску.

— Отлично, мистер Муллиген! — воскликнул я деловито. — Сейчас я дам вам бутылочку микстуры.

В аптеке под рядами бутылок с латинскими названиями и стеклянными притертыми пробками я взболтал микстуру в десятиунцевом флаконе, вдавил в горлышко пробку, приклеил ярлычок и написал обычные указания. Джо с удовлетворенным видом сунул в карман хорошо ему знакомую белую целебную жидкость в столь же привычном сосуде и повернулся к дверям, но тут во мне снова взыграла совесть.

— Привидите его в четверг в два часа, — крикнул я в ухо старику. — И, если можно, не опаздывайте, а то сегодня вы что-то задержались.

Я смотрел, как мистер Муллиген удаляется по улице, а из его трубки

вырываются клубы дыма, словно над отходящим от станции паровозом. Позади него вразвалку шагал Кланси, полное воплощение внушительной невозмутимости. Весь в тугих каштановых завитках, он действительно походил на гигантского эрделя.

В четверг, задумчиво прикинул я, в два часа дня... Мы с Хелен, наверное, будем сидеть в кино, как обычно, — ведь вторая половина четверга у меня была свободной.

Утром в пятницу Зигфрид за письменным столом распределял вызовы. Он вырвал из блокнота листок со списком и протянул мне.

— Ну вот, Джеймс. Как раз достаточно, чтобы вы до обеда не слишком бездельничали.

Тут его взгляд скользнул по записям вчерашнего приема, и он обернулся к младшему брату, который, выполняя свою утреннюю обязанность, растапливал камин.

— Тристан, так вчера Джо Муллиген приходил со своим псом, и ты его смотрел? Ну и твое заключение?

Тристан поставил ведро с углем на пол.

— Ну, я прописал ему висмутовую микстуру.

— Я понимаю. Но что ты установил, осматривая пациента?

— А-а! — Тристан задумчиво потер подбородок. — Выглядит он прекрасно. Суший живчик.

— И это все?

— Да... собственно говоря.

Зигфрид обернулся ко мне.

— Ну а вы, Джеймс? Вы же смотрели эту собаку позавчера. И что вы у нее нашли?

— Вопрос довольно сложный, — ответил я. — Пес этот ростом с хорошего слона и вообще какой-то жутковатый. Мне все время чудилось, что он только выжидает удобного случая. А кроме старика Джо, удержать его было бы некому. Боюсь, мне не удалось провести полного обследования, но должен сказать, у меня сложилось то же мнение, что и у Тристана. Суший живчик.

Зигфрид устало отложил ручку. Ночью судьба нанесла ему один из тех сокрушительных ударов, которые она приберегает специально для ветеринаров: вызов в час ночи, когда он только-только уснул, и вызов в шесть утра, когда он снова только-только уснул. А потому его огневая энергия несколько поуасла.

Он провел рукой по глазам.

— Да смилуется над нами Бог! Вы, Джеймс, дипломированный ветеринарный врач с двухлетним опытом, и ты, Тристан, студент-выпускник, — вы оба сумели обнаружить только одно — что он суший живчик! Скверно, очень скверно! И вряд ли заслуживает названия клинического диагноза. Когда к нам приводят животное, я жду, что вы запишите его пульс, температуру, частоту дыхания. Проведете аускультацию грудной клетки и пальпацию живота. Откроете ему рот и исследуете зубы, десны и глотку. Проверите состояние кожи. А если потребуется, так возьмете катетером мочу и сделаете ее анализ.

— Хорошо, — сказал я.

— Ладно, — отозвался Тристан.

Мой партнер встал из-за стола.

— Ты снова назначил его на прием?

— Да. Конечно. — Тристан достал из кармана сигареты. — На понедельник. Но ведь мистер Муллиген всегда опаздывает, и я предупредил его, что мы осмотрим собаку вечером у него дома.

— Ах, так! — Зигфрид сделал пометку в блокноте и вдруг вскинул голову. — Но ведь вы с Джеймсом в это время должны быть на собрании молодых фермеров!

Тристан сделал глубокую затяжку.

— Совершенно верно. Для практики очень полезно, чтобы мы почаще встречались с молодыми клиентами.

— Прекрасно, — сказал Зигфрид, направляясь к двери. — Я сам осмотрю собаку.

Утром во вторник я все время ждал, что Зигфрид вот-вот упомянет муллигеновского пса, хотя бы в доказательство того, какую пользу приносит полное клиническое обследование. Но этой темы он не коснулся.

Однако волею судеб, когда я шел через рыночную площадь, мне повстречался мистер Муллиген, которого, естественно, сопровождал Кланси.

Я подошел к старику и крикнул ему на ухо:

— Как ваша собака?

Он извлек трубку изо рта и улыбнулся неторопливо и благодушно.

— А хорошо, сэр, очень хорошо. Выворачивает ее помаленьку, но не так чтобы уж слишком.

— Значит, мистер Фарнон ее подлечил?

— Ага! Дал ей еще белой микстурки. Отличное средство, сэр. Отличное!

— Вот и прекрасно, — сказал я. — И пока обследовал Кланси, он ничего плохого не обнаружил?

Джо пососал трубку.

— Да нет. Уж мистер Фарнон свое дело знает. В жизни не видывал, чтоб человек так живо управлялся.

— Что-что?

— Так ведь он только взглянул — и уже во всем разобрался. Три секунды — и конец делу.

Я был сбит с толку.

— Три секунды?

— Да, — категорично заявил мистер Муллиген. — Ни на секундочку больше.

— Поразительно! И как же это было?

Джо выбил трубку о каблук, не спеша вытащил ножик и принялся отпиливать новую заправку от зловеще-черной полосы прессованного табака.

— Так я же вам толкую: мистер Фарнон, он ведь что твоя молния. Вечером забарабанил в дверь и как прыгнет в комнату! (Мне были хорошо известны эти домишки: ни коридорчика, ни даже прихожей — дверь с улицы открывалась прямо в жилую комнату.) Входит, а сам уже градусник вытаскивает. А Кланси, значит, полеживал у огня, ну и вскочил, да и гавкнул маленько.

— Маленько гавкнул, э? — Я прямо-таки увидел, как косматое чудовище взлетает в воздух и лает в лицо Зигфриду — пасть разинута, клыки сверкают.

— Ага! Гавкнул маленько. А мистер Фарнон спрятал градусник в футляр, повернулся и вышел в дверь.

— И ничего не сказал?

— Ни единого словечка. Повернулся, значит, как солдат на параде, и марш-марш за дверь. Вот так-то.

Это походило на правду. Решения Зигфрид умел принимать мгновенно. Я протянул было руку, чтобы погладить Кланси, но что-то в его глазах удержало меня от такой фамильярности.

— Ну я рад, что ему полегчало! — прокричал я.

Старик раскурил трубку с помощью старой латунной зажигалки, выпустил облачко едкого сизого дыма прямо мне в лицо и закрыл чашечку медной крышкой.

— Ага. Мистер Фарнон прислал большую бутылочку белой микстуры, и ему живо полегчало. Да что уж там! — Он улыбнулся благодостной улыбкой. — Кланси всегда ж маленько, а выворачивает. Уж он такой.

Более недели пес-великан в Скелдейл-Хаусе не упоминался, но, видимо, профессиональная совесть грызла Зигфрида. Во всяком случае, он как-то днем заглянул в аптеку, где мы с Тристаном занимались делом, ныне отошедшим в область преданий, — изготавливали жаропонижающие микстуры, слабительные порошки, пессарии из борной кислоты — и сказал с величайшей небрежностью:

— Да, кстати! Я послал письмо Джо Муллигену, все-таки я не вполне убежден, что мы исследовали его собаку в надлежащей мере. Вывора... э... рвота, почти наверное, объясняется неразборчивым обжорством, но тем не менее я хотел бы удостовериться в этом точно. А потому я попросил его зайти завтра с собакой между двумя и тремя, когда мы все будем здесь.

Радостных воплей не последовало, и он продолжал:

— Пес этот, пожалуй, в какой-то степени нелегкое животное, а потому нам надо все рассчитать заранее. — Он посмотрел на меня. — Джеймс, когда его приведут, вы будете опекать его сзади, хорошо?

— Хорошо, — ответил я без всякого восторга.

Зигфрид впился глазами в брата.

— А тебе, Тристан, поручим голову, договорились?

— Отлично, отлично, — буркнул Тристан, храня непроницаемое выражение. А его брат продолжал:

— Ты покрепче обхвати его обеими руками за шею, а я уже буду готов ввести ему снотворное.

— Прекрасно, прекрасно, — сказал Тристан.

— Ну вот и чудесно! — Мой партнер потер руки. — Как только я его уколю, остальное будет просто. Я не люблю оставлять что-то невыясненным.

В Дарроуби практика в целом была типично деревенской — лечили мы больше крупных животных, а потому в приемной пациентов обычно бывало немного. Но на следующий день после двух в ней вообще не оказалось никого, и ожидание из-за этого стало почти невыносимым. Мы все трое слонялись из комнаты в комнату, заводили разговоры ни о чем, с подчеркнутым равнодушием поглядывали в окно на улицу, что-то про себя насвистывали. К поло-

вине третьего мы окончательно смолкли. Следующие пять минут мы через каждые несколько секунд подносили часы к глазам, и ровно в половине третьего Зигфрид нарушил молчание:

— Черт знает что! Я предупредил Джо, чтобы он пришел до половины третьего, а он даже внимания не обратил. Он вечно опаздывает, по-видимому, добиться от него пунктуальности невозможно. И очень хорошо: ждать дольше у нас времени нет. Нам с вами, Джеймс, пора ехать оперировать жеребенка, а за тобой, Тристан, записана корова Уилсона. Ну, в путь!

До той минуты я был убежден, что в дверях застревают только кинокомки, но тут выяснилось, что мы вполне могли бы с ними соперничать: во всяком случае, в коридор мы вывалились все вместе. Несколько секунд спустя мы были уже во дворе, и Тристан, рыча мотором, унесся прочь в синем облаке выхлопных газов. А мы с Зигфридом лишь чуть медленнее умчались в противоположном направлении.

Когда с улицы Тренгейт мы свернули на рыночную площадь, я обвел ее быстрым взглядом, но мистера Муллигена нигде не обнаружил. Увидели мы его на самом выезде из городка. Он только-только вышел из дома и неторопливо брел по тротуару, окутанный сизым дымом, а Кланси, как обычно, трусил чуть позади.

— Вон он! — воскликнул Зигфрид. — Нет, вы поглядите на него! С такими темпами он доберется до приемной не раньше трех. И никого там не найдет. Но он сам виноват. — Тут он оглянулся на огромного курчавого пса, просто излучавшего здоровье и энергию. — Впрочем, мы просто потратили бы время впустую, обследуя эту псину. Ничем он не болен.

Зигфрид немного помолчал, глубоко задумавшись, а потом повернулся ко мне:

— Суший живчик, ведь верно?

Самые разные собаки могут оказаться опасными, но Кланси, с его тихой свирепостью, остается для меня единственным в своем роде. Да и Джо Муллиген был по-своему неподражаем. Его любимое словечко прямо-таки въелось мне в память, и по сей день, осматривая собаку с расстройством пищеварения, я с трудом удерживаюсь, чтобы не спросить: «И сильно ее выворачивает?»

10. *Миссис Донован*

Седовласый джентльмен с приятным лицом не походил на холерика, однако глядел на меня с яростью, а губы его подергивались от возмущения.

— Мистер Хэрриот, — сказал он, — я намерен подать на вас жалобу. Из-за вас моя собака терпит лишние страдания, и мириться с этим я не собираюсь.

— Страдания? Какие?

— Вы прекрасно знаете какие, мистер Хэрриот! Несколько дней назад я приводил ее к вам, и я имею в виду ваше лечение.

Я кивнул.

— Да, я помню... Но при чем тут страдания?

— Так ведь бедный пес волочит ногу, и знающий человек объяснил мне, что это несомненный перелом и следует немедленно наложить гипс! — Старик свирепо выставил подбородок.

— Вы напрасно тревожитесь, — сказал я. — У вашей собаки паралич нерва, вызванный ударом по спине. Если вы будете терпеливо выполнять все

мои указания, ей мало-помалу станет лучше. Собственно, я почти не сомневаюсь, что выздоровление будет полным.

— Но нога же болтается!

— Я знаю. Это типичный симптом, и неспециалисту вполне может показаться, будто нога сломана. Ведь боли ваш пес не испытывает?

— Нет... По его поведению этого не скажешь. Но она была так уверена! Непокоримо.

— Она?

— Да. Эта дама удивительно хорошо понимает животных и зашла узнать, не может ли она помочь выхаживать моего пса. И принесла чудесные укрепляющие порошки.

— А! — Пронзительный луч света рассеял туман в моем мозгу. Все стало совершенно ясно. — Уж не миссис ли Донован?

— Э... да. Совершенно верно.

Миссис Донован была вездесуща. Что бы ни происходило в Дарроуби — свадьбы, похороны, распродажи, — в толпе зрителей обязательно стояла эта низенькая толстая старуха, и черные глаза-пуговицы на смуглом лице бегали по сторонам, ничего не упуская. И обязательно рядом с ней на поводке ее терьер.

«Старуха» — это больше моя догадка. Она, казалось, не имела возраста, и, хотя жила в городе словно бы всегда, лет ей могло быть и семьдесят пять, и пятьдесят пять. Во всяком случае, ее энергии хватило бы на двух молодых женщин, ведь в неукротимом желании быть в курсе всех городских событий она, несомненно, покрывала пешком огромные расстояния. Многие люди называли ее неутолимое любопытство не слишком лестными словами; но каковы бы ни были ее побуждения, она так или иначе соприкасалась со всеми сферами городской жизни. И одной из этих сфер была наша ветеринарная практика.

Ведь миссис Донован при широте своих интересов была и врачевательницей животных. Можно даже смело сказать, что эта деятельность занимала в ее жизни главное место.

Она могла прочесть целую лекцию о болезнях собак и кошек и располагала огромным арсеналом всяческих снадобий и зелий, особенно гордясь своими чудотворными укрепляющими порошками и жидким мылом, волшебным улучшающим шерсть. На больных животных у нее был просто особый нюх, и во время объездов я довольно часто обнаруживал следующую картину: над пациентом, к которому меня вызвали, низко наклоняется темное цыганское лицо миссис Донован — она кормит его студнем или пичкает каким-то целебным средством собственного изготовления.

Терпеть от нее мне приходилось больше, чем Зигфриду, потому что лечением мелких животных занимался в основном я. И миссис Донован отнюдь не способствовала осуществлению моей заветной цели — стать настоящим уважаемым специалистом именно в этой области. «Молодой мистер Хэрриот, — доверительно сообщала она моим клиентам, — коров там или лошадей пользует совсем неплохо, вот только про кошек и собак он ничегошеньки не знает».

Разумеется, они ей свято верили и во всем на нее полагались. Она обладала неотразимым мистическим обаянием самоучки, а к тому же — что в Дарроуби ценилось очень высоко — никогда не брала денег ни за советы, ни за лекарства, ни за долгие часы усердной возни с четвероногим страдальцем.

Старожилы рассказывали, что ее муж, батрак-ирландец, умер много лет назад, но, видно, успел отложить кое-что на черный день: ведь миссис Донован живет как ей хочется и вроде бы не бедствует. Сам я часто встречал ее на улицах Дарроуби — место постоянного ее пребывания, — и она всегда ласково мне улыбалась и торопилась сообщить, что всю ночь просидела с песиком миссис Имярек, которого я смотрел. Сдается ей, она его вызволит.

Но на ее лице не было улыбки, когда она вбежала в приемную. Мы с Зигфридом пили чай.

— Мистер Хэрриот, — еле выговорила она, задыхаясь. — Вы не поедете? Мою собачку переехали.

Я выскочил из-за стола и побежал с ней к машине. Она села рядом со мной, понунив голову, судорожно сжав руки на коленях.

— Вывернулся из ошейника и прыгнул прямо под колеса, — бормотала она. — Лежит на Клиффенд-роуд напротив школы. А побыстрее нельзя?

Через три минуты мы были на месте, но, еще нагибаясь над распростертым на тротуаре запыленным тельцем, я понял, что сделать ничего невозможно. Стекленеющие глаза, прерывистое, еле слышное дыхание, бледность слизистых оболочек — все говорило об одном.

— Я отвезу его к нам, миссис Донован, и сделаю вливание физиологического раствора, — сказал я. — Но боюсь, у него очень сильное внутреннее кровоизлияние. Вы успели увидеть, что, собственно, произошло?

Она всхлинула.

— Да. Его переехало колесо.

Стопроцентно — разрыв печени. Я подсунил ладони под песика и осторожно приподнял его, но в ту же секунду дыхание остановилось, глаза неподвижно уставились в одну точку.

Миссис Донован упала на колени и начала поглаживать жесткую шерсть на голове и груди терьера.

— Он умер? — прошептала она наконец.

— Боюсь, да.

Она медленно поднялась с колен и стояла среди прохожих, задержавшихся взглянуть, что произошло. Ее губы шевелились, но, казалось, она была не в силах произнести ни слова.

Я взял ее за локоть, отвел к машине и открыл дверцу.

— Садитесь. Я отвезу вас домой, — сказал я. — Предоставьте все мне.

Я завернул песика в свой комбинезон и положил в багажник. Когда мы остановились перед дверью миссис Донован, она тихо заплакала. Я молча ждал, пока она выплечется. Утерев глаза, она повернулась ко мне.

— Ему было очень больно?

— Убежден, что нет. Все ведь произошло мгновенно. Он не успел ничего почувствовать.

Она жалко улыбнулась.

— Бедняжка Рекс. Просто не понимаю, как я буду без него. Вы же знаете, мы с ним не одну милю прошли вместе.

— Да, конечно. У него была чудесная жизнь, миссис Донован. И разрешите дать вам совет: заведите другую собаку. Иначе вам будет слишком тяжело.

Она покачала головой.

— Нет. Не смогу. Я его очень любила, моего песика. И вдруг заведу себе другого?

— Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. И все-таки подумайте. Не считайте меня бессердечным. Я всегда советую так тем, кто лишился четвероногого друга. И знаю, что это здравый совет.

— Мистер Хэрриот, другой собаки у меня не будет. — Она опять решительно покачала головой. — Рекс много лет был моим верным другом, и я хочу его помнить всегда. А потому больше никакой собаки не заведу.

После этого я часто видел миссис Donovan на улицах и был рад, что ей удалось сохранить свою кипучую энергию, хотя без собаки на поводке она выглядела как-то сиротливо. Но, пожалуй, прошло больше месяца, прежде чем нам довелось поговорить.

Как-то днем мне позвонил инспектор Холлидей из Королевского общества защиты животных от жестокого обращения.

— Мистер Хэрриот, — сказал он, — вы не поехали бы со мной? Наш случай.

— Хорошо. Но в чем дело?

— Да собака. Бог знает что! Совершенно невозможные условия.

Он продиктовал мне адрес одного из кирпичных домишек у реки и сказал, что встретит меня там.

Когда я остановил машину в узком проулке позади домов, Холлидей уже ждал меня — деловитый, подтянутый, в темной форме. Это был крупный блондин с веселыми голубыми глазами, но теперь он даже не улыбнулся мне.

— Она там, — сказал он сразу и направился к одной из дверей в длинной выщербленной стене. Возле собралась кучка любопытных, и я с ощущением неизбежности узнал темное цыганское лицо. Уж конечно, подумал я, без миссис Donovan дело никак обойтись не может!

Мы вошли в дверь и оказались в длинном саду. В Дарроуби даже позади самых скромных лачужек были длинные участки, словно строители считали само собой разумеющимся, что поселяются в них люди, перебравшиеся в город из сельской местности и сохраняющие тягу к земле, которые будут выращивать свои овощи и фрукты, а может быть, и содержать кое-какую живность. Совсем не редкость было увидеть там поросенка, парочку-другую кур, а часто — и яркие клумбы.

Но этот участок был запущен. Из могучего бурьяна поднималось несколько корявых яблонь и слив, словно никогда не знавших заботливых человеческих рук.

Холлидей направился к ветхому сарайчику с облупившейся краской и проржавевшей крышей. Он вынул ключ, отпер висячий замок и с некоторым усилием приоткрыл дверь. Оконца в сарае не было, и я не сразу рассмотрел, какой хлам в нем хранился: сломанные грабли и лопата, видевший лучшие дни бельевой каток, груда цветочных горшков, ряды открытых банок с краской. И в самой глубине тихо сидела собака.

Я не сразу ее разглядел — и потому, что в сарае было темно, и потому, что в нос мне ударил запах, из-за которого я раскашлялся. Но войдя внутрь, я увидел крупного пса, сидевшего очень прямо. На нем был ошейник с цепью, прикованной к кольцу в стене. Мне доводилось видеть исхудалых собак, но при виде этой я невольно вспомнил учебники по анатомии — с такой жуткой четкостью вырисовывались кости морды, грудной клетки и таза. Глубокая

впадина в земляном полу показывала, где он лежал, двигался — короче говоря, жил — в течение довольно долгого времени.

Вид его настолько ошеломил меня, что я не сразу заметил грязные обрывки мешковины рядом с ним и миску с затхлой водой.

— Вы взгляните на его задние ноги! — буркнул Холлидей.

Я осторожно приподнял пса и понял, что вонь в сарае объяснялась не только кучками экскрементов. Задние ноги представляли собой сплошную гноящуюся язву с болтающимися полосками отмирающих тканей. Язвы покрывали грудь и ребра. Шерсть, по-видимому тускло-золотистая, свалилась и почернела от грязи.

Инспектор сказал:

— По-моему, он вообще все время тут. Он же еще почти щенок — ему около года, — но, насколько мне удалось установить, он безвыходно живет в этом сарае с двухмесячного возраста. Кто-то, проходя задками, услышал, как он скулит, не то мы бы его не обнаружили.

У меня сжало горло, меня затошнило — но не от вони. Он мысли, что этот терпеливый пес сидел, голодный и забытый, в темноте и нечистотах целый год. Я посмотрел на него и встретил взгляд, в котором не было ничего, кроме тихой доверчивости. Одни собаки, попав в такое положение, принялись бы иступленно лаять, так что их скоро выручили бы, другие стали бы трусливыми и злобными, но этот пес был из тех, кто ничего не требует, кто беззаветно верит людям и принимает от них все не жалуясь. Ну разве что он иногда поскуливал, сидя в черной пустоте, которая была всем его миром, и тоскливо не понимал, что все это означает.

— Во всяком случае, инспектор, — сказал я, — хорошо уже, что виновника вы привлечете к ответственности!

— Тут мало что можно сделать, — угрюмо ответил Холлидей. — Невменяемость! Хозяин явно слабоумен и отчета в своих поступках не отдает. Живет со старухой-матерью, которая тоже плохо понимает, что вокруг происходит. Я видел этого субъекта и выяснил, что он бросал ему какие-нибудь объедки, когда считал нужным, и этим все ограничивалось. На него, конечно, наложат штраф и запретят ему в дальнейшем держать животных, но и только.

— Понимаю. — Я протянул руку и погладил пса по голове, а он тотчас откликнулся на ласку, положив лапу мне на запястье. В его попытке сидеть прямо было какое-то трогательное достоинство, спокойные глаза смотрели на меня дружелюбно и без страха. — Вы дадите мне знать, если мои показания потребуются в суде.

— Да, конечно. И спасибо, что приехали. — Холлидей нерешительно помолчал. — А теперь, полагаю, вы сочтете, что беднягу надо поскорее избавить от страданий.

Я задумался, продолжая поглаживать голову и уши.

— Да... пожалуй, другого выхода нет. Кто же его возьмет в таком состоянии? Так будет гуманнее всего. Но все-таки откройте дверь пошире: надо осмотреть его как следует.

В более ярком свете я увидел отличные зубы, стройные ноги, с золотистой бахромой шерсть. Я приложил стетоскоп к его груди, и, пока в моих ушах раздавался размеренный сильный стук его сердца, он снова положил лапу мне на руку. Я обернулся к Холлидею.

— Вы знаете, инспектор, внутри этого грязного мешка костей прячется золотистый ретривер, причем прекрасный и здоровый. Если бы можно было найти другой выход!

Тут я заметил, что в дверном проеме рядом с инспектором стоит еще кто-то. Из-за его широкой спины в собаку внимательно вглядывалась пара черных блестящих глаз. Остальные зеваки остались в проулке, но миссис Донован со своим любопытством совладать не сумела. Я продолжал говорить, словно ее тут не было.

— Этого пса, как вы понимаете, совершенно необходимо было бы вымыть хорошим жидким мылом и расчесать свалявшуюся шерсть.

— А? — рассеянно спросил Холлидей.

— Да-да! И ему было бы крайне полезно некоторое время получать сильнодействующие укрепляющие порошки!

— О чем вы говорите? — Инспектор явно чувствовал себя в тупике.

— Тут никаких сомнений нет, — ответил я. — Иначе его не вызволить. Но только где их найти? То есть достаточно сильнодействующие средства! — Я вздохнул и выпрямился. — Но что поделать! Другого, видимо, ничего не остается. Я сейчас же его и усыплю. Погодите, пока я схожу к машине за всем необходимым.

Когда я вернулся в сарай, миссис Донован уже проникла в него и внимательно осматривала пса, не слушая робких возражений инспектора.

— Вы только посмотрите! — воскликнула она взволнованно, указывая на выцарапанные на ошейнике буквы. — Его зовут Рой! — Она улыбнулась мне. — Почти как Рекс, правда ведь?

— А знаете, миссис Донован, вы совершенно правы. Действительно похожие клички. Рекс — Рой... Особенно в ваших устах. — Я решительно кивнул.

Она помолчала, видимо под влиянием какого-то сильного чувства, и вдруг быстро спросила:

— Можно, я его возьму? Уж я его вылечу. Я знаю как! Можно? Ну пожалуйста!

— Собственно говоря, — сказал я, — решает инспектор. Разрешение надо просить у него.

Холлидей поглядел на нее с недоумением, сказал: «Извините, сударыня» — и отвел меня в сторону. Мы остановились в густом бурьяне.

— Мистер Хэрриот, — сказал он вполголоса, — я не совсем понимаю, что происходит, но я не могу отдать животное в подобном состоянии в первые попавшиеся руки. Мало ли какая это может быть прихоть. Бедняга и так уже настрадался. Я не могу рисковать. Она не производит впечатления... Я перебил его.

— Поверьте, инспектор, вы можете быть абсолютно спокойны. Она, бесспорно, старая чудачка, но сюда ее послал сам Бог, не иначе. Если кто-нибудь в Дарроуби и способен вернуть эту собаку к жизни, то только она.

Холлидей смотрел на меня с прежним сомнением.

— Но я все-таки не понимаю. Причем тут жидкое мыло и укрепляющие порошки?

— А, ерунда! Я вам объясню как-нибудь в другой раз. Конечно, ему нужно хорошее и обильное питание, и еще заботы, и еще любовь. И все это ему обеспечено. Поверьте мне.

— Ну хорошо, если вы ручаетесь... — Холлидей умолк, несколько секунд смотрел на меня, потом повернулся и пошел к сараю, где изнывала от нетерпения миссис Донован.

Прежде мне не приходилось специально высматривать миссис Донован: она сама постоянно попадалась мне на глаза; но теперь я день за днем тщетно обшаривал взглядом улицы Дарроуби — ее нигде не было. Когда Гоббер Ньюхаус напился и решительно направил свой велосипед на барьер, огораживающий траншею для водопроводных труб, я с беспокойством обнаружил, что в толпе зевак, следивших за тем, как землекопы и двое полицейских пытаются извлечь его из десятифутовой ямы, миссис Донован отсутствует. Не оказалось ее и среди зрителей, когда пожарная машина примчалась вечером к закуской, где вспыхнул жир, в котором жарилась картофельная соломка. И меня охватила тревога.

Не следует ли мне заехать посмотреть, как она справляется с псом? Да, разумеется, я удалил омертвевшую ткань и обработал язвы, прежде чем она его увела, но, возможно, ему требовалось серьезное лечение? Правда, я тогда был совершенно убежден, что его надо только извлечь из этого ужасного сарая, хорошенько вымыть, сытно кормить — и природа сделает все остальное. Да и в вопросах лечения животных я доверял миссис Донован заметно больше, чем она мне. Ну не мог же я настолько ошибаться!

Прошло что-то около трех недель, и я уже совсем решил заехать к ней, но вдруг увидел утром, как она энергично семенит по другой стороне рыночной площади, заглядывая во все витрины точно так же, как прежде. Но только теперь она вела на поводке большого золотистого пса.

Я повернул машину и, трясясь по булыжнику, подъехал к ней. Увидев, как я вылезая из машины, она остановилась и лукаво улыбнулась, но ничего не сказала и продолжала молчать, пока я осматривал Роя. Он все еще был довольно тощим, но выглядел бодрым и счастливым, язвы почти совсем затянулись, а его шерсть блистала чистотой. Теперь я понял, куда запропастилась миссис Донован: все это время она мыла, расчесывала, распутывала слипшиеся колтуны и теперь могла похвастать результатом.

Когда я распрямылся, ее пальцы сжали мою руку с неожиданной силой, и она поглядела мне прямо в глаза:

— Ну, мистер Хэрриот, я ведь подлечила эту собачку, а?

— Вы сотворили чудеса, миссис Донован, — ответил я. — И не пожалели на него вашего замечательного жидкого мыла, верно?

Она засмеялась и пошла дальше. С этого дня я постоянно видел эту пару то там, то тут, но всегда издали, и снова поговорить с миссис Донован мне довелось только месяца через два. Она проходила мимо нашей приемной как раз тогда, когда я спускался по ступенькам, и снова стиснула мне запястье.

— Ну, мистер Хэрриот, — сказала она ту же фразу, — я ведь подлечила эту собачку, а?

Я поглядел на Роя с почтительным благоговением. За это время он подрос, налился силой, и его шерсть, уже не тусклая, лежала пышными золотыми волнами на спине и ребрах, покрытых тугими мышцами. На шее сверкал металлическими кнопками новенький ошейник, а на диво пушистый хвост мягко колыхал воздух. Передо мной был великолепный золотистый ретривер во всей своей красе. Тут он встал на задние лапы, передние положил мне на

грудь и посмотрел прямо в лицо. И в его глазах я увидел ту же ласковую доверчивость, с какой они глядели на меня в гнусном темном сарае.

— Миссис Донован, — сказал я негромко, — это самая красивая собака во всем Йоркшире. — И зная, что ей хочется услышать, добавил: — Да, ваши укрепляющие порошки бесспорно творят чудеса. Что вы в них намешиваете?

— Секреты мои выведать вздумали? — Она выпрямилась с кокетливой улыбкой. И действительно, давно уже она не была так близка к тому, чтобы ее звонко расцеловали.

Пожалуй, можно сказать, что так для Роя началась вторая жизнь. Год за годом я размышлял над благодетельным капризом судьбы, благодаря которому пес, проведший первый год жизни без ласки, никому не нужный, недоуменно глядя в неизменный сумрак, вдруг в мгновение ока перенесся в жизнь, полную света, движения, любви. Я был убежден, что с этой минуты Рою могла бы позавидовать любая самая избалованная собака.

Теперь он уже не пробавлялся редкими черствыми корками, а получал отличное мясо, галеты, мозговые кости и миску теплого молока на ночь. И развлечений у него тоже было вдосталь: праздники на открытом воздухе, школьные спортивные состязания, выселения, шествия — среди зрителей обязательно присутствовал и он. Я с удовольствием замечал, что с годами миссис Донован ежедневно проходила даже больше миль, чем прежде. Расходы ее на подметки, должно быть, превышали всякое вероятие, но для Роя такой образ жизни был идеален: долгая утренняя прогулка, возвращение домой, чтобы перекусить, — и снова кружение по улицам.

Впрочем, миссис Донован в своих обходах не ограничивалась только городком. На длинном лугу у реки были вкопаны скамьи, и туда люди приводили собак, чтобы дать им хорошенько набегаться. Миссис Донован частенько сживала там на скамье, наблюдая, что происходит вокруг, и узнавая последние новости. Я нередко видел, как Рой величавым галопом носился по этому лугу в компании всевозможных собак и собачек, а когда останавливался отдохнуть, кто-нибудь обязательно принимался гладить его, похлопывать по спине или просто вслух восхищаться им. Ведь красота в нем сочеталась с большой симпатией к людям, а такое сочетание делало его совершенно неотразимым.

Весь город знал, что его хозяйка обзавелась целым набором всяческих гребней, щеток, щеточек для ухода за его шерстью. Поговаривали даже, что среди них есть и особая зубная щетка. Такую возможность я не исключаю, но одно знаю твердо: подрезать когти ему не требовалось — при такой подвижной жизни они, конечно, стачивались именно так, как следовало.

Не проиграла и миссис Донован: круглые сутки рядом с ней был преданный друг и спутник. Главное же в том, что она всегда испытывала неодолимую потребность лечить и исцелять животных, и спасение Роя в некотором смысле явилось кульминацией ее чаяний, высочайшим торжеством, память о котором никогда не приедалась.

Я убедился в этом много лет спустя, сидя у боковой линии во время крикетного матча, когда, обернувшись, увидел их: старушку с рыскающими по сторонам глазами и Роя, благодушно взирающего на поле и, видимо, получающего живейшее удовольствие от всех перипетий игры. Когда матч кончился и зрители начали расходиться, я снова посмотрел на них. Рою было уже лет

двенадцать, и лишь один Бог знал, какого возраста достигла миссис Донован, но крупный золотой пес трусил легкой свободной рысцой, а его хозяйка, пожалуй немного согнувшаяся и ссохшаяся, семенила за ним почти столь же легкой походкой.

Заметив меня, она подошла ко мне, и я ощутил на запястье знакомое сильное пожатие.

— Мистер Хэрриот... — начала она, и темные цепкие глаза засияли той же жаркой гордостью, тем же неугасимым торжеством, что и много лет назад. — Мистер Хэрриот, а ведь я подлечила эту собачку, а?

Самоотверженная заботливость, с какой миссис Донован выхаживала Роя, была вознаграждена долгими годами его преданности и верности — ведь Рой, несмотря на такое тяжкое вступление в жизнь, умер в глубокой старости. После его смерти миссис Донован поселилась в доме для престарелых в нашем городке. Я всегда старался замаскировывать моих персонажей, но она узнала себя и очень радовалась. Ее переполняла гордость, что она попала в мою книгу. Спасение Роя, чудесное преображение и его внешности, и всего его существования остаются одним из теплейших моих воспоминаний. Ну и, конечно, победа целительницы-самоучки придает всему особую прелесть.

11. Даррубийская выставка

— Не хотите ли поназирать за Даррубийской выставкой, Джеймс? — Зигфрид бросил прочитанное письмо на стол и повернулся ко мне.

— Я не прочь, но ведь они всегда приглашают вас?

— Да, но в письме сообщается, что дата перенесена, а я как раз на эти дни уезжаю.

— А! Ну прекрасно. А что мне надо будет делать?

Зигфрид уже проглядывал список вызовов.

— В сущности чистой воды синекюра. Практически день приятного отдыха. Вам надо будет измерять пони и быть под рукой на случай, если какое-нибудь животное получит травму. Вот примерно и все. Ах, да! Еще вам предстоит судить «любимцев семьи».

— Любимцев семьи?

— Ну да. Они устраивают настоящую выставку собак, но судить ее участников приглашается специалист. А это — больше для развлечения — любые зверюшки и пичужки. Вы должны будете присудить первое, второе и третье места.

— Ясно, — сказал я. — По-моему, мне это более или менее по силам.

— Чудесно! — Зигфрид протянул мне конверт. — Вот квитанция для ав-

тостоянки, обеденные билеты для вас и приятеля, если решите взять с собой кого-нибудь, а также значок ветеринара. Вот и хорошо.

Погода в субботу, когда открывалась выставка, должна была привести устроителей в восторг: синие небеса без единого облачка, почти полное безветрие и знойное солнце — порядочная редкость на севере Йоркшира.

Подъезжая к выставке, я наслаждался соприкосновением с полными жизни картинами и сценами, словно взятыми из книг о Старой Англии: пестрые шары и навесы на ярко-зеленом лугу у реки, женщины и дети в ярких летних нарядах, коровы и быки в сопровождении облаченных в комбинезоны скотников, массивные рабочие лошади, неторопливо шагающие по кругу.

Я оставил машину на стоянке и направился к шатру устроителей — флаг над ним обвисал безжизненной тряпкой. Тут Тристан меня покинул: с безозбочным инстинктом бедного студента, не упускающего случая бесплатно угоститься и поразвлечься, он забрал все мои дополнительные билеты и теперь устремился к пивной палатке. Я вошел в шатер доложить о себе секретарю комитета.

Оставив там свою измерительную линейку, я отправился побродить по выставке.

На сельских выставках полно всякой всячины на все вкусы. Галопом проносились верховые лошади всевозможных пород — от пони до гунтеров, а на одном кругу судьи заботливо осматривали кобыл с жеребятами — прелестными сосунками.

В стороне четверо мужчин, вооруженных ведрами и швабрами, мыли и чистили бычков, сосредоточенно, точно модные парикмахеры, расчесывая и подвивая шерсть на крупах.

Я свернул к ларькам — полюбоваться редкостным обилием земных плодов, от связок ревеня до пучков лука, не говоря уж о букетах, вышивках, джемах, кексах, пирогах. А детский отдел! Картина «Пляж в Скарборо» Энни Хеселтайн, девять лет; каллиграфически выведенные чуть кривоватые строчки: «Вовеки радость красоту дарует» Барнард Пикок, двенадцать лет.

Но я тут же забыл обо всем: из-за эстрады появились две пары — Хелен с Ричардом Эдмундсоном и ее отец, мистер Олдерсон, увлеченный беседой с отцом Ричарда. Молодой человек шел совсем рядом с Хелен, болтая, смеясь, а его светлые волосы, сияя помадой, по-хозяйски наклонялись к ее темным кудрям.

В небе по-прежнему было ни облачка, но солнечный свет вдруг затмился. Я быстро отвернулся и отправился на розыски Тристана.

Я его обнаружил, поспешно заглянув в шатер с вывеской «Напитки» над входом. Тристан, опираясь локтем на стойку, сооруженную из козел и досок, вел задумчивый разговор с компанией работников в кепках. В одной руке у него была сигарета, в другой — пинтовая кружка. Атмосфера здесь царилась самая непринужденная и дружеская. Для более церемонных возлияний предназначался президентский бар позади административного шатра — там пили розовый джин и херес, а здесь улаживались пивом, бочковым и бутылочным, а дородные девицы за стойками разливали его с яростной сосредоточенностью тех, кому предстоит нелегкий день.

— Да, я ее видел, — сказал Тристан, когда выслушал меня. — Собственно говоря, вон они, — добавил он, кивая на семейную группу, как раз проходив-

шую перед палаткой. — Я уже давно на них поглядываю, Джим. Мне отсюда все видно.

— Ну что же, — сказал я, беря полупинтовую кружку портера, которую он мне протягивал. — Умилительная картина. Папаши, которых водой не разлить, а Хелен прямо-таки цепляется за руку этого типа.

Тристан поглядел поверх кружки на луг и покачал головой.

— Вот тут ты ошибаешься: это он вцепился в ее руку! — Он многозначительно покосился на меня. — Тут есть разница!

— Только мне от этого не легче, — буркнул я.

— Да не вешай ты носа! — Он сделал неторопливый глоток, понизивший уровень пива в его кружке на шесть дюймов. — Что, по-твоему, должна делать хорошенькая девушка? Сидеть дома и ждать, когда ты соблаговолишь ее навестить? Если ты каждый вечер стучался в их дверь, мне ты об этом не рассказывал.

— Тебе хорошо говорить! По-моему, старик Олдерсон на меня собак на-травит, если я туда сунусь. Ему не нравится, что я ухаживаю за Хелен, и у меня такое чувство, что он убежден, будто я прикончил его любимую корову, когда в последний раз был у них.

— А ты ее убил?

— Да нет же! Но я осмотрел живую корову, сделал ей инъекцию, и она тут же сдохла. Так что винить его я не могу.

Я отхлебнул пива, провожая взглядом дружную компанию, которая теперь удалялась от нашего убежища. На Хелен было светло-голубое платье, и я думал, как этот цвет идет к ее темно-каштановым волосам и как мне нравится ее свободная, легкая походка, но тут над лугом загремел громкоговоритель:

— Мистер Хэрриот, ветеринарный врач, будьте добры срочно явиться в административный отдел.

Я вздрогнул от неожиданности, но тут же преисполнился гордости: впервые моя фамилия и профессия были названы по радио!

Торопливо шагая по траве, скрывая взгляд на официальный значок у меня на лацкане, золотыми буквами провозглашавший: «Ветеринарный врач», я ощущал себя очень важной персоной. Один из устроителей встретил меня на полпути.

— Что-то с коровой. Несчастный случай, по-моему. — Он указал на открытые стойла на краю луга.

Толпа любопытных уже собралась возле моей пациентки, проходившей по классу стельных коров. Ее владелец — незнакомый фермер, видимо, из дальних окрестностей Дарроуби, сказал мрачно:

— Споткнулась, спускаясь с фургона, и стукнулась головой об стену. Ну и сломала рог.

На молоденькую коровку красивой шоколадной масти было жалко смотреть. Ее вымыли, причесали, подзавили, попудрили — и на тебе! Рог болтается возле уха, а из раны тремя струйками бьет фонтанчик алой артериальной крови.

Сломанный рог висел на лоскутке кожи, которую я тут же перерезал ножницами. Фермер ухватил корову за морду, а я попробовал нащупать щипцами разорванные кровеносные сосуды. В ярком солнечном свете струйки крови, как ни странно, были почти невидимы, но, стоило корове дернуть головой,

как я ощущал теплые капли на своей физиономии и слышал, как они шлепаются на мой воротник.

Нащупать сосуды мне никак не удавалось, я начал отчаиваться и вот тут-то вдруг увидел в толпе зрителей Хелен и ее спутника. Эдмундсон следил за моими тщетными потугами с мягкой усмешкой, но Хелен, встретив мой взгляд, ободряюще улыбнулась. Я постарался улыбнуться в ответ, но, боюсь, разглядеть эту улыбку сквозь кровавую маску на моем лице было трудновато.

Корова дернула головой с еще большей энергией и выбила у меня щипцы. Тут я сделал то, с чего следовало бы начать, — наложил на рану ватный тампон с антисептическим порошком и повязку восьмеркой, закрепив ее на уцелевшем роге.

— Ну вот, — сказал я фермеру, смигивая кровью с глаза. — Кровотечение остановлено. Я бы порекомендовал вам обезболить ее, как только будет можно, иначе вид у нее будет неприглядный.

В эту секунду из толпы зрителей выделился Тристан.

— Как это ты оторвался от пива? — осведомился я саркастически.

— Пора обедать, старина, — весело ответил Тристан. — Но прежде тебя надо привести в пристойный вид, иначе я не смогу показаться с тобой на людях. Подожди тут. Я принесу ведро воды.

Обед оказался превосходным, и я заметно приободрился. Хотя накрыт он был в шатре, жены устроителей приготовили незабываемые закуски: свежая лососина, домашняя ветчина, холодный ростбиф со всевозможными салатами, и яблочные пироги, и кувшины со сливками, какие можно увидеть только на сельских праздниках. Одна из дам славилась своими сырами, и мы завершили трапезу кофе с восхитительным козьим сыром. Напитки тоже не оставляли желать лучшего — у каждого прибора стояли бутылка светлого эля и стакан.

В обществе Тристана мне, правда, было отказано — он предусмотрительно занял позицию за столом между двумя рьяными поборниками трезвости, утроив таким образом свою порцию пива.

Не успел я снова выйти на солнечный свет, как меня тронули за плечо.

— Судья просит вас осмотреть собаку, которая выглядит больной, — сказал какой-то человек и повел меня к машине, где тощий субъект, лет сорока, с темной щеточкой усов на верхней губе, держал на поводке жесткошерстного фокстерьера. Меня он встретил вкрадчивой улыбкой и категорически заявил:

— Моя собака абсолютно здорова. Какие-то бессмысленные придирки! Я поглядел на фокстерьера.

— Но у него гной в уголках глаз.

Хозяин песика замотал головой.

— Это не гной! Я его припудрил тальком, ну и засорил ему глаза.

— Хм! Все-таки смерим ему температуру.

Песик даже не дернулся, когда я ввел термометр. Я взглянул на шкалу, и у меня брови полезли на лоб.

— Без малого сорок! Боюсь, на выставку его допустить нельзя.

— Погодите минутку! — Он выставил подбородок. — Вы не лучше этого так называемого судьи. Я привез мою собаку издалека, и я ее выставлю.

— Извините, но с температурой сорок это невозможно.

— Так его же в машине растрясло! Вот она и подскочила.

Я покачал головой.

— Но не так же высоко! Да и вид у него совсем больной. Видите, как он щурит глаза, точно их раздражает свет? Не исключено, что у него чума.

— Что? Чушь! И вы это прекрасно знаете. Он никогда еще не был в такой прекрасной форме! — У него даже губы дрожали от гнева.

Я еще раз посмотрел на песика. Он тоскливо припал к траве. Иногда по его телу пробегала дрожь, свет ему был явно неприятен, а в уголках глаз виднелись два кремовых комочка гноя.

— Вы сделали ему противочумную прививку?

— Ну нет. А почему вы вообще про это спрашиваете?

— Потому что, по-моему, у него начинается чума, и ради него и других собак вы должны немедленно отвезти его домой и показать вашему ветеринару.

Он смерил меня свирепым взглядом.

— Так вы решили не допускать его на выставку?

— Совершенно верно. Я очень сожалею, но об этом не может быть и речи. — Я повернулся и ушел.

— Мистер Хэрриот, будьте добры, приступите к измерению пони!

Я забрал свою линейку и затрусил в дальний конец луга, где были собраны пони — уэльской, йоркширской, эксмурской, дартмурской и еще всяких пород.

Тем, кто не знает, поясню: лошадей измеряют в ладонях (ладонь — четыре дюйма) с помощью особой линейки, снабженной перекалиной со спиртовым уровнем, которая укладывается на холку — наиболее высокую точку между плечами. Измерять лошадей мне доводилось довольно часто, но на выставке я этого еще никогда не делал. Держа линейку наготове, я встал рядом с двумя широкими досками, которые были уложены на траву, чтобы как-то выровнять поверхность.

Улыбающаяся молодая женщина подвела первого пони, красавца гнедого.

— Класс? — спросил я.

— Тринадцать ладоней.

Я приложил линейку. Он был заметно ниже.

— Прекрасно. Следующий!

Я измерил еще нескольких без каких-либо недоразумений, затем наступил небольшой перерыв, пока вели следующую группу. Пони все еще подвозили в фургонах, а ко мне их подводили либо юные наездники, либо кто-нибудь из родителей. Судя по всему, процедура обещала быть долгой.

В перерыве стоявший рядом со мной низенький человечек спросил:

— Пока все гладко, а?

— Да, никаких недоразумений, — ответил я.

Он безразлично кивнул, а я подумал, что он похож на загорелого гнома: тщедушное тельце, смуглое обветренное лицо, вздернутые плечи. И в то же время в нем чувствовался лошадажник.

— Погодите, еще наругайтесь, — буркнул он. — Тут такие есть, пальца им в рот не клади. И все одно говорят: дескать, их пони другой ветеринар на другой выставке сразу пропустил! — Он сморщил темные щеки в злоехидной усмешке.

— Неужели?

— Погодите чуток.

Красивая блондинка вывела на доски очередного кандидата. Она обожгла меня взглядом зеленых глаз и сверкнула двумя рядами белейших зубов.

— Двенадцать и два, — прожурчала она обольстительно.

Я приложил линейку к холке, покрутил ее и так и эдак, но получить эту цифру мне не удалось.

— Боюсь, он высоковат, — сказал я.

Жемчужная улыбка погасла.

— А полдьюма на подковы вы учли?

— Разумеется, но вы сами можете убедиться, насколько он выше.

— Вот в Хикли ветеринар его сразу пропустил без всяких разговоров! — огрызнулась она, а я краем глаза заметил, как гном многозначительно кивнул.

— Боюсь, тут я ничем помочь не могу, — ответил я. — Вам придется выставить его в следующем классе.

Два зеленых камушка со дна арктического моря несколько секунд обдавали меня леденящим холодом, затем блондинка удалилась, ведя за собой пони.

Потом джентльмен с жестким лицом вывел на доски миниатюрную светло-гнедую лошадку, чье поведение, должен признаться, поставило меня в тупик. Она падала на колени, едва линейка касалась холки, и я никак не мог получить точную цифру. В конце концов я сдался и пропустил ее.

Гном кашлянул.

— Я его знаю!

— Да?

— Ага. Он столько раз колот ей булавкой холку, что она приседает, чуть ее тронешь!

— Не может быть!

— Еще как может!

Я был ошеломлен, но очередные измерения отвлекли меня.

Последнего в этой группе — симпатичного серого — привел энергичный мужчина, сияя широченной дружеской улыбкой.

— Как поживаешь? — осведомился он любезно. — А в нем тринадцать два.

Перекладина даже не коснулась холки, но когда пони затрусил прочь, гном изрек:

— Я и этого знаю.

— Правда?

— Ого-го! Придавливает своих пони перед тем, как им измерение проходить. Этот серый последний час стоял с мешком ржи на спине весом чуть не в центнер. И на дюйм укоротился.

— Господи! А вы уверены?

— Будьте спокойны, я своими глазами видел.

В мыслях у меня воцарилось некоторое смятение. Он все это сочиняет? Или правда это невинное состязание приводит в действие столь темные силы?

— Этот же самый, — продолжал гном, — бывало, заставлял сбросить полдьюма на подковы, а пони-то и не подкован вовсе.

Ах да замолчал бы он! Но тут его перебили: ко мне бочком подобрался мужчина с усиками и конфиденциально зашептал мне на ухо:

— Я вот что думаю. Моя собака уже отдохнула, и температура у нее наверняка нормальная. Так вы посмотрите ее еще раз. Я как раз успею.

Я устало обернулся к нему.

— Право же, это напрасная трата времени. Собака больна, я вам уже сказал.

— Ну пожалуйста! Как одолжение! — Вид у него был отчаянный, в глазах горел фанатичный огонь.

— Ну хорошо! — Я пошел с ним к его машине и поставил термометр. Температура по-прежнему была сорок.

— Да отвезите же беднягу домой! — сказал я. — Ему нельзя быть тут. Мне показалось, что он вот-вот меня ударит.

— Она здорова! — прохрипел он, гримасничая от избытка чувств.

— Мне очень жаль, — сказал я и вернулся к пони.

Меня ждал мальчик лет пятнадцати. Его пони был записан в класс тринадцать два, но оказался выше почти на полтора дюйма.

— Боюсь, он слишком высок, — сказал я. — Не для этого класса.

Мальчик не ответил, а вытащил из внутреннего кармана куртки какой-то листок.

— Вот ветеринарное свидетельство, что он чуть ниже тринадцати двух.

— Боюсь, оно не действительно, — ответил я. — Устроители предупредили меня не принимать свидетельств. Я уже не допустил двух. Решает только эта линейка. Что поделать!

Он сразу стал другим.

— Но вы обязаны его пропустить! — закричал он мне прямо в лицо. — Никаких линейк, если есть свидетельство!

— Поговорите с устроителями. Я руководствуюсь их инструкциями.

— Я с отцом поговорю, вот что! — крикнул он и увел пони.

Отец не замешкался. Крупный, дородный. Явно преуспевающий, самоуверенный. Он не собирался терпеть мои глупости.

— Послушайте, я чего-то не понял, но вы тут вообще в стороне. Вы обязаны принять свидетельство.

— Вовсе нет, уверяю вас, — ответил я. — И к тому же ваш пони ведь выше верхнего предела не чуть-чуть, а на очень много. На глаз видно.

Отец стал багровым.

— Позвольте вам сказать, что его пропустил ветеринар в...

— Знаю, знаю, — перебил я и услышал, как гном фыркнул. — Но здесь его не пропустят.

Наступила недолгая пауза, а затем отец с сыном начали на меня кричать. Под град их ругани меня кто-то дернул за рукав. Мужчина с усиками!

— Я хочу еще раз попросить, чтобы вы померили температуру моей собаке, — прошептал он с жутковатой гримасой, означавшей улыбку. — Я убежден, что у него все прошло. Так пожалуйста!

И тут я не выдержал.

— И не подумайте, черт побери! — рявкнул я. — Будьте так добры, оставьте меня в покое и отвезите бедного пса домой.

Удивительно, какие странные побуждения руководят людьми. Казалось бы, участие собаки в выставке никак не может быть вопросом жизни или смерти. Но для мужчины с усиками вопрос, по-видимому, стоял именно так. Он буквально накинулся на меня:

— Вы своего дела не знаете, вот что! Я издалека приехал, а вы со мной такую грязную шутку сыграли! У меня друг ветеринар, настоящий ветеринар, так я ему про вас расскажу. Да-да! Все расскажу!

Говорилось это под неутихающие вопли отца и сына, поносивших меня последними словами, и я внезапно обнаружил, что окружен врагами. Тут были и блондинка, и владельцы других пони, которых я забраковал. Все они смотрели на меня угрожающе и сердито жестикулировали.

А я остался в полном одиночестве — гном, в котором я чувствовал союзника, бесследно исчез. Нет, в гноме я разочаровался: краснобай, улепетнувший, чуть повеяло опасностью. Глядя на разъяренную толпу, я выставил перед собой линейку. Оружие не ахти какое, но все-таки лучше, чем ничего, если бы они набросились на меня.

И вот, когда нелестные отзывы обо мне достигли апогея, я увидел Хелен и Ричарда Эдмундсона, которые с интересом их слушали. Он-то пусть, но почему, почему я обязательно попадал в дурацкое положение, когда неподалеку оказывалась Хелен?!

Во всяком случае, измерения я закончил и, ощущая настоятельную потребность подкрепиться, ретировался и пошел искать Тристана.

Впечатления от Дарроубийской выставки врезались мне в память и навсегда внушили глубокое уважение и сочувствие к ветеринарам, на чью долю выпадает неблагоприятная задача участвовать в проведении подобных мероприятий. Люди просто не желают смириться с тем, что их животные могут быть не допущены. Разумеется, с тех пор я много раз работал на выставках без каких-либо недоразумений, и порой мне кажется, что причиной такого взрыва негодования были моя молодость и неопытность. В рассказе я про это не упомянул, но в тот день события приняли такой скверный оборот, что я с восторгом уставился на полицейского, который появился на лугу. Я уже серьезно думал, что мне, возможно, понадобится его защита.

12. Знаменательные роды

В «Гуртовщиках» устраивался «Нарциссовый бал», и все мы были при параде. Ведь предстояли не обычные танцы, на которых деревенские парни отплясывали в рабочих сапогах под скрипочку и пианино, а настоящий бал с прославленным местным оркестром (Ленни Баттерфилд и его «Бравые ребята»).

Я наблюдал, как Тристан наполняет рюмки.

— Приятная компания, Джим, — заметил он. — Мальчиков, правда, чуть побольше, чем девочек, но беда не велика.

Я смерил его холодным взглядом, ибо прекрасно уловил подоплеку: преобладание мужского элемента избавляло Тристана от необходимости танцевать до упаду. Предпочитая не транжирить энергию попусту, он танцами не увлекался. Конечно, почему бы и не покружиться с девушкой по залу раз другой, но куда приятнее остальное время проводить в буфете.

Впрочем, того же мнения придерживались и многие другие обитатели Дарроуби: когда мы вошли под гостеприимный кров «Гуртовщиков», буфет был набит битком, а в зале лишь несколько наиболее смелых пар напоминали о том, что мы явились на бал. Однако время шло, к ним присоединялись все новые, и к десяти часам в зале уже яблоку упасть было негде.

Я же вскоре понял, что проведу время отлично. Компания Тристана оказалась очень приятной — симпатичные мальчики, привлекательные девочки. Жизнерадостная их беззаботность была неотразимой.

Общему веселью немало содействовал прославленный оркестр Баттерфилда в коротких красных куртках. Самому Ленни на вид было лет пятьдесят пять, да и все четверо его бравых ребят уже давно распростились с молодостью, но свою седину они искупали неугасимым задором. Впрочем, волосы Ленни седыми не были — краска помогала ему оставаться жгучим брюнетом, — и он колотил по клавишам рояля с сокрушающей энергией, озаряя общество солнечными взглядами сквозь очки в роговой оправе, а иногда выкрики-

вал припев в микрофон у себя под боком, объявляя танцы, и отпускал шуточки зычным голосом. Нет, полученные деньги он отработывал честно.

Наша компания на парочки не разбивалась, и я танцевал со всеми девушками по очереди. В разгар бала я проталкивался по залу с Дафной, чья фигура была словно нарочно создана для такой тесноты. Поклонником тощих женщин я никогда не был, но, пожалуй, природа, создавая Дафну, несколько увлеклась в противоположном направлении. Нет, толстой она вовсе не была, а просто отличалась некоторой пышностью сложения.

Сталкиваясь в давке с соседними парами, столь же увлеченно работающими локтями, восхитительно отлетая от упругих форм моей дамы, вместе со всеми подпевая бравым ребятам, которые в бешеном ритме колошматили по своим инструментам, я чувствовал себя на седьмом небе. И тут я увидел Хелен.

Танцевала она, разумеется, с Ричардом Эдмундсоном, и шапка его золотых кудрей плыла над окружающими головами, как символ Рока. С магической быстротой мое радужное настроение угасло, оставив в душе холодную, тягостную пустоту.

Когда музыка смолкла, я отвел Дафну к ее друзьям, а сам отправился на поиски Тристана. Небольшой уютный буфет отнюдь не опустел и там вполне можно было бы изжариться. В густом табачном дыму я с трудом различил Тристана — он восседал на высоком табурете в окружении обильно потеющих участников веселья, но сам, казалось, ничуть от жары не страдал и, как всегда, излучал глубочайшее удовлетворение. Он допил кружку, причмокнул, будто пива лучше в жизни не пробовал, перегнулся через стойку, дружески кивая, чтобы ему налили еще, и тут заметил, что к нему протискиваюсь я.

Едва я оказался в пределах досягаемости, он ласково положил мне на плечо руку.

— А, Джим! Рад тебя видеть. Чудесный бал, ты согласен?

Я воздержался и не указал на бесспорный факт, что он еще ни разу в зале не появлялся, а только самым небрежным тоном упомянул, что вот и Хелен здесь.

Тристан благостно кивнул.

— Да, я видел. Так почему же ты с ней не танцуешь?

— Не могу. Она тут с Эдмундсоном.

— Вовсе нет, — возразил Тристан, критическим взором оглядывая новую кружку и делая предварительный глоток. — Она приехала с большой компанией, как и мы.

— А ты откуда знаешь?

— Видел, как мальчики вешали пальто вон там, пока девочки поднялись раздеться наверх. Значит, можешь ее пригласить, ничьего разрешения не испрашивая.

— А-а! — Я немного помялся, а потом решительно вернулся в зал.

Но все оказалось не так просто. У меня был долг перед девушками нашей компании, а когда их всех успевали пригласить другие и я направлялся к Хелен, ею тут же завладевал кто-нибудь из ее друзей. Иногда мне казалось, что она ищет меня взглядом, но уверен я не был, а знал только, что никакой радости от бала больше не получаю, что волшебство и веселость исчезли бесследно. С горечью я предвидел, что и на этот раз обречен тоскливо смотреть

на Хелен — и ничего больше. С той лишь тягостной разницей, что и двумя словами с ней не обменяюсь.

Мне даже стало как-то легче, когда ко мне подошел управляющий и позвал к телефону. Звонила миссис Холл: сука никак не разродится, так не приеду ли я сейчас же? Я взглянул на свои часы — далеко за полночь. Значит, на этом бал для меня кончается.

Секунд пять я постоял, прислушиваясь к чуть приглушенному грохоту музыки, потом медленно натянул пальто и пошел попрощаться с друзьями Тристана. Коротко объяснив, в чем дело, я помахал им, повернулся и толкнул дверь.

За ней в двух шагах передо мной стояла Хелен, чьи пальцы слегка касались дверной ручки. Я не стал размышлять, вышла ли она или только собирается войти, а немо уставился в ее улыбающиеся синие глаза.

— Уже уходите, Джим? — спросила она.

— Да. У меня, к сожалению, вызов.

— Какая досада! Надеюсь, ничего серьезного?

Я открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг ее красота заслонила от меня все. Я чувствовал только, что она совсем рядом. Меня поглотила волна любви и безнадежности. Я отпустил дверь, схватил руку Хелен, точно утопающий, и с изумлением ощутил, что ее пальцы крепко сплелись с моими.

Оркестр, шум голосов, люди — все куда-то исчезло, и остались только мы двое в дверном проеме.

— Поедем со мной, — сказал я.

Глаза Хелен стали огромными, и она улыбнулась мне такой знакомой улыбкой.

— Я только сбегаю за пальто, — шепнула она.

Нет, это мне грезится, думал я, стоя на ковровой дорожке в коридоре и глядя, как Хелен быстро поднимается по лестнице. Но тут же убедился, что я все-таки не сплю: она появилась на верхней площадке, торопливо застегивая пальто. Моя машина, терпеливо дожидавшаяся на бульжнике рыночной площади, видимо, тоже была застигнута врасплох — во всяком случае, мотор взревел при первом нажатии на стартер.

Мне надо было захватить домой за необходимыми инструментами. И вот мы вышли из машины в конце безмолвной, купающейся в лунных лучах улицы, и я отпер большую белую дверь Скелдейл-Хауса.

Едва мы очутились внутри, как с полной уверенностью, что иначе нельзя, я обнял Хелен и поцеловал — благодарно и не спеша. Столько времени я мечтал об этом! Минуты текли незаметно, а мы все стояли там — наши ноги попирали пол из черно-красных плиток XVIII века, головы почти упирались в раму огромной картины «Смерть Нельсона», которая господствовала в прихожей.

Второй раз мы поцеловались у первого изгиба коридора под не менее большой «Встречей Веллингтона и Блюхера при Ватерлоо». Затем мы поцеловались у второго изгиба под сенью высокого шкафа, в котором Зигфрид хранил свои костюмы и сапоги для верховой езды. Мы целовались в аптеке в промежутках между моими сборами, а затем в саду, убедившись, что среди залитых лунным светом весенних цветов, в волнах благоухания влажной земли и травы, целоваться лучше всего.

Никогда еще я не ехал на вызов так медленно — со скоростью десять

миль в час, не более. Ведь на плече у меня лежала голова Хелен, а в открытое окно лились все ароматы весны. Словно в разгар урагана, я очутился в красивой безопасной гавани. Словно я вернулся домой.

В спящей деревне светилось только одно окно, и, едва я постучал, Берт Чапман сразу распахнул дверь. Он был дорожным рабочим, то есть принадлежал к племени, с которым я ощущал себя в кровном родстве.

Сроднили нас дороги — как и я, дорожные рабочие проводили значительную часть жизни на пустынных путях в окрестностях Дарроуби: чинили асфальт, летом выкашивали траву по обочинам, зимой расчищали их от снега и посыпали песком. А когда я проезжал мимо, они весело мне улыбались и махали, словно мое мимолетное появление украшало их день. Не знаю, отбирал ли их муниципальный совет за добродушие, но я, право, не встречал других таких приятных и веселых людей.

Старый фермер как-то сказал мне кисло: «А чего им не радоваться-то, когда они, знай себе, целые дни дурака валяют!». Конечно, он несколько преувеличил, но я его прекрасно понял: по сравнению с работой на ферме любое другое занятие выглядело приятным бездельем.

Берта Чапмана я видел всего два дня назад: он сидел на пригорке с огромным бутербродом в руке. Рядом покоилась его лопата. Он приветливо поднял жилистую руку, а его круглая, красная от солнца физиономия расплылась в широкой ухмылке. Казалось, заботы ему неведомы. Однако теперь улыбка его выглядела напряженной.

— Очень мне не хотелось беспокоить вас так поздно, мистер Хэрриот, — сказал он, поспешно проводя нас в дом, — только вот я за Сюзи опасуюсь. Ей пора бы разродиться, она уже и гнездо для щенят готовит, и весь день тревожная, а ничего нет. Я хотел до утра отложить, да только за полночь она пыхтеть начала, ну и вид ее мне не нравится.

Сюзи была моей старой пациенткой. Ее широкоплечий дюжий хозяин частенько являлся с ней в приемную, немножко стыдясь своей заботливости. Нелепо выделяясь среди женщин с их кошечками и собачками, он при моем появлении всегда торопился объяснить: «Вот хозяйка попросила сходить к вам с Сюзи». Но эта ссылка никого обмануть не могла.

— Конечно, дворняжка она, и ничего больше, да только очень верная, — сказал Берт теперь с той же неловкостью, но я догадывался, как ему дорога Сюзи, кудлатая сучка неопределенных кровей, имевшая обыкновение упираться передними лапами мне в колено, смеясь во всю пасть и бешено виляя хвостом. Я находил ее неотразимой.

Но сегодня маленькая собачка была не похожа на себя. Когда мы вошли в комнату, она выбралась из корзинки, неопределенно шевельнула хвостом и замерла, прикинув к полу, а ребра ее мучительно вздымались. Когда я нагнулся, чтобы ее осмотреть, она повернула ко мне испуганную мордочку с широко открытой пыхтящей пастью.

Я провел ладонью по вздутому животу. По-моему, никогда еще мне ни с чем подобным сталкиваться не приходилось. Круглый и тугой, как футбольный мяч, он был битком набит щенятами, готовыми появиться на свет. Но не появившимися.

— Так что с ней? — Щеки Берта побледнели под загаром, и он нежно погладил голову Сюзи широкой заскорузлой ладонью.

— Пока еще не знаю, Берт, — ответил я. — Надо пощупать внутри. Принесите мне горячей воды, будьте так добры.

В воду я подлил антисептическое средство, намылil кисть, одним пальцем осторожно исследовал влагалище и обнаружил щенка — кончик пальца скользнул по ноздрям, крохотным губам, язычку... Но он плотно закупорил проход, как пробка бутылку.

Сидя на корточках, я обернулся к Берту и его жене.

— Боюсь, первый щенок застрял. Очень крупный. По-моему, если его убрать, остальные пройдут благополучно. Они должны быть помельче.

— А можно его сдвинуть, мистер Хэрриот? — спросил Берт.

Я ответил, помолчав:

— Попробую наложить щипцы ему на голову и погляжу, сдвинется ли он. Щипцами я пользоваться не люблю и только осторожно попробую. Если ничего не выйдет, заберу ее с собой сделать кесарево сечение.

— Операцию, значит? — глухо спросил Берт, сглотнул и испуганно поглядел на жену. Как многие высокие мужчины, в спутницы жизни он выбрал миниатюрную женщину, а сейчас миссис Чапман, съездившаяся в кресле, казалась совсем маленькой. Ее расширенные глаза уставились на меня со страхом.

— И зачем мы только ее повязали! — простонала она, заламывая руки. — Я говорила Берту, что в пять лет щенится в первый раз поздно, а он ничего слушать не желал. И теперь мы останемся без нее.

— Да нет же, она в самой поре, — поспешил я утешить бедную женщину. — И все еще может обойтись вполне благополучно. Вот сейчас посмотрим.

Несколько минут я кипятил инструменты на плите, а потом вновь встал на колени позади моей пациентки и наставил щипцы. Блеск металла заставил Берта посереть, а его жена съежилась в комочек. Помощи от них явно ждать не приходилось, а потому, пока я снова нащупывал щенка, голову Сюзи держала Хелен. Места почти не было, но мне удалось подвести щипцы по моему пальцу к его носу. Затем с величайшей осторожностью я развел их и, чуть надавливая, проталкивал вперед, пока мне не удалось сомкнуть половинки на голове.

Ну, скоро все прояснится! В подобных ситуациях резко дергать нельзя, а можно только чуть-чуть потянуть, проверяя, не сдвинется ли тельце. Так я и сделал. Мне показалось, что какое-то продвижение есть. Я попробовал еще раз. Да! Щенок чуть продвинулся вперед. Сюзи тоже, видно, почувствовала, что не все еще кончено, стряхнула с себя апатию и принялась энергично тужиться.

Дальше все пошло как по маслу, и мне удалось извлечь щенка на свет практически без усилий.

— Боюсь, этот не выжил, — сказал я, поглядев на крохотное существо у себя на ладони и не обнаружив никаких признаков дыхания. Но, зажав грудку между большим и указательным пальцами, я уловил ровное биение сердца и, быстро открыв щенку рот, начал мягко вдвухать воздух в его легкие.

Повторив эту процедуру несколько раз, я положил щенка на бок в корзину и уже пришел к выводу, что мои усилия напрасны, как вдруг крохотная грудная клетка приподнялась потом еще раз и еще.

— Живой! — воскликнул Берт. — Ну прямо чемпион! Нам они ведь все живыми требуются. Отец-то — терьер Джека Деннисона, так охотников на них хоть отбавляй.

— Вот-вот! — вставила миссис Чапман. — Сколько бы ни родилось, всех разберут. Просто отбоя нет от желающих: «Нам бы щеночка Сюзи».

— Ну еще бы! — сказал я, но улыбнулся про себя. Терьер Джека Деннисона также обладал сложной родословной, и плоды этой вязки обещали быть интересными коктейлями, что ничуть не должно было их испортить.

Я вколлот Сюзю полкубика питуитрина.

— Она же чуть не полсутки старалась вытолкнуть этого молодца, так что небольшая помощь будет ей кстати. А теперь подождем и посмотрим, как оно пойдет.

Ждать было очень приятно. Миссис Чапман заварила чай и принялась щедро мазать маслом домашние лепешки. А Сюзю, частично с помощью питуитрина, каждые четверть часа не без самодовольства производила на свет по щенку, и вскоре они уже подняли в корзине писк, удивительно громкий для таких крошек. Берт, который с каждой минутой все больше светлел, набил трубку и поглядывал на все увеличивающееся семейство с улыбкой, которая мало-помалу почти достигла ушей.

— Каково вам, молоденьким, сидеть тут с нами! — сказала миссис Чапман, наклонив голову и озабоченно глядя на нас с Хелен. — Небось, не терпится на танцы вернуться, а вы вот сидите.

Мне вспомнились давка в «Гуртовщиках», табачный дым, духота, немолчный грохот «Бравых ребят». Я обвел взглядом мирную кухоньку, старомодный очаг с черной решеткой, низкие, отлакированные балки, швейную шкатулку миссис Чапман, трубки Берта, повешенные рядком на стене, и крепче сжал руку Хелен, которую последний час держал в своей под прикрытием стола.

— Вовсе нет, миссис Чапман, — возразил я. — Мы и думать о них забыли.

И это была чистейшая правда.

Около половины третьего я пришел к выводу, что Сюзю кончила — всего шенят родилось шестеро, очень недурное достижение для такой фитюльки. Писк смолк, так как все они уже дружно сосали мать.

Я по очереди поднял их и осмотрел. Сюзю не только не протестовала, но словно улыбалась со скромной гордостью. Когда я положил их назад, она деловито осмотрела и обнюхала каждого, прежде чем снова лечь на бок.

— Три кобелька, три сучки, — сказал я. — Отличное соотношение.

Перед тем как уйти, я вынул Сюзю из корзинки и ощупал ее живот. Просто поразительно, каким поджарым он уже стал! Прорванный воздушный шар не изменил бы форму столь эффектно. Она уже преобразилась в худенькую, мохнатую, дружелюбную малютку, которую я так хорошо знал.

Едва я отпустил ее, как она шмыгнула назад в корзину и свернулась калачиком вокруг своего семейства, которое тут же принялось сосредоточенно сосать.

Берт засмеялся:

— Да ее среди них толком и не разглядеть! — Он нагнулся и потыкал в первенца мозолистым пальцем. — Нравится мне этот кобелек. Знаешь, мать, мы его себе оставим, чтобы старушке скучно не было.

Пора было уходить. Мы с Хелен направились к двери, и маленькая миссис Чапман, поспешив ее отворить, поглядела на меня:

— Что же, мистер Хэрриот, — сказала она, не выпуская ручку. — Уж не знаю, как вас и благодарить, что вы приехали, успокоили нас. Ума не приложу, что бы я делала с моим муженьком, приключись с его собачкой какая беда.

Берт смущенно ухмыльнулся.

— Чего уж, — буркнул он. — Будто я расстраивался!

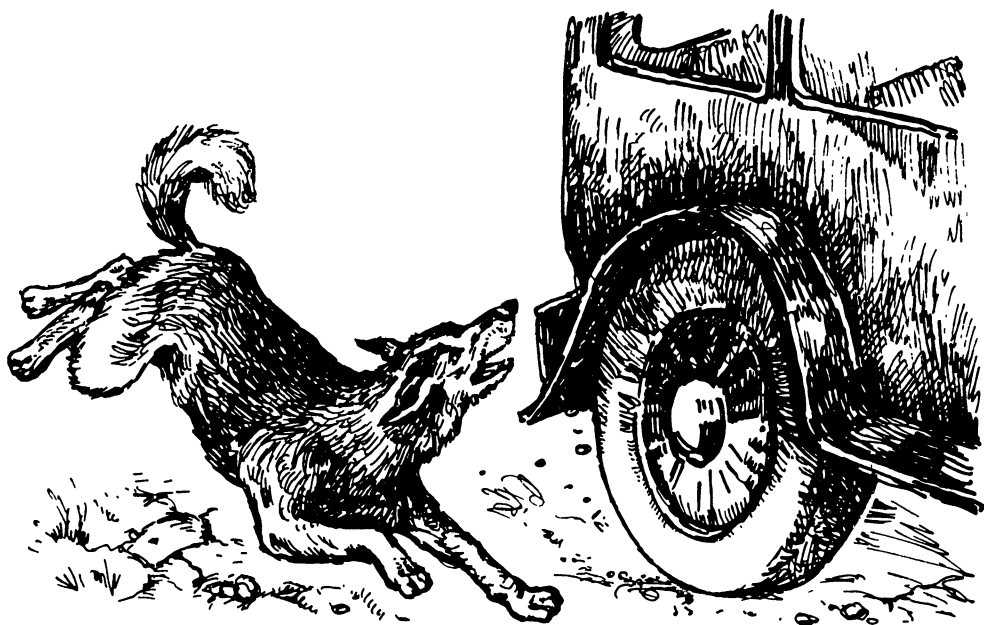
Его жена засмеялась, распахнула дверь, но едва мы шагнули в безмолвный душистый ночной мрак, схватила меня за локоть с лукавой улыбкой.

— Это, как погляжу, ваша невеста? — спросила она.

Я обнял Хелен за плечи и ответил твердо:

— Да. Моя невеста.

Эта ночь ознаменовалась не только появлением на свет нового семейства Сюзи, она положила начало моей семейной жизни — ведь до нее все мои попытки ухаживать за Хелен завершались фиаско. Но с этой минуты я сосредоточился на том, что по-настоящему важно, и, оглядываясь на без малого сорок пять лет, которые мы провели вместе, благословляю счастливую судьбу, так удачно подыгравшую мне во время «Нарциссового бала». Приятно вспомнить и о том, какая в те дни была между нами и нашими пациентами особенная близость — всю ночь просидеть на деревенской кухне с шенящейся собакой! История эта романтична, и технические подробности в ней необязательны, но я все-таки упомяну, что теперь мы в таких случаях очень редко прибегаем к щипцам.

13. Джок

Едва я приподнялся на кровати, как увидел вдаль холмы за Даррууби.

Я встал и подошел к окну. Утро обещало быть ясным, лучи восходящего солнца скользили по лабиринту крыш, красных и серых, свыкшихся с непогодой, кое-где просевших под тяжестью старинной черепицы, и озаряли зеленые пирамидки древесных вершин среди частого дымокола дымовых труб. А надо всем этим — величественные громады холмов.

Как мне повезло! Ведь это было первым, что я видел каждое утро, — после Хелен, разумеется, а уж на нее смотреть мне никогда не надоедало.

После необычного медового месяца, который мы провели, проверяя коров на туберкулез, началась наша семейная жизнь под самой крышей Скелдейл-Хауса. Зигфрид, до нашей свадьбы мой патрон, а теперь партнер, отдал в полное наше распоряжение эти две комнатки на третьем этаже, и мы с радостью воспользовались его любезностью. Конечно, поселились мы там временно, но наша верхотура обладала каким-то необъяснимо пьянящим воздушным очарованием, и нам можно было только позавидовать.

Первая комната служила нам и спальней, и гостиной, и, хотя не отличалась особой роскошью обстановки, кровать была очень удобной, на полу лежал коврик, а возле красивого старинного серванта — память о матери Хелен — стояли два кресла. Гардероб тоже был такой старинный, что замок его давно сломался, и, чтобы дверцы не открывались, мы засовывали между

ними носок, кончик которого всегда болтался снаружи, но мы как-то не обращали на это внимания.

Я вышел, пересек лестничную площадку и оказался в нашей кухне-столовой, окно которой выходило на противоположную сторону. Это помещение отличалось спартанской простотой. Я протопал по голым половицам к скамье, которую мы соорудили у стены возле окна. На ней около газовой горелки располагалась наша посуда и кухонная утварь. Я схватил большой кувшин и начал долгий спуск в главную кухню, ибо при всех достоинствах нашей квартирке водопровода в ней не имелось. Два марша лестницы — и я уже на втором этаже, еще два марша — и я галопом мчусь по коридору, ведушему к большой кухне с каменным полом.

Наполнив кувшин, я возвратился в наше орлиное гнездышко, перепрыгивая через две ступеньки. Теперь мне бы очень не понравилось заниматься подобными упражнениями всякий раз, когда нам требовалась бы вода, но тогда меня это совершенно не смущало.

Хелен быстро вскипятила чайник, и мы выпили первую чашку чаю у окна, глядя вниз на длинный сад. С этой высоты открывался широкий вид на неухоженные газоны, фруктовые деревья, глицинию, карабкающуюся по выщербленным кирпичам к нашему окошку, и на высокие стены, тянущиеся до вымощенного булыжником двора под вязами. Каждый день я не раз и не два проходил по этой дорожке к гаражу во дворе и обратно, но сверху она выглядела совсем другой.

— Э-эй, Хелен! — сказал я. — Уступи-ка мне стул!

Она накрыла завтрак на скамье, служившей нам столом. Скамья была такая высокая, что мы купили высокий табурет, но стул был заметно ниже.

— Да нет же, Джим, мне очень удобно! — Она убедительно улыбнулась, почти упираясь подбородком в свою тарелку.

— Как бы не так! — заспорил я. — Ты же клюешь кукурузные хлопья носом. Дай уж я там сяду.

Она похлопала ладонью по табуретке.

— Ну чего ты споришь! Садись, не то все остынет.

Смиряться я не собирался, но испробовал новую тактику:

— Хелен! — сказал я грозно. — Встань со стула!

— Нет! — ответила она, не глядя на меня и вытягивая губы трубочкой. Это, на мой взгляд, придавало ей удивительное очарование, но, кроме того, означало, что уступать она не намерена.

Я растерялся. И даже прикинул, не дернуть ли ее со стула силком. Но миниатюрной ее никак нельзя было назвать, а нам уже разок довелось помериться силами, когда спор из-за какого-то пустяка перешел в борцовскую схватку. И хотя мне она доставила много радости и я вышел из нее победителем, Хелен оказалась опасной противницей. Повторять свой подвиг рано поутру у меня настроения не было. Я сел на табурет.

После завтрака Хелен поставила греть воду, чтобы вымыть посуду — следующее дело в нашем расписании. А я тем временем спустился вниз, собрал инструменты, положил шовный материал для повредившего ногу жеребенка и через боковую дверь вышел в сад. Напротив альпийской горки я остановился и поглядел на наше окошко. Рама была приподнята, и в ней появилась рука с кухонным полотенцем. Я помахал, полотенце в ответ взметнулось вверх-вниз, вверх-вниз. Так начинался теперь почти каждый день.

И, выезжая за ворота, я подумал, что это отличное начало. Впрочем, отличным было все: и грациный грай в вязах у меня над головой, когда я закрывал тяжелые створки, и душистая свежесть воздуха, мой обычный утренний напиток, и трудности и радости моей работы.

Поранившийся жеребенок принадлежал Роберту Корнеру, и едва я приехал к нему на ферму, как Джок, его овчарка, напомнил мне о своем существовании. И я принялся наблюдать за ним: ведь ветеринарный врач не просто лечит, он еще знакомится с любопытнейшим калейдоскопом характеров, пусть и принадлежащих четвероногим, а Джок, бесспорно, был оригинальной личностью.

Очень многие деревенские собаки всегда готовы немножко отдохнуть от своих обязанностей и поразвлечься. Им нравится играть, и среди их излюбленных игр есть и такая — прогонять автомобиль с хозяйского двора. Сколько раз я уезжал в сопровождении косматого метеора! Промчавшись двести-триста ярдов, пес обычно останавливался и напутствовал меня последним яростным гавканьем. Но не таков был Джок.

В нем жил истый фанатик. Погоню за автомобилями он превратил в высшее искусство, которому служил ежедневно без тени юмора. От фермы Корнера к шоссе вела проселочная дорога, почти мило вившаяся по лугам между двумя каменными оградами вниз по пологому склону, и Джок считал свой долг выполненным, только если провожал избранную машину до самого шоссе. Его неистовая страсть требовала затраты больших сил и труда.

И теперь, когда я, зашив рану жеребенку, начал накладывать повязку, я все время поглядывал на Джока. Он крался между службами — тощенький малютка, которого и заметить-то нелегко, если бы не мохнатая черно-белая шерсть, — без особого успеха притворяясь, будто он на меня и смотреть-то не хочет, так мало его интересует мое присутствие. Но его выдавали глаза, скошенные в сторону конюшни, и то, как он все время пересекал поле моего зрения, проскальзывая то туда, то сюда. Он ждал, когда же, наконец, наступит его великая минута.

Надев ботинки и бросив резиновые сапоги в багажник, я вновь увидел Джока — вернее, лишь длинный нос и один глаз, выглядывавшие из-под сломанной двери. И только когда я включил мотор и тронулся, пес заявил о себе: прикикая к земле, волоча хвост, вперив пристальный взор в передние колеса машины, он покинул засаду, едва я набрал скорость, и устремился могучим галопом наперерез к дороге.

Было это отнюдь не в первый раз, и меня всегда охватывал страх, что он может забежать вперед и угодить под машину, а потому я прибавил газу и понесся вниз по склону. Вот тут-то Джок и показывал, чего он стоит. Я часто жалел, что ему не довелось потягаться с борзыми, потому что уж бегать он умел! Щуплое тельце прятало в себе отлично отлаженный механизм, тонкие ноги мелькали, как паровозные рычаги, и Джок летел над каменистой землей весело, без усилий держась наравне с набирающим скорость автомобилем.

Примерно на полпути до шоссе был крутой поворот, и Джок всякий раз перемахивал через ограду, черно-белой молнией на зеленом фоне мчался через луг и, таким образом ловко срезав угол, вновь пушечным ядром пронесился над серой каменной кладкой ниже по склону. Это сэкономило ему силы для последней пробежки до шоссе, и, когда я выезжал на асфальт, в зеркале заднего вида отражалась обращенная в мою сторону счастливая морда пыхтящего пса.

Вне всякого сомнения, он считал, что превосходно выполнил возложенный на него долг, и, довольный собой, неторопливо возвращался на ферму дожидаться, когда настанет очередь, например, почтальона или бакалейного фургона.

Но Джек отличался не только этим. Он блистал на состязаниях овчарок и завоевал мистеру Корнеру немало призов. Фермеру даже предлагали за него порядочную сумму, но он не хотел с ним расставаться. Наоборот, он сам купил Джоку подружку, такую же шуплую, как он, и тоже победительницу многих состязаний. От них мистер Корнер надеялся получить на продажу будущих мировых чемпионов. Когда я приезжал на ферму, сучка присоединялась к погоне за моей машиной, но, по-видимому, больше в угоду Джоку, и всегда отставала у поворота, предоставляя Джоку действовать одному. Нетрудно было заметить, что его энтузиазма она не разделяла.

Затем появились щенята — семь пушистых черных шариков, копошившихся во дворе и попадавших всем под ноги. Джек снисходительно следил, как они пытаются по его примеру гнаться за моей машиной, и даже чудилось, будто он благодушно смеется, когда они от усердия летели кувырком через голову и вскоре безнадежно отставали.

Затем месяцев десять я у Роберта Корнера не был, хотя порой встречал его на рынке, и он рассказывал, что дрессирует щенков и они делают большие успехи. Ну да особой дрессировки не требовалось: все это было у них в крови, и, по его словам, они пробовали сбивать коров и овец в стадо, чуть только научились ходить. Затем я, наконец, снова их увидел — семь Джоков, шуплых, стремительных, бесшумно мелькавших между сараями и коровниками, — и не замедлил обнаружить, что они научились у своего отца не только тому, как пасти овец. Было что-то очень знакомое в том, как они принялись снова на заднем плане, когда я вернулся к машине, — выглядывали из-за тюков прессованной соломы и с подчеркнутой небрежностью занимали излюбленные стартовые позиции. Усаживаясь за руль, я увидел, как они прильнули к земле, словно в ожидании команды «марш!».

Я завел мотор, сразу прибавил оборотов, рванул сцепление и помчался через двор. В ту же секунду по двору словно плеснула мохнатая волна. Автомобиль с ревом вылетел на проселок, а по обем его сторонам плечо к плечу неслись песики, и на всех мордах было давно мне знакомое фанатичное выражение. Когда Джек перепрыгнул через ограду, семь щенков взвились рядом с ним, а когда они вновь появились на последней прямой, я заметил нечто новое. Прежде Джек всегда косился на машину, потому что противником считал ее, но теперь, покрывая последнюю четверть мили во главе мохнатого воинства, он поглядывал на бегущих щенков, словно видел в них конкурентов.

А ему явно приходилось нелегко. Нет, он нисколько не утратил прежней формы, но эти клубки костей и сухожилий, которые были обязаны ему жизнью, унаследовали его быстроту, и к ней добавлялась непочата энергия юности, поэтому ему приходилось напрягать все силы, чтобы они его не обогнали. И вдруг, о ужас, он споткнулся, и тотчас на него накатился мохнатый вал. Казалось, все потеряно, но мужество Джока было из чистой стали: выпучив глаза, раздув ноздри, он проложил себе путь сквозь галопирующую свору и к тому времени, когда мы достигли шоссе, вновь вел ее.

Но это обошлось ему недешево. Я притормозил, прежде чем уехать, и оглянулся на Джока: он стоял на травянистой обочине, высунув язык, и его бока вздымались и опадали. Вероятно, то же повторилось со всеми другими заезжав-

шими на ферму машинами, и от веселой игры не осталось ничего. Наверное, глупо утверждать, будто ты прочел собачьи мысли, но вся его поза выдавала нарастающий страх, что дни его безусловного превосходства сочтены и в самом недалеком будущем его подстерегает немислимый позор: он окажется позади этой своры юных выскочек. Я прибавил скорость и увидел, что Джок смотрит вслед взглядом, яснее слов говорившим: «Долго ли я еще выдержу?».

Я очень сочувствовал Джоку, и, когда два месяца спустя снова должен был поехать на ферму, меня немножко угнетала мысль, что я стану свидетелем его невыносимого унижения, ведь ничего другого ждать было нельзя. Но когда я въезжал во двор фермы, он показался мне странно пустынным.

Роберт Корнер в коровнике накладывал вилами сено в кормушки. Он обернулся на звук моих шагов.

— Куда девались все ваши собаки?

Он прислонил вилы к стене.

— Ни одной не осталось. На обученных овчарок всегда есть спрос. Да, уж я не прогадал, ничего не скажешь.

— Но Джока-то вы оставили?

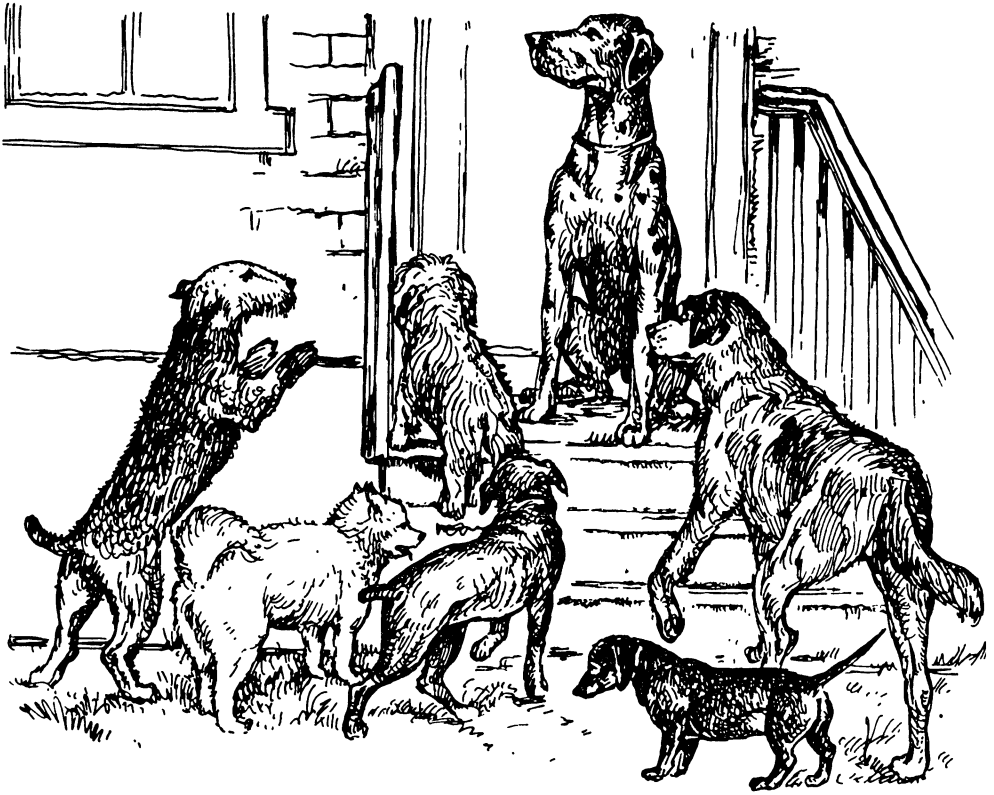
— Само собой. Как же я без него? Да вон он!

И правда, Джок, как встарь, шмыгал неподалеку, делая вид, будто вовсе на меня и не смотрит. А когда, наконец, настал вожделенный миг и я сел за руль, все было как прежде: поджарый песик стрелой мчался рядом с машиной, но без перенапряжения, радуясь этой игре. Он птицей перелетел через ограду и без всякого труда первым достиг асфальта.

Мне кажется, я испытал такое же облегчение, как и он сам, что теперь никто не оспаривает его первенства, что он по-прежнему остается самой быстрой собакой.

Таких Джоков в Йоркшире немало — то есть на фермах немало собак, которые затаиваются в укромных уголках, ожидая, когда я соберусь уезжать. Но ни одна, насколько мне помнится, не облюбовывала для себя такой длинной беговой дорожки вниз по зеленому склону и ни одна не могла похвастать такой самозабвенностью. По большей части они считают, что полностью исполнят свой долг, если пробегут за мной десяток-другой шагов, а потом постоят и полагают, пока я не скроюсь из виду. Мне так никогда и не удалось понять, означает ли такой лай «Скатертью дорожка!» или же «Всего хорошего, приятно было повидаваться!». Однако один такой песик, по кличке Мэтти, сильно меня тревожил — и не только меня, но и своего хозяина — своей привычкой не просто гоняться за автомобилями, но еще и покусывать вращающиеся покрышки. Рано или поздно он неминуемо должен был угодить под колесо. Излечил же песика от этой манеры и, возможно, спас ему жизнь мой двенадцатилетний сын Джими. Он ездил со мной по вызовам всегда, когда было можно, и однажды, перед тем как мы уехали с фермы Мэтти, набрал воды в стограммовый шприц и, едва тот покусылся на наши покрышки, пустил ему в мордочку хлесткую струю. Эффект был поразительный. Мэтти сразу затормозил, и в зеркале заднего вида я увидел, что он молча смотрит нам вслед с выражением величайшего недоумения. Средство оказалось настолько основательным, что в следующий раз фермер попросил повторить эту процедуру. Мы исполнили его просьбу, и Мэтти исцелился. С тех пор он неизменно игнорировал покрышки.

14. Сексуальный кошмар

В Дарроуби, бесспорно, Роланд Партридж был белой вороной. Эта мысль в сотый раз мелькнула у меня в голове, когда в окне домишка на другой стороне улицы Тренгейт, чуть дальше от нашей приемной, замаячило его лицо.

Он стучал пальцем по стеклу, подзывал меня знаками, а глаза за толстыми линзами очков полнились тревогой. Я направился к его двери и, когда он открыл ее, шагнул прямо с тротуара в жилую комнату. Жилище его было крохотным — еще кухонька да тесная спальня наверху. Но войдя, я испытал привычное изумление: в этих домишках обитали работники с ферм и обставлены они все были соответственно, я же очутился в мастерской художника.

У окна стоял мольберт, стены от потолка до пола были увешаны картинами. В углах к ним прислонялись холсты без рам, а резные кресла и стол, заставленный фарфоровыми безделушками, вносили дополнительный штрих в атмосферу служения искусству.

Объяснялось все это, казалось бы, просто — мистер Партридж и в самом деле был художником. Так чему же изумляться? Однако вы начинали воспри-

нимать мистера Партриджа и его комнату совсем иначе, едва узнавали, что пожилой эстет в вельветовой куртке был сыном бедного фермера, человеком, чьи предки из поколения в поколение трудились на земле.

— Я случайно увидел вас в окно, мистер Хэрриот, — сказал он. — Вы сейчас очень заняты?

— Не очень, мистер Партридж. Вам нужна моя помощь?

Он угнетенно кивнул.

— У вас не найдется минутки для Перси? Я был бы вам чрезвычайно благодарен.

— Ну конечно, — ответил я. — Где он?

Мистер Партридж повел меня на кухню, но тут на входную дверь обрушился чей-то кулак, и в комнату влетел Берт Хардисти, почтальон. Берт церемоний не признавал и брякнул бандероль на стол без всяких разговоров.

— Получай, Роли! — заорал он и повернул к двери.

— Очень тебе благодарен, Бертрам, до свидания, — с невозмутимым достоинством произнес мистер Партридж вслед его исчезающей спине.

Вот еще одно. Почтальон и художник оба были уроженцами Дарроуби, росли в похожих семьях, учились в одной школе, но даже голоса у них звучали по-разному. Роланд Партридж размеренной, красиво модулированной манерой речи больше всего напоминал адвоката былых времен.

Мы вошли в кухню, где он, старый холостяк, готовил себе сам. Когда много лет назад его отец умер, он немедленно продал ферму. Видимо, простой практичный крестьянский быт настолько не гармонировал с его натурой, что он не собирался медлить. Денег он выручил достаточно, чтобы жить по своему вкусу, и, поселившись в этом убогом домишке, занялся живописью. Все это произошло задолго до моего появления в Дарроуби, и его длинные волосы успели посеребриться. У меня всегда возникало ощущение, что он по своему очень счастлив, да и трудно было вообразить эту шуплую, почти хрупкую фигуру среди грязи скотного двора.

Жениться ему тоже скорее всего помешали особенности его натуры. В его худых щеках и светлых голубых глазах чудилось что-то аскетическое, а невозмутимая сдержанность, возможно, указывала на отсутствие сердечной теплоты. Хотя последнее никак не относилось к Перси, его собаке.

Перси он любил неистойвой ревнивой любовью и теперь, когда песик подбежал к нам, нагнулся к нему, просто сияя нежностью.

— По-моему, он выглядит прекрасно, — сказал я. — Он же не болен?

— Нет... нет... — Мистер Партридж явно испытывал непонятное смущение. — Сам по себе он здоров, но, прошу вас, посмотрите на него, не заметите ли вы чего-нибудь.

Я посмотрел на него и увидел только то, что видел всегда: белоснежное косматое миниатюрное создание, которое местные любители породистых собак и другие знатоки презирали как ничемную дворняжку, что не мешало Перси быть одним из любимейших моих пациентов. Лет пять назад мистер Партридж, посмотрев на витрину зоомагазина в Бротоне, тут же капитулировал перед очарованием двух кротких глаз, моляще глядевших на него из полуторамесячного клубка белой шерсти, выложил пять шиллингов и увез свое приобретение домой. В магазине Перси несколько неопределенно называли терьером, и мистер Партридж боязливо поиграл с мыслью, не купировать ли ему хвост. Однако он не нашел в себе сил подвергнуть такой операции

предмет своего обожания, и в результате хвост беспрепятственно завернулся на спине в пушистое кольцо.

На мой взгляд, этот хвост создавал приятную симметрию с головой, которая, несомненно, была великовата для туловища, но мистер Партридж потерпелся из-за него всяческих страданий. Старые друзья в Дарроуби, которые, подобно всем сельским жителям, считали себя знатоками любых домашних животных, не скупилась на всевозможные критические замечания. Даже я их наслушался. В дни, когда Перси был щенком, говорилось что-нибудь вроде: «Пора бы, Роли, убрать этот хвост. Хочешь, я его, так уж и быть, откушу?». А позднее снова и снова можно было услышать: «Эй, Роли, чего же ты своего пса не обкорнал, когда он был щенком? Что у него за вид! Смех один!».

На вопрос, какой Перси породы, мистер Партридж отвечал надменно: «Силихэмский гибрид!». Однако дело тут было куда сложнее: миниатюрное туловище, пышная жесткая шерсть, крупная, довольно благородная голова с торчащими ушами, короткие ноги с кривыми лапами и закрученный хвост превращали его в неразрешимую загадку.

Друзья мистера Партриджа и тут не давали ему пощады, называя Перси то «мышь-герьером», то «блоххаундом», то еще как-нибудь, и, хотя маленький художник отвечал на эти шуточки узкогубой улыбкой, я знал, как глубоко они его ранят. Ко мне он питал большое расположение только потому, что я, увидев Перси в первый раз, совершенно искренне воскликнул: «Какой красивый песик!». Да, я был вполне искренен, поскольку требования к экстерьеру породистых собак и тонкости оценки их статей меня никогда не интересовали.

— Но все-таки в чем дело, мистер Партридж? — спросил я. — Ничего необычного я не замечаю.

И вновь маленький художник стеснительно замялся.

— Ну-у... Посмотрите, когда он ходит. Перси, милый, пойдём-ка! — Он направился к противоположной стене, и Перси затрусил за ним.

— Нет... нет... Я не вполне понял, на что мне надо смотреть.

— Поглядите еще разок. — Он прошелся по комнате вторично. — Это его... его... У его заднего конца.

Я присел на корточки.

— А, да! Погодите. Пожалуйста, подержите его так.

Я подошел к ним и взгляделся.

— Да, теперь вижу. Одно яичко у него слегка увеличено.

— Вот... вот именно. — Лицо мистера Партриджа зарозовелось. — Я... э... об этом и говорил.

— Подержите его еще немножко. — Я приподнял мошонку и легонько ее ощупал. — Да, левое несомненно больше и тверже.

— Что-то... что-то серьезное?

Я взвесил свой ответ.

— Не думаю. У собак опухоли яичек встречаются не так уж редко, и, к счастью, метастаз они почти никогда не дают. А потому особых поводов тревожиться нет.

Последнюю фразу я добавил со всей поспешностью, так как при слове «опухоль» его лицо побелело.

— Это рак?.. — еле выговорил он.

— Все необязательно. Опухоли бывают самые разные, и далеко не все

они злокачественные. Так что не тревожьтесь. Но следить за ним надо. Она вряд ли будет увеличиваться, но если все-таки начнет, обязательно тут же сообщите мне.

— Понимаю... Ну а если она будет расти?

— Ну тогда есть только один выход: удалить яичко.

— Оперировать его? — В глазах маленького художника появился такой ужас, что, казалось, он вот-вот упадет в обморок.

— Да. Но операция легкая. И простая. — Я нагнулся и снова ощупал яичко. Увеличилось оно совсем мало. Из переднего конца Перси лилось непрерывное музыкальное рычание. Я улыбнулся. Он всегда так рычал, мерил ли я ему температуру, подрезал когти или еще как-то ему досаждал, — но в этом рычании не было и тени угрозы. Я его хорошо знал: ни капли злобности, а просто желание доказать свое мужество, напомнить мне, какой он молодец. И это не было пустым хвастовством. Несмотря на малый рост, ему хватало и гордости, и смелости. Одним словом, характер у него не оставлял желать ничего лучшего.

Выйдя на улицу, я оглянулся и увидел, что мистер Партридж стоит на пороге и смотрит мне вслед. Он судорожно сжимал и разжимал руки.

А я, вернувшись в приемную, все время возвращался мыслями в маленькую мастерскую. Я невольно восхищался стойкостью, с какой мистер Партридж занимался тем, чем ему хотелось заниматься, — ведь в Дарроуби он не мог рассчитывать ни на малейшее признание. Ловкий наездник, хороший крикетист вызывали почтительный интерес и глубокое уважение. Но художник? Ни в коем случае. Пусть даже он стал бы знаменитостью. Однако слава обходила мистера Партриджа стороной. Картины его иногда покупались, но прожить на доход от них он не мог бы. Одной из них я украсил нашу комнатку — на мой взгляд, он обладал несомненным талантом. И я бы наскреб денег и на другие, но, к сожалению, его словно отпугивали те особенности йоркширских холмов, которые мне нравились больше всего.

Умей я рисовать, то постарался бы изобразить, как каменные стенки повсюду расчерчивают их склоны. Я попытался бы передать магию бесконечных безлюдных пустошей, черных трясин, над которыми покачивается камыш. Но мистера Партриджа влекли только уютные сюжеты: ивы, клонящиеся ветки у мостика над ручьем, сельские церквушки, увитые розами домики.

Перси ведь был нашим соседом, а потому видел я его почти каждый день либо из окна нашей комнаты под крышей дома, либо из приемной внизу. Хозяин гулял с ним подолгу и часто, так что почти в любое время дня я вдруг замечал на противоположном тротуаре знакомую тщедушную фигуру, а рядом гордо семенил белый песик. С такого расстояния невозможно было определить, увеличивается ли опухоль, но мистер Партридж мне не звонил, и я полагал, что все хорошо. Может быть, она больше не растет. Такое иногда бывает.

Глядя на Перси, я вспоминал всякие эпизоды из его жизни, и особенно драки, участником которых он был. Нет, Перси никогда сам их не начинал — при росте в десять дюймов он не был дураком, — но почему-то большие собаки, увидев изящное белоснежное создание, кидались на него без предупреждения. Из наших окон мне довелось наблюдать несколько таких драк, и всякий раз происходило одно и то же: стремительный бросок, рычание, визг — и нападавший шархался прочь с кровоточащей раной.

А Перси оставался цел и невредим — густая упругая шерсть служила ему надежной броней — и всегда успевал куснуть снизу. Мне приходилось накладывать швы не одному уличному забияке после его стычки с Перси.

Прошло около полутора месяцев, прежде чем мистер Партридж появился в приемной. Вид у него был очень тревожный.

— Мне бы хотелось, чтобы вы посмотрели Перси, мистер Хэрриот.

Я поднял песика на стол. Не понадобилось даже ошупывать.

— Боюсь, она сильно увеличилась. — Я посмотрел через стол на маленького художника.

— Я знаю... — Он замялся. — Так что вы посоветуете?

— Ну тут нет никаких сомнений: его надо оперировать.

Глаза за толстыми линзами расширились от ужаса и отчаяния.

— Оперировать! — Он уперся в стол обеими ладонями.

Я ободряюще улыбнулся.

— Я понимаю ваши чувства, но, честное слово, причин тревожиться нет. Я ведь вам говорил, что операция очень простая.

— Я знаю, знаю! — простонал он. — Но я не хочу, чтобы его... чтобы его резали. Поймите же! Одна мысль об этом...

И я не сумел его переубедить. Он категорически отказался даже думать об операции и решительным шагом вышел из приемной вместе с Перси. Я смотрел, как он идет через улицу к своему дому, полагая, будто я знаю, на что именно он себя обрекает. Но нет, тогда я и представить себе не мог, чем это обернется.

Истинным мученичеством, не более и не менее!

По моему мнению, «мученичество» — наиболее подходящее слово для того, что пришлось пережить мистеру Партриджу в следующие недели: яичко с каждым днем становилось все массивнее, а манера Перси закручивать хвост колечком открывала его на всеобщее обозрение.

Когда они гуляли, люди оборачивались и смотрели им вслед. Перси трусил как ни в чем не бывало, а мистер Партридж сосредоточенно смотрел прямо перед собой, делая вид, будто ни о чем не подозревает. Мне было больно смотреть на них, особенно на бедного изуродованного песика.

Невозмутимое достоинство мистера Партриджа всегда делало его объектом дружеских насмешек, которые он переносил стоически. Но теперь, когда они сыпались на Перси, он глубоко страдал.

Как-то днем маленький художник привел Перси в приемную, и мне показалось, что он вот-вот расплачется. Я мрачно осмотрел мошонку. Она теперь отвисала на добрые шесть дюймов и покачивалась, действительно, самым смешным образом.

— Знаете, мистер Хэрриот, — еле выговорил художник, — какие-то малолетние хулиганы написали мелом на моем окне: «Спешите видеть знаменитую китайскую собаку Вон Ви-сит». Я только сейчас кончил отмывать стекло.

Я потер подбородок.

— Стоит ли обращать внимание на шутку с такой бородой? На вашем месте, мистер Партридж, я бы выкинул это из головы.

— Не могу! Я ночей не сплю.

— Так почему же вы не позволяете мне прооперировать его? Вы бы сразу избавились от всех тревог.

— Нет! Нет! Я не в силах... — Его голова поникла, лицо дышало невыразимой горестью. Он устремил на меня испуганный взгляд. — Я боюсь, понимаете? Боюсь, что он умрет под анестезией.

— Ну послушайте! Он крепкий, сильный. Для подобных страхов нет никакого основания.

— Но риск ведь все-таки есть?

У меня опустились руки.

— Операций без какой-то доли риска не бывает, да, конечно. Однако в данном случае...

— Нет. И довольно! Слышать об этом не могу! — крикнул он и, схватив поводок Перси, выбежал из приемной.

Дальше все шло хуже и хуже. Опухоль продолжала расти, и теперь я уже хорошо видел ее из окна приемной, когда песик проходил по противоположному тротуару, и еще я замечал, что взгляды встречающих и неизбежные насмешки начинают сказываться на мистере Партридже. Щеки у него ввалились, лицо побледнело.

Но поговорить мне с ним пришлось лишь через несколько недель в базарный день. Начиная дневной прием, и окрестные фермеры заходили расплатиться по счетам. Я попрощался с одним из них и тут заметил, что по тротуару напротив идут Перси и его хозяин. И сразу же обнаружил, что песик отставляет заднюю ногу, чтобы не задевать разросшейся опухоли.

Я не выдержал и окликнул мистера Партриджа.

— Послушайте, — сказал я, когда он перешел улицу, — дайте же мне убрать эту штуку! Она мешает ему ходить, он хромает. Долго так продолжаться не может!

Художник ответил мне затравленным взглядом. Мы продолжали молча стоять на крыльце, но тут из-за угла с чековой книжкой в руке вышел Билл Долтон. Билл, краснолицый тучный фермер, большую часть базарных дней проводил в «Черном лебеде», и теперь, когда он твердым шагом подошел к крыльцу, нас обволокла волна пивных паров.

— Эгей, Роли, старина! Ну как делишки? — взревел он, хлопая маленького художника по спине могучей ладонью.

— Прекрасно, Уильям, благодарю тебя. А как ты поживаешь?

Но Билл не ответил. Все его внимание сосредоточилось на Перси, который прошел вперед по тротуару. Билл несколько секунд не отводил от него ошеломленных глаз, а затем с подавленным хихиканьем обернулся к мистеру Партриджу и скроил серьезную мину.

— Знаешь, Роли, — сказал он, — этот твой волкодав ну прямо списан с того молодого китайца, у которого были разные яйца: одно за его грехи — меньше собачьей блохи, зато другое — побольше зайца! — Декламацию он завершил взрывом громового хохота, после чего бессильно повис на железной решетке.

Мне показалось, что мистер Партридж сейчас его ударит: глаза его сверкали яростью, подбородок и губы тряслись... Но он взял себя в руки и обернулся ко мне.

— Можно вас на пару слов, мистер Хэрриот?

— Конечно, — ответил я и пошел рядом с ним по улице.

— Вы правы, — сказал он. — Перси операция необходима. Когда вы им займетесь?

— Завтра, — ответил я. — Не кормите его больше. Завтра я вас жду в два.

Когда на другой день я увидел песика на операционном столе, то испытал необыкновенное облегчение. Анестезиологом был Тристан, и я быстро удалил огромное яичко, захватив и значительную часть семявыводящего протока, чтобы наверняка убрать все ткани, задетые опухолью. Тревожило меня только то, что из-за долгой задержки с операцией была уже затронута мошонка, а это могло привести к рецидиву. И тщательно удаляя из стенки мошонки пораженные места, я проклинал нерешительность мистера Партриджа. Наложив последний стежок, я мысленно подержался за дерево.

Маленький художник пришел в такой восторг, увидев, что его любимец после моих манипуляций и жив, и избавился от безобразной опухоли, что у меня не хватило духу высказать свое опасение, но мне было немного не по себе. Если опухоль разрастется вновь, поручиться за успех новой операции я уже не мог.

Ну а пока я радовался возвращению моего пациента к нормальной жизни. У меня теплело на сердце всякий раз, когда я видел, как он семенит по улице, такой же бодрый и веселый, но освобожденный от уродства, которое так отягощало жизнь его хозяина. Иногда я словно случайно шел за ним по улице к рыночной площади, ничего не говоря мистеру Партриджу, но внимательно поглядывая на задние ноги Перси и основание хвоста.

Удаленное яичко я отослал в патологическую лабораторию Ветеринарного колледжа в Глазго и получил ответ, что это опухоль из клеток Сертоли. Они добавили утешительные сведения: этот тип опухолей обычно доброкачественный и лишь в редких случаях дает метастазы во внутренние органы. Возможно, это усыпило мою бдительность, потому что я перестал следить за Перси и, занятый новыми пациентами, просто забыл о его злоключениях.

А потому, когда мистер Партридж привел его в приемную, я не сомневался, что их привела сюда совсем другая причина. И когда хозяин поставил его на стол и повернул хвостом ко мне, я даже не сразу понял. Потом с тревогой наклонился к нему, увидев безобразное вздутие с левой стороны мошонки. Я быстро ее ощупал под раздражающий аккомпанемент ворчания и порываний. Сомнений не было: опухоль. И на этот раз мошонка была воспаленной, прикосновение к ней — болезненным. Активно растущая опасная опухоль, какие мне редко доводилось видеть.

— Быстро растет, так? — спросил я.

Мистер Партридж кивнул:

— О да. Увеличивается прямо на глазах.

Да, ничего хорошего! Убрать ее хирургически не стоило и пытаться — бесформенная диффузная масса без четких границ. Если попробовать хоть что-то кроме осторожной пальпации, так я сам вызову ее распространение на внутренние органы, а тогда Перси не спасти.

— Опаснее той? — спросил маленький художник и всхлипнул.

— Да... боюсь, что да.

— Но хоть что-нибудь сделать можно?

Я подыскивал слова, чтобы как можно мягче ответить на его вопрос отрицательно, и вдруг вспомнил статью в ветеринарном журнале, которую прочел неделю назад. В ней описывался стильбэстрол, новое средство, рекомен-

дуемое для гормонального лечения животных. Но перед моими глазами всплыли строчки, набранные мелким шрифтом, — препарат этот давал положительные результаты при лечении рака простаты у мужчин... А вдруг?

— Я хотел бы кое-что испробовать, — сказал я, внезапно воспрянув духом. — Гарантировать, к сожалению, ничего не могу, средство совсем новое. Но поглядим, что даст недельный или двухнедельный курс.

— Отлично, отлично, — выдохнул мистер Партридж, хватаясь за соломинку.

Я позвонил «Мею и Бейкеру», чтобы мне немедленно прислали стильбэстрол.

Я ввел Перси 10 миллиграммов маслянистой жидкости и прописал ему ежедневно десять таблеток. Огромные дозы для маленькой собачки, но в такой отчаянной ситуации они, на мой взгляд, были оправданны. Теперь оставалось только ждать.

Примерно неделю опухоль продолжала расти, и я чуть было не прекратил лечения, но затем рост этот вроде бы замедлился, а потом настал день, когда я с неизъяснимым облегчением убедился, что она больше не увеличивается. Нет, я не собирался бросать в воздух шляпу, я отдавал себе отчет, что еще многое может случиться, но тем не менее мое лечение принесло пользу — остановило это роковое развитие.

Походка мистера Партриджа во время прогулок обрела прежнюю эластичность, а когда уродливая масса начала уменьшаться, он, проходя мимо окна приемной, приветственно махал рукой и радостно указывал на белого песика, бежавшего рядом с ним.

Бедный мистер Партридж! Он был на вершине счастья, но судьба уже припасла ему новый мученический венец, куда более неожиданный и странный.

Вначале ни я, ни другие соседи не осознали, что происходит. Мы видели только, что на нашей улице вдруг появилось множество собак, причем незнакомых, с других концов городка: больших псов и маленьких, косматых бродяг и прилизанных аристократов. Все они словно бы бесцельно кружили по улице. Но затем обнаружилось, что их влечет к себе домишко мистера Партриджа.

Однажды я выглянул из нашего окна, и меня как молнией поразило: они же липнут к Перси! Каким-то образом он обрел притягательность суки во время течки. Я бросился вниз к моим справочникам. Да-да! Вот оно! Опухоль из клеток Сертоли иногда придает кобелям сексуальную привлекательность для других кобелей. Но почему сейчас, а не раньше, когда опухоль была больше? Или причина в стильбэстроле? Действительно, в статье об этом препарате указывалось его феминизирующее воздействие, но не до такой же степени!

Но какова бы ни была причина, факт оставался фактом: Перси попал в настоящую осаду, причем стая его поклонников неизменно увеличивалась: к ней примкнули несколько псов с ближних ферм, дог, являвшийся из самого Холтона, и Магнус, маленькая такса из «Гуртовщиков». Очередь возникала буквально с первым лучом зари, а к десяти часам по улице нельзя было проехать из-за кружащих псов. К завсегдатаям присоединялись случайные бродяги, которых охотно принимали в клуб, невзирая на породу или величину, так что число глупых морд, вывалившихся языков и виляющих хвостов все время пополнялось — весь этот пестрый сброд объединялся силой похоти в буйное непристойное товарищество.

Мистер Партридж должен был страдать невыносимо. Порой я замечал, как из своего окна он гневно сверкает глазами на эту ораву, но обычно он держал себя в руках, спокойно трудился у мольберта, словно игнорируя разношерстную публику на улице, жаждущую посягнуть на его сокровище.

Власть над собой он терял очень редко. Я был свидетелем одного такого случая, когда он вылетел из двери с воплями, размахивая палкой. Куда девался его изысканный лоск! И орал он на них, как взбешенный йоркширский фермер:

— Вот я вас, ублюдки поганые! Пшли отсюда!

Он мог бы и побережь силы: стая разбежалась, но уже через несколько минут все вернулось на круги своя.

Я от души сочувствовал маленькому художнику, но помочь ему ничем не мог. Для меня важнее всего было, что опухоль уменьшается, но должен признаться, что следил я за развитием событий не без недостойного любопытства.

Прогулки Перси были чреваты большим риском. Мистер Партридж выходил из дома, только вооружившись палкой, а Перси вел на коротком поводке. Но все эти предосторожности не спасали его от накатывающейся волны собак. Обезумевшие от страсти псы наперебой старались взгромоздиться на беднягу Перси, и художник тщетно кричал на них и молотил палкой по косматым спинам. Так эта двусмысленная процессия и следовала через рыночную площадь, к большому удовольствию всех, кто там находился.

В обеденное время большинство собак устраивало перерыв, а в сумерках все отправлялись спать — все, кроме одного темно-коричневого спаниеля нечистых кровей, который фанатично не покидал своего поста. По-моему, он две недели практически обходился без пищи — во всяком случае, он превратился в ходячий скелет и, вероятно, протянул бы ноги, если бы Хелен не подкармливала его кусочками мяса, когда он, дрожа, жался в холодном вечернем мраке у заветной двери. Я знаю, что он оставался там всю ночь — порой в самые глухие часы меня будил пронзительный визг, и я догадывался, что мистеру Партриджу удалось попасть в него из окна каким-нибудь метательным снарядом. Но и это не помогало: он продолжал упрямо нести свою вахту.

Не знаю, как долго сумел бы мистер Партридж продержаться, если бы такое положение вещей длилось без конца. У меня есть основания думать, что он помешался бы. Но, к счастью, кошмар явно начинал идти на убыль. Стая мало-помалу редела, по мере того как состояние Перси улучшалось, и в один прекрасный день даже темно-коричневый спаниель убрался восвояси, не слишком охотно оставив привычный пост ради своего неведомого дома.

В тот день я в последний раз водворил Перси на стол и с большой радостью пропустил между пальцами кожу мошонки.

— Там больше ничего нет, мистер Партридж. Даже легкого утолщения. Абсолютно ничего.

Маленький художник кивнул.

— Да, это чудо, верно? Я вам чрезвычайно благодарен за все, что вы сделали. Я так беспокоился!

— Легко могу себе представить! Для вас это было очень тяжелое время. Но я радуюсь не меньше вас — ничто не дает такого удовлетворения, как удачный эксперимент.

Однако годы и годы после этого, глядя, как мистер Партридж со всем своим прежним достоинством ведет на поводке Перси, вновь красивого и гордого, я раздумывал над этой странной интермедией.

Действительно ли стильбэстрол заставил рассосаться опухоль или это произошло само собой? А сексуальный кошмар — был ли он следствием лечения? Или состояния опухоли? Или и того и другого?

Ответа я не знаю, но конечный результат был самым счастливым. Опухоль больше не мучила Перси и мистера Партриджа... как и оголтелые псы.

По поводу этого пораженного раком яичка ко мне обращались ветеринары и врачи изо всех уголков мира в надежде, что я сумею помочь в других подобных случаях. С грустью приходится сказать, что стильбэстрол далеко не всегда помогает, но я рад, что он помог Перси, хотя бы и ценой уподобления суке в течке. Однако, вспоминая о псах, заполонивших улицу перед дверью мистера Партриджа, я вдруг осознаю, как редко мы сейчас видим в нашем городке что-либо подобное. Много лет назад такие влюбленные сборища были обычными, но теперь они практически ушли в прошлое. Причина, конечно, отчасти заключается в кастрации сук, которая теперь ведется в широких масштабах, и всяческих инъекциях и таблетках, прекращающих течку. Многие люди предпочитают сук кобелям, но раньше на выбор влияла именно эта физиологическая особенность, с которой теперь, к счастью, можно не считаться.

15. Гранвилл Беннет

Несомненно, работа для Гранвилла Беннета. Мне нравилось оперировать мелких животных, и я мало-помалу набил в этом руку, однако сейчас мне стало не по себе. Двенадцатилетняя сука спаниель с запущенным гнойным метритом: гной капает на стол, температура сорок, одышка, дрожь, а в прижатом к ее груди стетоскопе слышатся классические шумы сердечной недостаточности. Только больного сердца тут не хватало!

— Много пьет? — спросил я.

Старушка миссис Баркер испуганно закручивала веревочные ручки своей сумки.

— Очень. Так от миски с водой и не отходит. А есть — ничего не ест. Вот уже четвертый день ни кусочка не проглотила.

— Право, не знаю, что вам и сказать. — Я сунул стетоскоп в карман. — Вам следовало бы давно ее сюда привести. Она ведь больна никак не меньше месяца!

— Да не больна она была. Так, недомогала немножко. А я думала, пока она ест, то и беспокоиться нечего.

Я помолчал. Мне очень не хотелось расстраивать старушку, но скрывать от нее правду было нельзя.

— Боюсь, положение довольно серьезное, миссис Баркер. Процесс развивался долго. Видите ли, у нее в матке идет гнойное воспаление. Очень тяжелое. И вылечить ее может только операция.

— Ну так вы сделаете, что нужно? — Губы миссис Баркер дрожали.

Я обошел стол и положил руку ей на плечо.

— Я бы с удовольствием, но тут есть трудности. Ей ведь двенадцать лет, и общее состояние у нее тяжелое. Риск очень велик. Я предпочел бы отвезти ее в ветеринарную клинику в Хартингтоне, чтобы оперировал ее мистер Беннет.

— Ну и хорошо! — Старушка радостно закивала. — И все равно, сколько бы это ни стоило.

— Об этом не беспокойтесь. — Я проводил ее по коридору до входной двери. — А она пусть остается у меня. Не тревожьтесь, я за ней присмотрю. Да, кстати, как ее зовут?

— Дина, — пробормотала миссис Баркер, оглядываясь и шурясь в полумрак коридора.

Я простился с ней и пошел к телефону. Тридцать лет назад деревенские ветеринары в подобных экстренных случаях предпочитали обращаться к специалистам по мелким животным. Теперь, когда наша практика в этом смысле заметно расширилась, положение изменилось. Нынче у нас в Дарруоби есть и сотрудники, и необходимое оборудование для всяческих операций на мелких животных, но тогда дело обстояло по-иному. Меня не раз предупреждали, что рано или поздно любому целителю крупных животных приходится вызывать о помощи к Гранвиллу Беннету. И вот пришел мой черед.

— Алло, мистер Беннет?

— Он самый. — Голос басистый, дружеский, щедрый.

— Говорит Хэрриот. Партнер Фарнона. Из Дарруоби.

— Как же, как же! Наслышан о вас, юноша. И весьма.

— О... э... спасибо. Видите ли, у меня случай... довольно сложный. Так не могли бы вы?..

— С превеликим удовольствием, юноша. А что такое?

— Запущенный гнойный метрит...

— Какая прелесть!

— Суже двенадцать лет...

— Превосходно...

— Заражение просто страшное...

— Лучше ничего и быть не может!

— И такого скверного сердца мне давно прослушивать не доводилось...

— Расчудесно! Так когда вас ждать?

— Сегодня вечером, если вам удобно. Часов в восемь.

— Более чем удобно, юноша. Так до скорого.

Хартингтон был довольно большим городом с населением тысяч около двухсот, но на центральных улицах движения уже почти не было, и лишь редкие машины проносились мимо магазинных витрин. Может быть, я все-таки не напрасно проехал эти двадцать пять миль? А вытянувшейся на заднем си-

день Дине любой исход, казалось, был безразличен. Я покосился через плечо на бессильно свесившуюся голову, на поседелую морду, на бельма, матово поблескивающие в свете приборной доски на обоих глазах. Какой у нее дряхлый вид! Нет, я только зря трачу время, уповая на этого мага и кудесника.

Да, бесспорно, на севере Англии Гранвилл Беннет успел стать легендарной фигурой. В дни, когда в нашей профессии специализация была неслыханной редкостью, он посвятил себя работе только с мелкими животными, никогда не занимался ни лошадьми, ни коровами, а свою клинику поставил на самую современную ногу, елико возможно во всем следуя правилам, принятым для больниц и клиник, где лечат людей. А ведь в те дни среди ветеринаров было модно фыркать на собак и кошек. Старые зубры, чья жизнь прошла среди бесчисленного множества рабочих лошадей в городах и на фермах, насмешливо цедили: «Да где мне взять время на этих тварей?». Беннет же упрямо двинулся против течения.

До сих пор мне не доводилось с ним встречаться, но я знал, что он еще совсем молод, лет тридцати с небольшим. Чего только я не слышался о его врачебном искусстве, и о деловом чутье, и о пристрастии к радостям жизни! Короче говоря, он слыл убежденным последователем идеи, что и работать, и жить следует во всю меру своих возможностей.

Ветеринарная клиника помещалась в длинном одноэтажном здании в конце деловой улицы. Я въехал во двор, вылез и постучал в угловую дверь, не без благоговения оглядываясь на сверкающий «бентли», возле которого робко жался мой маленький, выдавший виды «остин». Но тут дверь открылась. Передо мной стояла хорошенькая регистраторша.

— Добрый вечер! — с ослепительной улыбкой проворковала она, и я прикинул, что улыбка эта добавила к счету никак не меньше полукроны. — Входите, пожалуйста. Мистер Беннет вас ждет.

Она проводила меня в приемную с журналами и цветами на столике в углу и множеством художественных фотографий собак и кошек по стенам — увлечение, как я узнал позднее, самого владельца клиники. Я разглядывал великолепный снимок двух белых пуделей, когда у меня за спиной послышались шаги. Я оглянулся и увидел Гранвилла Беннета.

Мне показалось, что в приемной сразу стало тесно. Он был не очень высок, но весьма внушительен. «Толстяк» — решил я в первую секунду, но, когда он подошел поближе, мой взгляд не обнаружил никаких признаков ожирения: ни дряблости, ни складок жира, ни округлого брюшка. Передо мной стоял широкоплечий, плотного сложения силач. Впечатление от симпатичного, с рублеными чертами лица завершала торчащая изо рта трубка, великолепнее которой мне видеть не доводилось. Над сияющей чашечкой завивались благоуханные колечки дорожностоящего дыма. А размеры! Собственно, в зубах человека не столь импозантного она выглядела бы нелепо, но ему шла необыкновенно. Я успел еще заметить элегантный покрой темного костюма и ослепительные запонки, но тут он протянул мне руку.

— Джеймс Хэрриот! — произнес он тоном, каким кто-нибудь другой сказал бы: «Уинстон Черчилль!»

— Совершенно верно.

— Вот и чудесно! Джим, не правда ли?

— А... да-да. Обычно.

— Прелестно. Все уже для вас готово, Джим. Девочки ждут в операционной.

— Вы очень любезны, мистер Беннет...

— Гранвилл! Гранвилл — и все! — Он взял меня под руку и повел в операционную.

Дина уже была там и выглядела очень плачевно. Ей сделали инъекцию, и голова ее сонно клонилась вниз. Беннет подошел к ней и быстро ее осмотрел.

— М-м-м, да! Ну так к делу!

Две сестры — Беннет держал порядочный штат — вступили в действие, как шестерни хорошо отлаженной машины. Обе прекрасно знали свои обязанности и отличались при этом большой милостью. Одна установила подносы с анестезирующими средствами и инструментами, а вторая умело сжала лапу Дины над суставом, подождала, чтобы лучевая вена вздулась, и быстро выстригла и обработала спиртом нужный участок.

Беннет неторопливо подошел с готовым шприцем и без малейшей поддержки ввел иглу в вену.

— Пентотал, — сказал он, когда Дина медленно осела и без сознания вытянулась на столе. Я еще ни разу не видел в употреблении это новейшее анестезирующее средство быстрого действия.

Пока Беннет мыл руки и надевал стерильный халат, сестры перевернули Дину на спину и зафиксировали ее в таком положении, привязав к петлям по краю стола. Они надели ей на морду эфирно-кислородную маску, а затем выбрили и протерли спиртом операционное поле. Едва Беннет подошел к столу, как ему в руку уже был вложен скальпель.

С почти небрежной быстротой он рассек кожу и мышцы, а когда прошел брюшину, рога матки, которые у здоровой собаки походили бы на две розовые ленточки, вспучились в разрезе, точно два соединенных воздушных шара, тугие, вздутые от гноя. Еще бы Дина не чувствовала себя скверно, таская в животе такое!

Толстые пальцы осторожно продолжали операцию, перевязали сосуды яичников и самой матки, а затем извлекли наружу пораженный орган и бросили его в кювету. Только когда Беннет начал шить, я сообразил, что все уже позади, хотя пробыл он у стола считанные минуты. Со стороны могло показаться, что он делал все играючи, если бы краткие распоряжения сестрам не показывали, насколько операция поглощала все его внимание.

Глядя, как он работает под бестеновой лампой, озаряющей белые кафельные стены вокруг и ряды блестящих инструментов у него под рукой, я вдруг со смешанным чувством осознал, что именно таким мне представлялось мое будущее. Именно об этом я мечтал, когда решил стать ветеринаром. И вот я — потрепанный коровий лекарь... Ну ладно — врач, пользующий сельский скот. Но это же совсем, совсем другое! Ничего похожего на мою практику, на вечное увертывание от рогов и копыт, на навоз и пот. И все-таки я ни о чем не жалел. Жизнь, навязанная мне обстоятельствами, принесла с собой волшебную удовлетворенность. Внезапно я с пронзительной ясностью ощутил, что создан не для того, чтобы целыми днями склоняться над таким вот операционным столом, но как раз для того, чтобы с утра до вечера ездить по неогороженным проселкам среди холмов.

Да и в любом случае Беннета из меня не вышло бы. Вряд ли я мог сопер-

ничать с ним в хирургическом искусстве, и, уж конечно, у меня не было ни делового чутья, ни предвидения, ни жгучего честолюбия, о которых свидетельствовало все вокруг.

Мой коллега тем временем завершил операцию и устанавливал капельницу с физиологическим раствором. Он ввел иглу в вену и обернулся ко мне.

— Ну вот, Джим! Остальное зависит от самой старушки.

Он взял меня за локоть и вывел из операционной, а я подумал, как приятно, наверное, вот так взять и просто уйти после операции. У себя в Дарроуби я начал бы сейчас мыть инструменты, потом оттер бы стол, а в заключение Хэрриот, великий хирург, вымыл бы пол, лихо орудия ведром и шваброй. Нет, так было несравненно приятнее.

В приемной Беннет надел пиджак, извлек из бокового кармана гигантскую трубку и озабоченно ее осмотрел, словно опасаясь, что в его отсутствие над ней потрудились мыши. Что-то ему не понравилось, и он принялся с глубокой сосредоточенностью протирать ее мягкой желтой тряпочкой. Затем поднял, чуть-чуть покачивая и с наслаждением созерцая игру света на полированном дереве. В заключение он достал колоссальный кисет, плотно набил трубку, благоговейным движением поднес спичку к табаку и зажмурил глаза, выпуская струйки благоуханного дыма.

— Отличный запах! — заметил я. — Что это за табак?

— «Капитанский», экстра. — Он снова зажмурился. — Ну просто лизал бы этот дым!

Я засмеялся.

— Мне довольно просто «Капитанского»!

Он смерил меня жалостливым взглядом опечаленного Будды.

— Вот уж напрасно, юноша! Курить можно только этот табак. Крепость... Аромат... — Его рука описала в воздухе неторопливую дугу. — Вон, захватите с собой.

Он открыл ящик, и я беглым взглядом оглядел запасы, которые не посрамили бы и табачную лавку: бесчисленные жестянки табака, трубки, ершики, шильца, тряпочки.

— Ну-ка, попробуйте, — сказал он. — И судите, прав я или не прав.

Я взглянул на жестянку, которую он вложил мне в руку.

— Но я не могу ее взять. Тут же четыре унции!

— Вздор, юноша! Засуньте в карман, и никаких разговоров! — Внезапно он оставил небрежный тон и заговорил энергично: — Конечно, вы предпочтете подождать, пока старушка Дина не очнется, так почему бы нам пока не пропустить по кружечке пивка? Я член очень уютного клуба тут совсем рядом, через дорогу.

— Что ж, с удовольствием!

Походка его для столь массивного человека была на редкость упругой и быстрой, так что я с трудом поспевал за ним, когда мы вышли из приемной и направились к зданию по ту сторону улицы.

Клуб дышал чисто мужским комфортом. Несколько его членов, люди по виду весьма преуспевающие, встретили Беннета радостными возгласами, а человек за стойкой — дружеским приветствием.

— Две пинты, Фред, — рассеянно распорядился Беннет, и перед нами с молниеносной быстротой возникли полные до краев два огромных бокала.

Мой коллега разом опрокинул свой в рот, словно бы не глотая, а потом посмотрел на меня.

— Повторим, Джим?

Но я успел только смочить губы и теперь принялся, захлебываясь, судорожно проглатывать горький эль.

— С удовольствием, но только теперь мой черед угощать!

— Как бы не так, юноша! — Он поглядел на меня строго, но снисходительно. — Платить тут разрешается только членам. Повторите, Фред.

Передо мной теперь стояли два бокала, и ценой геркулесовых усилий я осушил начатый до дна. Переводя дух, робко оглядел второй и обнаружил, что бокал Беннета уже на три четверти опустел. И тут же у меня на глазах он без малейшего усилия допил его до дна.

— Копуша вы, Джим! — Он благодушно улыбнулся. — Фред, налейте-ка нам еще.

С некоторой тревогой я посмотрел, как бармен взялся за рукоятку насоса, и решительно приступил ко второй пинте. Как ни удивительно, я благополучно влил ее в глотку и, отдуваясь, взялся за третью, а Беннет сказал весело:

— Ну и еще одну на дорожку, Джим. Фред, будьте так любезны...

Глупо, конечно, но мне не хотелось спасовать в самом начале нашего знакомства. С глухим отчаянием я поднес к губам третью пинту и мелкими глоточками кое-как выпил ее, а потом почти повис на стойке. Желудок мой грозил вот-вот лопнуть, лоб увлажнился. Уголком глаза я заметил, что мой коллега идет к двери, — вернее, увидел его ноги, твердо ступающие по ковру.

— Нам пора, Джим, — сказал он. — Допивайте же!

Поразительно, чего только не способен вытерпеть человеческий организм, когда дело доходит до дела. Я готов был побиться об заклад, что выпить эту четвертую пинту смогу только после часовой передышки, желательно в горизонтальной позиции, но ботинок Беннета нетерпеливо постукивал по ковру, и я принялся отхлебывать пиво небольшими порциями, с изумлением обнаруживая, что, поплескавшись у задних зубов, оно все-таки проскальзывает в глотку. Если не ошибаюсь, испанская инквизиция весьма уважала пытку водой, и, ощущая, как нарастает давление у меня в животе, я начал понимать, почему.

Когда я, наконец, кое-как поставил бокал на стойку и побрел к двери, Беннет уже давно держал ее распахнутой. На улице он закинул мне руку на плечо.

— Старушка навряд ли успела прочухаться, — сказал он. — А потому заглянем ко мне домой и перекусим. Что-то есть хочется.

Утопая в мягком сиденье «бентли», поддерживая ладонями вздутый живот, я следил за мелькающими по сторонам яркими витринами, но вскоре их сменил мрак полей. Затем мы остановились перед красивым домом из серого камня в типичном йоркширском селении, и Беннет потащил меня внутрь, где подтолкнул к кожаному креслу и сказал:

— Чувствуйте себя как дома, юноша. Зои нет, но я что-нибудь сообразу. — Он на мгновение исчез в направлении кухни и тотчас появился с большой миской в руках, которую поставил на столик возле меня. — А знаете, Джим, — провозгласил он, потирая руки, — нет после пивка ничего лучше пары-другой маринованных луковок.

Я пугливо покосился на миску. Все вокруг этого человека казалось боль-

ше натуральной величины — даже луковицы, каждая величиной с теннисный мяч, коричневато-белые, глянцевитые...

— Э... Спасибо, мистер Бен... Гранвилл. — Я взял одну двумя пальцами и усталился на этот внушительный овощ безнадежным взглядом. Ну куда мне ее?

Гранвилл протянул руку к миске, сунул в рот луковицу, пожевал, проглотил и сразу захрустел второй.

— Чертовски вкусно! Моя женушка — великая кулинарка. Даже лук маринует не в пример прочим.

Дожевывая, он отошел к серванту, чем-то позвякивая, и в моей руке очутилась тяжелая хрустальная стопка, на три четверти заполненная неразбавленным виски. Сказать я ничего не мог, потому что как раз рискнул и затолкал в рот луковицу. Тут мне в ноздри ударили спиртные пары, я поперхнулся и, с трудом пригубив виски, уставился на Гранвилла слезящимися глазами. А он уже придвигал ко мне миску и, когда я покачал головой, поглядел на нее с мягким огорчением.

— Странно, что они вам не нравятся! Я всегда считал, что Зоя маринует лук как никто.

— Да нет же, Гранвилл! Очень вкусно. Просто я еще не доел ту.

Но он ничего не сказал и устремил на миску взгляд, полный кроткой грусти. Я понял, что выхода нет. И взял вторую луковицу.

Чрезвычайно довольный, Гранвилл снова унесся на кухню. Теперь он притащил поднос, на котором покоился огромный кусок ростбифа в окружении хлеба, масла и горчицы.

— По-моему, Джим, бутербродик с ростбифом будет в самый раз, — приговаривал он, водя ножом по оселку. Но вдруг заметил, что виски в моей стопке убыло только наполовину, и скомандовал с некоторым раздражением: — Да пейте же, пейте! Чего вы ждете?

Благостным взором проследив, как я допиваю стопку, он тут же снова ее наполнил. — Так-то лучше. Возьмите-ка еще луковку.

Я вытянул ноги и откинулся на спинку, пытаюсь уgomонить разбушевавшуюся стихию внутри себя. Мой желудок превратился в озеро раскаленной лавы. Она вздымалась и бурлила у края кратера, встречая каждый кусочек луковицы, каждый глоточек виски угрожающим всплеском. Я посмотрел на Гранвилла, и мне стало дурно: он деловито кромсал ростбиф на дюймовые ломти, шлепал на каждый ложку горчицы и вкладывал его между ломтями хлеба. Груда росла, и он довольно напевал, иногда бросая в рот еще луковицу.

— Ну вот, юноша, уминайте на здоровье! — Он придвинул ко мне тарелку с целой пирамидой своих внушительных творений и с блаженным вздохом опустил в кресло напротив, придвигая к себе свою тарелку. Откусив чуть не половину сэндвича, он продолжал с набитым ртом: — Знаете, Джим, люблю вот так перекусить немножко. Зоя, если уходит, всегда оставляет для меня что-нибудь. — Вторая половина последовала за первой. — И вот что: не мне, конечно, говорить, но ведь чертовски вкусные получились, а?

— О да! — Расправив плечи, я откусил, проглотил и затаил дыхание, пока еще одно совершенно лишнее инородное тело погружалось в кипящую лаву.

Хлопнула входная дверь.

— А вот и Зоя! — сказал Гранвилл и привстал, но тут в комнату впере-

валку вошел непотребно жирный стаффордширский бультерьер и без приглашения вспрыгнул к нему на колени. — Фибунчик, детка, иди к папочке! Мамуля вас гулятенки водила?

За бультерьером вбежал йоркшир-терьер, и Гранвилл с неменьшим восторгом возопил:

— Виктория, ух ты, Виктория!

Виктория явно принадлежала к породе улыбчивых собак. Оспаривать место на хозяйских коленях она не стала, а удовлетворилась тем, что села рядом, каждые несколько секунд радостно скаля зубы.

Мукам вопреки я улыбнулся. Развеемся еще один миф — будто специалисты по мелким животным сами собак не терпят. Беннет исходил нежностью. Уж одно то, как он назвал Фебу «Фибунчик», выдавало его с головой.

Я услышал легкие шаги, приближающиеся к двери, и повернул голову. Я знал, кого я сейчас увижу — типичную преданную жену, отличную хозяйку, не слишком следящую за собой, но умеющую создать мужу уют. У таких динамичных мужчин чаще всего бывают именно такие жены — услужливые рабыни, вполне довольные своим жребием. И я не сомневался, что увижу перед собой невзрачную маленькую хаусфрау. И чуть не уронил колоссальный сандвич. Зоя Беннет оказалась редкой красавицей, а к тому же вся светилась теплой жизнерадостностью. Вряд ли нашелся бы мужчина, который не поспешил бы посмотреть на нее еще раз: волна мягких каштановых волос, зелено-вато-серые ласковые глаза, твидовый костюм, элегантно облегающий стройную, тоненькую — а где надо и округлую — фигурку. Но главное — какой-то внутренний ясный свет. Мне внезапно стало стыдно, что я хуже, чем мог бы быть, — или, во всяком случае, выгляжу намного хуже. Внезапно я осознал, что мои башмаки нечищены, что моя старая куртка и вельветовые брюки тут более чем неуместны. Я ведь не тратил время на переодевание и повез Дину в чем был, а моя рабочая одежда сильно отличалась от той, которую носил Гранвилл, но не мог же я ездить по фермам в таком костюме, как он!

— Любовь моя! Любовь моя! — весело завопил Гранвилл, когда жена нагнулась и нежно его поцеловала. — Разреши представить тебе Джима Хэрриота из Дарроби.

Красивые глаза посмотрели в мою сторону.

— Рада познакомиться с вами, мистер Хэрриот!

И действительно, казалось, что она рада мне не меньше своего мужа, и вновь я устыдился своего непрезентабельного вида. Если бы хоть волосы у меня не были растрепаны, если бы я хоть не чувствовал, что вот-вот взорвусь и разлечусь на тысячи кусков.

— Я собираюсь выпить чаю, мистер Хэрриот. Не хотите ли чашечку?

— Нет-нет! Нет, благодарю вас. Только не сейчас, спасибо, нет-нет! — Я вжался в спинку кресла.

— Ах да, я вижу, Гранвилл уже угостил вас своими бутербродиками! — Она засмеялась и ушла на кухню.

Вернулась она со свертком, который протянула мужу.

— Милый, я сегодня ездила по магазинам. И нашла твои любимые рубашки.

— Радость моя! Какая ты заботливая! — Он сорвал оберточную бумагу, точно нетерпеливый мальчишка, и извлек на свет три элегантные рубашки в целлофановых пакетах. — Замечательные рубашки, моя прелесть. Ты меня совсем избаловала. — Он посмотрел на меня. — Джим, это удивительные

рубашки! Возьмите одну! — И он бросил мне на колени целлофановый пакет.

— Нет, право же, я не могу... — бормотал я, в изумлении глядя на пакет.

— Можете, можете! Она ваша.

— Но, Гранвилл, рубашка? Это же слишком...

— Так ведь рубашка очень хорошая! — В его голосе зазвучала обида, и я сдался.

Оба они были так искренне любезны! Зоя села со своей чашкой чая справа от меня, поддерживая непринужденный разговор. Гранвилл улыбался мне из глубины кресла. Он уже доел последний сэндвич и опять принялся за луковичи. Соседство привлекательной женщины — вещь очень приятная, но есть в нем и обратная сторона. В теплой комнате мои вельветовые брюки уже щедро распространяли аромат скотных дворов, где проводили значительную часть своего существования. И хотя сам я люблю это благоухание, с такой элегантной обстановкой оно сочеталось не слишком удачно. И хуже того: стоило в разговоре наступить паузе, как становились слышны побулькиванья и музыкальное урчание, гремевшие теперь у меня в животе. Самому мне прежде лишь раз довелось услышать подобные звуки — у коровы с тяжелейшим смещением сычуга. Но моя собеседница тактично изобразила глухоту, даже когда у меня вырвалось позорное рыгание, которое заставило жирного бультерьера испуганно приподняться. А мне опять не удалось удержаться, и в окнах даже стекла зазвенели. Я понял, что пора откланяться.

Да и в любом случае в собеседники я не слишком годился. Пиво взяло свое, и я больше молчал, сияя глупой ухмылкой. А Гранвилл выглядел совершенно так же, как в момент нашей встречи: все такой же спокойный, благодушный, полный самообладания. Меня это совсем доконало.

И я распрощался, судорожно прижимая локтем пакет с рубашкой и чувствуя, как карман мне оттягивает жестянка табака.

Когда я вернулся в клинику к Дине, она подняла голову и сонно посмотрела на меня. Все было в полном, в удивительном порядке. Цвет слизистых нормальный, пульс — хороший. Искусство и быстрая работа моего коллеги предотвратили послеоперационный шок, чему способствовала и капельница.

Я опустил на колени и погладил ее по ушам.

— А знаете, Гранвилл, по-моему, она выкарабкается.

Великолепная трубка над моей головой опустилась в утвердительном кивке.

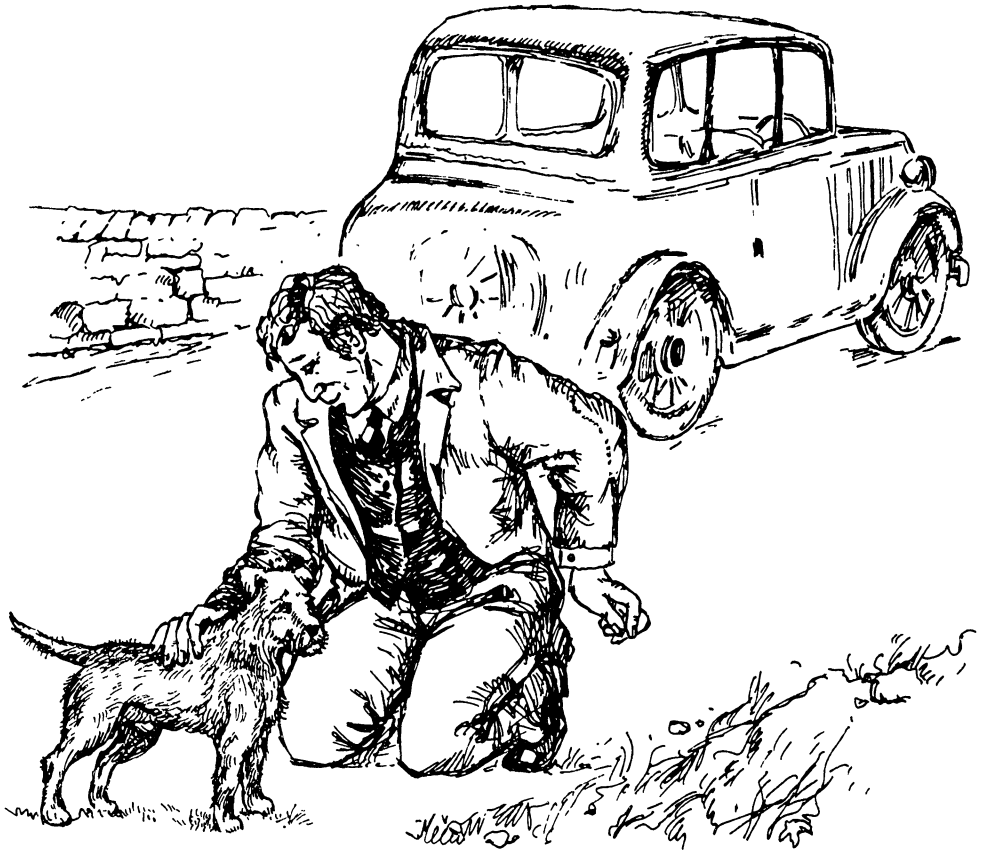
— Разумеется, юноша. А как же иначе?

И он не ошибся. Гистерэктомия прямо-таки омолодила Дину, и она на радость своей хозяйке прожила еще много лет.

Когда мы ехали обратно, она лежала рядом со мной на переднем сиденье, высунув нос из окутавшего ее одеяла. Порой она тыкала им в мою руку, переводившую рычаг скоростей, или тихонько ее лизала.

Да, она чувствовала себя прекрасно. Не то что я.

Огромное событие в моей жизни. И потому, что я познакомился с талантливейшим хирургом, который продемонстрировал мне великолепную работу с мелкими животными, и потому, что оно положило начало долгой дружбе. Я всегда радуюсь, когда встречаю редкостно жизнелюбивые характеры. Их довольно мало, и они вносят яркие краски в будничную жизнь простых смертных вроде меня. Таким характером обладал Гранвилл Беннет. Он не раз совершенно меня сокрушал, но мое восхищение перед ним остается неизменным.

16. Брошенный

Собака, бегущая по обочине шоссе, — зрелище не столь уж редкое, но в этой было что-то такое, отчего я притормозил и поглядел на нее еще раз.

Небольшая, шоколадно-коричневая, она приближалась по дальней стороне шоссе — не просто трусила по траве, а неслась карьером, отчаянно работая всеми четырьмя лапами и вытягивая вперед морду, точно любой ценой должна была догнать нечто невидимое за изгибом длинной темной полосы асфальта. Я только-только успел увидеть устремленные вперед глаза и болтающийся язык, как она, промелькнув мимо, оказалась уже далеко позади меня.

Мотор заглох, и моя машина, дернувшись, остановилась, но я даже не заметил, провожая взглядом, в зеркале заднего вида уменьшающееся шоколадное пятнышко, пока оно совсем не слилось с побуревшим вереском. Мотор я включил, но никак не мог сосредоточиться на предстоявшей мне ра-

боте, потому что на миг, но так живо передо мной возникло воплощение безмерных усилий, безнадежности и такого слепого ужаса, что меня пробила холодная дрожь. И поехав дальше, я никак не мог избавиться от этого видения. Откуда здесь взялась собака? Боковое шоссе пролегло далеко от ферм по пустынным высотам, и нигде не было видно стоящей машины. Да и в любом случае она бежала не просто так — все ее движения свидетельствовали об иступленной спешке.

Нет, так невозможно! Надо разобраться, в чем дело. Я задним ходом развернулся среди редкого вереска на узкой обочине неогороженной дороги и поехал обратно. Прошло неожиданно много времени, прежде чем я увидел впереди собаку, бегущую в упорной надежде нагнать невидимое нечто. Услышав шум приближающегося автомобиля, она на мгновение остановилась, но тут же побежала дальше. Однако видно было, что она совсем измучена, и, обогнав ее шагов на тридцать, я вылез из машины.

Я опустился на колени и, когда собака поровнялась со мной, схватил ее. Это оказался бордер-терьер. Он не вырывался, а только еще раз взглянул на машину и снова уставился на пустое шоссе впереди с тем же жутким отчаянием в глазах.

Ошейника нет, но шерсть на шее примята, словно еще совсем недавно ее придавливала полоска жесткой кожи. Я открыл ему пасть и осмотрел зубы. Совсем еще молодой пес, примерно двух-трех лет. На ребрах лежал слой жирка, свидетельствующий, что он не голодал. Я начал ощупывать, нет ли на нем болячек, и тут он весь напрягся у меня под рукой: к нам приближался автомобиль. Секунду пес вглядывался в него с жаркой надеждой, но машина промчалась мимо, и, весь поникнув, он снова тяжело задыхался.

Вот, значит, что! Его выбросили из машины! Какое-то время назад любимые люди, которым он беззаветно доверял, открыли дверцу, вышвырнули его в неведомый мир и беззаботно укатили. Мне стало тошно — физически тошно, а потом во мне поднялась жгучая ярость. Может быть, они хохотали, эти мерзавцы, представляя, как растерявшееся беспомощное существо пытается их догнать?

Я провел ладонью по жестким завиткам на голове. Грабителю, взломавшему банковский сейф, можно найти извинение, но только не им, не такому поступку.

— Ну-ка, приятель, — сказал я, осторожно подхватывая его на руки, — лезь в машину. Поедешь со мной.

Сэм привык к внезапному появлению чужих собак на сиденье рядом с ним и обнюхал незнакомца без особого любопытства. Терьер сжался, судорожно вздрагивая, и дальше я вел машину одной рукой, а другой легонько его поглаживал.

Хелен, когда мы добрались до дома, быстро поставила перед ним миску с крошечком из мяса и галет, но он даже не взглянул на еду.

— Как они могли? — пробормотала она. — И почему? Что их толкнуло на такую жестокость?

Я ответил, проводя рукой по жестким кудряшкам.

— Почему? Да причины можно найти самые поразительные. Иногда собаку бросают, потому что она стала слишком злобной, хотя на сей раз такая ссылка не прошла бы.

Я достаточно хорошо знал собак и сумел различить в этих испуганных глазах теплый огонек дружелюбия. И покорность, с какой он сносил, как я открывал ему пасть, теребил его, брал на руки, — все указывало на большую кротость.

— Или же, — продолжал я, — собак бросают просто потому, что они успели надоест хозяевам. Люди берут очаровательного щенка и теряют к нему всякий интерес, едва он подрастает. А может быть, подошло время уплатить налог за собаку: для некоторых людей такой причины вполне достаточно, чтобы поехать покататься где-нибудь подальше от дома и бросить там недавнего баловня на произвол судьбы.

Я замолчал. Список был длинный, но зачем огорчать Хелен рассказами о том, чему я столько раз бывал свидетелем? Люди переезжают, и оказывается, что на новом месте держать собаку почему-то неудобно. Родится ребенок, и все внимание, вся любовь отдаются ему одному. А то и просто вдруг захочется обзавестись более престижной собакой.

Я снова поглядел на терьера. Пожалуй, так с ним и произошло. Крупная эффектная немецкая овчарка, салюки, на которую оборачиваются прохожие, — ну где с ними тягаться плотненькому, забавному бордер-терьеру? Во всяком случае, по мнению некоторых людей. Мне припомнились аналогичные случаи. А песик, бесспорно, уже отяжелел, несмотря на свою относительную юность. Еще на шоссе я заметил, как на бегу он топырил ноги. Факт, кое-что проясняющий: по-видимому, он большую часть времени проводил в четырех стенах.

Ну что гадать понапрасну? Я позвонил в полицию. Нет, никто не заявлял о пропаже собаки. Ничего другого я и не ожидал.

Весь вечер мы всячески старались развлечь терьера, но он продолжал лежать, положив голову на лапы, закрыв глаза и нервно вздрагивая. Признаки жизни он проявлял, только когда по улице проезжал автомобиль: голова приподнималась, уши настораживались, но через несколько секунд шум замирал, и голова вновь поникала. Хелен положила его к себе на колени и больше часа утешала, однако он замкнулся в своем горе и словно не замечал ни гладящих рук, ни ласковых слов.

В конце концов я пришел к выводу, что полезнее всего будет ввести ему снотворное и, когда мы ложились, он уже крепко спал в корзинке Сэма, а Сэм философски свернулся калачиком на коврик рядом.

Утром он не то чтобы повеселел, но, во всяком случае, настолько пришел в себя, что начал воспринимать окружающее. Когда я подошел и заговорил с ним, он перекатился на спину — не заигрывая, а так, словно повторял привычное движение. Я нагнулся и почесал ему грудь, а он смотрел на меня снизу вверх непроницаемым взглядом. Но мне всегда были симпатичны собаки, лежащие лапами вверх. Это и признак приветливого характера, и выражение доверия.

— Так-то лучше, старина, — сказал я. — Не вешай носа!

Его пасть вдруг широко открылась. Мордочка у него была смешная, как у обезьянки, и на миг ее словно перерезала веселая улыбка, полная редкостного обаяния.

Хелен сказала у меня над ухом:

— Джим, он просто прелесть. Такой симпатяга! Я чувствую, что уже привязалась к нему.

В том-то и была беда! Мне он тоже начал слишком уж нравиться. Как нравились многие и многие брошенные собаки, проходившие через наши руки. Да и не просто брошенные, но те, кого приводили для усыпления с просьбой, от которой становилось тошно: «Вот если бы вы отдали его в хорошие руки...». Меня это всегда травмировало. Одно дело — усыпить неизлечимо больное животное, искалеченное или одряхлевшее настолько, что жизнь утратила для него всякий вкус, — это я еще мог стерпеть, и порой мне даже казалось, что я помогаю ему, избавляя от лишних мучений, но совсем другое — умертвить молодое, здоровое, милое существо.

Как поступает в таких обстоятельствах ветеринар? Отказывается, и хозяин уходит? Но что ему стоит зайти в ближайшую аптеку и купить отравы? Наши снотворные хотя бы безболезненны. Только одного ветеринар сделать никак не может — взять их всех к себе. Если бы я поддавался каждому искушению, у меня к этому времени собрался бы порядочный зверинец.

Мне и всегда бывало трудно, а теперь я еще обзавелся мягкосердечной женой, что вдвое усложняло проблему.

Я повернулся к ней и сказал:

— Хелен, но мы же не можем его оставить, ты сама понимаешь. Одной собаки на две комнатухи более чем достаточно.

Она кивнула.

— Да, конечно. Только такой милой собачки я давно не видела. Во всяком случае, когда он перестает бояться. Но что же нам с ним делать?

— Как собаке, потерявшей хозяев, ему следует отправиться в конуру при полицейском участке, — ответил я, нагибаясь и поглаживая курчавые завитки на груди предмета нашего разговора. — Только если его не востребуют, через десять дней мы окажемся точно в таком же положении... — Я подцепил терьера под живот и уложил обмякшее покорное тельце себе на колени. Нет, он явно любил людей, любил и доверял им. — И конечно, я могу навести справки среди клиентов, но почему-то никому не требуется собака, когда у тебя есть лишняя. — Я задумался. — Вот если бы дать объявление в газету...

— погоди! — перебила Хелен. — Ты говоришь, в газету... по-моему, я на прошлой неделе читала статью про приют для покинутых животных...

Я с недоумением посмотрел на нее и вдруг вспомнил:

— Совершенно верно. Сестра Роза, она работает в больнице. У нее взяли интервью о бродячих собаках, которых она берет под свою опеку. Во всяком случае, попытка не пытка! — Я уложил терьера в корзинку Сэма. — Пока оставим малыша тут, а вечером я позвоню сестре Розе.

Поднявшись к себе выпить чаю, я обнаружил, что ситуация выходит из-под контроля. Когда я вошел, песик лежал на коленях у Хелен и, по-видимому, уже довольно долго. Она поглаживала курчавую голову, и вид у нее был угрожающе задумчивый.

Мало того, взглянув на него, я почувствовал, что сам слабею. В голове закопошились непрошенные мыслишки: «Поместимся как-нибудь... Да и хлопот, в сущности, никаких... А что, если...».

Надо было незамедлительно принимать меры, а то я сдамся. Схватив телефонную трубку, я набрал номер больницы и спросил сестру Розу. Вскоре в трубке раздался приветливый энергичный голос. Она, казалось, нис-

колько не удивилась, и, судя по деловитому тону, по тому, какие она задавала мне вопросы о возрасте терьера, его внешности, нраве и так далее, через ее руки, несомненно, прошло порядочное число потерявшихся и брошенных собак.

— Ну что же, отлично. Таких нам обычно удается пристроить. Так когда вы его привезете?

— Сейчас, — ответил я.

Затуманившейся взгляд, которым Хелен проводила зажатого у меня под мышкой терьера, сказал мне, что еще немного — и было бы поздно. Да и я всю дорогу думал, что при других обстоятельствах — будь у нас настоящий дом и прочное будущее — этот шоколадный песик на заднем сиденье, вопросительно поглядывающий на меня дружелюбными глазами, полуоткрыв пасть, и дальше сопровождал бы меня в поездках. Но стоило появиться встречной машине, как он настораживался и смотрел в окошко с прежним отчаявшимся выражением. Неужели он так никогда и не забудет?

Сестра Роза оказалась видной женщиной лет под пятьдесят, именно с таким улыбающимся румяным лицом, которое вообразилось мне во время нашего телефонного разговора. Она выхватила у меня терьера с жадностью искренней любительницы животных.

— Какой милашка, правда?! — воскликнула она.

Позади ее дома — современного загородного коттеджа неподалеку от больницы — располагались конуры с огороженными проволочной сеткой площадками. Несколько собак сидели отдельно, но на большой площадке весело играла компания собак самых разных пород.

— Вот сюда мы его и поместим, — сказала сестра Роза. — Это его подбодрит, и, не сомневаюсь, он быстро освоится с ними. — С этими словами она отперла дверцу в проволочной сетке и поставила терьера на утоптанную землю. Собаки тотчас его окружили, и началась обычная церемония обнюхивания и задирания ног.

Сестра Роза подперла подбородок ладонью, задумчиво глядя сквозь крупные ячейки.

— Как бы его назвать... Ну как же... Дайте-ка подумать... Нет... тоже нет... ага! Пип! Пусть будет Пипом!

Она поглядела на меня, вопросительно подняв брови, и я энергично закивал.

— Отлично! Нет, правда. Ему очень подходит.

— Вот и я так думаю, — заметила она с лукавой улыбкой. — Я ведь в этом набила руку! У меня была большая практика.

— Еще бы! Наверное, вы им всем даете клички?

— А как же? — Она начала называть одну собаку за другой. — Вот этот — Бинго. Еще щенком выбросили. И Фергус. Ну он просто потерялся. А вон тот крупный ретривер — это Гриф, его хозяева погибли в автомобильной катастрофе, но он уцелел. И Тесса. Она чуть не разбилась насмерть, когда ее вышвырнули на всем ходу из машины. Позади нее Салли-Анна, с которой, собственно, все и началось. Нашли ее на последних днях беременности, но лапы у нее были стертые в кровь — сколько же она пробежала! Я взяла ее к себе, всех ее щенят пристроила, а она так здесь и осталась. Пока я подыскивала, кто возьмет щенков, у меня завязалось много знакомств среди любителей собак, и уж не знаю почему, только все реши-

ли, будто я содержу приют для бродячих псов. Ну я и завела его. И видите результат — скоро мне придется добавить еще несколько конурок!

Пип явно приободрился и по завершении приветствий принял вместе с другими азартно следить за перетягиванием палки, которым занялись колли и лабрадор. Я засмеялся.

— Мне и в голову не приходило, что у вас столько собак. И долго они у вас остаются?

— Пока не удастся их пристроить. Одни живут не больше дня, другие живут по несколько недель, а то и месяцев. Ну есть и парочка старожилов вроде Салли-Анны: они уже, по-видимому, тут так и останутся.

— Но как же вы их всех кормите? Это ведь должно обходиться недешево?

Она кивнула и улыбнулась.

— Я устраиваю небольшие собачьи выставки, утренники с кофе, лотереи, дешевые распродажи и еще пускаюсь на всяческие уловки, хотя, боюсь, эта свора пожирает все положительное сальдо. Но в целом я справляюсь.

Да, подумал я, щедро тратя собственные деньги! Передо мной весело возились и лаяли потерявшиеся и брошенные собаки. Каждый раз, когда я сталкиваюсь с подобными свидетельствами жестокости и бессердечной безалаберности, мне рисуется армия бездушных виновников таких трагедий — огромная тупая орда людей, ни на секунду не задумывающихся о чувствах беспомощных животных, во всем от них зависящих. Мне становится жутко, но тут же я вспоминаю, что этой орде противостоит другая армия, готовая защитить их жертвы, не жалея ни сил, ни времени, ни денег.

Я взглянул на сестру Розу, на доброжелательные глаза и оттертые руки, привыкшие ухаживать за больными людьми. Казалось бы, ее профессия должна была поглощать ее целиком, не оставляя места ни для чего другого. Но это было не так.

— Я вам очень благодарен, — сказал я. — Надеюсь, Пип вас будет труднить не слишком долго. И если вам понадобится моя помощь, пожалуйста, дайте мне знать.

— Не беспокойтесь, — ответила она, улыбнувшись. — У меня предчувствие, что малыш долго тут не задержится.

Прежде чем попрощаться, я еще раз прильнул к сетке и посмотрел на бордер-терьера. Он, казалось, уже освоился, но иногда вдруг оборачивался и поглядывал вопросительно своими невыносимо доверчивыми глазами. У меня стало скверно на душе, как-никак, но и я его бросил. Сначала его хозяйка, потом я, потом сестра Роза — за какие-то двое суток... Оставалось только надеяться, что судьба ему наконец улыбнется.

Бордер-терьер не выходил у меня из головы, и, не выдержав и недели, я заехал в собачий приют. Сестра Роза в старом плаще и резиновых сапогах раскладывала корм по мискам возле конуры.

— Вы, конечно, хотите узнать про Пипа, — сказала она, выпрямляясь. — Ну так его вчера забрали. Я так и думала, что с ним хлопот не будет. Очень милые люди. Приехали, потому что решили взять брошенную собаку, и сразу же выбрали его. — Она откинула волосы со лба. — Неделя вообще удачная. Для Грифа и Фергуса тоже нашлись прекрасные хозяева.

— Отлично! Просто чудесно! — Я помолчал. — Но вот с... э... Пипом. Его далеко увезли?

— Да нет. Он остался в Дарроуби. Их фамилия Плендерли. Он — чиновник на пенсии — был, по-моему, большой шишкой и пожертвовал сумму порядочную без всякой моей просьбы. Они купили особнячок на Холтон-роуд с прекрасным садом — Пипу будет где побегать. Да, кстати, я дала им ваш адрес, так что, конечно, они скоро к вам явятся.

Меня вдруг захлестнула волна неожиданной радости.

— Ну я очень рад. Во всяком случае, буду знать, как ему живется.

Ждать мне пришлось недолго. В конце следующей недели, открыв дверь приемной, я увидел пожилую супружескую пару и Пипа на новехоньком поводке. Он сделал свой обычный первый ход — перекатился на спину и поглядел на меня. Но теперь беспомощная мольба исчезла из его глаз, они сияли озорным весельем, а забавная мордочка вновь расколосась в широкой улыбке. Почесывая по заведенному порядку его грудь, я увидел, что он обзавелся и новым ошейником, очень дорогим, с блестящим медальоном, на котором были выгравированы его кличка, адрес и телефон. Я подхватил его на руки, и мы все вошли в смотровую.

— Так что с ним такое? — спросил я.

— В сущности, ничего, — ответил муж, толстячок с розовым лицом и внимательными глазами, одетый в безупречно сшитый темный костюм. Именно таким я представлял себе высокопоставленного чиновника.

— Я приобрел эту собачку совсем недавно и был бы весьма вам благодарен за рекомендации, как за ней ухаживать. Да! Моя фамилия Плендерли. Позвольте также представить вам мою жену.

Миссис Плендерли также не отличалась худобой, но ее скорее можно было назвать пухленькой, и в отличие от мужа она не производила впечатление солидности: что-то в ней было от веселой хохотушки.

— В первую очередь, — продолжал он, — мне хотелось бы, чтобы вы произвели подробный осмотр.

Я уже осматривал Пипа, тем не менее проделал всю процедуру заново, хотя он заметно ее усложнил, перевертываясь на спину всякий раз, когда я пытался приставить стетоскоп к его груди. Измеряя температуру, я заметил, что мистер Плендерли тихонько поглаживает шоколадную спинку, а миссис Плендерли, выглядывая из-за его плеча, ободряюще кивает песику и воркует какие-то ласковые слова.

— Он абсолютно здоров и снаружи, и внутри, — объявил я.

— Отлично, — сказал мистер Плендерли. — Но... то коричневое пятнышко на животе... — В его глазах мелькнула тревога.

— Просто пигментация. Ни малейшей опасности не представляющая, можете мне поверить.

— Э... так-так. — Он откашлялся. — Должен признаться, мистер Хэрриот, ни у меня, ни у моей жены никогда прежде не было собак или каких-либо животных. Я твердо убежден, что любое дело заслуживает ответственного отношения, а потому, чтобы обеспечить ему надлежащий уход, я решил тщательно изучить все требования. С этой целью я приобрел несколько специальных книг. — Он вытащил из-под мышки и положил передо мной «Уход за собакой», «Собака здоровая и больная» и «Бордер-терьер» — все в глянцевых обложках.

— Прекрасный план! — ответил я. При других обстоятельствах столь внушительная батарея меня отпугнула бы, но в данном случае такой оборот меня только порадовал. Я больше не сомневался, что Пипу предстоит райская жизнь.

— Я уже почерпнул немало полезных сведений, — говорил мистер Плендерли, — и пришел к выводу, что ему необходимо сделать прививку от чумы. Как вам известно, он потерялся, и возможности установить, делались ли ему необходимые прививки, у нас нет.

Я кивнул.

— Вы абсолютно правы. Собственно говоря, я сам намеревался это предложить. — Я достал флакон и начал наполнять шприц.

Пока я осторожно вводил сыворотку под кожу, Пип проявлял куда больше спокойствия, чем его хозяева. Мистер Плендерли с окаменевшим лицом нежно гладил его по голове, а миссис Плендерли придерживала задние лапы и умоляла бедняжку потерпеть.

Когда я убрал шприц, мистер Плендерли с видимым облегчением продолжил расспросы.

— Разрешите, я справлюсь с моими пометками? — Он водрузил на нос очки, достал золотой карандаш и раскрыл записную книжечку в кожаном переплете. На обеих страницах я увидел аккуратные столбики выписок. — У меня есть два-три недоумения...

Два-три! Он педантично допрашивал меня во всех подробностях о наиболее рациональной диете, о содержании в комнатах, о прогулках, о сравнительных достоинствах плетеной корзины и металлического лежа для собак, о первых симптомах наиболее распространенных заболеваний, то и дело заглядывая в свои глянцевого справочники: «Тут у меня ссылка на страницу сто сорок третью, строку девятую. Там утверждается...».

Но всему наступает конец, и пришла минута, когда мистер Плендерли твердыми четкими движениями закрыл записную книжку, убрал ее, а также карандаш и снял очки.

— Одна из причин, мистер Хэрриот, почему я решил завести собаку, — сказал он затем, — заключается в том, чтобы я сам совершал долгие прогулки. Как вы считаете, это здравый план?

— Безусловно! Мало более надежных способов сохранить форму, чем обзавестись таким живчиком. Вы просто не сможете не гулять с ним. А сколько на окрестных холмах прелестных тропинок! Днем в воскресенье, например, когда многие тяжелые на подъем, ленивые люди дремлют в креслах, укрывшись газетами, вы будете дышать свежим воздухом, бодро шагая по склонам под дождем, градом и снегом!

Мистер Плендерли расправил плечи, выставил подбородок и сдвинул брови, словно уже пробивался сквозь буран.

— И еще! — засмеялась его жена. — Вот тут у тебя поубавится! — И она непочтительно похлопала его по брюшку.

— Дорогая моя! — произнес он с упреком, но я успел уловить тень смущенной улыбки, которая полностью противоречила маске застегнутого на все пуговицы чинуши. Мистер Плендерли, решил я про себя, куда приятнее, чем кажется на первый взгляд.

Он зажал книжки под мышкой и протянул руку к терьеру.

— Идем, Пип, мы и так уже злоупотребили временем мистера Хэрриота!

Но жена опередила его: она подхватила Пипа на руки и, пока мы шли по коридору, прижималась щекой к косматой мордочке.

Я смотрел, как они сели в небольшой, сияющий чистотой семейный автомобиль и отъехали. Мистер Плендерли любезно наклонил голову, его жена весело помахала мне рукой, но Пип, упираясь задними ногами в ее колени, а передние поставив на перчаточник, с любопытством устремил взгляд вперед сквозь ветровое стекло, успев забыть о моем существовании.

Они скрылись за углом, а я подумал о счастливой развязке того, что могло бы обернуться маленькой трагедией. И конечно, главная роль принадлежала сестре Розе. Одна из многих спасенных ею беспомощных собак! Ее приют будет расти, и ей придется работать все усерднее без всякой выгоды для себя. По всей стране другие такие же люди содержат такие же приюты, и я почувствовал горячую радость оттого, что на какую-то минуту приобщился к этой бескорыстной армии, неутомимо и без отдыха сражающейся на стороне бесчисленных животных, полностью зависящих от человеческих прихотей.

Впрочем, тогда меня занимала только одна мысль: «Пип обрел свой настоящий дом».

Я очень рад случаю коснуться, во-первых, гнусной манеры «бросать» собак, а во-вторых, милосердных трудов сестры Розы и таких, как она. Эти две враждующие армии для меня — живая реальность: с одной стороны, орда бессердечных типов, способных на такую мерзость, а с другой — мужественные ряды сострадательных людей, самозабвенно помогающих нашим брошенным четвероногим друзьям. Сестра Роза все еще энергично трудится на своем благородном поприще, и на окраине нашего городка теперь есть филиал «Собачьего приюта Джерри Грина», которым управляет сестра Роза. Все брошенные или заблудившиеся собаки обретают там надежное убежище, пока для них не находят хороших хозяев. Тысячи посетителей моей приемной не скупятся на пожертвования, деньги эти до последнего пенни тратятся на обездоленных собак. Армия добра в Дарроуби одерживает победу.

17. Пенни

Было время окота. В конюшне мистера Китсона я помог овце разрешиться двойней и тут услышал, как в темном углу постанывает и хрипло дышит еще одна матка. Она очень мучилась после неудачных родов и, видимо, умирала. Чтобы облегчить ее страдания, я ввел ей смертельную, как мне казалось, дозу нембутала. К моему изумлению, она, крепко проспав двое суток, чудесным образом исцелилась.

Овца мистера Китсона никак не выходила у меня из головы, но изгнать ее все-таки пришлось: окот продолжался, однако и другие животные не прекратили болеть, задавая всякие практические задачки. Как, например, Пенни, пудель Флакстонов.

Первое появление Пенни у нас в приемной запомнилось мне главным

образом потому, что ее хозяйка была очень привлекательной. Когда я высунул голову из смотровой и спросил: «Кто следующий?», круглое личико миссис Флакстон под плотной шапочкой гляцевитых иссиня-черных волос словно озарило все вокруг, как вспышка маяка. Не исключено, что этому эффекту способствовали ее соседи, слоноподобная миссис Бармби с канарейкой, которой требовалось подстричь коготки, и мистер Спенс, девяностолетний старец, пришедший за порошком от блох для своей кошки. Тем не менее смотреть на нее было очень приятно. И дело было не столько в ее беспорной миловидности, сколько в наивной доверчивости ее взгляда, в улыбке, не сходящей с губ. Сидевшая на ее коленях Пенни тоже словно бы улыбалась из-под высокого кока каштановых завитков.

В смотровой я поставил ее на стол.

— Так что с ней?

— Ее немножко рвало. И еще понос. Началось вчера.

— Гм... — Я повернулся и взял термометр. — Какие-нибудь изменения в питании?

— Нет, никаких.

— У нее есть привычка хватать на прогулке всякие отбросы?

Миссис Флакстон покачала головой.

— Я не замечала. Но, наверное, даже самая воспитанная собака может не устоять перед соблазном и куснуть мертвую птицу или еще какую-нибудь мерзость! — Она засмеялась, и Пенни засмеялась ей в ответ.

— Ну температура у нее чуть повышенная, однако ее это как будто не угнетает. — Я подсунул руку ей под живот. — Что же, Пенни, пощупаем твое пузичко.

Нажимал я очень легко, но пуделек вздрагивал все время, пока я обследовал желудок и кишечник.

— Гастроэнтерит, — сказал я. — Но, видимо, очень легкий и должен скоро пройти. Я дам вам лекарство, и несколько дней держите ее на легкой диете.

— Обязательно. Благодарю вас! — Миссис Флакстон потрепала Пенни по голове и нежно ей улыбнулась.

Она была очень молода — лет двадцати трех, не больше, и поселилась в Дарроуби с таким же молодым мужем совсем недавно. Он служил в крупной сельскохозяйственной фирме, специализировавшейся на торговле костной мукой и концентратами, и во время объездов я иногда встречал его на фермах — такого же милого и дружелюбного, как и его жена и — если на то пошло — как и его собака.

Я отправил миссис Флакстон домой с бутылкой микстуры: висмут, белая глина и хлородин. Одно из наших излюбленных средств. Пуделек сбегал с крыльца, помахивая хвостом, и я никак не ждал никаких осложнений.

Однако три дня спустя я снова увидел Пенни в приемной. Рвота усилилась, а понос не уменьшился.

Я опять поднял пуделька на стол и снова осмотрел, но ничего существенного не обнаружил. Пенни, конечно, должна была ослабеть, ведь шел уже шестой день ее болезни, но, хотя бойкость в ней чуть-чуть и поубавилась, выглядела она вполне бодрой. Той-пудель хотя и невелик, но очень крепок и вынослив, так что запас сил у Пенни оставался еще достаточный.

Тем не менее я встревожился. Надолго ли его хватит? Дам-ка я ей активированный уголь с вяжущими средствами. Результаты это обычно приносит неплохие.

— Вид, правда, не ахти какой, — сказал я, вручая миссис Флакстон коробочку черных крупинок. — Но в их пользе я не раз убеждался на опыте. Подмешайте ей в еду, она ведь еще ест.

— Спасибо! — Одарив меня одной из своих сияющих улыбок, она спрятала коробочку в сумочку, и я проводил ее на крыльцо. У решетки стояла детская коляска, и, еще не заглянув внутрь, я знал, какого увижу там младенца. Я не ошибся. Пухлая мордашка на подушке устала на меня доверчивыми круглыми глазенками и расплылась в радостной улыбке.

Все семейство казалось на редкость симпатичным, однако, глядя вслед миссис Флакстон, я ради Пенни от души пожелал подольше с ними не видеться. Но всуе. Через два дня они вернулись, и пуделек был уже плох. Пенни, пока я ее осматривал, стояла неподвижно, глядя перед собой тусклыми глазами. Я разговаривал с ней, гладил по голове, но она лишь изредка чуть шевелила хвостом.

— Боюсь, ей не лучше, мистер Хэрриот, — сказала ее хозяйка. — Она почти ничего не ест, а если и проглотит кусочек, он в ней не задерживается. И ее все время мучит жажда. Просто не отходит от миски с водой. И тут же все назад.

Я кивнул.

— Обычная картина. Из-за воспаления ей хочется пить, а чем больше она пьет, тем сильнее рвота. И это страшно ее ослабляет.

Вновь я переменял лечение. По правде говоря, за следующие дни я перепробовал все существовавшие тогда лекарства. Чем только я не пичкал злополучную собачку! Мне оставалось лишь виновато улыбаться. Порошки ипекакуаны и опиума, салициловокислый натрий и настойка камфары, не говоря уже о таких экзотических и, к счастью, давно забытых снадобьях, как декокт гематоксилина или гвоздичное масло. Возможно, я чего-нибудь и добился бы, будь в моем распоряжении антибиотики вроде неомидина, ну а так...

Пенни я навещал ежедневно — носить ее в приемную было уже нельзя. Я посадил ее на диету из мирантовой муки и кипяченого молока, но и от нее толку не было ни малейшего. И пуделек таял прямо на глазах.

Развязка наступила в три утра. Я взял трубку, не поднимая головы с подушки, и услышал дрожащий голос мистера Флакстона.

— Ради бога, извините, что я бужу вас в такое время, мистер Хэрриот. Но, может быть, вы приедете к Пенни?

— А что? Ей хуже?

— Да. И она... ей, боюсь, очень больно. Вы ведь заезжали к ней днем? Потом она пила не переставая, и ее непрерывно рвало. И понос не прекращался. Мне кажется, она совсем... Лежит пластом в своей корзинке и плачет. По-моему, она очень страдает.

— Да-да, я сейчас буду.

— Спасибо... — Он помолчал. — И вот что, мистер Хэрриот... Вы захватите все, что надо, чтобы?..

Глухой ночью я редко просыпаюсь в бодром настроении, и сердце у меня сразу налилось свинцом.

— Уже так плохо?

— Честно говоря, у нас просто сил больше нет на нее смотреть. Жена в таком состоянии... Боюсь, она долго не выдержит.

— Ах так... — Я повесил трубку и сбросил с себя одеяло с такой злобой, что разбудил Хелен. Просыпаться среди ночи — это одно из многих неудобств, на которые обречена жена всякого ветеринара, но обычно я вставал и собирался как можно тише. На этот раз, однако, я одевался, расхаживая по спальне, и бормотал вслух. Конечно, Хелен хотелось узнать, какая произошла катастрофа, но она благоразумно хранила молчание. Наконец я погасил свет и вышел.

Ехать мне было недалеко. Флакстоны поселились в одном из новых особнячков на Бротонском шоссе, примерно в миле от города. Молодые супруги в халатах проводили меня на кухню, и, еще не дойдя до собачьей корзинки в углу, я услышал, как скулит Пенни. Она лежала на груди, а не уютно свернувшись калачиком, и вытягивала шею, видимо испытывая сильную боль. Я подсунил под нее ладонь и приподнял ее. Она была легче пушинки. Той-пудели в расцвете сил весят немного, но после стольких дней изнурительной болезни Пенни и правда напоминала комочек грязного тополиного пуха. Ее курчавая коричневая шкурка была выпачкана рвотой и испражнениями.

Миссис Флакстон против обыкновения не улыбнулась мне. Я видел, что она с трудом сдерживает слезы.

— Ведь просто из жалости ее надо...

— Да-да...

Я уложил пудельку в корзинку и присел на корточки, с тоской глядя на свидетельство полной своей неудачи. Пенни было всего два года. Ее должна была бы ждать еще целая жизнь игр, беготни, веселого лая. И больна-то она всего-навсего гастроэнтеритом, а я сейчас погашу в ней последнюю искорку жизни. Вот и вся помощь, которую я сумел ей оказать!

С этой горькой мыслью на меня навалилась усталость, объяснявшаяся далеко не только тем, что меня полчаса назад вытащили из постели. Я медленно распрямил спину, окостенело, точно дряхлый старик, и, прежде чем пойти за шприцем, последний раз посмотрел на Пенни. Она опять легла на грудь, вытянув шею и тяжело дыша. Рот у нее полуоткрылся, язык свисал наружу. Постойте! Но ведь я уже это видел... То же изнурение... та же поза... боль... шок... Мой сонный мозг постепенно осознавал, что выглядит она совершенно так же, как выглядела в своем темном углу овца мистера Китсона. Да, бесспорно, — овца и собака... Но все остальные симптомы были налицо.

— Миссис Флакстон, — сказал я, — разрешите мне усыпить Пенни... Нет-нет, совсем не то, что вы думаете. Я просто наркотизирую ее. Если дать ей передышку от жажды, от рвоты, от напряжения, возможно, природа возьмет свое.

Молодые супруги несколько секунд растерянно смотрели на меня. Первым заговорил ее муж:

— Не кажется ли вам, мистер Хэрриот, что она достаточно намучилась?

— Конечно, бесспорно... — Я запустил пятерню в свои нечесанные вкоченные волосы. — Но ведь ей это лишних страданий не причинит. Она ничего не будет чувствовать.

Они молчали, и я продолжал:

— Мне бы очень хотелось попробовать... Мне пришла в голову одна мысль, и я хотел бы проверить...

Они переглянулись, и миссис Флакстон кивнула:

— Ну хорошо. Попробуйте. Но это уже последнее?

И вот — наружу, в холодный ночной воздух, за тем же самым флаконом нембутала. Только доза другая — совсем крохотная для такой маленькой собачки. В постель я вернулся с тем же ощущением, как тогда с овцой, — будь что будет, но мучиться она перестала.

На следующее утро Пенни все еще спала, мирно вытянувшись на боку, а когда около четырех часов она начала просыпаться, я повторил инъекцию.

Как овца, она проспала полные двое суток, а потом, пошатываясь, встав на лапки, не побрела к миске с водой, как делала на протяжении стольких дней, но тихонечко вышла из дому и погуляла в саду.

С этой минуты выздоровление шло, как пишется в историях болезни, без всяких осложнений. Но я предпочту изложить это по-другому: она чудесным образом крепла и набиралась сил, а после до самого заката своей долгой жизни ничем никогда не болела.

Мы с Хелен ходили играть в теннис на травяных кортах возле поля для крикета. Туда же ходили и Флакстоны — и всегда приводили с собой Пенни. Я часто наблюдал сквозь сетку, как она играет с другими собаками — а позднее и с быстро подраставшим Флакстоном-младшим, — и только диву давался.

Мне не хотелось бы создавать впечатление, будто я рекомендую общий наркоз как панацею от всех болезней, которыми страдают животные, но я твердо знаю, что искусственный сон имеет спасительные свойства. Теперь, когда в нашем распоряжении есть всевозможные снотворные и транквилизаторы, а я сталкиваюсь с острым гастроэнтеритом у собаки, я прибегаю к некоторым из них в добавление к обычному лечению. Потому что сон прерывает смертоносный изнуряющий замкнутый круг, снимает боль и страх, ему сопутствующие.

И много лет, когда я смотрел, как Пенни носится вокруг и лает, ясноглазая, полная неумной жизнерадостности, меня вновь охватывало благодарное чувство к овце в темном углу конюшни, где мне открылся этот способ лечения, — и все из-за счастливой случайности.

Флеминг открыл пенициллин благодаря счастливой случайности. Точно так же — в гораздо меньших масштабах, разумеется, — многие ветеринары в процессе работы порой натываются на нечто чрезвычайно полезное. Мое собственное бесценное открытие заключалось в том, что облегчение боли активно содействует выздоровлению животного — буквально сотворяет чудо, и на протяжении сорока с лишним лет я с неизменным успехом прибегаю к этому приему. С исчезновением боли исчезает и страх. Страдающее животное не понимает, что с ним, а неизвестное всегда наводит ужас.

18. Синди

Дощечка на садовой калитке гласила: «Сиреневый коттедж». Я вытащил список визитов и проверил еще раз. Да, все верно: «Кух. Сиреневый коттедж. Марстон-Холл. Сука никак не оценится». Домик прятался в парке Марстон-Холла, а в полумиле над кронами сосен поднимались башенки и шпили господского дома, возведенного в XIX веке каким-то поклонником рыцарских замков.

Дверь открыла грузная смуглая старуха лет шестидесяти и смерила меня хмурым взглядом.

— Доброе утро, миссис Кух, — сказал я. — Вот приехал посмотреть вашу собаку.

Она опять не улыбнулась.

— А! Ну хорошо. Вот сюда.

Она провела меня в крохотную гостиную. Навстречу нам с кресла соскочил маленький йоркшир-терьер, и вот тут она улыбнулась.

— Иди сюда, Синди, иди моя дусенька, — проворковала она. — Этот дядя приехал, чтобы тебе помочь. — Она нагнулась, вся сияя нежностью, и погладила свою любимицу.

Я сел в кресло напротив.

— Ну так что с ней, миссис Кух?

— Я прямо вся истерзалась! — Она нервно сжала руки. — Ей вчера было пора ощениться, и вот до сих пор ничего! Я всю ночь глаз сомкнуть не могла. Да если с ней что-нибудь случится, я сразу умру!

Я взглянул на собачку: весело виляя хвостом, она смотрела на хозяйку ясными спокойными глазами.

— Но она отлично выглядит. Какие-нибудь признаки приближения родов вы заметили?

— Это какие же?

— Ну... может быть, она тяжело дышала или вела себя беспокойно? Или появились выделения?

— Нет. Ничего такого не было.

Я поманил Синди, заговорил с ней, и она робко пошла ко мне по линолеуму. Я поднял ее к себе на колени, пощупал напряженный живот. Он, бесспорно, был набит щенками, но все выглядело совершенно нормально. Я смерил ей температуру. Абсолютно нормальная.

— Вы не принесете мне теплой воды и мыло, миссис Кух? Будьте так любезны.

Сучка была такая маленькая, что я намылил и продезинфицировал один мизинец, а потом осторожно ощупал им стенки влагалища. Совершенно сухие. Шейка матки, когда я до нее добрался, оказалась плотно закрытой.

Я вымыл и вытер руки.

— Вашей собачке время щениться еще не подошло, миссис Кух. Вы не спутали числа?

— Нет, не спутала! Вчера было ровнехонько шестьдесят три дня, — объявила она, перевела дух и продолжала: — И вот что, молодой человек! Синди уже разок щенилась. И тогда то же самое было: никак она не могла разродиться. Два года назад это было, когда я жила в Листондейле. Я к ней позвала мистера Брумфилда, ветеринара тамошнего, и он сделал ей укольчик! Ну чудо, да и все тут! Через полчаса она уже щенят облизывала!

Я улыбнулся.

— Все понятно! Инъекция питуитрина. Значит, когда мистер Брумфилд ее смотрел, она должна была вот-вот родить.

— Так или не так, молодой человек, а я бы хотела, чтобы вы ей тоже укольчик сделали. Не выдержу такого ожидания.

— Извините! — Я опустил Синди на пол и встал. — Этого я сделать не смогу. Сейчас не время. Будет только один вред.

Она уставилась на меня, и я подумал, что это смуглое лицо производит довольно грозное впечатление.

— Так что же, вы вообще ничего делать не станете?

— Ну... — Бывают моменты, когда ради общего спокойствия клиента следует чем-то занять, пусть даже без всякой пользы для пациента. — Почему же? У меня в машине есть таблетки. Они помогут собачке сохранить побольше сил до родов.

— Лучше бы укольчик! Мистер Брумфилд за одну секунду управился. Чуть кольнул — и все.

— Поверьте, миссис Кух, сейчас укол делать нельзя. Так я схожу к машине за таблетками.

Ее губы сжались в тонкую линию. Я понял, что она горько во мне разочаровалась.

— Ну если отказываетесь, значит, отказываетесь! Хорошо, давайте эти ваши таблетки. — Она помолчала. — А моя фамилия не Кух!

— Как не Кух?

— А вот так, молодой человек! — Больше она ничего говорить не стала, и я распрощался с ней в некотором недоумении. На шоссе почти рядом с моей машиной работник заводил заглохший трактор. Я окликнул его.

— Эй! Хозяйка того дома говорит, что ее фамилия не Кух!

— Верно говорит. Она в большом доме кух-арка. Так что вы маленько поднапутали! — Он от души расхохотался.

Все стало ясно. Сокращенная запись в книге для вызовов, да и все прочее.

— А ее настоящая фамилия?

— Дурок! — крикнул он в ответ под рев ожившего трактора.

Странная фамилия, подумал я, извлекая из багажника безобидные витаминные таблетки, и вернулся в коттедж. Я тут же постарался заглядить мою промашку, рефреном повторяя «да, миссис Дурок», «нет, миссис Дурок», но это не заставило ее оттаять. Я, как мог, убедительно сказал, что ей не надо беспокоиться, что еще несколько дней ничего случиться не может, но она явно не собиралась мне верить.

Опустившись с крыльца на дорожку, я бодро помахал и крикнул:

— До свидания, миссис Дурок! И если вас что-нибудь встревожит, сразу же мне звоните!

Она как будто не слышала.

— И почему вы меня не послушали! — простонала она. — Укольчик же такой легонький!

Милейшая дама не преминула воспользоваться моим приглашением, и я уже на следующий день был вынужден бросить все и мчаться к ней. И повторилось вчерашнее: она требовала чудотворного укольчика, после которого щенята сразу повыскакивали бы, и требовала его немедленно. Мистер Брумфилд не мямлил и не тянул время зря, как я! И на третье, и на четвертое, и на пятое утро она принуждала меня приезжать в Марстон, осматривать Синди и повторять навязшие у меня в зубах объяснения. Развязка наступила на шестой день.

В гостиной Сиреневого коттеджа темные глаза уставились на меня с тупым отчаянием.

— Я уж больше не могу, молодой человек! Говорю же вам, я умру, если с Синди что-нибудь случится! Слышите? Умру! Да как же вы не понимаете!

— Ну, разумеется, я понимаю, как она вам дорога, миссис Дурок. Поверьте, я все понимаю!

— Так почему же вы ничего не хотите сделать?

Я стиснул кулаки так, что ногти вонзились в ладони.

— Но я же объяснял вам уже! Инъекция питуитрина вызывает сокращение стенок матки, а потому делать ее можно, только когда начались схватки и шейка матки открылась. Если это потребует, я введу Синди питуитрин, но, если я сделаю укол сейчас, он может вызвать разрыв матки, стать причиной смерти... — Я умолк, потому что мне почудилось, будто в уголках губ у меня запузырилась пена.

Но, по-моему, миссис Дурок вообще меня не слышала. Уронив голову на скрещенные руки, она бормотала:

— Сколько времени! Я не вынесу, не вынесу!

И я, пожалуй, не вынесу, мелькнуло у меня в голове. Пузатенькие йоркшир-терьеры врываются в мои сны, и каждое утро я встречал мысленной мольбой: ну пусть, ну пусть эти чертовы щенки уже родились!.. Я протянул руку к Синди, и она нехотя поплелась ко мне. Как ей, верно, опротивел этот чужой, который является каждое утро, тискает ее, тычет в нее пальцами. Испуганно на меня поглядывая, вся дрожа, она покорилась неизбежному.

— Миссис Дурок, — сказал я, — вы абсолютно уверены, что после даты вязки, вами названной, этот кобель больше возле Синди не появлялся?

Она сердито фыркнула.

— Вот вы меня все про это спрашиваете, ну и мне вдруг вспомнилось, что, может, он и прибежал неделю спустя.

— Ну видите! — Я взмахнул рукой. — Была вторая вязка, и, значит, срок у нее завтра.

— Все равно, лучше бы вы сегодня с этим кончили, вот, как мистер Брумфилд... Только кольнул — и никаких больше забот!

— Но, миссис Дурок...

— И позвольте вам сказать, что моя фамилия не Дурок!

Я ухватился за спинку кресла.

— Не... Дурок?

— Нет!

— А... как?

— Дули! Дули! — Вид у нее был очень мрачный.

— Да-да, конечно... — Я, спотыкаясь, прошел по дорожке к машине и уехал. Не в самом радужном настроении.

На следующее утро из Марстона не позвонили. Мне просто не верилось. Неужели все благополучно кончилось? Но во время объезда на одной из ферм мне сообщили, что меня срочно вызывают в Силеневый коттедж, и я похолодел. Место было отдаленное, отел очень сложный, и дело шло к четверем, когда я вылез из машины перед калиткой, такой теперь знакомой! Дверь коттеджа была открыта, и я пошел к ней по дорожке, но тут в мою ногу ударил какой-то коричневый снаряд. Синди! Но преображенная Синди — рычащий, лающий комочек ярости. Я попятился, но она впилась зубами в отворот моих брюк и повисла на нем.

Я прыгал на одной ноге, пытаюсь стряхнуть ее, но тут взрыв звонкого, почти девичьего смеха заставил меня обернуться.

С порога на меня, все еще прыская от смеха, смотрела миссис Дули.

— Право слово, едва родила, как совсем другой стала. Маленькая, а как их охраняет! Мать, каких поискать! — Она с нежной любовью взирала на собачку, болтающуюся на моей ноге.

— Так, значит, щенки...

— Мне сказали, что вы там долго еще будете, ну я и позвонила мистеру Фарнону. Он тут же приехал, и вот что я вам скажу: сразу сделал Синди укол, про который я вам еще когда говорила! И не успел он за калитку выйти, как щенки один за другим и пошли, и пошли. Семерых принесла. Такие дусеньки.

— Прекрасно, миссис Дули... Великолепно.

Зигфрид, конечно, нашупал щенка в проходе. Тут мне удалось избавиться от Синди, и хозяйка подхватила ее на руки, чтобы я мог пойти на кухню полюбоваться новорожденными.

Щенки, бесспорно, были отличные. Я поднимал крохотные пищашие комочки, а мать рычала на меня из объятий миссис Дули, как изголодавшийся волкодав.

— Они просто прелесть, миссис Дули, — проворковал я.

Она поглядела на меня с сожалением.

— Я же вам с самого начала объяснила, что надо сделать, а вы слушать не хотели. Всего-то и надо было один укольчик сделать. Мистер Фарнон, ну такой дусик! Прямо как мистер Брумфилд.

Всякому терпению есть предел!

— Но поймите же, миссис Дули, он просто приехал в нужный момент. Если бы я успел...

— Ну, ну, молодой человек, не надо обижаться. Я же вас не виню. Просто, кто поопытнее... Вот так мы и учимся. — Она задумчиво вздохнула. — Легонький такой укольчик. Попросите, чтобы мистер Фарнон вам показал, как его делать. Ведь он еще и за калитку не вышел, как...

Я не выдержал. Выпрямившись во весь рост, я произнес ледяным тоном:

— Миссис Дули, сударыня, в последний раз повторяю вам...

— Фу-ты ну-ты! — воскликнула она уничтожающе. — Нечего мне пыль в глаза пускать. Мы без вас прекрасненько обошлись, так что же теперь-то жаловаться! — Ее взгляд налился свинцовой суровостью. — И еще: меня зовут не миссис Дули!

Меня пошатнуло. Мир рушился неизвестно куда.

— Простите, что вы сказали?

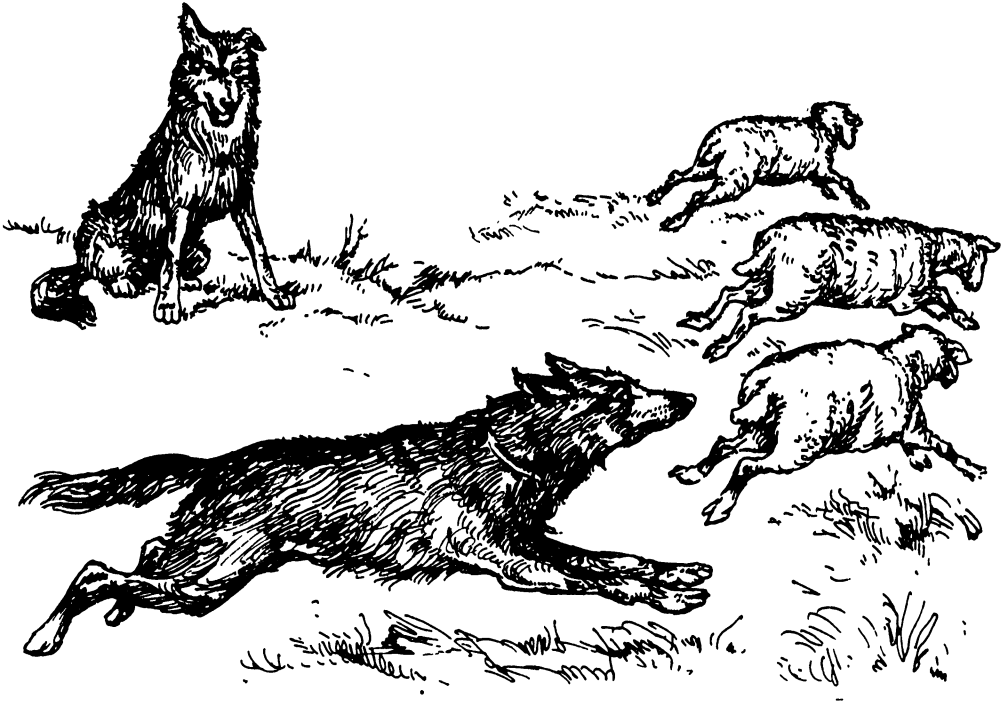
— Я сказала, что меня зовут не миссис Дули!

— Не... миссис...

— Нет! — Она протянула в мою сторону левую руку, и, тупо глядя на ее пальцы, я мало-помалу сообразил, что на них нет ни единого кольца. Наверное, то обстоятельство, что наше знакомство с самого начала шло на очень высоких нотах, помешало мне заметить это раньше.

— Нет, — повторила она. — Никакая не миссис, а мисс!

Мораль: иногда вы с самого начала оказываетесь в проигрышном положении. Коли уж вы и с фамилией клиента разобратся не способны, так и не пытайтесь доказывать, будто предлагаете правильный курс лечения. Когда я только-только приехал в Дарроуби, Зигфрид сказал мне, что ветеринарная практика представляет неисчислимые возможности попасть в дурацкое положение. И он был абсолютно прав.

19. Единственный «гав!»

— Вы про это мне и говорили? — спросил я.

Мистер Уилкин кивнул.

Я взглянул на большого пса, корчащегося в судорогах у моих ног, на выпученные глаза, на отчаянно бьющие в воздухе лапы. Фермер пожаловался, что у Джипа, его овчарки, время от времени случаются припадки, но свидетелем такого припадка я оказался лишь случайно — на ферму я приехал по другой причине.

— А потом, вы говорите, он выглядит и ведет себя совершенно нормально?

— Все как рукой снимает. Ну сначала ходит, словно его чуть оглушило, а через час — словно и не было ничего. — Фермер пожал плечами. — Сами знаете, собак через мои руки много прошло, и припадочных среди них хватало. Я-то думал, что знаю все, отчего собаку вдруг прихватывает, — глисты, корм неподходящий, чума. А тут просто ума не приложу. Чего только я не пробовал!

— И не пробуйте больше, мистер Уилкин, — сказал я. — Помочь Джипу вы толком не сможете. У него эпилепсия.

— Эпилепсия? Да ведь все остальное время он пес, каких поискать!

— Да, я знаю. Так и должно быть. Никаких повреждений у него в мозгу нет. Болезнь таинственная. Причины ее неизвестны, но, почти наверное, она наследственная.

Брови мистера Уилкина поползли вверх.

— Странно что-то. Коли наследственная, почему прежде ничего не бывало? Ему же почти два года, а началось все совсем недавно.

— Картина как раз типичная, — возразил я. — Эпилепсия обычно проявляется между полутора и двумя годами.

Тут нас перебил Джип. Он встал и, виляя хвостом, на нетвердых ногах подошел к хозяину. Случившееся как будто прошло для него совершенно незаметно. Впрочем, длился припадок минуты две. Мистер Уилкин нагнулся и потрепал косматую голову. Гранитные черты его лица приняли выражение глубокой задумчивости. Это был человек могучего сложения, лет сорока с небольшим, и теперь, когда он прищурил глаза, его не улыбочивое лицо стало грозным. Мне не один фермер говорил, что с Сепом Уилкином лучше не связываться, и теперь я понял почему. Но со мной он всегда держался приветливо, а так как ферма у него была большая — почти тысяча акров, — видеться нам приходилось часто.

Страстью его были овчарки. Многие фермеры любили выставлять собак на состязания, но мистер Уилкин бывал неприменимым их участником. Он выращивал и обучал собак, которые неизменно брали призы на местных состязаниях, а иногда и на национальных. И у меня стало беспокойно на сердце: ведь сейчас главной его надеждой был Джип.

Он выбрал двух лучших щенков одного помета — Джипа и Суипа — и занимался их воспитанием с упорством, которое делало его собак победителями. И, пожалуй, я не видел прежде, чтобы собаки так любили общество друг друга. Всякий раз, когда я приезжал на ферму, видел я их только вместе — то их носы высовывались рядом над нижней половинкой двери стойла, где они спали, то они дружно ластились к хозяину, но чаще всего просто играли. Вероятно, они часы проводили в веселой возне — схватывались, рычали, пыхтели, нежно покусывали друг друга.

Несколько месяцев назад Джордж Кроссли, старейший друг мистера Уилкина и тоже страстный любитель собачьих состязаний, лишился своего лучшего пса, заболевшего нефритом, и мистер Уилкин уступил ему Суипа. Помню, я удивился, потому что Суип заметно опережал Джипа в обучении и обещал стать настоящим чемпионом. Но на родной ферме остался Джип. (Вероятно, ему недоставало его приятеля, хотя вокруг были другие собаки и одиночество ему не угрожало.)

Я увидел, что Джип совершенно оправился после припадка. Просто не верилось, что несколько минут назад он дергался в этих жутких судорогах. С некоторой тревогой я ждал, что скажет его хозяин.

Холодная логика подсказывала, что Джипа следует усыпить. Но, глядя на дружелюбно выляющего хвостом пса, я даже думать об этом не хотел. В нем было что-то необыкновенно симпатичное. Крупнокостное, с четким окрасом туловище было красиво, но особую прелесть придавала ему голова — одно ухо стояло торчком, и, когда второе повисало, его морда приобретала выражение забавного лукавства. Собственно говоря, Джип чем-то напоминал циркового клоуна, причем клоуна, излучающего добродушие и товарищеский дух.

Наконец мистер Уилкин прервал молчание:

— А с возрастом ему лучше не станет?

— Почти наверное, нет.

— Так и будет жить с этими припадками?

— Боюсь, что да. Вы сказали, что они случаются каждые две-три недели, так скорее всего и будет продолжаться с некоторыми отклонениями.

— А случиться они могут в любую минуту?

— Да.

— Значит, и на состязаниях... — Фермер опустил голову на грудь и проворчал: — Значит, так.

Наступило долгое молчание, и с каждой проходящей секундой роковые слова казались все более и более неизбежными. Сеп Уилкин не мог поступиться главной своей страстью. Безжалостное выпальвание всех отступлений от нормы представлялось ему абсолютной необходимостью. И когда он кашлянул, сердце у меня сжалось от скверных предчувствий.

Но они меня обманули.

— Если я его оставлю, вы для него что-нибудь сделать можете? — спросил он.

— Есть таблетки, которые, вероятно, снизят частоту припадков, — ответил я, стараясь говорить безразличным тоном.

— Ну ладно... ладно... Я к вам за ними заеду, — буркнул он.

— Отлично. Но... э... потомства вы от него получать ведь не станете?

— Нет же, конечно, — отрезал он с раздражением, словно больше не хотел возвращаться к этой теме.

И я промолчал, интуитивно догадываясь, что он боится выдать свою слабость: он — и вдруг держит собаку просто из любви к ней! Забавно, как вдруг все само собой объяснилось и встало на свои места. Вот почему он отдал Суипа, обещавшего верные победы на состязаниях. Джип ему попросту нравился! Пусть Сеп Уилкин был высечен из гранита, но и он не устоял перед этим веселым обаянием.

Поэтому, направляясь к машине, я заговорил о погоде. Однако, когда я уже сел за руль, фермер вернулся к главному.

— Я вам про Джипа одной вещи не сказал, — начал он, наклоняясь к дверце. — Не знаю, может, это здесь и ни при чем, но только он ни разу в жизни не лалял.

Я с удивлением посмотрел на него.

— Как так? Ни единого раза?

— Вот-вот. Ни разу не гавкнул. Остальные собаки так и заливаются, если на ферму чужой кто заглянет, а Джип хоть бы тявкнул с самого первого дня, как родился.

Включив мотор, я впервые обратил внимание, что сука с двумя полу-взрослыми щенками устроила мне прощальный концерт, но Джип только по-товарищески ухмылялся, открыв пасть и высунув язык, без единого звука. Пес-молчальник.

Это меня заинтриговало. Настолько, что, приезжая на ферму в последующие месяцы, я старательно наблюдал за Джипом, чем бы он ни занимался. Но ничего не менялось. Между припадками, которые теперь повторялись примерно каждые три недели, он был нормальной, подвижной, веселой собакой. Но немой.

Видел я его и в Дарроуби, куда он приезжал с хозяином на рынок, уютно устроившись на заднем сиденье. Но если я в таких случаях заговаривал с мистером Уилкином, то про Джипа старательно не упоминал, храня твер-

дое убеждение, что ему тяжелее, чем кому-нибудь другому, было бы признаться в подобной чувствительности даже себе — держать собаку просто так, без каких-либо практических целей!

Правда, я всегда лелеял подозрение, что на большинстве ферм собаки ценятся просто ради их общества. Бесспорно, в овечьих хозяйствах собаки были незаменимыми помощниками, да и в других свою пользу приносили — например, подсобляли пригонять коров. Однако во время объездов ко мне в душу то и дело закрадывались сомнения — слишком уж часто видел я, как они блаженно покачиваются на повозках в сенокос, как гоняются за крысами среди снопов во время жатвы, как шныряют между службами или трусят по лугу рядом с фермерами. Чем они, собственно, занимаются? — невольно задавал я себе вопрос.

Подозрения мои укрепились всякими мелкими случаями: например, я стараюсь загнать несколько бычков в угол, собака кидается помогать — покусывает ноги, хвосты, но тут же раздается: «Лежать, кому говорю!» или «А ну пошла отсюда!».

Вот почему я твердо и по сей день придерживаюсь своей теории: почти все собаки на фермах — обычные домашние любимцы, и они остаются там потому, что фермеру нравится чувствовать их рядом. Сам он разве что на дыбе в этом сознается, но я стою на своем. Собаки же в результате живут расчудесной жизнью. Им не приходится кланяться, чтобы их взяли погулять. Все дни они проводят на приволье и в обществе своего хозяина. Когда мне нужно отыскать кого-нибудь на ферме, я высматриваю его собаку! А, вот она! Значит, и он где-то рядом. Я стараюсь, чтобы и моим собакам жилось неплохо, но им остается только завидовать жребии обычной фермерской собаки.

Довольно долго животные Сепы Уилкина ничем не болели, и я не видел ни его, ни Джипа, а потом совершенно случайно встретился с ними на собачьих состязаниях.

Со мной была Хелен, потому что нас обоих эти состязания одинаково увлекали. Как замечательно хозяева руководили собаками, и с каким увлечением работали те, и какой сноровки и даже искусства требовала сама задача! Мы могли следить за этим часами.

Хелен взяла меня под руку, и, пройдя в ворота, мы направились к полумесяцу машин у конца длинного луга, протянувшегося вдоль реки. За полоской деревьев солнце вспыхивало тысячами искр на мелких быстринах и придавало сверкающую белизну длинной полосе светлой гальки. Группы мужчин, главным образом участников, переговариваясь, следили за происходящим. Все загорелые дочерна, спокойные, неторопливые, но одетые поразному, поскольку тут был представлен настоящий социальный срез сельского Йоркшира — от богатых фермеров до самых бедных работников. Вот почему вокруг виднелись кепки, фетровые шляпы, шапки, а то и ничем не прикрытые волосы. И одежда: твидовые пиджаки, парадные костюмы с негнушимися воротничками, расстегнутые у горла рубахи, дорогие галстуки — или же ни воротничка, ни галстука. Но почти все опирались на пастушьи посохи с изогнутыми ручками из бараньих рогов.

Со всех сторон доносились обрывки разговоров: «Все-таки, значит, выбрался сюда, Фред... А народу порядком съехалось... Одну-то он упустил,

получит за это нолик... А овцы-то проворные подобрались... Да уж, будь здоров!».

И сквозь гомон прорывались свистки, которыми человек руководил собакой, — всех тональностей и степеней громкости, иногда подкрепляющиеся криками: «Сидеть!», «Вперед!». У каждого человека был свой язык с его собакой.

Собаки, ожидавшие своей очереди, были привязаны к забору, затененному живой изгородью. Их было семьдесят, не меньше. Удивительно приятное зрелище — длинный ряд виляющих хвостов и дружелюбных морд. Друг с другом они знакомы почти не были, но даже ушей не настораживали, а уж о драках говорить нечего. Врожденная послушность в них явно сочеталась с приветливостью.

Последнее как будто объединяло и их владельцев. Никаких признаков враждебности, ни сердитой досады после неудачи, ни хвастливого торжества победителя. Если время оказывалось просроченным, человек спокойно отгонял своих овец за загородку и возвращался к приятелям с философской усмешкой на губах. Без шуточек, конечно, не обходилось, но они были беззлобными.

Сеп Уилкин стоял возле своей машины на удобном пригорке, шагах в пятидесяти от крайнего загона. Джип, привязанный к бамперу, обернулся и одарил меня своей косоухой улыбкой, и миссис Уилкин, сидевшая рядом на складном стуле, положила руку ему на плечо. Видимо, Джип завоевал уголок и ее сердца. Хелен отошла к ней, а я заговорил с ее мужем.

— У вас сегодня собака состязается, мистер Уилкин?

— Нет. Нынче я просто приехал посмотреть. Собак-то я тут многих хо-рошо знаю.

Некоторое время я стоял рядом с ним, наблюдая состязание, вдыхая запах потоптанной травы и жевательного табака. Прямо перед нами у стола стоял один из судей.

Минут через десять мистер Уилкин ткнул пальцем:

— Поглядите-ка, кто тут!

К столу неторопливо шел Джордж Кроссли, а за ним трусил Суип. Вдруг Джип выпрямился и весь напрягся, поставив ухо совсем уж торчком. Он много месяцев не видел своего брата и товарища. Казалось, он вряд ли может его вспомнить. Но интерес его, бесспорно, пробудился: когда судья махнул белым платком и у дальнего края выпустили трех овец, Джип медленно встал.

По знаку мистера Кроссли Суип помчался длинным радостным галопом по периметру луга, а приблизившись к овце, по свистку упал на брюхо. Дальнейшее представляло собой нагляднейшую демонстрацию сотрудничества человека и собаки. Сеп Уилкин уже давно предсказывал, что быть Суипу чемпионом, и в эти минуты ничего другого и представить себе было нельзя: с такой точностью он вскакивал, бросался вперед и ложился по команде хозяина. Короткие пронзительные свистки, высокие жалобные пере-ливы — он был настроен на каждый тон.

Ни одна другая собака за весь день состязаний не прогнала своих овец через трое ворот с такой легкостью, как Суип, и, когда он приблизился к загону перед нами, никто не сомневался, что он выиграет кубок, если не случится непредвиденной катастрофы. Но предстояла самая трудная

часть. У других собак овцы не раз увертывались и убегали совсем уже рядом с жердями загона.

Джордж Кроссли широко распахнул ворота и вытянул посох горизонтально. Теперь любому непосвященному стало понятно, зачем они вооружались этими длинными клюками. Команды, которые он теперь отдавал стлавшемуся по траве Суипу, были еле слышны, но эти тихие слова направляли пса на дюйм в одну сторону, на два — в другую. Овцы даже у входа в загон все еще нерешительно оглядывались. Однако, когда Суип почти незаметно подполз к ним чуть ближе, они повернулись, вошли — и мистер Кроссли захлопнул за ними ворота.

Потом повернулся к Суипу с радостным воплем «МОЛОДЕЦ!», и пес быстро вильнул хвостом в ответ.

И тут Джип, который, вытянувшись в струнку, с необыкновенной сосредоточенностью следил за каждым его движением, вскинул голову и испустил оглушительное «ГАВ!».

— ГАВ! — повторил Джип, когда мы все в изумлении на него уставились.

— Вы слышали? — ахнула миссис Уилкин.

— Ух, черт! — Ее муж смотрел на свою собаку с открытым ртом.

Джип словно не сознавал, что произошло что-то необыкновенное. Он был слишком поглощен встречей с братом — еще несколько секунд, и оба они покатались по траве, нежно друг друга покусывая, совсем как бывало.

Вероятно, Уилкины, как и я, полагали, что теперь Джип начнет лаять не хуже всех прочих собак, однако этого не случилось.

Шесть лет спустя, когда я был у них на ферме, я зашел в дом за горячей водой. Протягивая мне ведро, миссис Уилкин поглядела на Джипа, гревшего на солнышке под кухонным столом.

— Вон ты где, чудачок! — сказала она ему.

— Он так с того дня и не лает? — осведомился я со смехом.

Миссис Уилкин покачала головой.

— Нет. Даже не тявкнул. Я долго ждала, но теперь уверена, что он уже не залает.

— Ну что же, не так уж это и важно, — сказал я. — И все-таки я тех состязаний никогда не забуду!

— И я тоже! — Она опять посмотрела на Джипа, и взгляд ее стал задумчивым и чуть грустным. — Бедняга! Ему уже восемь лет, и только один раз в жизни гавкнул!

Одна из тех причуд поведения животных, которые прелестны, но не всегда объяснимы. Я не понял, почему это произошло, и, если бы не слышал собственными ушами, поверил бы с трудом. Я получаю много писем от детей — моих читателей, и, по-видимому, эта история особенно поражает их воображение. Поэтому ее специально переработали для детей, а Питер Баррет сделал к ней иллюстрации. Рассказ про собаку, которая залаяла один-единственный раз в своей долгой жизни, естественно, пришлось назвать «Единственный «гав!»». Вышла в свет она в прошлом сентябре.

20. Диммоки

Приемная полным-полна! Но радость от такой приятной неожиданности сразу угасла, когда я взгляделся в ряды голов. Всего только Диммоки.

Познакомился я с Диммоками как-то вечером, когда меня вызвали к собаке, которая попала под машину. Адрес привел в старую часть города, и я медленно ехал вдоль ряда обветшалых домишек, высматривая нужный номер, как вдруг дверь впереди распахнулась, на мостовую высыпали трое растрепанных ребятишек и отчаянно замахали руками.

— Он туточки, мистер! — завопили они хором, едва я вылез из машины, и начали наперебой объяснять: — Бонзо! Его машина стукнула! Мы его домой на руках несли, мистер! — тараторили они.

Они тянули меня за рукава, вцеплялись в пиджак, и уж не знаю, как мне удалось открыть калитку. Когда же я все-таки пошел по дорожке к дому, то поднял глаза и обомлел: все окно изнутри облепили детские мордашки, над которыми махали и стучали по стеклу неугомонные руки.

Едва я переступил порог — дверь вела прямо в жилую комнату, — как на меня налетел живой смерч и утащил в угол, где я увидел своего пациен-

та. Бонзо сидел, выпрямившись, на рваном одеяле — косматый псище неопределенной породы. Судя по его виду, ничего особенно страшного с ним не произошло, но выражение морды у него было самое страдальческое и полное жалости к себе. Вокруг звенели озабоченные голоса, разобрать хоть что-нибудь в этом общем хоре было невозможно; и я решил прямо заняться осмотром. Ноги, таз, ребра, позвоночник — ни единого перелома. Ни малейших признаков внутренних повреждений. Цвет слизистых здоровый. В конце концов мне удалось обнаружить легкую болезненность в левом плече — и только. Пока я его ощупывал, Бонзо сидел как каменный истукан, но едва я кончил, он рухнул на бок и виновато посмотрел на меня, похлопывая хвостом по одеялу.

— Верзила ты бессовестный, вот ты кто, — сказал я, и хвост задвигался энергичнее.

Я обернулся к толпе и через секунду-другую сумел различить в ней родителей. Мамка прокладывала себе дорогу в первый ряд, а шупленький папка озарял меня улыбкой через скопление голов, оставаясь в арьергарде. После нескольких моих настойчивых просьб гам чуть-чуть стих, и я сказал, обращаясь к миссис Диммок:

— По-видимому, он отделался вполне благополучно. Никаких серьезных повреждений. Наверное, его просто отбросило в сторону и немного оглушило. Возможен и небольшой шок.

Вновь меня ошеломил многоголосый гомон:

— Мистер, а он умрет? Много у него переломов? Вы его лечить будете?

Я сделал Бонзо инъекцию легкого снотворного — под моей рукой он окостенел, являя собой картину трогательнейшей собачьей муки, а взлохмаченные головенки озабоченно смыкались над ним, бесчисленные детские лапки поглаживали и похлопывали его.

Миссис Диммок налила горячей воды в тазик, и, моя руки, я успел оценить на глаз численность обитателей дома. Я насчитал одиннадцать маленьких Диммоков, начиная с подростка лет четырнадцати-пятнадцати и кончая чумазым годовичком, смело ползающим по полу, а судя по некоторым особенностям в остальном худой фигуры мамки, в недалеком будущем ожидалось новое пополнение. Одеты они были в живописные чужие обноски — штопаные-перештопаные свитерки, заплатанные штанишки, линялые платяца, однако в доме царила атмосфера неумейной жизнерадостности.

И Бонзо оказался здесь не единственным четвероногим: я неверящими глазами уставился еще на одну собаку порядочных размеров и кошку с двумя полувзрослыми котятками, которые появились откуда-то из гущи толпы, — казалось бы, и без того нелегко кормить всю эту орду, а тут еще лишние голодные рты!

Но Диммоков подобные соображения не смущали: они делали, что хотели и каким-то образом продолжали свое веселое существование. Папка, как я узнал позднее, на живой памяти не проработал ни единого дня. У него «со спиной было неладно», и, как мне казалось, он вел довольно приятную жизнь, с утра прогуливаясь по городу, а вечера коротая за кружкой пива и домино в уютном уголке «Четырех Подков».

Видел я его довольно часто — его легко было узнать даже в толпе прохожих, потому что в руке у него всегда была трость, придававшая ему весь-

ма солидный вид, и шел он быстрой энергичной походкой, словно его ждали срочные и важные дела.

Проложив себе путь к двери, я последний раз оглянулся на Бонзо, все еще расprostертого на одеяле. Он ответил мне скорбным взглядом.

— По-моему, все должно быть хорошо! — возопил я, перекрывая нарастающий гомон. — Но на всякий случай я завтра заеду.

Затормозив на следующее утро перед знакомым домом, я увидел, что Бонзо носится по садику в компании полудесятка детей. Они перекидывались мячиком, и пес с энтузиазмом взвивался в воздух, стараясь его перехватить.

Сомневаться не приходилось: вчерашнее происшествие ничуть ему не повредило. Но едва он заметил, что я открываю калитку, как хвост его обвис и, осев на все четыре лапы, он почти ползком убрался в дом.

Дети встретили меня воплями восторга:

— Мистер, вы его вылечили! Он же совсем здоров, верно? Утром он чуть не обожрался, мистер!

Ручонки со всех сторон вцепились в мой пиджак и потащили меня в комнату. Бонзо сидел, выпрямившись на одеяле, совсем как накануне, но при моем приближении медленно опрокинулся на бок с мученическим выражением в глазах.

Я со смехом нагнулся к нему.

— Тертая ты личность, Бонзо, но я на твою удочку не попадусь! Кто сейчас в мячик играл?

Я чуть-чуть потрогал ушибленное левое плечо, и дюжий пес трепеща закрыл глаза, подчиняясь своей горькой участи. Но тут я выпрямился, и, сообразив, что колоть его не собираются, он вскочил и в два прыжка вылетел в сад.

Диммоки радостно закричали, а потом, как по команде, обернулись и посмотрели на меня с благоговейным уважением. Они свято верили, что я вырвал Бонзо из когтей смерти. Вперед выступил мистер Диммок.

— Вы не откажете прислать мне счет? — произнес он с присущей ему особой солидностью.

Накануне, едва переступив порог, я сразу занес этот вызов в категорию бесплатных и даже не записал его в журнал, но теперь я кивнул с полной серьезностью:

— Непременно, мистер Диммок.

И, хотя на протяжении нашего долгого знакомства ни единая банкнота не перешла из рук в руки, он неизменно произносил в заключение моего завершающегося визита:

— Вы не откажете прислать мне счет?

Таково было начало моих длительных и тесных отношений с Диммоками. Они явно прониклись ко мне большой симпатией и старались видаться со мной как можно чаще. Неделю за неделей, месяц за месяцем они приводили и приносили богатое ассорти собак, кошек, волнистых попугайчиков и кроликов, а когда окончательно убедились, что мои услуги бесплатны, заметно увеличили число наших встреч. Если приходил один из них, с ним приходили все. Я тогда упорно старался расширить нашу работу с мелкими животными, и при виде полной приемной сердце у меня радостно екало — лишь для того, чтобы в очередной раз наполниться разочарованием.

Увеличилась и теснота в приемной — они затеяли приводить с собой и свою тетку, миссис Паундер, проживавшую в конце той же улицы. Им страшно хотелось показать ей, какой я замечательный. Миссис Паундер, очень грузная дама в засаленной велюровой шляпке, кое-как державшейся на небрежном пучке волос, видимо, разделяла родовую склонность к многодетности и обычно приводила с собой двух-трех собственных чад.

Именно так обстояло дело в то утро, с которого я начал рассказ. Я обвел внимательным взглядом многочисленное общество, но со всех сторон видел только сияющих Диммоков и Паундеров и обнаружить своего пациента не сумел. Затем, точно по заранее условленному сигналу, они раздвинулись вправо и влево, и я увидел маленькую Нелли Диммок с щеночком на коленях.

Нелли была моей любимицей. Не поймите меня ложно — мне они все нравились. И разочарован я бывал лишь в первую минуту, такой это был симпатичный народ. Мамка и папка неизменно обходительные и бодрые, а дети, при всей их шумливости, всегда вели себя воспитанно. Такие уж это были солнечные, счастливые натуры. Завидев меня на улице, они принимались дружески махать мне, пока я не скрывался из виду. Я их часто встречал — они постоянно шныряли по улицам, подрабатывая по мелочам: разносили молоко, доставляли газеты. А главное, они любили своих собак, кошек и прочих животных и нежно заботились о них.

Но, как я сказал, Нелли была моей любимицей. Ей было лет девять, и в раннем детстве она перенесла «детский паралич», как тогда говорили. Она заметно хромала и в отличие от своих пышущих здоровьем братьев и сестер выглядела очень хрупкой. Ее тоненькие ножки-спички, казалось, вот-вот переломятся, но худенькое личико обрамляли, падая на плечи, вьющиеся волосы цвета спелой пшеницы, а глаза за стеклами очков в стальной оправе, правда чуть косившие, пленяли ясной и прозрачной голубизной.

— Что у тебя там, Нелли? — спросил я.

— Собачка, — полушепотом ответила она. — Моя собачка.

— Твоя собственная?

Девочка с гордостью кивнула:

— Совсем-совсем моя.

Ряды диммокских и паундерских голов закивали в радостном согласии, а Нелли прижала щеночка к щеке с улыбкой, полной щемящей прелести. У меня от этой улыбки всегда вздрагивало сердце — столько в ней было детской безмятежной доверчивости, таившей еще что-то пронзительно-трогательное. Возможно, из-за ее хромоты.

— Отличный щенок, — сказал я. — Спаниель, верно?

Она погладила шелковистую головку.

— Ага. Кокер. Мистер Браун сказал, что он кокер.

Ряды всколыхнулись, пропуская мистера Диммока. Он вежливо кашлянул.

— Самых чистых кровей, мистер Хэрриот, — сказал он. — У мистера Брауна сучка оценилась, и этого вот он подарил Нелли. — Мистер Диммок сунул трость под мышку, извлек из внутреннего кармана длинный конверт и торжественно вручил мне его. — Тут, значит, его родословная.

Я прочел документ с начала до конца и присвистнул.

— Да уж! Аристократ из аристократов, и имя у него звучное! Дарроуби

Тобиас Третий! Великолепно! — Я опустил взгляд на девочку: — А ты как его называешь, Нелли?

— Тоби, — ответила она тихо. — Я его Тоби называю.

Я засмеялся.

— Ну славу богу! Так что же с Тоби такое? Почему ты его принесла?

Откуда-то поверх голов донесся голос миссис Диммок:

— Тошнит его, мистер Хэрриот. Прямо ничего в нем не задерживается.

— Да-да, представляю. Глистов у него выгоняли?

— Да нет, вроде бы.

— Ну так дадим ему пилюльку — и дело с концом. Но все-таки дай-ка мне его, я посмотрю.

Наши клиенты обычно удовлетворялись тем, что посылали с животным одного своего представителя, но Диммоки, естественно, двинулись за щенком всем скопом. Я шел по коридору, а за мной от стены к стене валила толпа. Смотровая у нас невелика, и я не без опаски следил, как моя многочисленная свита втискивается в нее. Однако всем хватило места, и даже миссис Паундер отвоевала себе необходимое пространство в заднем ряду, хотя ее велюровая шляпка и сбилась на сторону.

Обследование щеночка заняло больше времени, чем обычно, так как мне пришлось пролагать себе путь к термометру, а потом проталкиваться в другом направлении за стетоскопом. Но всему наступает конец.

— У него все нормально, — объявил я. — Так что неприятности только от глистов. Я дам вам пилюльку, пусть примет с самого утра.

Толпа ринулась в коридор, словно на последних минутах футбольного матча, схлынула с крыльца, и очередное нашествие Диммоков завершилось.

Оно тут же вылетело у меня из головы, поскольку ничего особо интересного не произошло. Я мог бы щенка и не осматривать — некоторая кособрюхость говорила сама за себя — и уж никак не ожидал снова его увидеть в ближайшее время.

Но я ошибся. Неделю спустя приемная вновь оказалась битком набитой, и я опять обследовал Тоби на узкой прогалинке в смотровой. После приема моей пилюли вышло несколько глистов, но рвота не прекратилась, осталась и кособрюхость.

— Вы кормите его понемногу пять раз в день, как я велел? — спросил я на всякий случай.

Посыпались утвердительные возгласы, и я поверил. Своих животных Диммоки опекали не за страх, а за совесть. Нет, причина крылась в другом. Но в чем? Температура нормальная, легкие чистые, ни малейших симптомов при прощупывании живота. Я ничего не понимал и от отчаяния прописал нашу противокислотную микстуру. Но откуда же у маленького щенка повышенная кислотность?

Так начался период холодного отчаяния. Две-три недели я тешил себя надеждой, что все само собой образовалось, но затем приемная наводнялась Диммоками и Паундерами, и все начиналось сначала.

А Тоби тощал и тощал.

Я перепробовал все: успокаивал желудок, менял диеты, прибегал даже к шарлатанским снадобьям. Диммоков я без конца допрашивал об особенностях рвоты: через сколько времени после еды? Какие промежутки между

спазмами? Ответы были самые разные — иногда сразу же, а иногда и через несколько часов. Света нигде не брезжило.

Вероятно, прошло недель восемь — Тоби было уже четыре месяца, когда я вновь с тоской в сердце оглядел собрание Диммоков. Их посещения ввергали меня в черную меланхолию. Ничего хорошего я не ждал и на этот раз, когда открыл дверь в приемную и позволил толпе увлечь себя в смотровую. Последним туда втиснулся папка, когда уже Нелли поставила щенка на стол.

На душе у меня стало совсем скверно. Ведь Тоби все-таки рос и теперь представлял собой жуткую карикатуру на кокер-спаниеля: длинные, шелковистые уши свисали с черепа, еле обтянутого шкуркой, бахрома на ногах только подчеркивала их слабость и худобу. А я-то считал Нелли худенькой! Рядом со своим любимцем она выглядела толстущей. И он был не просто тощим: он все время чуть дрожал, стоя с выгнутой спиной на гладкой поверхности стола, а мордочка его не выражала ничего, кроме тупой покорности судьбе и полной утраты всякого интереса к жизни.

Девочка погладила гармошку ребер, и прозрачные голубые глаза взглянули на меня чуть косо сквозь стекла в стальной оправе. От ее улыбки мне стало физически больно. Она выглядела спокойной. Вероятно, она не отдавала себе отчета во всей тяжести положения, но в любом случае у меня не доставало духу сказать ей, что ее собачка медленно умирает.

Я устало протер глаза.

— А что он ел сегодня?

Нелли ответила сама:

— Немножко хлеба с молочком.

— И давно? — спросил я, но, прежде чем кто-нибудь успел ответить, Тоби вдруг кашлянул, и полупереваренное содержимое его желудка, описав изящную дугу, упало на расстоянии шага от стола.

Я гневно обернулся к миссис Диммок.

— Его всегда тошнит так?

— Почти всегда. Так вот прямо и летит изо рта.

— Почему же вы сразу мне не сказали?

Бедная женщина совершенно растерялась.

— Да... сама не знаю... откуда же мне...

Я поднял ладонь.

— Ничего, миссис Диммок, неважно.

Сам-то я столько времени бестолку прописывал бедному щенку то одно, то другое, и ведь за все эти недели ни единый Диммок или Паундер не произнес по моему адресу ни единого слова критики или упрека, так какое же право у меня предъявлять к ним претензии?

Главное же, я наконец-то понял, что с Тоби. Поздно, но понял!

Если современные мои коллеги, читая это, сочтут, что в поисках диагноза я проявил тупость, редкую и для меня, в свое оправдание скажу одно: даже в весьма немногих руководствах тех дней, вообще упоминавших стеноз привратника (сужение выхода из желудка в двенадцатиперстную кишку), никакого лечения не предлагалось.

Но не может же быть, думал я лихорадочно, чтобы никто в Англии еще не опередил руководство! Должны же быть ветеринары, которые делают такие операции... А если должны, то я одного из них знаю!

Пробившись сквозь толпу, я кинулся по коридору к телефону.

— Гранвилл!

— Джим! — оглушительный вопль неподдельной радости. — Как поживаете, юноша?

— Хорошо, спасибо, а вы?

— Аб-со-лют-но тип-топ, старина. Лучше не бывает.

— Гранвилл, мне бы хотелось привезти к вам четырехмесячного спаниеля. У него стеноз привратника.

— Вот прелесть!

— Боюсь, он совсем истощен. Одни только кости остались.

— Дивно! Дивно!

— И все потому, что я больше месяца не мог разобраться.

— Ну и хорошо!

— А владельцы очень бедны. Боюсь, заплатить они ничего не смогут.

— Расчудесно!

Я нерешительно помолчал.

— Гранвилл... а вы... э... вам уже приходилось оперировать по этому поводу?

— Вчера пять сделал.

— Что-о-о?

Басистый смешок.

— Шучу, шучу, старина, но успокойтесь: делал я такие операции. И не без удовольствия.

— Замечательно! — Я взглянул на часы. — Сейчас половина десятого. Я договорюсь, чтобы Зигфрид подменил меня до конца утреннего приема, и буду у вас около одиннадцати.

Когда я приехал, Гранвилл был на вызове, и я маялся у него в приемной, пока во двор с дорогостоящим нежным урчанием не вкатил «бентли». Из окна я узрел поблескивающую над баранкой еще одну несравненную трубку, а затем и мой коллега в элегантнейшем костюме в узкую полоску, придававшим ему сходство с директором Английского банка, прошествовал к боковой двери.

— Рад вас видеть, Джим! — воскликнул он, стискивая мою руку. Затем, прежде чем снять пиджак, извлек изо рта трубку, оглядел ее с некоторой тревогой, потер желтой тряпочкой и бережно убрал в ящик.

Еще десять минут, и я уже стоял под лампой в операционной, наклоняясь над распростертым тельцем Тоби, а Гранвилл — совершенно другой Гранвилл Беннет — с яростной сосредоточенностью работал в брюшке щенка.

— Видите, как расширен желудок? — бормотал он. — Классический симптом. — Зажав пилорический отдел, он нацелил скальпель. — Вот я прохожу серозную оболочку. — Быстрый решительный надрез. — Иссекаю мышечные волокна... глубже... еще глубже... еще чуточку... Ну вот, видите — слизистая оболочка выпятилась в разрез. Так... так... именно. Вот то, что следует получить.

Я прищурился на тоненькую трубочку, заключающую причину долгих страданий Тоби.

— И это все?

— Все, юноша. — Он отступил от стола с широкой улыбкой. — Препятствие убрано, и можете заключить пари, что эта фитюлька сразу начнет набирать вес.

— Но это же чудо, Гранвилл! Я вам так благодарен...

— Чепуха, Джим, одно сплошное удовольствие. А следующую-то теперь и сами сделаете, а? — Он хохотнул, схватил иглу и с невероятной быстротой сшил брюшные мышцы и кожу.

Через три-четыре минуты он уже в кабинете натягивал пиджак, а потом, набивая трубку, сказал:

— У меня, юноша, есть планчик, как скоротать утро.

Я попятился, оборонительно вскинув руку.

— Ну... э... очень любезно с вашей стороны, Гранвилл, но, честное слово, я... Нет, мне правда необходимо вернуться... мы нарасхват, понимаете?.. Нельзя же все бросить на Зигфрида... работы невпроворот... — Я замолчал, окончательно запутавшись.

Мой коллега страдальчески сморщился.

— Сынок, просто мы приглашаем тебя перекусить у нас. Зоя тебя ждет.

— А... о... вот что. Очень любезно. И мы не... мы не отправимся куда-нибудь еще?

— Куда-нибудь еще? — Он надул щеки и развел руками. — Конечно, нет. По дороге я только загляну в мою вторую приемную.

— Вторую приемную? Я не знал...

— Да-да. В двух шагах от моего дома. — Он обнял меня за плечи. — Так едем?

Блаженно откинувшись на сиденье «бентли», я смаковал мысль, что наконец-то предстану перед Зоей Беннет в нормальном виде. Теперь она убедится, что я все-таки не завязтый пьяница. И ближайшие два часа вставали передо мной розовым видением: вкуснейшее угощение, оттеняемое моей остроумной беседой и безупречными манерами, а затем назад в Дарроуби с магически исцеленным Тоби.

Я улыбнулся, представив себе личико Нелли, когда она узнает, что ее собачка будет теперь есть, набираться сил и играть, как любой здоровый щенок. Я все еще улыбался, когда машина остановилась у въезда в селение, где обитал Гранвилл. Ленивым взглядом я скользнул по приземистому каменному строению, по окнам с частым переплетом, по вывеске «Под старым дубом», болтающейся над входом, и повернулся к моему спутнику:

— Мне казалось, вам надо в вашу вторую приемную...

Гранвилл озарил меня детски невинной улыбкой.

— Я так называю это заведение. Совсем рядом с моим домом, и я тут часто консультирую. — Он похлопал меня по колену. — Заглянем, выпьем для аппетита, э?

— Нет, погодите... — пробормотал я, обеими руками вцепляясь в сиденье. — Сегодня мне никак нельзя опоздать. Уж лучше я...

Гранвилл укоризненно поднял ладонь.

— Джим, малыш, мы буквально на минутку. — Он поглядел на свои часы. — Ровно половина первого, а я обещал Зое, что мы будем дома точно в час. Она стряпает ростбиф и йоркширский пудинг, и у меня не хватит храбрости допустить, чтобы ее пудинг перестоялся. Гарантирую, мы войдем в нашу столовую в час дня, и не секундой позже. Договорились?

Я заколебался — вряд ли со мной за полчаса может стрястись что-нибудь непоправимое — и вылез из машины.

Едва мы переступили порог, как навалившийся на стойку дюжий великан обернулся и обменялся с моим коллегой радостным приветствием.

— Альберт! — вскричал Гранвилл. — Познакомься с Джимом Хэрриотом из Дарроуби. Джим, знакомься: Альберт Уэйнрайт, хозяин «Запряженного фургона» в Матерли. В этом году он — председатель Ассоциации трактирщиков, верно, Альберт?

Великан ухмыльнулся, кивнул, а я почувствовал себя пигмеем между этими мощными фигурами. Найти определение для плотной дородности Гранвилла было нелегко, но мистер Уэйнрайт выглядел откровенным толстяком. Расстегнутый клетчатый пиджак открывал обтянутое полосатой рубашкой необъятное пространство живота, который переливался через брючный ремень. Над пестрым галстуком на меня с красной физиономии смотрели добродушные глаза, а говорил он сочным басом. Ну просто живое воплощение всего, что принято вкладывать в определение «трактирщик».

Я неторопливо прихлебывал пиво из полупинтовой кружки, которую заказал, но через две минуты возле моего локтя возникла вторая, и, сообразив, что эдак мне их не нагнать, я переключился на виски с содовой, которое пили они. Сгубило меня то, что у них обоих тут, по-видимому, был открытый счет. Осушив стопку, они тихонько постукивали по стойке и говорили: «Повтори-ка, Джек!» — и, как по волшебству, перед нами тут же возникали три полные стопки. Угостить их у меня не было никакой возможности. Собственно, деньги в этой сцене вообще не фигурировали.

Атмосфера была уютной и дружеской. Альберт с Гранвиллом благодушно беседовали, сопровождая себя почти беззвучными постукиваниями по стойке. Я пытался не отстать от этих двух виртуозов, а постукивания раздавались все чаще, и мне начинало казаться, что будто слышу их каждые несколько секунд.

Но Гранвилл слово сдержал. Когда полчаса почти истекли, он сказал: — Ну, нам пора, Альберт. Зоя ждет.

Когда же машина остановилась перед его домом точно в час, я с тупым отчаянием понял, что история повторилась. Внутри меня начинало бурлить ведьминское варево, окутывая мой мозг густыми парами. Чувствовал я себя ужасно и знал, что дальше будет хуже. Гранвилл, все такой же свежий и благодушный, выпрыгнул из машины и повел меня в дом.

— Зоя, любовь моя! — прошептал он, обнимая вышедшую из кухни жену.

Высвободившись из его объятий, она подошла ко мне. Фартучек в пестрых цветочках только оттенял ее привлекательность.

— Здравствуйте! — воскликнула она и одарила меня тем же взглядом, что и ее муж, словно появление Джеймса Хэрриота было неожиданным чудом. — Очень рада, что вы опять нас навестили. Все уже готово.

Я ответил ей глупой ухмылкой, и она упорхнула.

Плюхнувшись в кресло, я слышал, как Гранвилл у серванта уверенной рукой наливает рюмки. Вложив одну мне в руки, он сел в кресло напротив, и тотчас ему на колени взгромоздился разжиревший бультерьер.

— Фебунчик, крошка моя! — нежно пропел он. — Папуленька домой вернулся! — Потом игриво погрозил пальцем крошечному йоркшир-

терьеру, который, усевшись у его ног, непрерывно скалил зубы в восторженных улыбках. — Я тебя вижу, малышка Виктория, я тебя вижу!

К тому времени, когда меня пригласили к столу, я двигался как во сне — медленно-медленно, а говорил очень неторопливо, вернее, невнятно бурчал. Гранвилл нацелился на огромный кусок ростбифа, пополировал нож и принялся беспощадно кромсать мясо, а затем щедро положил мне на тарелку фунта два и занялся йоркширским пудингом. Зоя вместо одного большого напекла, как нередко делают фермерши, множество маленьких — золотистые круглые чашечки с коричневатыми хрустящими бочками. Гранвилл рядом с мясом положил мне их шесть, и я тупо уставился на переполненную тарелку. Зоя передала мне соусницу.

С большим усилием я плотно взял ее за ручку и прищурил глаз. Почему-то я почувствовал, что обязательно должен налить соуса в каждую пудинг-чашечку, и осоловело направлял струю то в одну, то в другую, пока не наполнил все до краев. Один раз рука у меня дрогнула и несколько душистых капель упало на скатерть. Я виновато посмотрел на Зою и хихикнул.

Зоя хихикнула в ответ, и мне почудилось, что она считает меня странно-ватым субъектом, но безобидным. Конечно, водится за мной эта страшная слабость — трезвым я не бываю ни утром, ни вечером, — но в сущности я неплохой малый.

Обычно мне требовалось несколько дней, чтобы оправиться после визита к Гранвиллу, но к субботе я уже чувствовал себя более или менее нормально. На рыночной площади в субботу я увидел шагающую по бульжникам процессию. В первый момент, глядя на это скопление детей и взрослых, я решил было, что младшие классы отправились на прогулку в сопровождении родителей, но потом разглядел, что это просто Диммоки и Паундеры идут за покупками.

Увидев меня, они изменили направление, и я утонул в живой волне.

— Да вы на него только поглядите, мистер! Ест почище лошади! Он скоро жиреть начнет, мистер! — наперебой кричали они.

Нелли вела Тоби на поводке, и, нагнувшись, я глазам своим не поверил, так он изменился за считанные дни. Нет, он был еще очень истощен, но выражение безнадежности исчезло с его мордочки, он с любопытством озирался и готов был затеять возню. Теперь ему требовалось только время.

Его маленькая хозяйка все поглаживала и поглаживала каштановую спинку.

— Ты своей собачкой очень гордишься, верно, Нелли? — сказал я, и кроткие косящие глаза обратились на меня.

— Он же совсем мой! — И она улыбнулась своей трогательной улыбкой.

Я очень рад, что запечатлел семейство Диммоков на бумаге. Мало кто так умел любить животных, как они, а необходимость иметь дело сразу с ними всеми придавала каждой нашей встрече своеобразие и теплоту. Когда они уходили, меня охватывало странное чувство одиночества и разочарование, что теперь передо мной сидит всего один клиент. Ну и, конечно, в соприкосновении с бессмертным Гранвиллом Беннетом мои крылышки всякий раз опалялись, но и по сей день я не знаю лучше способа избавлять животное от стеноза привратника, чем тот, которому научил меня он.

21. *Магнус и компания*

Практика в Дарруоби давала мне одно неоценимое преимущество. Лечил я главным образом скот, что не мешало мне питать горячую страсть к собакам и кошкам. И проводя большую часть времени среди йоркширских просторов, я знал, что в городе меня ждет пленительный мир домашних любимцев.

Заниматься кем-нибудь из них мне приходилось каждый день, и это вносило в мою жизнь не только разнообразие, но и особый интерес, опиравшийся на чувства, а не на финансовые соображения, причем удовлетворять его я мог не торопясь и со вкусом. Вероятно, непрерывная интенсивная работа с мелкими животными может превратиться в подобие сосисочной машины, в бесконечный конвейер мохнатых тел, в которые втыкаешь и втыкаешь иглы. Но в Дарруоби каждый маленький пациент становился нашим знакомым.

Проезжая по городу, я без труда их узнавал: вон джонсоновский Буян выходит с хозяйкой из скобяной лавки — от экземы ушной раковины и помину не осталось, а уокеровский Рыжик, чья лапа отлично срослась, весело качивается на угольной повозке своего хозяина, и, конечно, бриггсовский Рой отправился один прогуляться по рыночной площади в поисках приклю-

чений, так что не миновать снова его зашивать, как тогда, когда он напоролся на колючую проволоку. Я извлекал массу удовольствия, вспоминая их недуги и размышляя об особенностях их натуры. Ведь каждый был личностью и проявлял ее по-своему.

Например, в своем отношении ко мне во время и после лечения. Собаки и кошки, как правило, не проникались ко мне неприязнью, хотя я и подвергал их всяким неприятным процедурам.

Но были и исключения, как, например, Магнус, карликовая такса в «Гуртовщиках».

Памятуя о нем, я перегнулся через стойку и сказал шепотом:

— Пинту светлого, Дэнни, будьте так любезны.

Буфетчик ухмыльнулся.

— Сию минуту, мистер Хэрриот.

Он нажал на рычаг, и пиво с тихим шипением наполнило кружку. Глядя на пышную шапку пены, я еле слышно заметил:

— Какая прелесть!

— Прелесть? Да это такая красотища, что просто грех ею торговать! — Дэнни с нежным сожалением оглядел кружку.

Я засмеялся, но пианиссимо.

— Тем любезнее, что вы уделили мне капельку. — Сделав глубокий глоток, я обернулся к старику Фэрберну, который по обыкновению примостился у дальнего конца стойки, держа в руке собственную, расписанную цветочками кружку. — Прекрасная погода стоит, мистер Фэрберн, — прожурчал я вполголоса.

Старик прижал ладонь к уху.

— Что вы сказали?

— Погода стоит такая теплая, солнечная! — Мой голос шелестел, как легкий ветерок в камышах.

И тут меня с силой хлопнули по спине.

— Да что это с вами, Джим? Ларингит?

Я обернулся и узрел лысую голову доктора Аллинсона, моего врача и друга.

— А, Гарри! — вскричал я. — Рад вас видеть! — И в ужасе прижал ладонь к губам.

Но было уже поздно. Из кабинета управляющего донеслось гневное тьяканье. Громкое, пронзительное — и нескончаемое.

— Ах, черт, не остерегся, — уныло буркнул я. — Опять Магнус завелся.

— Магнус? О чем вы говорите?

— Ну, это долгая история. — Я поднес кружку к губам под аккомпанемент визгливого лая из кабинета. Тихий уют зала был безнадежно нарушен, и я увидел, что завсегдатаи ерзают и поглядывают на дверь.

Неужели эта собаченция так и будет помнить? Ведь столько времени прошло с того рокового дня, когда мистер Бекуит, новый молодой управляющий «Гуртовщиков», привел Магнуса в приемную! Вид у него был испуганный.

— Будьте с ним поосторожнее, мистер Хэрриот.

— В каком смысле?

— Поостерегитесь. Он ужасно злобный.

Я поглядел на гладенькое длинное тельце. Просто коричневая полоска

на столе. И веса в нем никак не больше шести фунтов. Я невольно засмеялся.

— Злобный? При его-то росте?

— Не обольщайтесь! — Мистер Бекуит предостерегающе поднял палец. — В Бадфорде, когда я был управляющим «Белого Лебедя», я повел его к ветеринару, и он чуть не насквозь прокусил бедняге палец.

— Неужели?

— Еще как! До самой кости. В жизни не слыхивал таких выражений, но я на него не в претензии. Все вокруг кровью так и забрызгало. Без меня он палец и перебинтовать бы толком не сумел.

— Гм-м...

Хорошо, когда тебя предупреждают о характере собаки до того, как она тебя куснет, а не после.

— Но что он собирался с ним сделать? Что-то очень болезненное?

— Да нет. Я привел его когти подстричь.

— Только-то? А сейчас с ним что?

— То же самое.

— Право же, мистер Бекуит, я полагаю, мы сумеем подстричь ему когти без кровопролития! Будь он бульмастифом или немецкой овчаркой, еще куда ни шло, но с карликовой таксой мы с вами как-нибудь уж справимся.

Управляющий замотал головой.

— Меня, ради Бога, в это не впутывайте. Извините, но я предпочел бы его не держать. Вы уж, пожалуйста, сами...

— Но почему?

— Видите ли, он мне этого не простит. Характерец у него — ой-ой-ой! Я потер подбородок.

— Но если с ним так трудно сладить, а держать его вы отказываетесь, мне-то как быть?

— Не знаю... А одурманить его чем-нибудь нельзя? Оглушить?

— Вы хотите, чтобы я сделал ему общую анестезию? Для того чтобы подстричь когти?..

— Боюсь, другого способа нет. — Мистер Бекуит безнадежно посмотрел на коричневого малютку. — Вы его не знаете!

С трудом верилось, что эта крохотная собачка явно занимала в семье Бекуитов командное положение. Правда, мне было известно немало таких собак, но все они были заметно крупнее. Впрочем, в любом случае у меня уже не оставалось времени на всякие пустяки.

— Послушайте, — сказал я, — надо просто обмотать ему нос бинтом. На это и двух минут не уйдет. — Пошарив позади себя, я нащупал щипчики для когтей и положил их перед собой, потом отмотал полоску бинта и сделал на конце петлю.

— Умница, Магнус, — сказал я ласково, подходя к нему.

Собаченция уставилась на бинт немигающим взглядом, а когда он совсем приблизился к ее носу, с яростным рычанием подпрыгнула, целясь в мое запястье. Кисть мне как ветром обдуло, когда в полдюйме от нее лязгнули сверкающие зубы. Такса извернулась для второго прыжка, но я успел свободной рукой схватить ее за шкуру.

— Все в порядке, мистер Бекуит, — сказал я хладнокровно. — Я его держу. Передайте мне бинт, и я скоро кончу.

Но нервы молодого человека не выдержали.

— Нет-нет, только не я! — ахнул он, юркнув в дверь, и его каблук простучали по коридору.

Ну ладно, подумал я, так, пожалуй, и лучше. Имея дело с властными собаками, я обычно стараюсь отделаться от хозяина. Просто поразительно, как быстро самые воинственные псы становятся шелковыми, оставшись с глазу на глаз с незнакомым человеком, который умеет с ними обращаться и никаких штучек терпеть не намерен. Я мог бы перечислить десятки собак, которые у себя дома просто в ключья готовы были изорвать дерзкого, пошмевшего им перечить, но превращались в смиреннейших вилятелей хвостов, едва переступали порог приемной. И все они были куда крупнее Магнуса.

Продолжая крепко держать его, я отмотал новую полоску бинта и, хотя он свирепо сопротивлялся, скаля зубы, как миниатюрный волк, накинул петлю ему на нос, затянул и завязал узел за ушами. Пасть его была теперь надежно сомкнута, но для пушей верности я взял бинт и намотал еще несколько слоев.

Вот тут-то они обычно и сдаются, а потому я внимательно посмотрел на Магнуса, не надоело ли ему злиться. Но глаза над плотным белым кольцом марли сверкали неуголимой яростью, а из маленькой груди исходило грозное рычание, то повышаясь, то понижаясь, точно где-то вдалеке жужжал пчелиный рой.

Иногда резкое слово помогает понять, кто хозяин.

— Магнус! — прикрикнул я. — Хватит! Веди себя прилично! — и слегка его встряхнул, показывая, что говорю серьезно, но в ответ выпучившиеся глазки скозились на меня с неугасимой ненавистью.

Я взял щипцы и сказал с досадой:

— Ну ладно, не хочешь по-хорошему, твое дело. — Зажал его под мышкой, ухватил переднюю правую лапу и начал стричь.

И он ничего не мог поделать. Напрягался, извивался, но я держал его как в тисках. Пока я аккуратно подстригал разросшиеся когти, по сторонам бинта в такт утробному урчанию пузырилась пена. Если собаки умеют ругаться, я был обруган так, как никто и никогда за всю историю.

Стриг я с особой тщательностью, прилагая все старания, чтобы ненароком не задеть чувствительную основу когтя, но это ничего не меняло. Слишком униженным он себя чувствовал. Как же! Против обыкновения верх остался не за ним.

Кончая вторую лапу, я начал менять тон. Мне было по опыту известно, что, доказав свое превосходство, уже нетрудно завязать дружеские отношения, а потому я добавил воркующую ноту.

— Молодец собачка! И ведь ничего страшного не было, верно?

Я положил щипчики и, потому что пена по краям бинта заклубилась сильнее, несколько раз погладил коричневую голову.

— Ну, Магнус, сейчас мы снимем с тебя намордник. — Я начал развязывать узел между ушами. — И тогда тебе станет куда лучше, а?

Довольно часто собака, когда я снимал с нее импровизированный намордник, решала забыть прошлое и порой даже норовила лизнуть мне руку. Но Магнус был из другого теста. Как только последняя марлевая петля соскользнула с его мордочки, он вновь устремился кусать меня.

— Все в порядке, мистер Бекуит, — крикнул я в коридор. — Можете его забирать!

И заключительная картина: на крыльце такса обернулась, злобно сверкнув на меня глазами, и только тогда последовала за хозяином вниз по ступенькам.

Взгляд, который яснее всяких слов сказал: «Ну ладно, приятель, этого я тебе не забуду!».

Прошли месяцы, но все еще, даже просто услышав мой голос, Магнус принимался негодующе лаять. Вначале завсегдатаев это только потешало, но теперь они все чаще поглядывали на меня со странным выражением, словно им в душу закрадывалось подозрение, уж не пинал ли я, озверев, беспомощную собачку ногами или даже было что-нибудь похуже. Меня же брала досада: мне вовсе не хотелось расставаться с «Гуртовщиками», такими уютными, особенно в зимние вечера.

Впрочем, облюбуй я другое заведение, я и там начну объясняться заговорщицким шепотом, и люди будут смотреть на меня еще более странно.

И как непохоже вел себя ирландский сеттер миссис Хаммонд! Все началось с пронзительного телефонного звонка, едва я влез в ванну. Хелен постучала в дверь, я кое-как вытерся, надел халат и кинулся наверх. Не успел я взять трубку, как меня совсем оглушил взволнованный голос:

— Мистер Хэрриот! Я из-за Рока... Он два дня пропал, его только что привел какой-то человек. Говорит, нашел его в лесу с ногой в капкане. Он же... — В трубке раздалось подавленное всхлипывание. — Он же, наверное, все это время...

— Ужасно! Ему очень худо?

— Да!.. — Миссис Хаммонд, жена управляющего местным банком, была спокойная, энергичная женщина. Наступила пауза: видимо, она старалась взять себя в руки. И действительно, голос ее стал почти спокойным.

— Да. Боюсь, ему придется ампутировать лапу.

— Мне так жаль! — Но удивлен я не был. Нога, двое суток зажатая в варварской ловушке, невредимой остаться не может. Теперь, к счастью, такие капканы запрещены законом, но в те дни по их милости на мою долю часто выпадала работа, без которой я предпочел бы обойтись, и я вынужден бывал принимать решения, невыносимо для меня тягостные. Лишить ноги животное, которое не понимает, что с ним происходит, чтобы сохранить ему жизнь, или за него выбрать сон, снимающий боль, но последний? По правде говоря, в Дарроуби благодаря мне жило несколько трехногих собак и кошек. Выглядели они не слишком несчастными, и хозяева их не лишились своих друзей, и тем не менее...

Но все равно, я сделаю то, что надо будет сделать.

— Жду вас, миссис Хаммонд, — сказал я.

Рок был высоким, но худощавым, как свойственно сеттерам, и показался мне очень легким, когда я поднял его, чтобы положить на операционный стол. Он покорно повис у меня на руках, и я ощутил жесткие выступающие ребра.

— Он сильно исхудал, — заметил я.

Миссис Хаммонд кивнула.

— Голодал два дня. Это же очень долго. Когда его принесли, он так и накинудся на еду, несмотря на боль.

Я осторожно приподнял искалеченную ногу. Беспощадные челюсти капкана сдавливали лучевую и локтевую кости, но встревожил меня страшный отек лапы. Она была вдвое толще нормальной.

— Так что же, мистер Хэрриот? — Миссис Хаммонд судорожно стискивала сумочку. (Мне кажется, женщины не расстаются с сумочками ни при каких обстоятельствах.)

Я погладил сеттера по голове. Его шерсть под яркой лампой отливала червонным золотом.

— Этот страшный отек... Причина тут, конечно, и воспаление, но пока он оставался в капкане, кровообращение практически прекратилось, а это чревато гангреной — отмиранием и разложением тканей.

— Я понимаю, — сказала она. — До замужества я была медицинской сестрой.

Очень бережно я поднял распухшую до неузнаваемости лапу. Рок спокойно смотрел прямо перед собой все время, пока я ощупывал фаланги и пясть, продвигая пальцы все ближе к жуткой ране.

— Вообще-то скверно, — сказал я. — Но есть два плюса: во-первых, нога не сломана. Мышцы рассечены до костей, но кости целы. А во-вторых, что даже еще важнее, — лапа теплая.

— Это хороший признак?

— О да! Значит, хоть какое-то кровообращение в ней есть. Будь лапа холодной и влажно-липкой, надежды не осталось бы никакой. Пришлось бы сразу ампутировать.

— Так вы полагаете, что спасете ему лапу?

Я предостерегающе поднял ладонь.

— Не знаю, миссис Хаммонд. Как я сказал, кровообращение не прекратилось совсем, но вопрос в том — насколько. Часть мышечной ткани несомненно отпадет, и через два-три дня положение может стать критическим. Но я все-таки хочу попытаться.

Я промыл рану слабым раствором антисептика в теплой воде и кончиками пальцев исследовал ее жутковатые глубины. Я отсекал кусочки поврежденных мышц, отрезал полоски и лохмотья омертвевшей кожи и все время думал, как это, должно быть, тяжело для собаки. Но Рок сидел, высоко держа голову, и даже не вздрагивал. Раза два, когда я щупал кости, он вопросительно взглядывал на меня, или порой, наклонившись над лапой, я вдруг ощущал нежное прикосновение влажного носа к моей щеке. Но и только.

Эта поврежденная нога выглядела гнусным надругательством. Мало найдется собак красивее ирландских сеттеров, а Рок был просто картинка — глянцевиная шерсть, шелковистые очесы на ногах и хвосте, придающие ему особое изшество, благородная морда с добрыми кроткими глазами. Я даже головой тряхнул, отгоняя от себя мысль, как он будет выглядеть без лапы, и быстро повернулся за сульфаниламидным порошком на подносе у меня за спиной. Слава Богу, хоть он у меня есть — одно из новейших средств! Я буквально набил им рану в уверенности, что он помещает развитию инфекции. Потом с каким-то фаталистическим чувством наложил марлевый тампон и повязку. Больше ничего я сделать не мог.

Рока привозили ко мне каждый день. И каждый день ему приходилось выносить одно и то же: снятие повязки, которая обычно прилипла к ране, неизбежное удаление отмирающих тканей и наложение новой повязки. Но, как ни невероятно, он, казалось, нисколько не был против. Почти все мои пациенты входят очень медленно, а вот покидают приемную со всей возможной быстротой, волоча за собой на поводке владельцев. А некоторые, не успев подняться на крыльцо, вывертываются из ошейника и во весь дух улепетывают по улице, оставляя погоню далеко позади. Рок же всегда входил охотно, помахивая хвостом. Обычно даже он протягивал мне лапу. У него всегда была эта привычка, но теперь, когда я нагibalся и ко мне тянулась перебинтованная лапа, такое движение обрело особый смысл.

Неделю спустя положение выглядело совсем уж угрожающим. Отмершие ткани непрерывно отпадали, и настал вечер, когда я снял повязку, и миссис Хаммонд, ахнув, отвернулась. Благодаря своему медицинскому образованию она была отличной ассистенткой — держала лапу и интуитивно поворачивала ее именно так, как мне было удобно, пока я обрабатывал рану, но на этот раз у нее не достало сил смотреть.

И винить ее я не мог: в ране виднелись белые кости плюсны, как человеческие пальцы, лишь кое-где прикрытые лоскутками кожи.

— Безнадежно? — шепнула она, не оборачиваясь.

Я ответил, только когда подsunул ладонь под лапу.

— Вид, бесспорно, страшноватый, но, знаете, по-моему, это предел и теперь произойдет поворот к лучшему.

— Я не поняла?..

— Нижняя поверхность вся теплая и нормальная. Подушечки абсолютно целы. И вы заметили? Запах же исчез! Потому что омертвевшей ткани больше нет. Я практически уверен, что начнется заживление.

Она бросила быстрый взгляд на рану.

— И вы считаете, что эти... эти кости зарастут?

— Конечно. — Я присыпал их моим верным сульфаниламидом. — Со всем прежней лапы не станет, но выглядеть будет терпимо.

Так и произошло. Времени потребовалось много, но новые здоровые ткани упорно нарастали, словно желая подтвердить правильность моего прогноза, и, когда много месяцев спустя Рок явился в приемную по поводу легкого конъюнктивита, он по обыкновению вежливо протянул мне лапу. Я столь же вежливо ее пожал и осмотрел. Верхняя поверхность была безволосой, гладкой и глянцевитой, но совершенно здоровой.

— Ведь совсем незаметно, правда? — спросила миссис Хаммонд.

— Абсолютно. Просто чудо. Небольшая проплешина и все. И он даже не прихрамывает.

Миссис Хаммонд засмеялась.

— Да, нисколько. И знаете что? Он, по-моему, благодарен вам по-настоящему. Посмотрите только!

Наверное, знатоки психологии животных высмеют как нелепую фантазию ее предположение, будто сеттер понимал, что кое-чем мне обязан, и смеющаяся открытая пасть, высунутый язык, настойчиво протягиваемая лапа ничего подобного не означали.

Пусть так, но одно я знаю, одному я рад: несмотря на все мучения, которым я его подвергал, Рок не затаил на меня зла.

А вот рассказывая о Тимми Баттеруортов, я опять возвращаюсь к оборотной стороне медали. Это был жесткошерстный фокстерьер, обитавший в Гимберовом дворе — одном из маленьких, мощенных булыжником проулков, которые ответвлялись от улицы Тренгейт, — и единственный случай, когда мне выпало его лечить, пришлось на время моего обеда.

Я вылез из машины и поднимался на крыльцо, когда увидел, что по улице стремглав бежит какая-то девушка и отчаянно мне машет. Я подождал, и она, запыхавшись, остановилась у нижней ступеньки, глядя на меня перепуганными глазами.

— Я Уэнди Баттеруорт, — еле выговорила девочка. — Меня мама послала. Вы к нашему фоксу не ходите?

— А что с ним?

— Мама говорит, он чего-то нажрался.

— Отравился?

— Ага.

До их дома была сотня шагов, так что к машине я возвращаться не стал, а затрусил рядом с Уэнди, и через десяток секунд мы свернули под узкую арку «двора». Наши бегущие шаги гулко отдались под сводом, и перед нами открылась картина, неизменно поражавшая меня в мои первые годы в Дарроуби, — миниатюрная улочка с теснящимися домишками, крохотными садиками, полукруглыми окнами, заглядывающими друг в друга через полосу булыжника. Но нынче мне некогда было оглядываться по сторонам, потому что миссис Баттеруорт, грузная, краснолицая, очень взволнованная, кинулась нам навстречу.

— Он тут, мистер Хэрриот, — крикнула она, распахивая настежь дверь домика, открывавшуюся прямо в жилую комнату, и я увидел моего пациента, восседавшего на полочке у камина в несколько задумчивой позе.

— Так что же случилось? — спросил я.

Его хозяйка судорожно сжимала и разжимала руки.

— Вчерась по палисаднику вот такая крыса пробежала, ну я и достала для нее яду. — Она мучительно сглотнула. — Намешала его в миску с кашей, а тут соседка к двери подошла. Вернулась, а Тимми уже все сожрал!

Задумчивость фокса усугубилась, и он медленно облизал губы, видимо удивляясь, что это была за странная каша.

Я обернулся к миссис Баттеруорт.

— А жестянка с ядом у вас тут?

— Да.

Она подала мне ее трясущимися руками.

Я прочел этикетку. Название было мне отлично известно, и оно отозвалось в моем мозгу похоронным звоном — со столькими мертвыми и умирающими животными связывалось оно для меня. Основой его был фосфид цинка, и даже сейчас со всем нашим новейшим лекарственным арсеналом мы обычно оказываемся бессильны предотвратить роковой исход, если яд успел всосаться.

Я со стуком поставил жестянку на стол.

— Необходимо немедленно вызвать у него рвоту! Я не хочу возвращаться в приемную — нельзя терять ни минуты. У вас есть стиральная сода? Двух-трех кристаллов будет достаточно.

— Господи! — Миссис Баттеруорт закусила губу. — Нету у меня соды... Может, еще что-нибудь согдится?

— Погодите! — Я взглянул на стол, на кусок холодной баранины, миску с картофелем, банку с маринадом... — В той баночке горчица?

— Да. И по самый край!

Я схватил баночку, бросился к крану и развел горчицу до консистенции молока.

— Быстрее! — крикнул я. — Несите его во двор.

Но тут же сам поднял изумленного Тимми с половичка, выпрыгнул в дверь, поставил его на булыжник, стиснул между коленями, левой рукой сжал мордочку, а правой принялся лить жидкую горчицу в уголок рта так, чтобы она стекала по задней стенке горла. Вывернувшись он не мог и вынужден был глотать омерзительный напиток. Убедившись, что в желудок попало не меньше столовой ложки, я выпустил фокса.

Он только успел бросить на меня один-единственный негодующий взгляд, поперхнулся раз, другой, затрусил по булыжнику в тихий уголок и там через несколько секунд очистился от несправедно съеденного обеда.

— Как вам кажется, это все?

— Все! — решительно изрекла миссис Баттеруорт. — Сейчас схожу за совком с веничком.

Тимми побрел в дом. Несколько минут я следил за ним. Усевшись на своем половичке, он кашлял, фыркал, царапал лапой рот, но никак не мог избавиться от противного жгучего вкуса. И с каждой секундой становилось все очевиднее, что причину приключившихся с ним неприятностей он твердо видит во мне. Когда я выходил, он испепелил меня взглядом, яснее всяких слов говорившим: «Свинья ты, вот ты кто!».

Что-то в этом взгляде заставило меня вспомнить Магнуса в «Гуртовщиках», а несколько дней спустя я получил первое предупреждение, что в отличие от Магнуса лишь негодующим лаем Тимми ограничиваться не намерен. Я задумчиво шел по улице Тренгейт, как вдруг из Гимберова двора вылетело белое ядро, ткнуло меня за лодыжку и исчезло столь же беззвучно, как и появилось. Я и оглянуться не успел, как оно, бешено работая короткими лапами, скрылось за аркой.

Я засмеялся. Вспомнил, только подумать! Но это повторилось и на другой день, и на третий; сомневаться не приходилось: фоксик специально поджидал меня в засаде. По-настоящему он меня ни разу не укусил — все ограничивалось чисто символическим жестом, — но ему явно приятно было видеть, как я подпрыгиваю, когда он цапает меня за икру или просто за отворот брюка. Добычей я оказался легкой, потому что по улице обычно шел не торопясь, о чем-нибудь задумавшись.

Честно говоря, к Тимми у меня никаких претензий не было. Взгляните на дело с его точки зрения. Он тихо сидит на своем половичке, переваривает непривычный обед, и вдруг какой-то неизвестный бесцеремонно его хватает, куда-то тащит и льет в него горчицу. Возмутительная вольность, и оставлять ее безнаказанной он не собирался.

Меня же даже радовала эта вендетта, которую объявил бойкий песик, лишь благодаря мне избежавший смерти. И смерти нелегкой. Ведь до неизбежного конца жертвы фосфорных отравлений долгие дни, а порой и недели мучаются от желтухи, постоянной тошноты и нарастающей слабости.

А потому я благодушно терпел эти нападения, хотя — если вовремя вспоминал — и старался загодя перейти на другую сторону улицы. И оттуда нередко видел белого песика, затаившегося под аркой в ожидании минуты, когда ему вновь представится случай свести со мной счеты за зверское над ним издевательство.

Тимми, как я убедился, принадлежит к тем, кто не прощает.

Эти истории иллюстрируют, насколько по-разному реагируют на вас разные собаки — тема, всегда очень меня интриговавшая. Интересно, что сульфаниламид, которым я присыпал рану Рока, все еще не вышел из употребления, хотя чаще используются антибиотики. И слава Богу, что крысиный яд с фосфидом цинка, который проглотил Тимми, теперь не применяется. Современные средства против грызунов тоже необходимо использовать с большой осторожностью, но их действие не столь смертельно, и нам уже не приходится наблюдать медленную смерть собак, вызванную разрушением печени. Какая беспомощность охватывала меня в таких случаях!

22. Последний визит

Пожалуй, в том, что я получил призывную повестку в день моего рождения, был свой юмор, но тогда я его не почувствовал.

В моей памяти запечатлена картина, такая же яркая сейчас, как в ту минуту, когда, войдя в нашу «столовую», я увидел, что Хелен сидит на своем высоком табурете у конца стола, а рядом с моей тарелкой лежит подарок ко дню моего рождения, жестянка дорогого табака, и еще — длинный конверт. Мне не нужно было спрашивать, что в нем.

Ожидал я его уже давно, и все-таки меня словно врасплох застала мысль, что мне остается ровно неделя до того, как я уеду в Лондон. И неделя эта промчалась, как минута: я принимал последние решения, приводил в порядок дела с практикой, заполнял очередные анкеты Министерства сельского хозяйства и организовывал перевозку нашего скудного имущества на ферму отца Хелен, где ей предстояло жить до моего возвращения.

Последний свой профессиональный визит я наметил на вторую половину дня в пятницу, и, когда этот день настал, мне около трех часов позвонил старый Арнольд Саммергилл. И тут я понял, что на этом все действительно кончается: ведь мне предстояло совершить настоящее путешествие. Маленькая ферма Арнольда одиноко ютилась на поросшем кустарником склоне в самом сердце холмов. Звонил, собственно, не он, а мисс Томпсон, почтмейстерша в деревне Хейнби.

— Мистер Саммергилл просит, чтобы вы приехали посмотреть его собаку, — сказала она на этот раз.

— А что случилось?

Я услышал бормотание голосов на том конце провода.

— Он говорит, нога у нее не того.

— Не того? В каком смысле?

Вновь в трубке забормотали голоса.

— Он говорит, она наружу торчит.

— Ну хорошо, — ответил я. — Сейчас еду.

Просить, чтобы собаку привезли в Дарроуби, не имело смысла: машины у Арнольда не было. Он и по телефону-то сам никогда не разговаривал. Все наши объяснения на расстоянии велись через мисс Томпсон. При необходимости Арнольд влезал на проржавелый велосипед, катил в Хейнби и поверял ей свои неприятности. Симптомы всегда описывались очень приблизительно, и я не ждал, что нога, и правда, окажется «не того» и будет «торчать наружу».

Пожалуй, размышляя я, выезжая на шоссе, даже и неплохо посмотреть на прощание именно Бенджамина. Для пса мелкого фермера имя было пышноватое, но я так никогда и не узнал, за какие свои качества он его получил. Впрочем, он вообще не очень подходил для этой обстановки — плотному бобтейлу больше пристало бы важно прогуливаться по ухоженным газонам аристократического поместья, а не трусить рядом с Арнольдом по каменистым лугам. Это был классический образчик свернутого в трубку мохнатого ковра на четырех лапах, и с первого взгляда трудно было понять, где у него передний конец, а где задний. Но, умудрившись определить, что вот это — голова, вы обнаруживали, что сквозь плотную завесу шерсти на вас поглядывают удивительно добродушные глаза.

По правде говоря, дружелюбие Бенджамина порой бывало слишком уж бурным, особенно зимой, когда, донельзя обрадованный моим неожиданным появлением, он клал мне на грудь широченные лапы, щедро облепленные грязью и навозом. Те же знаки нежного внимания он оказывал и моей машине (обычно после того, как я отмывал ее до блеска) и, обмениваясь дружескими шуточками с Сэмом внутри, изукрашивал стекла и кузов глинистыми отпечатками. Уж когда Бенджамин брался наводить беспорядок, он делал это основательно.

Но на последнем отрезке моего путешествия всякие размышления пришлось оставить. Отчаянно сжимая дергающийся, рвущийся из рук руль, слушая скрипы и стоны рессор и амортизаторов, я против воли ловил себя на мысли — она меня неизменно осеняла, едва я добирался до этого места, — что визиты на ферму мистера Саммергилла обходятся нам в порядочную сумму. Во всяком случае, никакой прибыли остаться не могло, поскольку такая зубодробительная дорога каждый раз обесценивала машину

по крайней мере на пять фунтов. Не будучи автовладельцем, Арнольд не видел причин нарушать ее перевозданное состояние.

Она представляла собой полоску земли и камней шириной шесть футов, прихотливо петлявшую и кружившую по склонам. Трудность заключалась в том, что добраться до фермы можно было, только сначала спустившись в глубокую ложину, а затем поднявшись по лесистому склону, где стоял дом. Особенно жутким был спуск: машина дряжа повисала на каждом гребне, прежде чем ухнуть в глубокие колеи за ним. И каждый раз, слыша, как твердые камни скребут по днищу и глушителю, я тщетно пытался не высчитывать, во сколько фунтов, шиллингов и пенсов может это обойтись.

А когда, выпучив глаза, с трудом удерживаясь, чтобы не разинуть рот, разбрызгивая колесами камешки, я, наконец, на нижней передаче одолел последний подъем перед домом, то, к своему большому удивлению, увидел, что Арнольд ждет меня на крыльце в одиночестве. Я как-то не привык видеть его без Бенджамина.

Он правильно истолковал мой недоумевающий взгляд и ткнул большим пальцем через плечо.

— В доме он! — В глазах у него пряталась тревога, но стоял он в обычной своей позе, расправив широкие плечи, откинув голову.

Я назвал его «старый» (и ему уже перешло за семьдесят), но черты под вязаным колпаком, который он всегда натягивал на уши, были правильными и сильными, а высокая фигура — худощавой и прямой. На него и сейчас было приятно смотреть, а в молодости он, несомненно, мог считаться красавцем, однако он так и не женился. Мне часто казалось, что тут не обошлось без какой-то романтической истории, но его как будто ничуть не удручало, что он живет совсем один, «на отшибе», как говорили в деревне. То есть один, если не считать Бенджамина.

Мы вошли в кухню, и он небрежно согнал с запыленного шкафчика двух кур, но тут я увидел Бенджамина и остановился как вкопанный.

Большой пес сидел неподвижно возле стола — глаза за бахромой шерсти были широко открыты и мутны от страха. Он словно боялся пошевелиться, и, увидев его переднюю левую лапу, я понял почему. На этот раз Арнольд был точен. Она действительно торчала наружу, и как! Под углом, да таким, что сердце у меня забилося с перебоями. Горизонтальный вывих локтевого сустава. Лучевая кость отходила от плечевой в немыслимую сторону.

Я осторожно сглотнул.

— Когда это случилось, мистер Саммергилл?

— Да час назад. — Он растерянно подергал свой смешной головной убор. — Я коров на другой луг перегонял, а старик Бенджамин любит их сзади куснуть разок-другой за ноги. Ну и докусался. Одна его лягнула, да прямо по ноге.

— Ах так... — Мысли вихрем неслись у меня в голове. Я никогда еще не видел такого жуткого вывиха. И теперь, тридцать лет спустя, он остается единственным в моей практике. Как я ухитрюсь вправить его тут, в холмах? Без общей анестезии не обойтись, да и умелый помощник не помешал бы...

— Старина, старина, — сказал я, кладя руку на лохматую голову и лихорадочно соображая, — что же нам с тобой делать?

В ответ хвост заерзал по каменным плитам, дыхание стало пыхтящим, рот полуоткрылся, и блеснули безупречно белые зубы.

Арнольд хрипло кашлянул.

— Вправить-то сумеете?

Но в том-то и заключалась вся суть! Небрежный кивок мог лишь напрасно обнадежить, но и тревожить старика своими сомнениями я не хотел. Отвезти такого гигантского пса в Дарроби будет сложно.

От него и в кухне тесновато, так как же он поместится в машине? И ведь там Сэм, ему тоже нужно место. Да еще нога торчит... И где гарантия, что и в операционной я сумею справиться с подобным вывихом? Но даже в самом лучшем случае его придется везти назад сюда. Мне и до ночи не успеть...

Я осторожно провел пальцами по суставу, напряженно вспоминая все, что мне было известно о строении локтя. Раз нога в таком положении, значит, мышца полностью сместилась с мышелка, и, для того чтобы вернуть ее на место, сустав придется сгибать, пока она не соскочит со второго мышелка.

— Ну-ка, ну-ка, — бормотал я про себя. — Если бы этот пес лежал под наркозом на столе, я бы мог взять ногу вот так! — Я ухватил ее над самым локтевым суставом и начал медленно отгибать лучевую кость вверх. Бенджамин быстро взглянул на меня и отвернул голову: обычное движение, каким добродушные собаки дают вам понять, что будут терпеливо сносить все ваши манипуляции.

Я отогнул кость еще выше, а тогда, удостоверившись, что локтевая мышца высвободилась, осторожно начал поворачивать лучевую и локтевую кости внутрь.

— Да... да... — бормотал я, — примерно так... — Но мой монолог оборвался, потому что кости под моей рукой вдруг чуть спружинили.

Я с изумлением уставился на ногу: она приняла абсолютно нормальный вид.

Бенджамин, по-видимому, тоже не сразу поверил: он робко прищурился из-за своей занавески и обнюхал локтевой сустав. Но тут же, убедившись, что все в порядке, встал и подошел к хозяину.

И шел он, даже не прихрамывая!

Губы Арнольда растянулись в улыбке.

— Вправили, значит!

— Кажется, вправил, мистер Саммергилл! — Я пытался говорить небрежно, но лишь с трудом удерживался, чтобы не испустить ликующего вопля или истерически не захохотать. Я же только ощупывал, чтобы разобратся, а сустав взял и встал на место. Случайность, но какая счастливая!

— Вот и хорошо, — сказал фермер. — А, старина? — Он нагнулся и почесал Бенджамину ухо.

Анатомический театр, полный рукоплещущих студентов, — вот что требовалось для достойного завершения этого эпизода. Или чтобы произошел он в гостиной какого-нибудь миллионера с его обожаемой собакой в разгар званого вечера. Но нет, подобного со мной не случилось! Я поглядел вокруг — на захламленный кухонный стол, на груды невымытой посуды в раковине, на обтрепанные рубашки Арнольда, сохнувшие перед огнем, — и улыбнулся про себя. Именно в такой обстановке я и добивался самых эффектных ре-

зультатов. И видели это помимо Арнольда только две курицы, вновь восседавшие на шкафчике, но они сохранили полное равнодушие.

— Ну, мне пора, — сказал я, и Арнольд пошел со мной через двор к машине.

— Слышал я, вы в армию идете? — сказал он, когда я открыл дверцу.

— Да. Завтра уезжаю, мистер Саммергилл.

— Завтра, э? — Он поднял брови.

— Да, в Лондон. Вам там бывать не приходилось?

— Нет, черт не попутал! — Он так мотнул головой, что колпак переместился на затылок. — Это не для меня.

Я засмеялся.

— Что так?

— А оно вот как. — Он задумчиво поскреб подбородок. — Был я разок в Бротоне, ну и хватит с меня. Ходить по улицам не могу, и все тут.

— Ходить?

— Угу. Народу тьма-тьмушая. То большой шаг делай, то маленький, то большой, то маленький. Ну не идут ноги, и конец!

Я часто видел, как Арнольд ходил по лугам широким ровным шагом горца, которому никто не становится поперек дороги, и я прекрасно понял, каково ему пришлось. «То большой шаг, то маленький» — лучше это выразить было невозможно.

Я помахал на прощание, а старик сказал мне вслед:

— Береги себя, малый!

Из-за двери кухни высунулся нос Бенджамина. В любой другой день он бы вышел проводить меня вместе с хозяином, но нынче все было не как всегда, а в заключение я внезапно накинулся на него и стал крутить ему ногу. Лучше не рисковать!

Я на цыпочках свел машину по лесу вниз, но, прежде чем начать подъем, остановил ее и вылез. Сэм радостно прыгнул за мной.

Это была узкая долинка, зеленая расселина, укрытая от суровых вершин. Одно из преимуществ деревенского ветеринара заключается в том, что ему открываются вот такие потаенные уголки. Здесь не ступала ничья нога, кроме старого Арнольда, — ведь даже почтальон оставлял редкие письма в ящике на столбе у начала дороги — и никто не видел ослепительного багрянца и золота осенних деревьев, никто не слышал лепет и смешки ручья на им же чисто вымытых камнях.

Я пошел по берегу, глядя, как крохотные рыбешки молниями мелькают в прохладной глубине. Весной эти берега пестрели первоцветами, а к маю между стволами разливалось синее море колокольчиков, но сегодня под ясным прозрачным небом свежий воздух был тронут сладостью умирающего года.

Я поднялся по откосу и сел среди уже забронзовевшего папоротника. Сэм по обыкновению улегся рядом со мной, и я гладил шелк его ушей. Склон напротив круто поднимался к поблескивающей обнажившейся полосе известняка у верхнего края обрыва, над которым солнце золотило вереск.

Я оглянулся назад, туда, где из трубы прозрачная струйка дыма поднималась над взлобьем холма, и во мне окрепла уверенность, что эпизод с Бенджамином, заключивший мою деятельность в Дарроуби, стал самым лучшим к ней эпилогом. Маленькая победа, дарящая глубокое удовлетво-

ние, хотя отнюдь не потрясающая мир, — как все остальные маленькие победы и маленькие катастрофы, из которых слагается жизнь ветеринара и которые остаются неизвестными и никем не замеченными.

Накануне вечером, когда Хелен укладывала мой чемодан, я засунул под рубашки и носки «Ветеринарный словарь» Блэка. Том весьма объемистый, но меня ожег страх, что я могу забыть, чему учился, и я тут же придумал взять его с собой, чтобы прочитывать каждый день страницы две, освежая память. И здесь, в папоротнике, я вновь подумал, какое мне выпало счастье — не только любить животных, но и многое знать о них. Внезапно знания эти стали чем-то драгоценным.

Я вернулся к машине и открыл дверцу. Сэм вспрыгнул на сиденье, а я поглядел в другую сторону, туда, где долина кончалась и между двумя склонами виднелась внизу далекая равнина. Безграничное разнообразие нежных оттенков, золото стерни, темные мазки рош, неровная зелень лугов — все это слагалось в чудесную акварель. Я поймал себя на том, что с жадностью, словно впервые, любуюсь пейзажем, который уже столько раз радовал мое сердце, — огромным, чистым, обдуваемым всеми ветрами простором Йоркшира.

Я вернусь сюда, думал я, трогая машину. Назад, к моей работе... к моей тяжелой, честной, чудесной профессии.

Я постоянно твержу моим молодым помощникам, что не стоит расстраиваться, если никто не оценит блистательную операцию — ведь очень часто их будут непомерно восхвалять за какой-нибудь пустяк! Странно! За мою практику мне довелось вправить несколько локтевых вывихов, и каждый раз свидетелем был единственный зритель, не способный оценить происходящее. А жаль, потому что в сущности это же так красиво! Тем не менее операция, которую я проделал в тот день моего рождения без чьей-либо помощи, казалось, обобщила всю мою жизнь до моего призыва в военную авиацию. Такой символический последний визит!

23. Седрик

Голос в трубке был каким-то странно нерешительным.

— Мистер Хэрриот... Я была бы очень вам благодарна, если бы вы приехали посмотреть мою собачку...

Женщина. Вернее, дама.

— Разумеется. А в чем дело?

— Ну-у... он... э... у него... он страдает некоторым метеоризмом.

— Прошу прощения?

Долгая пауза.

— У него сильный метеоризм.

— А конкретнее?

— Ну... полагаю, вы понимаете... ветры... — Голос жалобно дрогнул.

Мне показалось, что я уловил суть.

— Вы хотите сказать, что его желудок...

— Нет-нет, не желудок. Он выпускает... э... порядочное количество... э... ветров из... из... — В голосе появилось отчаяние.

— А-а! — Все прояснилось. — Понимаю. Но ведь ничего серьезного как будто нет? Он плохо себя чувствует?

— Нет. Во всех других отношениях он совершенно здоров.

— Ну и вы все-таки считаете, что мне нужно его посмотреть?

— Да-да, мистер Хэрриот! И как можно скорее. Это становится... стало серьезной проблемой...

— Хорошо, — сказал я. — Сейчас приеду. Будьте так добры, мне надо записать вашу фамилию и адрес.

— Миссис Рамни. «Лавры».

«Лавры» оказались красивым особняком на окраине Дарроуби, стоящим посреди большого сада. Дверь мне открыла сама миссис Рамни, и я был ошеломлен. Не столько даже ее поразительной красотой, сколько эфирностью ее облика. Вероятно, ей было под сорок, но она словно сошла со страниц викторианского романа — высокая, стройная, вся какая-то неземная. И я сразу же понял ее телефонные страдания. Такое воплощение изысканности, деликатности — и вдруг!..

— Седрик на кухне, — сказала она. — Я провожу вас.

Поразил меня и Седрик. Огромный боксер в диком восторге прыгнул ко мне и принялся скрестить мою грудь такими огромными задубелыми лапами, каких мне давно видеть не приходилось. Я попытался сбросить его, но он повторил свой прыжок, восхищенно пыхтя мне в лицо и виляя всем задом.

— Сидеть! — резко сказала дама, а когда Седрик не обратил на нее ни малейшего внимания, добавила нервно, обращаясь ко мне: — Он такой ласковый.

— Да, — еле выговорил я. — Это сразу заметно. — И сбросив, наконец, могучую псину, попятился для безопасности в угол. — И часто этот... э... метеоризм имеет место?

Словно в ответ, почти осязаемая сероводородная волна поднялась от собаки и захлестнула меня. Видимо, радость от встречи со мной активизировала какие-то внутренние процессы в организме Седрика. Я упирался спиной в стену, а потому не мог подчиниться инстинкту самосохранения и бежать, а только заслонил лицо ладонью.

— Вы имели в виду это?

Миссис Рамни помахала перед носом кружевным платочком, и матовую бледность ее щек окрасил легкий румянец.

— Да... — ответила она еле слышно. — Это.

— Ну что же, — произнес я деловито. — Причин для беспокойства нет никаких. Пойдемте куда-нибудь, поговорим о том, как он питается, и обсудим еще кое-что.

Выяснилось, что Седрик получает довольно много мяса, и я составил меню, снизив количество белка и добавив углеводов. Затем прописал ему принимать по утрам и вечерам смесь белой глины с активированным углем и отправился восвояси со спокойной душой.

Случай был пустяковым, и он совсем изгладился у меня из памяти, когда снова позвонила миссис Рамни.

— Боюсь, Седрику не лучше, мистер Хэрриот.

— Очень сожалею. Так он... э... все еще... да... да... — Я задумался. — Вот что. По-моему, снова его смотреть сейчас мне смысла нет, а вы неделю-другую совсем не давайте ему мяса. Кормите его сухарями и ржаным хлебом, подсушенным в духовке. Ну и еще овощи. Я дам вам порошки подмешивать ему в еду. Вы не заехали бы?

Порошки эти обладали значительным абсорбционным потенциалом, и я не сомневался в их действенности, однако неделю спустя миссис Рамни опять позвонила.

— Ни малейшего улучшения, мистер Хэрриот. — В голосе ее слышалась прежняя дрожь. — Я... мне бы хотелось, чтобы вы еще раз его посмотрели.

Особого смысла в том, чтобы снова осматривать абсолютно здоровую собаку, я не видел, но заехать обещал. Вызовов у меня было много, и в «Лавры» я добрался после шести. У подъезда стояло несколько автомобилей, а когда я вошел в дом, то очутился среди гостей, приглашенных на коктейль, — людей одного круга с миссис Рамни и таких же утонченных. По правде говоря, я в своем рабочем костюме выглядел в этом элегантном обществе деревенским пентюхом.

Миссис Рамни как раз намеревалась проводить меня на кухню, но тут дверь распахнулась, и в нее, извиваясь от восторга, влетел Седрик. Секунду спустя джентльмен с лицом эстета уже отчаянно отбивался от огромных лап, весело царапавших ему жилет. Это ему удалось ценой потери двух пуговиц, и боксер принялся ластиться к одной из дам. Еще мгновение — и он сдернул бы с нее платье, но тут я его оттащил.

В изящной гостиной воцарился хаос. Жалобные уговоры хозяйки вплетались в испуганные возгласы при каждой новой атаке дюжего пса, но вскоре я обнаружил, что ситуация осложняется новым элементом. По комнате быстро разливался всепроникающий запах — злополучный недуг Седрика не замедлил дать о себе знать.

Я всячески старался забрать пса из гостиной, но он понятия не имел о послушании, и все мои попытки завершились жалким фиаско.

Одна неловкая минута сменялась другой, и тут-то я и постиг во всей полноте весь ужас положения миссис Рамни. Нет собаки, которая иногда не пускала бы «ветер», но Седрик был особая статья: он пускал его непрерывно. И звуки, сопровождавшие этот процесс, хотя сами по себе были вполне безобидны, в таком обществе вызывали даже большее смущение, чем дальнейшее бесшумное распространение газов.

А Седрик еще подливал масло в огонь: всякий раз, когда раздавался очередной взрыв, он вопросительно поглядывал на свой тыл и принимался выделывать курбеты по всей комнате, словно его взгляд ясно различал веющие по ней зефиры, а он ставил себе целью тут же их изловить.

Казалось, миновал год, прежде чем мне удалось изгнать его из гостиной. Миссис Рамни придерживала дверь открытой, когда я начал оттеснять Седрика в направлении кухни, но могучий боксер еще не истощил свои ресурсы, по дороге он внезапно задрал заднюю ногу, и мощная струя оросила острую, как бритва, складку модных брюк.

После этого вечера я ринулся в бой ради миссис Рамни. Ведь ей моя помощь была необходима как воздух, и я наносил Седрику визит за визитом, пробуя все новые и новые средства. Я проконсультировался у Зигфрида, и он рекомендовал диету из сухарей с древесным углем. Седрик поглощал их с видимым наслаждением, но и они ни на йоту не помогли.

А я все это время ломал голову над загадкой миссис Рамни. Она жила в Дарроуби уже несколько лет, но никто о ней ничего не знал. Неизвестно было даже, вдова она или разъехалась с мужем. Но меня такие подробнос-

ти не интересовали. Интриговала меня куда более жгучая тайна: каким образом она навязала себе на шею такого пса, как Седрик?

Трудно было вообразить собаку, менее гармонизированную с ее личностью. Даже не считая его беды, он во всем являлся полной ее противоположностью: дюжий, буйный, туповатый душа-парень, совершенно неуместный в ее утонченном доме. Я так и не узнал, что и почему их связало, но во время моих визитов я узнал, что и у Седрика есть свой поклонник — бывший батрак, Кон Фентон, подрабатывающий как приходящий садовник и три дня в неделю трудившийся в «Лаврах». Боксер кинулся провожать меня к воротам, и старик с восхищением уставился на него.

— Ух, черт! — сказал он. — Отличный пес!

— Вы правы, Кон — ответил я. — Очень симпатичный.

И я не кривил душой. При более близком знакомстве устоять перед дружелюбием Седрика было трудно. На редкость ласковый — ни злости, ни даже капли подлости, он был постоянно окружен ореолом не только зловония, но и искренней доброжелательности. Когда он отрывал у людей пуговицы или орошал их брюки, двигало им исключительно желание излить на них свою симпатию.

— Вот уж ляжки, так ляжки! — благоговейно прошептал Кон, с восторгом глядя на мускулистые ноги пса. — Ей-богу, он перемахнет через эту калитку и даже ее не заметит. Одно слово, стоящая собака.

И вдруг меня осенило, почему боксер так ему понравился. Между ним и Седриком было явное сходство — тоже не слишком обременен мозгами, сложен как бык, могучие плечи, широкая, вечно ухмыляющаяся физиономия — ну просто два сапога пара.

— Люблю я, когда хозяйка его в сад выпускает, — продолжал Кон, как обычно посапывая. — Уж с ним не соскучишься.

Я внимательно в него всмотрелся. Впрочем, он мог и не заметить особенности Седрика: ведь виделись они под открытым небом.

Всю дорогу домой я уныло размышлял над тем, что от моего лечения пользы Седрику нет никакой. Конечно, переживать по такому поводу казалось смешным, тем не менее ситуация начала меня угнетать, и моя тревога передалась Зигфриду. Он как раз спускался с крыльца, когда я вылез из машины, и его ладонь сочувственно опустилась на мое плечо.

— Вы из «Лавров», Джеймс? Ну как вы нашли нынче вашего пукающего боксера?

— Боюсь, без изменений, — ответил я, и мой коллега сострадательно покачал головой.

Мы оба потерпели поражение. Возможно, существой тогда хлорофилловые таблетки, от них и была бы польза, но все тогдашние средства я перепробовал без малейших результатов. Положение выглядело безвыходным. И надо же, чтобы владелицей такой собаки была миссис Рамни! Даже обидками обсуждать с ней Седрика было невыносимо.

От Тристана тоже проку оказалось никакого. Он весьма разборчиво решал, какие наши пациенты заслуживают его внимания, но симптомы Седрика сразу внушили ему интерес, и он во что бы то ни стало захотел сопровождать меня в «Лавры». Но этот визит для него оказался последним.

Могучий пес прыгнул нам навстречу, покинув свою хозяйку, и, словно нарочно, приветствовал нас особенно звучным залпом.

Тристан тотчас вскинул руку театральным жестом и продекламировал: — О, говорите, вы, губы нежные, что никогда не лгали!

Больше я Тристана с собой не брал: мне и без него было тошно.

Тогда я еще не знал, что впереди меня поджидает даже более тяжкий удар. Несколько дней спустя опять позвонила миссис Рамни.

— Мистер Хэрриот, моя приятельница хочет привезти ко мне свою прелестную боксершу, чтобы связать ее с Седриком.

— А?

— Она хочет повязать свою суку с Седриком.

— С Седриком?.. — Я уцепился за край стола. Не может быть! — И вы согласились?

— Ну конечно.

Я помотал головой, проверяя, не снится ли мне это. Неужто кто-то хочет получить от Седрика потомство? Я уставился на телефон, и перед моим невидящим взором проплыли восемь маленьких Седриков, которые все унаследовали особенность своего родителя... Да что это я? По наследству это не передается... Я кашлянул, взял себя в руки и сказал твердым голосом:

— Что же, миссис Рамни, раз вы так считаете.

Наступила пауза.

— Но, мистер Хэрриот, я хотела бы, чтобы это произошло под вашим наблюдением.

— Право, не вижу, зачем! — Я сжал кулак так, что ногти впились в ладонь. — Мне кажется, все будет хорошо и без меня.

— Ах, я буду гораздо спокойнее, если вы приедете. Ну пожалуйста! — умоляюще сказала она.

Вместо того чтобы испустить заунывный стон, я судорожно втянул воздух в грудь.

— Хорошо. Утром приеду.

Весь вечер меня терзали дурные предчувствия. Впереди предстояло еще одно мучительное свидание с этой прелестной дамой. Ну почему мне все время выпадает на долю делить с ней эпизоды один другого непристойнее? И я искренне страшился худшего. Даже самый глупый кобель при виде сучки с течкой инстинктивно знает, что от него требуется. Но такой призовой идиот, как Седрик... Да, на душе у меня было смутно.

На следующее утро все худшие мои страхи оправдались. Труды, боксерша, оказалась изящным, относительно миниатюрным созданием и выражала полную готовность выполнить свою роль. Однако Седрик, хотя и впал при виде ее в неистовый восторг, на этом и остановился. Хорошенько ее обнюхав, он с идиотским видом затанцевал вокруг, высунув язык. После чего покатался по траве, затем ринулся к Труды, резко затормозил перед ней, раздвинув широкие лапы и наклонив голову, готовый затеять веселую возню. У меня вырвался тяжелый вздох. Так я и знал! Этот балбес-переросток представления не имел, что ему делать дальше.

Пантомима продолжалась, и, естественно, эмоциональное напряжение возымело обычный эффект. Теперь Седрик то и дело оглядывался с изумлением на свой хвост, будто в жизни ничего подобного не слышал.

Свои танцы он перемежал стремительными пробежками вокруг газона, но после десятой, видимо, решил, что ему все-таки следует заняться сукой.

Он решительно направился к ней, и я затаил дыхание. К несчастью, зашел он не с того конца. Труды сносила его штучки с кротким терпением, но теперь, когда он лихо принял за дело около ее левого уха, она не выдержала и, пронзительно твякнув, куснула его заднюю ногу, так что он в испуге отскочил. После этого при каждом его приближении она угрожающе скалила зубы, явно разочаровавшись в своем нареченном, и с полным на то основанием.

— Мне кажется, миссис Рамни, с нее достаточно, — сказал я.

С меня тоже было более чем достаточно, как и с миссис Рамни, судя по ее прерывистому дыханию, заалевшим щекам и колышущемуся возле носа платочку.

— Да... конечно... Вероятно, вы правы, — ответила она.

Труды увезли домой, на чем карьера Седрика как производителя и окончилась.

А я решил, что наступило время поговорить с миссис Рамни, и несколько дней спустя заехал в «Лавры» без приглашения.

— Возможно, вы сочтете, что я слишком много на себя беру, — сказал я, — но, по моему глубокому убеждению, Седрик для вас не подходит. Настолько, что просто портит вам жизнь.

Глаза миссис Рамни расширились.

— Ну-у... Конечно, в некоторых отношениях с ним трудно... но что вы предлагаете?

— По-моему, вы должны завести другую собаку. Пуделя или корги. Небольшую. Чтобы вам просто было с ней справляться.

— Но, мистер Хэрриот, я подумать не могу, чтобы Седрика усыпили! — На глаза у нее навернулись слезы. — Я ведь очень к нему привязалась, несмотря на его... Несмотря ни на что.

— Ну что вы! Мне он тоже нравится. В общем-то он большой симпатяга. Но я нашел выход. Почему бы не отдать его Кону?

— Кону?

— Ну да. Он от Седрика просто без ума, а псу у старика будет неплохо. За тем домом большой луг, Кон даже скотину держит. Седрику будет где побегать. А Кон сможет приводить его с собой сюда, и три раза в неделю вы будете с ним видаться.

Миссис Рамни некоторое время молча смотрела на меня, но ее лицо озарилось надеждой.

— Вы знаете, мистер Хэрриот, это было бы отлично. Но вы уверены, что Кон его возьмет?

— Хотите держать пари? Он же старый холостяк и, наверное, страдает от одиночества. Вот только одно... обычно они встречаются в саду. Но когда Седрик в четырех стенах начнет... когда с ним случится...

— Думаю, это ничего, — быстро перебила миссис Рамни. — Кон брал его к себе на неделю-другую, когда я уезжала отдыхать, и ни разу не упомянул... ни о чем таком...

— Вот и прекрасно! — Я встал, прощаясь. — Лучше поговорите со стариком, не откладывая.

Миссис Рамни позвонила мне через два-три дня. Кон уцепился за ее предложение, и они с Седриком как будто очень счастливы вместе. А она последовала моему совету и взяла щенка пуделя.

Увидел я этого пуделя только через полгода, когда понадобилось полечить его от легкой экземы. Сидя в элегантной гостиной, глядя на миссис Рамни, подтянутую, безмятежную, изящную, с белым пудельком на коленях, я невольно восхитился гармоничностью этой картины. Пышный ковер, бархатные гардины до пола, хрупкие столики с дорогими фарфоровыми безделушками и миниатюрами в рамках. Нет, Седрику тут было нечего делать.

Кон Фентон жил всего в полумиле, и я, вместо того чтобы прямо вернуться в Скелдейл-Хаус, свернул туда, поддавшись минутному импульсу. Я постучал. Старик открыл дверь, и его широкое лицо стало еще шире от радостной улыбки.

— Входи, парень! — воскликнул он с обычным своим странным посапыванием. — Вот уж гость так гость!

Я не успел переступить порога тесной комнатушки, как в грудь мне уперлись тяжелые лапы. Седрик не изменил себе, и я с трудом добрался до колченогого кресла у очага. Кон уселся напротив, а когда боксер прыгнул, чтобы облизать ему лицо, дружески стукнул его кулаком между ушами.

— Сидеть, очумелая твоя душа! — прикрикнул Кон с нежностью, и Седрик блаженно опустился на ветхий половичок, с обожанием глядя на своего нового хозяина.

— Что же, мистер Хэрриот, — продолжал Кон, начиная набивать трубку крепчайшим на вид табаком, — очень я вам благодарен, что вы мне такого пса сподобили. Одно слово, редкостный пес, и я его ни за какие деньги не продам. Лучшего друга днем с огнем не сыщешь.

— Вот и прекрасно, Кон, — ответил я. — И, как вижу, ему у вас живет-ся лучше некуда.

Старик раскурил трубку, и к почерневшим балкам низкого потолка поднялся клуб едкого дыма.

— Ага! Он ведь все больше снаружи околачивается. Такому большому псу надо же выход силе давать.

Но Седрик в эту минуту дал выход отнюдь не силе, потому что от него повеяло знакомой вонью, заглушившей даже вонь табака. Кон сохранял полное равнодушие, мне же в этом тесном пространстве чуть не стало дурно.

— Ну что же! — с трудом просипел я. — Мне пора. Я только на минутку завернул поглядеть, как вы с ним устроились.

Торопливо поднявшись с кресла, я устремился к двери, но душная волна накатила на меня с новой силой. Проходя мимо стола с остатками обеда, я увидел единственное украшение этого убогого жилища: надреснутую вазу с великолепным букетом гвоздик. Чтобы перевести дух, я уткнулся лицом в их благоуханную свежесть.

Кон одарил меня одобрительным взглядом.

— Хороши, а? Хозяйка в «Лаврах» позволяет мне брать домой хоть цветы, хоть что там еще, а гвоздики — они самые мои любимые.

— И делают вам честь! — искренне похвалил я, все еще пряча нос среди душистых лепестков.

— Так-то так, — произнес он задумчиво, — только вот радости мне от них меньше, чем вам.

— Почему же, Кон?

Он попытлел трубкой.

— Замечали, небось, как я говорю? Не по-человечески вроде?

— Да нет... нет... нисколько.

— Уж что там! Это у меня с детства так. Вырезали мне полипы, ну и подпортили малость.

— Вот как...

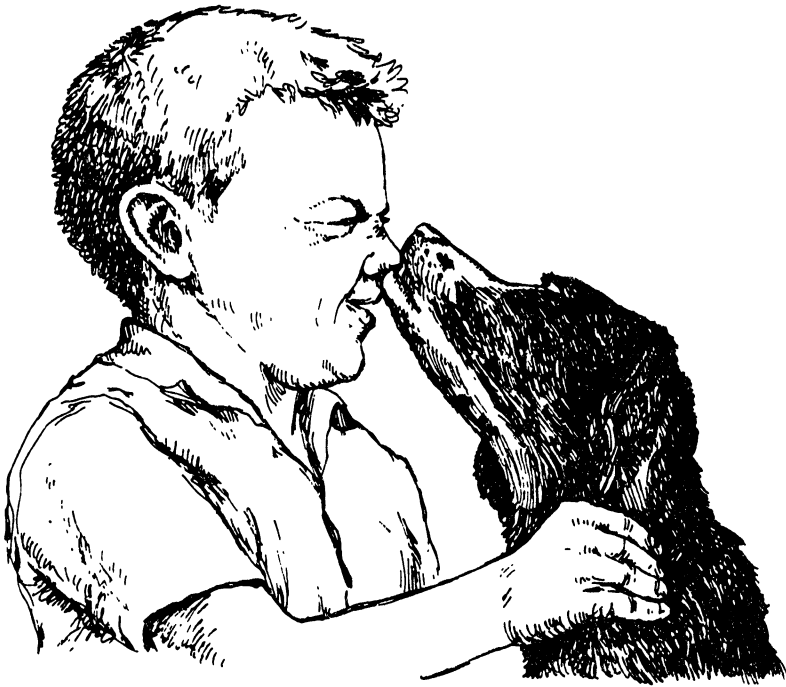
— Оно, конечно, пустяки, только кое-чего я лишился.

— Вы хотите сказать, что... — У меня в мозгу забрезжил свет: вот каким образом человек и собака обрели друг друга, вот почему им так хорошо друг с другом. И счастливое совместное будущее им обеспечено. Перст судьбы, не иначе.

— Ну да, — грустно закончил старик. — Обоняния у меня нет. Ну прямо никакого.

Тягостное смущение, в которое меня ввергала злополучная слабость Седрика, объяснялось главным образом тем, что миссис Рамни была такой изящной, такой не от мира сего. И обсуждать с ней подробные земные предметы было смертельной мукой. И еще одно. Сорок лет назад в благовоспитанном обществе даже намек на нечто подобное был полным табу. Теперь времена другие, что я особенно остро осознал, когда очаровательнейшая старая дама подошла ко мне в харрогитском магазине и, прикоснувшись к моему локтю, сказала:

— Ах, мистер Хэрриот, мне так понравился ваш рассказ о пердящем боксере!

24. Уэс

Шутиху в щель для писем подбросил Уэсли Бинкс. Я побежал на звонок по темному коридору, и тут она взорвалась у самых моих ног, так что я от неожиданности просто взвился в воздух.

Распахнув дверь, я посмотрел по сторонам. Улица была пуста, но на углу, где фонарь отражался в витрине Робсона, мелькнула неясная фигура, и до меня донеслись отголоски ехидного смеха. Сделать я ничего не мог, хотя и знал, что где-то там прячется Уэсли Бинкс.

Я уныло вернулся в дом. Почему этот паренек с таким упорством допекает меня? Чем я мог досадить так десятилетнему мальчишке? Я никогда его не обижал, и тем не менее он явно вел против меня продуманную кампанию.

Впрочем, тут, возможно, не было ничего личного. Просто в его глазах я символизировал власть, установленный порядок вещей — или же просто оказался удобным объектом.

Бесспорно, я был прямо-таки создан для его излюбленной шуточки со

звонком: ведь не пойти открывать я не мог — а вдруг это клиент? От приемной и от операционной до прихожей было очень далеко, и он знал, что всегда успеет удрать. К тому же он иногда заставлял меня спускаться из нашей квартирки под самой крышей. И как было не вспылить, если, проделав длиннейший путь до входной двери и открыв ее, я видел только гримасничающего мальчишку, который злорадно приплясывал на безопасном расстоянии!

Иногда он менял тактику и просовывал в щель для писем всякий мусор или обрывал цветы, которые мы выращивали в крохотном палисаднике, или писал мелом на моей машине всякие слова.

Я знал, что кроме меня есть и другие жертвы. Мне приходилось слышать их жалобы — хозяина фруктовой лавки, чьи яблоки исчезали из ящика в витрине, бакалейщика, против воли угощавшего его печеньем.

Да, бесспорно, он был городской язвой, и непонятно, почему его нарекли в честь Уэсли, добродетельнейшего основателя методизма. В его воспитании явно не проглядывало никаких следов методистских заповедей. Впрочем, о его семье я ничего не знал. Жил он в беднейшей части Дарроуби, во «дворах», где теснились ветхие домишки, многие из которых стояли пустыми, потому что могли вот-вот рухнуть.

Я часто видел, как он бродит по лугам и проселкам или удит рыбу в тихих речных заводях в то время, когда должен был бы сидеть в школе на уроках. Стоило ему заметить меня, как он выкрикивал ядовитую насмешку, и если с ним были приятели, все они покатывались от хохота. Неприятно, конечно, но я напоминал себе, что ничего личного тут нет, — просто я взрослый, и этого достаточно.

Решающую победу Уэсли, бесспорно, одержал в тот день, когда снял защитную решетку с люка нашего угольного подвала. Она находилась слева от входной двери, а под ней был крутой скат, по которому в подвал сыпали уголь из мешков.

Не знаю, была ли это случайность или тонкий расчет, но решетку он убрал в день местного праздника. Торжества начинались шествием через весь городок, и во главе шел Серебряный оркестр, приглашавшийся из Холтона.

Выглянув в окно нашей квартирки, я увидел, что шествие выстраивается на улице внизу.

— Погляди-ка, Хелен, — сказал я. — Они, по-видимому, пойдут отсюда. Там полно знакомых лиц.

Хелен нагнулась через мое плечо, разглядывая длинные шеренги школьников, школьниц и ветеранов. На тротуарах теснилось чуть ли не все население городка.

— Очень интересно! Давай спустимся и посмотрим, как они пойдут.

Мы сбегали по длинным лестничным маршам, и вслед за ней я вышел на крыльцо. И тут же оказался центром общего внимания. Зрителям на тротуарах представилась возможность в ожидании шествия поглазеть на что-то еще. Маленькие школьницы принялись махать мне из стройных рядов, люди вокруг и на противоположной стороне улицы улыбались и кивали.

Я без труда догадывался об их мыслях: «А вон из дома вышел новый ветеринар. Он на днях женился. Вон его хозяйка рядом с ним».

Меня охватило удивительно приятное чувство. Не знаю, все ли молодые мужья его испытывают, но в те первые месяцы меня не оставляло ощущение тихой и прочной радости. И я гордился тем, что я «новый ветеринар» и стал в городке своим. Возле меня на решетке, как символ моей значимости, висела дощечка с моей фамилией. Теперь я прочно стоял на ногах, я получил признание!

Поглядывая по сторонам, я отвечал на приветствия легкими, полными достоинства улыбками или любезно помахивал рукой, точно особа королевской крови во время торжественного выезда. Но тут я заметил, что мешаю Хелен смотреть, а потому сделал шаг влево, ступил на исчезнувшую решетку — и изящно скатился в подвал.

Эффектнее было бы сказать, что я внезапно исчез из виду, словно земля разверзлась и поглотила меня. Но к большому моему сожалению, этого не случилось. Тогда я просто отсиделся бы в подвале и был бы избавлен от дальнейших испытаний. Увы, скат оказался коротким, и мои голова и плечи остались торчать над тротуаром.

Мое небольшое злоключение вызвало огромное оживление среди зрителей. Шествие было на время забыто. На некоторых лицах отразилась тревога, но вскоре хохот стал всеобщим. Взрослые хватались друг за друга, а маленькие школьницы, расстроив ряды, буквально валились с ног, и распорядители тщетно пытались восстановить порядок.

Я парализовал и музыкантов Серебряного оркестра, которые уже подносили к губам мундштуки своих труб, чтобы дать сигнал к выступлению. Им на время пришлось отказаться от этой идеи: вряд ли хоть у кого-нибудь хватило бы сил подуть даже в детскую свистульку.

Собственно говоря, на свет божий меня извлекли именно два музыканта, подхватив под мышки. А моя жена, вместо того чтобы протянуть мне руку помощи, изнемогала у дверного косяка от смеха под моим укоризненным взглядом, утирая глаза платочком.

Что произошло, я понял, когда вновь достиг уровня тротуара и начал с небрежным видом отряхивать брюки от угольной пыли. Вот тут я и увидел Уэсли Бинкса: согнувшись от хохота в три погибели, он показывал пальцем на меня и на угольный люк. Он был совсем близко к толпе зрителей, и я впервые мог как следует рассмотреть злобного бесенка, который так меня допекал. Наверное, я бессознательно шагнул в его сторону, ибо он мгновенно исчез в толпе, ухмыльнувшись напоследок по моему адресу.

Вечером я спросил про него у Хелен. Но она знала только, что отец Уэсли бросил семью, когда мальчику было лет шесть, а его мать потом снова вышла замуж, и он живет с ней и с отчимом.

По странному стечению обстоятельств мне вскоре представился случай познакомиться с ним покороче. Примерно неделю спустя после моего падения в угольный подвал, когда рана, нанесенная моему самолюбию, еще не зажила, я, заглянув в приемную, увидел, что там в одиночестве сидит Уэсли, то есть в одиночестве, если не считать тошей черной собачонки у него на коленях.

Я просто не поверил своим глазам. Сколько раз отшлифовывал я фразы, приготовленные именно на этот случай! Однако из-за собаки я сдержался: если ему требовалась моя профессиональная помощь, я не имел права начинать с нотаций. Может быть, потом...

Я надел белый халат и вышел к нему.

— Чем могу служить? — спросил я холодно.

Мальчик встал, и выражение вызова, смешанного с отчаянием, сказало, чего ему стоило прийти сюда.

— С собакой у меня неладно, — буркнул он.

— Хорошо. Неси ее сюда. — Я пошел впереди него в смотровую.

— Пожалуйста, положи ее на стол, — сказал я и, пока он укладывал собачонку на стол, решил, что не стоит упускать случая. Осматривая собаку, я небрежно коснусь недавних событий. Нет, никаких упреков, никаких язвительных укоров, а просто спокойный разбор ситуации. И я уже собрался сказать: «Почему ты все время устраиваешь мне пакости?», но взглянул на собаку, и все остальное вылетело у меня из головы.

Собственно, это был полувзрослый щенок самых смешанных кровей. Свою черную гляцевую шерсть он, наверное, получил от лабрадора, а острый нос и небольшие вздернутые уши говорили, что среди его предков присутствовал терьер, но длинный, тонкий, как веревочка, хвост и кривые передние ноги поставили меня в тупик. Тем не менее он был очень симпатичным, с доброй выразительной мордочкой.

Но все мое внимание поглотили желтые комочки гноя в уголках его глаз и гнойная слизь, текущая из носа. И боязнь света: болезненно зажмурившись, песик отвернулся от окна.

Классический случай собачьей чумы определить очень просто, но удовлетворения при этом не испытываешь ни малейшего.

— А я и не знал, что ты обзавелся щенком. Давно он у тебя?

— С месяц. Один парень спер его из живодерни в Хартингтоне и продал мне.

— Ах так! — Я смерил температуру и несколько не удивился, увидев, что столбик ртути поднялся до 40 градусов.

— Сколько ему?

— Девять месяцев.

Я кивнул — самый скверный возраст.

И начал задавать все положенные вопросы, хотя знал ответы заранее. Да, последние недели песик вроде бы попритих. Да нет, не болел, а как-то заскучал и иногда кашлял. Ну и, разумеется, мальчик забеспокоился и принес его ко мне, только когда начались гнойные выделения из глаз и носа. Именно на этой стадии нам обычно и доводится осматривать чумных животных — когда уже поздно.

Уэсли отвечал, настороженно и насупленно поглядывая на меня, словно в любую секунду ожидал получить затрещину. Но теперь, когда я рассмотрел его поближе, моя враждебность быстро рассеялась. Адский бесенок оказался просто ребенком, до которого никому не было дела. Грязный свитер с протертыми локтями, обтрепанные шорты и кислотный запах детского, давно не мытого тела, который особенно меня ужаснул. Мне и в голову не приходило, что в Дарруоби могут быть такие дети.

Кончив отвечать, он собрался с духом и выпалил свой вопрос:

— Что с ним такое?

После некоторого колебания я ответил:

— У него чума, Уэс.

— Это что же?

— Тяжелая заразная болезнь. Наверное, он подхватил ее у другой, уже больной собаки.

— А он выздоровеет?

— Будем надеяться. Я сделаю все, что можно. — У меня не хватило мужества сказать мальчику, что его четвероногий друг скорее всего погибнет.

Я набрал в шприц мактериновую смесь, которую мы тогда применяли при чуме от возможных осложнений. Большого проку от нее не было, но ведь и теперь, со всеми нашими антибиотиками, мы почти не можем повлиять на окончательный исход. Если удастся захватить болезнь на ранней стадии, инъекция гипериммунной сыворотки может дать полное излечение, но хозяева собак редко обращаются к ветеринару так рано.

От укола щенки заскулили, и мальчик ласково его погладил.

— Не бойся, Принц, — сказал он.

— Значит, ты его так назвал? Принцем?

— Ну да. — Он потрепал шелковистые уши, а песик повернулся, взмахнул нелепым хвостом-веревочкой и быстро лизнул его пальцы. Уэс улыбнулся, поглядел на меня, и вдруг с чумазого лица исчезла угрюмая маска, а в темных ожесточенных глазах я прочел выражение восторженной радости. Я выругался про себя: значит, будет еще тяжелее.

Я отсыпал в коробочку борной кислоты и протянул ее мальчику.

— Растворяй в воде и промывай ему глаза и нос. Видишь, ноздри у него совсем запеклись. Ему сразу станет полегче.

Уэс молча взял коробочку и почти тем же движением положил на стол три с половиной шиллинга — наш обычный гонорар за консультацию.

— А когда мне с ним опять прийти?

Я нерешительно посмотрел на мальчика. Конечно, можно было повторить инъекцию, но что она даст? Он истолковал мои колебания по-своему.

— Я заплачу! — воскликнул он. — Я заработаю сколько нужно!

— Да нет, Уэс. Я просто прикидываю, когда будет удобнее. Как насчет четверга?

Он радостно закивал и ушел.

Дезинфицируя стол, я испытывал гнетущее чувство беспокойства. Современный ветеринар реже сталкивается с собачьей чумой просто потому, что теперь люди стараются сделать щенку предохранительные прививки как можно раньше. Но в тридцатые годы такие счастливицы среди собак были редкостью. Чуму легко предупредить, но почти невозможно вылечить.

За следующие три недели Уэсли Бинкс преобразился самым волшебным образом. У него уже была прочная репутация заядлого бездельника, теперь же он стал образцом трудолюбия и усердия — разносил газеты по утрам, вскапывал огороды, помогал гуртовщикам гнать скот на рынок. Но, вероятно, только я знал, что делает он все это ради Принца.

Каждые два-три дня он являлся с щенком на прием и платил с щепетильной точностью. Разумеется, я брал с него чисто символическую сумму, но все остальные его деньги тоже уходили на Принца — на свежее мясо, молоко, сухарики.

— Принц сегодня выглядит настоящим щеголем, — сказал я, когда Уэс пришел в следующий раз. — А, да ты купил ему новый ошейник с поводком?

Мальчик застенчиво кивнул и напряженно посмотрел на меня:

— Ему лучше?

— Не лучше и не хуже, Уэс. Такая уж эта болезнь — тянется и тянется без особых перемен.

— А когда... Вы это заметите?

Я задумался. Может быть, ему станет легче, если он поймет настоящее положение вещей.

— Видишь ли, дело обстоит так: Принц поправится, если ему удастся избежать нервных осложнений.

— А что это?

— Припадки, паралич и еще хорея — когда мышцы сами дергаются.

— Ну а если они начнутся?

— Тогда худо. Но ведь осложнения бывают не всегда. — Я попытался ободряюще улыбнуться. — И у Принца есть одно преимущество — он полукровка. У собак смешанных пород есть такая штука — гибридная стойкость, которая помогает им бороться с болезнями. Он же ест неплохо и не кукуется, верно?

— Ага!

— Ну так будем продолжать. Сейчас я сделаю ему еще одну инъекцию. Мальчик вернулся через три дня, и по его лицу я догадался, что ему не терпится сообщить замечательную новость.

— Принцу куда лучше! Глаза и нос у него совсем сухие, а ест что твоя лошадь! — Он даже задышался от волнения.

Я поднял щенка на стол. Да, действительно, он выглядел намного лучше, и я постарался поддержать ликующий тон.

— Просто замечательно, Уэс! — сказал я, а мозг мне сверлила тревожная мысль: если начнет развиваться нервная форма, то именно сейчас, когда собака как будто пошла на поправку. Я отогнал ее. — Ну раз так, вам можно больше сюда не ходить, но внимательно следи за ним и, чуть заметишь что-нибудь необычное, сразу же веди его ко мне.

Маленький оборвыш сиял от восторга. Он буквально приплясывал в коридоре, а я до глубины души надеялся, что больше его и Принца не увижу.

Это произошло в пятницу вечером, а в понедельник вся история уже отодвинулась в прошлое, в категорию приятных воспоминаний. Но тут в приемную вошел Уэс, ведя на поводке Принца. Я сидел за письменным столом и заполнял ежедневник.

— Что случилось, Уэс? — спросил я, поднимая голову.

— Его дергает.

Я не пошел с ним в смотровую, а тут же сел на пол и стал вглядываться в щенка. Сначала я ничего не обнаружил, но потом заметил, что голова у него чуть-чуть подрагивает. Я положил ладонь ему между ушами и выждал. Да, вот оно: очень легкое, но непрерывное подергивание височных мышц, которого я так опасался.

— Боюсь, у него хорея, Уэс, — сказал я.

— А это что?

— Помнишь, я тебе говорил. Иногда ее называют пляской святого Вита. Я надеялся, что она у него не начнется.

Мальчик неожиданно стал очень маленьким, очень беззащитным. Он

стоял понурившись и вертел в пальцах новый поводок. Заговорить ему было так трудно, что он даже закрыл глаза.

— Он что, умрет?

— Иногда собаки выздоравливают от хорей, Уэс. — Но я не сказал ему, что сам видел только один такой случай. — У меня есть таблетки, которые могут ему помочь. Сейчас я тебе их дам.

Я отсыпал ему горсть таблеток с мышьяком, которые давал той единственной вылеченной мной собаке. Я даже не был уверен, что ей помогли именно они. Но иного средства все равно не было. Следующие две недели хорея у Принца протекала точно по учебнику. Все, чего я так боялся, происходило с беспощадной последовательностью. Подергивание распространилось с головы на конечности, потом при ходьбе он начал вилять задом.

Уэсли чуть не каждый день приводил его ко мне, и я что-то делал, одновременно стараясь показать, что положение безнадежно. Но мальчик упрямо не отступал. Он с еще большей энергией разносил газеты, брался за любую работу и обязательно мне платил, хотя я не хотел брать денег. Потом он пришел один.

— Принца я не привел, — пробормотал он. — Он ходить не может. Вы бы не съездили посмотреть его?

Мы сели в машину. Было воскресенье, и, как всегда, к трем часам улицы обезлюдели. Уэс провел меня через мощный булыжником двор и открыл дверь. В нос ударил душный запах. Сельский ветеринар быстро отучается от брезгливости, и все-таки меня затошнило. Миссис Бинкс, неряшливая толстуха в каком-то бесформенном балахоне, с сигаретой во рту, читала журнал, положив его на кухонном столе между грудями грязных тарелок, и только тряхнула папильотками, когда мы вошли.

На кушетке под окном храпел ее муж, от которого разлило пивом. Раковину, тоже заваленную грязной посудой, покрывал какой-то отвратительный зеленый налет. На полу валялись газеты, одежда и разный непонятный хлам, и над всем этим в полную мощь гремело радио.

Чистой и новой здесь была только собачья корзинка в углу. Я прошел туда и нагнулся над щенком. Принц бессильно вытянулся, его исхудавшее тело непрерывно дергалось. Ввалившиеся глаза, вновь залитые гноем, безучастно смотрели прямо перед собой.

— Уэс, — сказал я. — Его лучше усыпить.

Он ничего не ответил, а ревущее радио заглушило мои слова, когда я попытался объяснить. Я повернулся к его матери.

— Вы не могли бы выключить радио?

Она кивнула сыну, он подошел к приемнику и повернул ручку. В наступившей тишине я сказал Уэсли:

— Поверь мне, ничего другого не остается. Нельзя же допустить, чтобы он вот так мучился, пока не умрет.

Мальчик даже не посмотрел на меня, его взгляд был устремлен на щенка. Потом он поднес руку к лицу, и я услышал тихий шепот:

— Ладно...

Я побежал в машину за нембуталом.

— Не бойся, ему совсем не будет больно, — сказал я, наполняя шприц. И действительно, щенок только глубоко вздохнул. Потом он вытянулся, и роковая дрожь утихла навсегда. Я положил шприц в карман.

— Я его заберу, Уэс?

Он поглядел на меня непонимающими глазами, но тут вмешалась его мать:

— Забирайте, забирайте его! Я с самого начала не хотела эту дрянь в дом пускать! — И она снова погрузилась в свой журнал.

Я быстро поднял обмякшее тельце и ушел. Уэс вышел следом за мной и смотрел, как я бережно кладу Принца в багажник на мой черный сложенный халат. Когда я захлопнул крышку, он прижал кулаки к глазам и весь затрясся от рыданий. Я обнял его за плечи, и, пока он плакал, прижавшись ко мне, я подумал, что, наверное, ему еще никогда не доводилось плакать вот так — как плачут дети, когда их есть кому утешить.

Но вскоре он отодвинулся и размазал слезы по грязным щекам.

— Ты вернешься домой, Уэс? — спросил я.

— Не-а, — ответил он, повернулся и зашагал через улицу. Я смотрел, как он, не оглянувшись, перелез через ограду и побрел по лугу к реке.

И мне почудилось, что я вижу, как он возвращается к своему прежнему существованию. С тех пор он уже не разносил газет и никому не помогал в огороде. Меня он больше не допекал, но поведение его становилось все более ожесточенным. Он поджигал сарай, был арестован за кражу, а в тринадцать лет начал угонять автомобили.

В конце концов его отправили в специальную школу, и он навсегда исчез из наших краев. Никто не знал, что с ним случилось, и почти все его забыли. Среди тех, кто не забыл, был наш полицейский.

— Этот парнишка, Уэсли Бинкс, помните? — как-то сказал он мне задумчиво. — Второго такого закоренелого я еще не встречал. По-моему, он в жизни никого и ничего не любил. Ни единого живого существа.

— Я понимаю вас, — ответил я. — Но вы не вполне правы. Было одно живое существо...

Святая истина — любовь к животному, необходимость заботиться о нем нередко оказывают решающее влияние на детей и подростков. Эта история, кроме того, наглядно иллюстрирует ужасы собачьей чумы, и, когда я вижу в нашей приемной нескончаемую очередь людей, приведших щенков для прививки, я радуюсь, что теперь у нас есть средство обезвредить эту страшную болезнь.

25. *Забинтованный палец*

Рори держал поросят, а я их кастрировал. Поросят было много, и я торопился, не замечая, что работник, ирландец по происхождению, все больше нервничает. Его молодой хозяин ловил поросят и передавал ему, а он зажимал их между колен мордочкой вниз и разводил им задние ноги. Я быстро вскрывал мошонку и извлекал яички, чуть-чуть не задевая грубую материю рабочих брюк Рори.

— Ради Господа, поосторожнее, мистер Хэрриот! — не выдержал ирландец.

Я удивленно поднял на него глаза.

— В чем дело, Рори?

— Да ваш чертов ножик! Машете им у меня промеж ног, точно чертов индеец! Покалечите меня, как пить дать.

— Да уж поберегитесь, мистер Хэрриот! — воскликнул молодой фермер. — Не охолостите Рори взамен поросся. Такого его хозяйка вам не спустит!

Он захохотал, ирландец смущенно улыбнулся, а я хихикнул, что мне даром не прошло. Всего секунда невнимания — и скальпель располосовал указательный палец на левой руке.

Мгновенно все вокруг обагрилось моей кровью. Мне никак не удавалось ее унять: бинты сразу промокали, и когда я наконец все-таки наложил по-

вязку, она получилась невообразимо большой и бесформенной — толстенный слой ваты, десятки раз обмотанный самым широким бинтом, какой только отыскался в моем багажнике.

Когда я уехал с фермы, заметно стемнело и в морозном небе загорались звезды, хотя не было еще и пяти часов, — в конце декабря солнце заходит рано. Я ехал медленно, и огромный забинтованный палец торчал над рулевым колесом, точно вежа, указывающая путь между лучами фар. До Дарроби оставалось около полумили, и за голыми ветками придорожных деревьев уже мелькали огни городка, как вдруг из мрака навстречу мне выскочила машина, проехала мимо, затем я услышал визг тормозов, машина развернулась и помчалась назад.

Она обогнала меня, свернула на обочину, и я увидел неистово машущую руку. Я остановился; на дорогу выскочил молодой человек и побежал ко мне.

Он всунул голову в окно:

— Вы ветеринар? — Молодой человек задыхался, в его голосе звучала паника.

— Да.

— Слава Богу! Мы едем в Манчестер и побывали у вас... Нам сказали, что вы поехали этой дорогой... описали вашу машину. Ради бога, помогите!

— Что случилось?

— Наша собака... На заднем сиденье... У него в горле застрял мяч. Я... мне кажется, он уже задохнулся.

Он еще не договорил, а я уже бежал по шоссе к большому белому автомобилю, из которого доносился плач. На фоне заднего стекла виднелись детские головки.

Я распахнул дверцу и услышал всхлипывания:

— Бенни, Бенни, Бенни!

В темноте я едва различил большую собаку, распростертую на коленях четырех детей.

— Папа, он умер, он умер!

— Его надо вытащить наружу, — сказал я, задыхаясь.

Молодой человек ухватил собаку за передние лапы, а я поддерживал ее снизу, и она без всяких признаков жизни вывалилась на асфальт.

Мои пальцы запутались в густой шерсти.

— Ничего не видно! Помогите мне перенести его к свету!

Мы подтащили безжизненное тело к лучам фар, и я увидел великолепно го колли в полном расцвете сил — пасть его была широко раскрыта, язык вывалился, глаза остекленели.

Он не дышал.

Молодой человек взглянул на собаку, сжал голову руками и простонал:

— Боже мой, боже мой...

В машине тихо плакала его жена и рыдали дети:

— Бенни... Бенни...

Я схватил его за плечо и закричал:

— Что вы говорили про мяч?

— У него в горле... Я пробовал его вынуть, но ничего не получается, — невнятно бормотал он, не поднимая головы.

Я сунул руку в пасть и сразу нащупал твердый резиновый мяч величиной с теннисный, который застрял в глотке как пробка, плотно закупорив трахею. Я попытался обхватить его пальцами, но они лишь скользили по мокрой гладкой поверхности — зацепиться было не за что. Секунды через три я понял, что таким способом извлечь мяч невозможно, и, не раздумывая, вытащил руку, завел большие пальцы под челюсть и нажал.

Мяч вылетел из пасти собаки, запрыгал по заиндевелоу асфальту и исчез в траве. Я потрогал роговичку глаза. Никакой реакции. Я опустил на колени, полный мучительного сожаления, — ну что бы им встретить меня чуть-чуть раньше! А теперь — что я могу сделать? Только забрать труп в Скелдейл-Хаус. Нельзя же оставлять мертвую собаку у них в машине — им еще столько ехать до Манчестера. Но мне нестерпимо было думать, что я ничем не смог им помочь, и, когда я провел рукой по роскошному меху, толстый забинтованный палец качнулся как символ моей никчемности.

Я тупо созерцал этот палец и вдруг ощутил слабое биение там, где край моей ладони упирался в межреберье собаки.

Я выпрямился с хриплым криком:

— Сердце еще бьется! Он жив!

И принялся за работу.

Здесь, во мраке пустынного шоссе, я мог рассчитывать только на собственные силы. В моем распоряжении не было ни стимулирующих средств для инъекций, ни кислородных баллонов, ни зондов. Но каждые три секунды я добрым старым способом нажимал на грудь обеими ладонями, отчаянно желая, чтобы собака задышала, хотя глаза ее по-прежнему глядели в пустоту. Время от времени я принимался дуть ей в горло или щупал между ребрами, стараясь поймать это почти неуловимое биение.

Не могу сказать, что произошло раньше: слабо ли дрогнуло веко или слегка поднялись ребра, втягивая в легкие ледяной йоркширский воздух. Возможно, это случилось одновременно, но дальше все было как в прекрасном сне. Не знаю, сколько я просидел возле собаки, пока наконец ее дыхание не стало ровным и глубоким. Затем она открыла глаза и попробовала вильнуть хвостом, и тут я вдруг осознал, что совершенно окончено и прямо-таки примерз к дороге.

С трудом поднявшись и не веря своим глазам, я смотрел, как пес медленно встает на ноги. Хозяин тут же водворил его на заднее сиденье, где он был встречен восторженными воплями.

Но сам молодой человек был словно оглушен. Все время, пока я возился с колли, он, не переставая, бормотал:

— Вы же просто вытолкнули мяч... просто вытолкнули. Как я-то не сообразил?

Не опомнился он, даже когда повернулся ко мне, прежде чем сесть в машину.

— Не знаю... просто не знаю, как вас благодарить, — сказал он хрипло. — Это же чудо.

На секунду он прислонился к дверце:

— Ну а ваш гонорар? Сколько я вам должен?

Я потер подбородок. Дело обошлось без медикаментов. Потеряно было только время.

— Пять шиллингов, — сказал я, — и никогда больше не позволяйте ему играть таким маленьким мячом.

Молодой человек достал деньги, потряс мне руку и уехал. Его жена, которая так и не вышла из машины, помахала на прощание. Но лучшей наградой было последнее мимолетное видение: детские ручонки, крепко сжимающие собаку в объятиях, и замирающие в темной дали радостные крики:

— Бенни... Бенни... Бенни!

После того как пациент уже выздоровел, ветеринар нередко спрашивает себя, велика ли тут его заслуга. Возможно, животное и само справилось бы с болезнью. Бывает и так. И твердо сказать ничего нельзя.

Но когда без тени сомнения знаешь, что отвоевал животное у смерти, пусть даже не прибегая ни к каким хитроумным средствам, это приносит удовлетворение, искупающее все превратности жизни ветеринарного врача.

И все же в спасении Бенни было что-то нереальное. Я даже мельком не видел лиц ни счастливых детей, ни их счастливой матери, съжившейся на переднем сиденье. Отца я, конечно, видел, но он почти все время стоял, обхватив голову руками. Встретившись с ним на улице, я его не узнал бы. Даже собака, залитая резким неестественным светом фар, представлялась мне теперь чем-то призрачным.

Мне кажется, все они чувствовали примерно то же самое. Во всяком случае, через неделю я получил от матери семейства очень милое письмо. Она извинялась за то, что они так бессовестно укатили, благодарила за спасение их любимой собаки, которая теперь как ни в чем не бывало играет с детьми, и в конце выразила сожаление, что даже не спросила моего имени.

Да, это был странный эпизод. Ведь они не только не имели представления, как меня зовут, но наверняка не узнали бы меня, если бы встретили снова.

Собственно говоря, когда я вспоминаю этот эпизод, ясно и четко в памяти всплывает только мой забинтованный палец, который царил над происходившим, почти обретая собственную индивидуальность. И судя по тому, как начиналось письмо, они тоже лучше всего запомнили именно его:

«Дорогой ветеринар с забинтованным пальцем...»

Приятно было получить это письмо в то давнее время, но еще приятнее — получить другое совсем недавно. Незвестная мне дама писала, что тот случай повторился с ее собакой, у которой тоже в горле застрял мяч. Она попыталась извлечь его через пасть, но ничего не получилось, и она была уже готова в отчаянии смириться с неизбежным, как вдруг вспомнила эпизод из моей книги и нажала под нижней челюстью. Она благодарила меня за спасение жизни ее собаки, и мне пришло в голову, что мои книги, хотя писались они не как учебники, возможно, таким вот образом выручали и других людей.

26. Забавы Шена

Дом мистера Бейлса стоял посреди деревни Хайберн, и, чтобы попасть во двор, приходилось ярдов двадцать идти по проулку между оградами в рост человека — соседнего дома слева и сада мистера Бейлса справа, где почти весь день околачивался Шеп.

Это был могучий пес, гораздо крупнее среднего колли. Собственно говоря, по моему твердому убеждению, в нем текла кровь немецкой овчарки, ибо, хотя он шеголял пышной черно-белой шерстью, в его массивных лапах и благородной посадке головы с торчащими ушами было что-то эдакое некое. Он разительно отличался от плюгавых собачонок, которых я чаще всего видел во время объездов.

Я шел между оградами, но мысленно уже перенесся в коровник в глубине двора. Дело в том, что корова Бейлса, по кличке Роза, мучилась одним из тех неясных расстройств системы пищеварения, из-за которых ветеринары лишаются сна. Ведь при этом так трудно поставить диагноз! Эта корова два дня назад начала покряхтывать и давать все меньше молока, и когда я осматривал ее вчера, то совсем запутался в возможных причинах. Проглоченная проволока? Но сычуг сокращается как обычно, и в рубце хватает нормальных шумов. Кроме того, она, хотя и вяло, но жевала сено.

Завал?.. Или частичная непроходимость?.. Несомненная боль в животе и эта подлая температура — тридцать девять и два... очень похоже на проволоку. Конечно, вопрос можно было бы разрешить сразу, вскрыв ей желудок, но мистер Бейлс придерживался старомодных взглядов и не желал,

чтобы я лазал во внутренности его коровы прежде, чем поставлю точный диагноз. А поставить его мне пока не удалось — таков был единственный бесспорный факт.

Я прошел уже полдороги по проулку, теща себя надеждой, что найду свою пациентку на пороге выздоровления, как вдруг в мое правое ухо, словно бы ниоткуда, ударил оглушительный звук. Опять этот чертов Шеп!

Ограда была как нарочно такой высоты, что пес мог подпрыгнуть и залаять прямо в ухо прохожему. Это была его любимая забава, и он уже несколько раз ее со мной проделывал — правда, впервые столь удачно. Мысли мои были далеко, и пес получил возможность так хорошо рассчитать свой прыжок, что лай пришелся на высшую точку и клыки лягнули совсем рядом с моим лицом. А голосина у него был под стать телосложению — рык, басистый, как мычание быка, подымался из глубин могучей груди и вырывался из разверстой пасти.

Я взвился в воздух на несколько дюймов — сердце у меня колотилось, в голове звенело, — а когда снова опустился на землю и в ярости поглядел за ограду, то, как обычно, успел увидеть только мохнатый силуэт, стремительно исчезнувший за углом дома.

Вот это и ставило меня в тупик. Зачем он так делает? Потому ли, что он — свирепый зверь и точит на меня зубы? Или он развлекается? Но я ни разу не оказался от него настолько близко, чтобы найти ответ на эту загадку.

В результате я был не в лучшей форме для скверных новостей, а именно они поджидали меня в коровнике. Одного взгляда на лицо фермера было достаточно: корове стало хуже.

— Заперло ее, вот что! — угрюмо буркнул мистер Бейлс.

Я скрипнул зубами: фермеры старой закалки подводили под термин «заперло» целую гамму желудочно-кишечных заболеваний.

— Значит, слабительное не подействовало?

— Да нет. Иногда вроде орешки сыплются. Говорят же вам: заперло.

— Ну хорошо, мистер Бейлс, — сказал я с кривой улыбкой. — Попробуем что-нибудь по сильнее.

Я принес из машины прибор для промывания желудка — приспособление столь нежно мной любимое, но теперь, увы, исчезнувшее из моей жизни. Длинный резиновый желудочный зонд и деревянный зевник с ременными петлями, чтобы зацеплять за рога. Накачивая в корову два галлона теплой воды с формалином и поваренной солью, я чувствовал то же, что Наполеон, когда он при Ватерлоо бросил в бой старую гвардию. Если уж это не подействует, рассчитывать не на что.

На следующее утро, проезжая по единственной улице Хайберна, я увидел, что из лавки вышла миссис Бейлс. Я затормозил у обочины и высунул голову в окошко:

— Как нынче Роза, миссис Бейлс?

Фермерша поставила корзину и грустно поглядела на меня:

— Худо, мистер Хэрриот. Муж думает, что ей скоро конец. Если он вам нужен, так идите прямо через луг. Он там чинит дверь сарая.

Я свернул к воротам, за которыми начинался луг, и на меня накатилась волна черной тоски. Машину я оставил у обочины и поднял щеколду.

— Черт! Черт! Черт! — бормотал я, шагая по траве. Меня грызла тя-

гостная мысль о надвигающейся трагедии. Гибель коровы — тяжелый удар для мелкого фермера со стадом из десяти голов и двумя-тремя свиньями. Я должен помочь — а от меня ни малейшего толка. Каково мне было сознавать это!

И тем не менее на меня вдруг снизошел мир. Луг был обширный, а сарай находился на дальнем его конце. Я шел по колено в высокой шуршащей траве. Пора уже ее косить... И тут я всем своим существом понял, что лето в разгаре, что солнце сияет и вокруг меня, растворяясь в хрустально-чистом воздухе, струятся ароматы клевера и нагретых трав. Где-то неподалеку находилось поле цветущей фасоли, и я поймал себя на том, что, закрыв глаза, впиваю ее благоухание, словно дегустирую редкостный напиток.

И тишина! Исполненная невыразимой благодати. Как и ощущение, что я тут один. Мой взгляд мечтательно скользнул по зеленым просторам, дремлющим в солнечных лучах. Нигде ни движения... ни звука...

Но тут без малейшего предупреждения земля у моих ног взорвалась пушечным выстрелом. На жуткий миг голубое небо исчезло за чем-то косматым, и красная пасть ухнула «вуф»!!! прямо мне в лицо. С придушенным воплем я попятился, дико посмотрел по сторонам и увидел Шепу, который стремглав летел к воротам. Укрывшись в высокой траве на середине луга, он по всем правилам старинной тактики выждал, пока не различил белков моих глаз, и тут ринулся в атаку.

Случайно ли он оказался там или, заметив, как я вхожу в ворота, нарочно устроил мне засаду, узнать, разумеется, было невозможно, но, с его точки зрения, результат не оставлял желать лучшего: бесспорно, я никогда так не пугался ни до, ни после. Моя жизнь полна различных тревог и неприятных сюрпризов, но огромный пес, вдруг возникший из ничего среди безмятежно-пустого луга, был чем-то единственным в своем роде. Мне доводилось слышать о том, как внезапный ужас или напряжение вызывали непроизвольное опорожнение кишечника, и я твердо знаю, что в этот момент меня вполне могла бы постигнуть такая судьба.

Когда я подошел к сараю, меня еще била дрожь, и я молчал все время, пока мы с мистером Бейлсом шли назад к коровнику.

А вид моей пациентки оказался последней каплей. Она превратилась в обтянутый кожей скелет и безучастно смотрела в стену глубоко запавшими глазами. Зловещее покряхтывание стало заметно громче.

И я решил в последний раз прибегнуть к промыванию. Оно по-прежнему оставалось сильнейшим оружием в моем арсенале, но на этот раз я добавил к смеси два фунта кормовой патоки. В те дни почти у каждого фермера где-нибудь в углу коровника стояла бочка мелассы, и мне нужно было лишь подойти к ней и открыть кран.

На следующий день я приехал в Хайберн только около трех часов. Машину я оставил на улице и уже собирался свернуть в проулок, но вдруг остановился и уставился на корову, пасущуюся на лугу по ту сторону шоссе. Это пастбище соседствовало с некошеным лугом, по которому я прошел накануне, а корова была... Розой! Ошибиться я не мог — о том, что это она, говорила не только красивая темно-рыжая масть, но и большая белая отметина на левом боку.

Я бросился туда, и через несколько секунд на душе у меня стало легко

и спокойно. Корова не только удивительно, прямо как по волшебству, выздоровела, она выглядела на редкость хорошо. Я подошел к ней и почесал основание хвоста. Она была очень кротким существом и только оглянулась на меня, не переставая щипать траву. Ее еще недавно запавшие глаза снова стали выпуклыми и ясными.

Освобождение от грызущей тревоги было упоительным, и тут я увидел, что мистер Бейлс перебрался через ограду соседнего луга. Очевидно, он еще чинил там дверь сарая.

Он направился ко мне, а я подумал, что надо бы удержаться от проявления торжества. Ведь он, безусловно, чувствует себя неловко.

— Добрый день, мистер Бейлс, — сказал я, скрывая ликование. — Роза сегодня выглядит отлично, не правда ли?

Фермер снял кепку и утер лоб.

— Верно. Прямо-таки не та корова.

— По-моему, больше она в лечении не нуждается, — сказал я и не удержался от самого легкого укола (хоть на это-то я имел право?). — Все-таки неплохо, что я сделал ей вчера еще одно промывание.

— Что вы воду-то в нее накачали? — Мистер Бейлс поднял брови. — Это тут ни при чем.

— Но как же? Ведь оно ее вылечило!

— Да нет, молодой человек. Ее Джим Оукли вылечил.

— Джим?.. Но какое отношение...

— Он взглянул на нее вечером. Джим по вечерам часто приезжает. Ну, как он Розу увидел, так сразу и сказал, что с ней делать. Она ведь прямо издыхала. От вашего накачивания ей ничуть не полегчало. А он велел мне хорошенько погонять ее по лугу.

— Что?!

— Ну да. Он такое у них раньше не раз видел, и всегда от хорошей пробежки они мигом выздоравливали. Ну, мы привели Розу сюда и давай ее гонять, как он велел. И черт побери, помогло! Ей прямо на глазах лучше стало.

Я выпрямился.

— А кто такой, — спросил я холодно, — этот Джим Оукли?

— Он-то? А почтальон.

— Почтальон!

— Ага. Только прежде он держал парочку коров. И на скотину у него глаз хороший, у Джима то есть.

— Вполне возможно, но уверяю вас, мистер Бейлс...

Фермер поднял ладонь.

— Говорите не говорите, молодой человек, а Джим ее вылечил, и против этого не пойдешь. Жалко, вы не видели, как он ее гонял. Сам не молоде меня, а бегаёт почище иных молодых. И уж тут он себя показал, — добавил фермер усмехаясь.

С меня было довольно. Во время этого панегирика Джиму Оукли я машинально продолжал почесывать хвост Розы и в результате запачкал руку. Собрав остатки достоинства, я кивнул мистеру Бейлсу:

— Ну, мне пора. Можно, я зайду в дом помыть руки?

— Идите, идите, — ответил он. — Хозяйка даст вам горячей воды.

Казалось, прошло очень много времени, прежде чем я наконец добрался

до конца ограды и повернул вправо, к двери на кухню... Вдруг слева загромычала цепь, и на меня бросился рыкающий зверь, оглушительно рывкнул прямо в лицо и исчез.

На этот раз у меня чуть не остановилось сердце. Мне было так скверно, что я не мог выдержать еще и Шепа. У меня совсем вылетело из головы, что миссис Бейлс иногда привязывала его у конуры перед черным ходом, чтобы отваживать непрошенных гостей, и, привалившись к стене, оглохнув от грохота собственной крови в ушах, я тупо смотрел на длинную цепь, змеившуюся по булыжнику.

Терпеть не могу людей, которые срывают сердце на животных, но в эту минуту во мне словно что-то лопнуло. Вся моя досада и огорчение слились в бессвязные вопли, я схватил цепь и изо всех сил потянул ее. Проклятый пес, который меня изводил, сидит вот тут, в конуре! Наконец-то я могу добраться до него, и уж на этот раз мы с ним поговорим! До конуры было шагов пять, и сначала я ничего не увидел. Но цепь поддалась с трудом. Я продолжал неумолимо тянуть, и вот из отверстия показался нос, затем голова, а за ней последовало и туловище огромного пса, буквально повисшего на ошейнике. Он не проявил ни малейшего желания вскочить и поздороваться со мной, но я безжалостно подтаскивал его дюйм за дюймом по булыжнику, пока он не вытянулся у самых моих ног.

Вне себя от ярости я присел на корточки, потряс кулаком у его носа и заорал в самое его ухо:

— Дрянь ты эдакая! Если ты еще раз посмеешь прыгнуть на меня, я тебе голову оторву! Слышишь? Начисто оторву!

Шеп испуганно покосился на меня, и его поджатый хвост виновато завил. Я продолжал его отчитывать, а он обнажил верхние зубы в подхалимской ухмылке, перевернулся на спину и замер, зажмурив глаза.

И тут я понял: он был трус! Все его свирепые атаки были простой игрой. Я почти успокоился, но тем не менее хотел, чтобы он сделал надлежащие выводы.

— Ну ладно, дружище! — угрожающе прошипел я. — Помни, что я сказал! — И, бросив цепь, я издал заключительный вопль: — А ну убирайся на место!

Шеп, поджав хвост, почти на брюхе метнулся в конуру, а я пошел на кухню мыть руки.

Когда месяц спустя мистер Бейлс снова пригласил меня посмотреть одну из его коров, я, честно говоря, был удивлен. Мне казалось, что после моего конфуза с Розой он в следующий раз обратится к Джиму Оукли. Но нет, его голос в телефонной трубке был вежливым и доброжелательным, как всегда. Ни намека на то, что он утратил ко мне доверие. Странно...

Оставив машину на улице, я настороженно заглянул в сад и только потом нырнул в проход. Легкое позвякивание сказало мне, что Шеп притаился в конуре, и я замедлил шаг. Нет уж, больше я не попадусь! В конце проулка я выжидающе остановился, но увидел только кончик носа, который тотчас отодвинулся в глубину. Значит, пес не забыл моей вспышки и хорошо усвоил, что больше терпеть его штучки я не намерен.

Тем не менее, когда я отправился в обратный путь, на душе у меня было

смутно. Победа над животным всегда имеет неприятный привкус, а во мне крепко убеждение, что я отнял у Шеп его главную радость. В конце концов, каждое живое существо имеет право на свои развлечения, и, хотя засады Шеп могли иной раз ошеломить человека, они были частью его существования, частью его самого. И мысль о том, что я обеднил его жизнь, тревожила мою совесть. Нет, мне нечем было гордиться.

А потому, когда некоторое время спустя мне довелось проезжать через Хайберн, я остановился у фермы Бейлса. Окутанная тишиной белая пыльная деревенская улица дремала под жарким летним солнцем. Нигде ни движения, только какой-то невысокий толстый человек неторопливо шел по проулку. Судя по его лицу, это был один из цыган-лудильщиков из табора, которых я видел у въезда в деревню, — и он нес охапку кастрюль и сковородок.

Сквозь штакетник мне было видно, что Шеп в палисаднике бесшумно проскользнул к ограде. Я смотрел во все глаза. Лудильщик все так же неторопливо шагал по проулку, и пес двинулся следом за головой, плывущей над оградой.

Как я и предполагал, все произошло на полпути. Безупречно рассчитанный прыжок — и в верхней его точке громовое «вух!» в ничего не подозревающее ухо.

Это возымело обычное действие. В воздухе мелькнули вскинутые руки и кастрюли, раздался лязг металла о камень, и толстячок пулей вылетел из проулка, повернул вправо и затрусил по улице в противоположную от меня сторону. При его почти круглой фигуре скорость он развил внушительную — его короткие ноги так и мелькали, и, не замедляя шага, он скрылся в магазинчике в конце улицы.

Не знаю, зачем он туда свернул: для восстановления сил там ничего крепче лимонада не нашлось бы.

Шеп, по-видимому очень довольный, направился туда, где яблоня отбрасывала густую тень, и расположился на траве в холодке. Опустив голову на вытянутые лапы, он блаженно поджидал следующую жертву.

Я поехал дальше, улыбаясь про себя. Конечно, я остановлюсь у магазинчика и объясню толстячку, что он может спокойно собрать свои кастрюли и не будет разорван на куски. Но главным владевшим мной чувством было облегчение, что я не испортил жизнь могучему псу.

Шеп не оставил своих забав.

Да, несомненно, собаки любят играть или как-нибудь развлекаться, и, мне кажется, лучше всего заводить сразу двух собак, чтобы избавить их от скуки одиночества. Однако это часто неудобно или невозможно, а потому, чем чаще хозяин выбирает время, чтобы поиграть со своей собакой, тем лучше. Выбор же игр до удивления велик: и перетягивание каната, и беготня за брошенной палкой, и даже прятки! Иногда, разумеется, собака находит собственную забаву — вот как Шеп.

27. Мик

Было девять часов мерзкого сырого вечера, а я еще не вернулся домой. Я крепче сжал рулевое колесо и заерзал на сиденье, тихонько постанывая, — так сильно ныли утомленные мышцы.

Ну зачем я стал ветеринаром? Почему не выбрал дела полегче и повольготнее? Ну пошел бы в шахтеры или в лесорубы... Жалеть себя я начал три часа назад, когда проезжал через рыночную площадь, торопясь к телящейся корове. Лавки были закрыты, и освещенные окна домов за холодной изморосью говорили об отдыхе, о законченных дневных трудах, о горящих каминах, книгах и струйках табачного дыма. А я был вынужден покинуть все это и нашу уютную квартирку, не говоря уж о Хелен.

Негодование на несправедливость судьбы пробудилось во мне с особой силой, когда я увидел, как компания молодежи рассаживается в машине у дверей «Гуртовщиков»: три девушки и трое их кавалеров — нарядные, веселые, явно отправлялись на вечеринку или потанцевать где-нибудь. Всех ждет либо домашний уют, либо развлечения, всех, кроме Хэрриота, который трясется в машине, направляясь к холодным мокрым холмам, где ему предстоит нелегкая работа.

То, что ждало меня, отнюдь не подняло моего настроения. Тошная молодая коровенка лежала на боку под навесом среди старых жестянок, битого кирпича и всякого другого хлама. Собственно, я толком не видел, обо что спотыкаюсь, потому что там горел только проржавленный керосиновый фонарь, и огонек колебался, почти угасая на ветру.

Под этим навесом я провел два часа, вытаскивая теленка буквально по дюйму. Нет, положение плода было нормальным, просто родовый путь оказался узким, а коровенка не пожелала встать, и все эти два часа я пролежал на полу, ворочаясь среди жестянок и обломков кирпича и поднимаясь только для того, чтобы под стук собственных зубов добежать до ведра с водой, чувствуя, как ледяные иголки дождя впиваются в гусиную кожу у меня на груди и спине.

Ну а теперь я еду домой: лицо онемело от холода, кожа горит под одеждой, и ощущение такое, будто весь вечер компания дюжих молодых усердно пинала меня, начиная с головы и кончая пятками. Когда я свернул в крохотную деревушку Коптон, то уже совсем захлебнулся в жалости к себе. В теплые летние дни эта деревушка выглядит на редкость идиллично: единственная улица вьется по склону высокого холма, а над ней темный пояс леса уходит к плоской вересковой вершине. Но сегодня это была черная мертвая дыра. Дождевая пыль, проносясь сквозь лучи фар, хлестала по темным, наглухо закрытым домам. Только в одном месте поперек мокрого шоссе ложился мягкий свет — он лился из деревенского кабачка. Подчиняясь внезапному порыву, я остановил машину под мотающейся вывеской «Лиса и гончие» и открыл дверь. Кружка пива вернет мне силы.

В зале меня обволокло приятное тепло. Стойки не было — только скамьи с высокими спинками и дубовые столы вдоль выбеленных стен перестроенной кухни. В старой закопченной плите напротив двери трещали поленья, а над ней громко тикали часы, и этот звук вплетался в нестройный гул голосов. Ничего похожего на бурное оживление современных баров, мирно и уютно.

— Это что же, мистер Хэрриот, вы так допоздна работаете? — сказал мой сосед, когда я опустился на скамью.

— Да, Тед. А как вы догадались?

Он оглядел мой замызганный плащ и резиновые сапоги, в которых я так и уехал с фермы.

— Ну, костюм у вас не то чтобы парадный, а на носу кровь и ухо в коровьем навозе.

Тед Добсон, дюжий тридцатилетний скотник, ухмыльнулся до ушей, блеснув белыми зубами.

Я тоже улыбнулся и принялся тереть лицо носовым платком:

— Даже странно, но в таких случаях обязательно хочется почесать нос!

Я оглядел зал. Человек десять попивали пиво из пинтовых кружек. Некоторые играли в домино. Все это были работники с окрестных ферм, те, кого я встречал на дорогах, когда меня поднимали с постели задолго до зари. Сгорбившись в старых пальто, наклонив голову навстречу ветру и дождю, они крутили педали велосипедов, мужественно принимая тяготы своего нелегкого существования. И каждый раз я думал, что мне-то приходится вставать среди ночи лишь иногда, а им — каждый день.

И получают они за это тридцать шиллингов в неделю. При виде их мне снова стало немного стыдно.

Хозяин, мистер Уотерс, налил мне кружку, профессионально поднимая кувшин повыше, чтобы вспенить пиво.

— Пожалуйста, мистер Хэрриот, с вас шесть пенсов. Даром, можно сказать.

Все пиво до последней капли доставлялось в зал в этом кувшине, который наполнялся из деревянных бочек в подвале. Где-нибудь на бойком месте это было бы непрактично, но в «Лисе и гончих» редко собиралось много посетителей, и как кабатчик мистер Уотерс разбогатеть заведомо не мог. Но в примыкавшем к залу сарае он держал четырех коров, пятьдесят кур рылись в длинном саду за домом, и каждый раз он выращивал поросят от двух своих свиней.

— Спасибо, мистер Уотерс! — Я сделал долгий глоток. Несмотря на холод, мне пришлось изрядно попотеть, а для утоления жажды трудно найти что-нибудь лучше густого орехового эля. Я и прежде бывал тут и знал заведомо в лицо. Чаще всего мне приходилось видеть Альберта Клоуза, старого пастуха, который жил теперь на покое и неизменно сидел на одном и том же привычном месте — в конце скамьи у самого огня.

И на этот раз он, как всегда, глядел перед собой невидящими глазами, опираясь руками и подбородком на изогнутую ручку пастушьего посоха, с которым столько лет пас овец. Его пес Мик, такой же старый, как и он сам, вытянулся у ног хозяина, наполовину под лавкой, наполовину под столом. Псу явно что-то снилось: лапы его шевелились, уши и губы подергивались, и время от времени он глухо тьякал.

Тед Добсон ткнул меня локтем в бок и засмеялся:

— Бьюсь об заклад, старина Мик все еще собирает своих овечек.

Я кивнул. Конечно, пес вновь переживал дни своей молодости — припадал к земле, кидался, обегал стадо, послушный свистку хозяина. А сам Альберт? Что кроется за этим пустым взглядом? Мне нетрудно было представить, как он, еще молодой парень, широким шагом меряет открытые всем ветрам плоские вершины холмов, все эти бесконечные мили вереска, камней и оврачков со стремительными ручьями, при каждом шаге вонзая в землю вот этот самый посох. Вряд ли найдутся люди более закаленные, чем йоркширские овечьи пастухи, которые круглый год живут под открытым небом, а в дождь и снег просто набрасывают на плечи мешок.

И вот теперь Альберт, дряхлый, скрюченный артритом старик, равнодушно глядит в никуда из-под обтрепанного козырька древней кепки. Заметив, что он допил кружку, я направился к нему.

— Добрый вечер, мистер Клоуз, — сказал я.

— А? — Он приставил ладонь к уху и заморгал.

— Как поживаете, мистер Клоуз? — гаркнул я во весь голос.

— Не жалуясь, молодой человек, — прошамкал он. — Не жалуясь.

— Могу я вас угостить?

— Спасибо! — Он указал трясущимся пальцем на кружку. — Налейте капельку.

Я знал, что «капелька» означает пинту, и махнул хозяину, который ловко проделал обычную операцию с кувшином. Старый пастух поднес наполненную кружку к губам и посмотрел на меня.

— Ваше здоровье! — буркнул он.

— И вам того же желаю, — ответил я и уже хотел вернуться на свое место, но тут Мик вылез из-под лавки и сел. Несомненно, его разбудили мои крики. Он сонно потянулся, раза два встряхнул головой и посмотрел по сторонам. Когда он повернул морду ко мне, меня словно ударило током.

Его глаза производили жуткое впечатление. Собственно, я даже не мог их толком разглядеть за слипшимися от гноя ресницами. Он болезненно помаргивал, а на белой шерсти по сторонам носа пролегли темные безобразные полоски мутных слез.

Я протянул к нему руку, и пес вильнул хвостом, а потом закрыл глаза. Очевидно, так ему было легче.

Я положил ладонь на плечо Альберту.

— Мистер Клоуз, давно это у него с глазами?

— А?

Я прибавил громкости.

— Глаза у Мика. Они в плохом состоянии.

— А-а! — Старик закивал. — Он их застудил. Все застуживает. Еще с той поры, как щенком был.

— Это не простуда. У него неладно с веками.

— А?

Я набрал побольше воздуха и завопил во всю мочь:

— У него заворот век. Это довольно серьезно.

Старик снова кивнул.

— Да уж, он все лежит головой к двери, а там дует.

— Нет, мистер Клоуз, — взревел я. — Сквозняк тут ни при чем. Это заворот век, и требуется операция.

— Ваша правда, молодой человек. — Он отхлебнул пива. — Застудил их маленько. Все застуживает, еще как щенком был...

Я безнадежно побрел на свое место. Тед Добсон с интересом спросил:

— О чем это вы с ним толковали?

— Скверное дело, Тед. При завороте век ресницы трут глазное яблоко. Это причиняет сильную боль, а иногда приводит к изъязвлению и даже к слепоте. Но и в самых легких случаях собака очень мучается.

— Вот, значит, что... — задумчиво сказал Тед. — Я давно заметил, что у Мика с глазами неладно. А последнее время они куда хуже стали.

— Бывает и так, но чаще это врожденный порок. Я бы сказал, что у Мика это в определенной степени всегда было, но вот теперь по какой-то причине они пришли в такое жуткое состояние. — Я вновь посмотрел на старого пса, который терпеливо сидел под столом, крепко зажмурившись.

— Значит, он очень мучается?

Я пожал плечами.

— Вы же сами знаете, каково это, если в глаз попадет песчинка или даже одна ресница завернется внутрь. Конечно, резь он испытывает невыносимую.

— Бедняга! Мне и в голову не приходило, что тут такое дело. — Он затянулся сигаретой. — А операция помогла бы?

— Да, Тед. Знаете, ветеринару она доставляет особое удовлетворение. Я всякий раз чувствую, что по-настоящему помог животному.

— Оно и понятно. Хорошее, должно быть, чувство. Но небось стоит такая операция недешево?

Я криво улыбнулся.

— Как посмотреть. Работа сложная и требует много времени. Мы обычно берем за нее фунт.

Хирург-окулист, конечно, только посмеялся бы над таким гонораром, но и эта сумма была не по карману старику Альберту.

Некоторое время мы оба молча смотрели на старика, на ветхую куртку, на лохмы штанин, прикрывающие растрескавшиеся башмаки. Фунт. Половина месячной пенсии по старости. Целое состояние.

Тед вскочил.

— Надо же старику объяснить. Я ему сейчас в толкую.

Подойдя к дряхлому пастуху, он спросил:

— Ну как, Альберт, еще одну сдюжишь?

Старик посмотрел на него смутным взглядом, потом кивнул на свою уже вновь пустую кружку.

— Ладно, подлей капельку, Тед.

Тед махнул мистеру Уотерсу и нагнулся к уху старика.

— Ты понял, что тебе толковал мистер Хэрриот, а, Альберт? — прокричал он.

— Как же... как же... Мик маленько глаза застудил.

— Да нет же! Это совсем другое. У него это самое... заворот век!

— Все застуживает и застуживает, — бубнил Альберт, уткнувшись носом в кружку.

Тед буквально взвыл:

— Ах ты, упрямый старый черт! Слушай, что тебе говорят: ты бы его подлечил! Ему нужно...

Но старик уже ушел в себя.

— Еще как щенком был... все застуживал, все застуживал...

В тот вечер Мик отвлек меня от собственных невзгод, но потом я никак не мог забыть эти страшные глаза. У меня руки чесались привести их в порядок. Я знал, что час работы вернет старому псу мир, которого он, возможно, не видел годы и годы, и все во мне твердило: мчись в Коптон, сажай его в машину, вези в Дарроуби и оперируй. Деньги меня не интересовали, но беда в том, что такая импульсивность несовместима с нормальной практикой.

На фермах я часто видел хромых собак, а на улицах — тощих кошек. С какой бы радостью я хватал бы их и излечивал с помощью своих знаний! По правде говоря, я несколько раз даже попробовал, но ничего хорошего из этого не вышло.

Конец моим терзаниям положил Тед Добсон. Он приехал в Дарроуби навестить сестру и вечером возник в дверях приемной, придерживая велосипед. Его веселое, умытое до блеска лицо сияло так, что, казалось, озаряло всю улицу. Он обошелся без предисловий.

— Вы бы не сделали старику Мику операцию, мистер Хэрриот?

— Да конечно, но... как же?..

— Об этом не беспокойтесь. Ребята в «Лисе и гончих» заплатят. Возьмем из клубной кассы.

— Из клубной кассы?

— Мы каждую неделю вносим понемножку на летнюю поездку. Может, всей компанией к морю махнем, может, еще куда.

— Тед, это просто замечательно, но вы уверены, что никто не будет против?

Тед засмеялся.

— От одного фунта мы не обеднеем. Да и, сказать честно, мы в таких поездках, бывает, перепиваем, так оно, может, даже и к лучшему. — Он помолчал. — А ребята все этого хотят. Как вы нам объяснили, что с псом, так у нас теперь сил нет на него смотреть.

— Чудесно, — сказал я. — Но каким образом вы его привезете?

— Мой хозяин обещал дать свой фургон. В среду вечером вам будет удобно?

— Вполне.

Я проводил его взглядом и пошел назад по коридору. Может быть, на современный взгляд непонятно, почему из-за какого-то жалкого фунта было столько переживаний. Но в те дни это была большая сумма — достаточно напомнить, что я, дипломированный ветеринар, работал за четыре фунта в неделю.

В среду вечером стало ясно, что операция Мика превратилась в торжественное событие. Небольшой фургон, в котором его привезли, был набит заведомыми «Лисы и гончих», а те, кому не хватило места, прикатили на велосипедах.

Старый пес брел по коридору к операционной, весь съезжившись, и ноздри его подергивались от непривычных запахов карболки и эфира. Позади, стуча сапогами, шла его шумная свита.

Тристан, взявший на себя роль анестезиолога, поднял собаку на стол, и я обвел взглядом множество лиц, смотревших на меня со жгучим интересом. Обычно я не люблю, чтобы на операции присутствовали посторонние, но эти люди имели право находиться здесь — ведь без них не было бы и операции.

Теперь, в ярком свете операционной, я впервые хорошенько разглядел Мика. Он во всех отношениях был бы красавцем, если бы не эти страшные глаза. Он вдруг приоткрыл их, скосил на меня и тут же зажмурился от сияния лампы. Вот так, подумал я, он и жил всю жизнь — изредка поглядывая сквозь боль на то, что его окружало. Инъекция снотворного в вену была для него сущим благодеянием — она на время избавляла его от страданий.

Вот он в глубоком сне вытянулся на бок, и можно наконец приступить к осмотру. Я раздвинул веки, морщась при виде слипшихся ресниц, мокрых от слез и гноя. Давний конъюнктивит и давний кератит, но я с огромным облегчением убедился, что до перфорации роговицы дело не дошло.

— Знаете, — сказал я, — вид достаточно скверный, но, по-моему, ничего непоправимого нет.

«Ура» они все-таки не закричали, но обрадовались очень, и атмосфера стала совсем праздничной от их шушуканья и смеха. Беря скальпель, я подумал, что мне никогда еще не приходилось оперировать в такой тесноте и таком шуме.

Сделать первый надрез было прямо-таки наслаждением — ведь я столько раз предвкушал этот момент. Начав с левого глаза, я провел скальпелем параллельно краю века, потом сделал дугу, чтобы захватить примерно полдюйма кожи над глазом. Я удалил этот лоскуток пинцетом и, сшивая кровоточащие края раны, с большим удовольствием следил, как ресницы поднимаются высоко над поверхностью роговицы, которую они раздражали, возможно, годы и годы.

С нижнего века, как обычно в таких случаях, я удалил лоскуток поменьше и принялся за правый глаз. Легко и спокойно я сделал надрез и вдруг осознал, что в комнате наступила тишина. Правда, они шепотом переговаривались, но смех и болтовня смолкли. Я поднял голову и прямо против себя увидел верзилу Кена Эплтона, конюха из Лорел-Грув. Естественно, что я посмотрел именно на него, потому что ростом он вымахал под семь футов, а сложен был, как ломовые лошади, за которыми он ходил.

— Черт, ну и жарница тут, — шепнул он, и действительно по его лицу струился пот.

Я был поглощен работой, не то заметил бы, что он к тому же и побелел как полотно. Я подцеплял надрезанную кожу пинцетом, и тут услышал крик Тристана:

— Поддержите его!

Приятели успели подхватить великана и опустили его на пол, где он и пролежал в тихом забытии, пока я накладывал швы. Мы с Тристаном успели вымыть и убрать инструменты, прежде чем Кен открыл глаза и с помощью приятелей поднялся на ноги. Теперь, когда все было уже позади, компания вновь оживилась, и Кену пришлось выслушать немало дружеских насмешек, хотя позеленел во время операции не он один.

— По-моему, Кену не помешает глоток чего-нибудь покрепче, — заметил Тристан, вышел и через минуту вернулся с бутылкой виски, которым с обычным своим радушием угостил всех. В ход пошли мензурки, крышки, пробирки, и вскоре вокруг спящего пса вновь забушевало веселье. Когда фургон, рыча мотором, унесся в темноту, в его тесном нутре гремела песня.

Через десять дней они привезли Мика, чтобы снять швы. Раны зажили, но роговица все еще была воспалена, и старый пес по-прежнему болезненно жмурился. Окончательный результат моей работы мне довелось увидеть только месяц спустя.

Я вновь возвращался домой через Коптон после вечернего вызова, и свет в дверях «Лисы и гончих» напомнил мне о несложной операции, которая в вихре трудовых дней давно успела вылететь у меня из головы. Я остановил машину, вошел и сел, оглядывая знакомые лица.

Все, словно нарочно, было совсем как в тот раз. Альберт Клоуз примостился на своем обычном месте, Мик лежал под столом, и лапы его подергивались — ему опять снилось что-то увлекательное. Я долго смотрел на него и наконец не выдержал. Слово притягиваемый магнитом, я прошел через комнату и присел на корточки возле пса.

— Мик! — сказал я. — Проснись, старина.

Лапы перестали подергиваться. Я ждал затаив дыхание. Большая косматая голова повернулась ко мне, и я сам себе не поверил: на меня глянули ясные, блестящие глаза совсем молодой собаки.

Мик смотрел на меня, растянув губы в улыбке, стуча хвостом по каменному полу, и у меня по жилам словно разливалось теплое вино. Ни воспаления, ни гноя, а ресницы, сухие и чистые, ровной дугой изгибались далеко от поверхности глаза, которую они так долго терли и царапали. Я погладил Мика по голове, и, когда он с любопытством поглядел по сторонам, меня охватил неизъяснимый восторг: старый пес, наслаждаясь новой свободой, смаковал только теперь открывшийся ему мир. Выпрямившись, я заметил, что Тед Добсон и остальные хитро улыбаются.

— Мистер Клоуз! — возопил я. — Можно вас угостить?

— Спасибо, молодой человек, подлейте сюда капельку.

— А глаза у Мика стали много лучше.

— Ваше здоровье! — Старик поднял кружку. — Да, застудил он их маленько, а теперь и прошло.

— Но, мистер Клоуз!..

— А так-то ничего хорошего. Его так и тянет под дверью лежать, ну и опять их застудит. Еще с тех пор, как щенком был...

Мне очень нравится писать про операции, которые приносят животным быстрое блаженное облегчение. Устранение заворота век — одна из них, и мы довольно часто ее делаем, хотя отнюдь не в столь красочной обстановке, как было, когда вокруг Мика на операционном столе толпились добродушные работники с ферм. Зато хозяева наших нынешних пациентов очень нам благодарны — в отличие от милого старичка Альберта Клоуза.

28. Стрихнин

Мужчина в дверях приемной вне себя от отчаяния бормочет задыхаясь:

— Ничего не получается!.. Я не могу его вытащить... Он как доска...

У меня защемило сердце. Значит, опять!

— Джаспер?

— Да, он на заднем сиденье, вот там.

Я кинулся к машине и открыл дверцу. Именно этого я и боялся: крапчатый красавец закованел в ужасной судороге — спина выгнута, голова запрокинута, ноги, твердые, как палка, тщетно ищут точку опоры.

Не тратя времени на расспросы, я побежал в дом за шприцем и лекарствами, подстелил под голову собаки газеты и ввел апоморфин. Теперь оставалось только ждать.

Хозяин Джаспера поглядел на меня со страхом:

— Что это?

— Стрихнин, мистер Бартл. Я сделал инъекцию апоморфина, чтобы очистить желудок.

Я еще не договорил, а собаку уже вырвало на газеты.

— Теперь он поправится?

— Все зависит от того, сколько яда успело всосаться. — У меня не хватило духу сказать ему, что смертельный исход почти неминуем, что за последнюю неделю через мои руки прошло шесть собак в подобном состоянии и, несмотря на все мои старания, они погибли. — Нам остается только надеяться на лучшее.

Он смотрел, как я набираю в другой шприц нембутал.

— А это зачем?

— Чтобы усыпить его.

Я вколол иглу в лучевую вену, и, пока жидкость медленно, по каплям, шла в кровоток, напряженные мышцы расслабились и пес погрузился в глубокий сон.

— Ему уже как будто полегчало, — сказал мистер Бартл.

— Да. Но, когда действие инъекции кончится, судороги могут возобновиться. Как я уже сказал, все зависит от того, какое количество стрихнина успело всосаться. Устройте его в каком-нибудь тихом помещении. Любой громкий звук может вызвать судороги. При первых признаках пробуждения позвоните мне.

Я вернулся в дом. Семь отравлений стрихнином за неделю! Это было страшно, невыносимо, но больше сомневаться я не мог — злой умысел! В нашем маленьком городке какой-то психопат сознательно подбрасывает собакам яд. Собаки время от времени становились жертвой стрихнина: лесники, да и не только они, прибегали к его смертоносным услугам, чтобы избавиться от тех или иных «вредных тварей», как они выражались, но обычно с ним обращались очень осторожно и принимали все меры, чтобы уберечь домашних животных. Беда случалась, если собака, залезая в нору, натыкалась на отравленную приманку. Но тут было другое.

Следовало как-то предупредить владельцев собак. Я позвонил репортеру местной газеты, и он обещал поместить заметку о случившемся в ближайшем номере, сопроводив ее рекомендацией не спускать собак с поводка во время прогулок и вообще оберегать их.

Затем я позвонил в участок. Дежурный полицейский внимательно выслушал меня.

— Да, мистер Хэрриот, я с вами согласен, тут орудует какой-то ненормальный, и мы безусловно займемся этим делом. Если бы вы сообщили мне фамилии владельцев, чьи собаки... спасибо... спасибо. Мы опросим их и проверим в аптеках, не покупал ли кто-нибудь в последнее время стрихнин. Ну и, конечно, мы теперь будем настороже.

Я отошел от телефона, надеясь, что хоть как-то помог предотвратить дальнейшие трагедии, и тем не менее меня продолжали грызть мрачные предчувствия. Но тут я увидел в приемной Джонни Клиффорда, и настроение у меня сразу улучшилось.

Джонни, примерно мой ровесник, всегда действовал на меня таким образом, потому что был удивительно жизнерадостным человеком, и веселяя

улыбка никогда не исчезала надолго с его лица, хотя он и был слеп. Он сидел в обычной позе — положив руку на голову Фергуса, своего четвероногого поводыря.

— Опять подошло время осмотра, Джонни?

— Ага, мистер Хэрриот, оно опять подошло. Шесть месяцев пролетело, а я и не заметил. — Он со смехом протянул мне ветеринарную карту.

Присев на корточки, я осмотрел морду крупной немецкой овчарки, которая чинно сидела рядом с хозяином.

— Ну и как Фергус?

— Лучше не надо. Ест хорошо и приткности хоть отбавляй. — Его рука ласково скользнула по ушам, и Фергус начал подметать хвостом пол приемной.

Заметив, какой гордостью и нежностью засветилось лицо молодого человека, я особенно остро осознал, что такое для него эта собака. Джонни однажды рассказал мне, какое отчаяние терзало его, когда на двадцать втором году жизни после нескольких лет полуслепоты он окончательно потерял зрение, — терзало, пока его не направили в школу собак-поводырей, где он познакомился с Фергусом и приобрел не просто замену для своих глаз, но и спутника, и друга, разделяющего каждую минуту его жизни.

— Ну так начнем, — сказал я. — Встань-ка, старина, я измерю тебе температуру.

Температура оказалась нормальной, и я прошелся по груди могучего пса стетоскопом, с удовольствием слушая мерные удары сердца. Раздвинув шерсть у него на шее и спине, чтобы осмотреть кожу, я засмеялся:

— Джонни, я только напрасно трачу на это время. С такой шерстью его хоть на выставку.

— Да, он каждый день получает полную чистку.

Я сам не раз видел, как Джонни без устали орудует гребенкой и щеткой, так что густая шерсть обрела особый глянец. И ничто не доставляло ему такой радости, как слова: «Какая у вас красивая собака!». Он чрезвычайно гордился этой красотой, хотя сам никогда ее не видел.

На мой взгляд, осмотр и лечение собак-поводырей — самая почетная и радостная из всех обязанностей ветеринара, почти привилегия. И не только потому, что эти великолепные собаки превосходно обучены и стоят очень дорого, но главное потому, что они наиболее полно воплощают идею, вокруг которой в конечном счете строилась вся моя жизнь, — взаимозависимость, доверие и любовь, связывающие человека и животное.

И после встречи с их слепыми хозяевами я возвращался к обычной своей работе с каким-то смирением — с благодарностью за все, чем меня одарила жизнь.

Я открыл рот Фергуса и осмотрел большие блестящие зубы. С некоторыми овчарками эта процедура чревата значительным риском, но Фергусу вы могли бы почти сунуть голову в зияющую пасть, и он только лизнул бы вам ухо. Собственно говоря, едва моя щека оказалась в пределах досягаемости, как по ней быстро скользнул его широкий влажный язык.

— Э-эй, Фергус, воздержись! — Я отодвинулся и вытащил носовой платок. — Я уже умывался утром, да и вообще лижутся только дамские собачки, а не свирепые немецкие овчарки!

Джонни откинул голову и засмеялся:

— Ну уж свирепости в нем нет вовсе. Одна нежность.

— Мне такие собаки и нравятся, — заметил я и взял зубной скребок. — Камень на одном из задних зубов. Я его сейчас и сниму.

Покончив с зубами, я проверил уши ауроскопом. Все оказалось в порядке, и я только удалил накопившуюся серу.

Потом я осмотрел лапы и когти. Эти огромные, широкие лапы меня всегда прямо-таки завораживали, хотя, конечно, они и должны были быть такими — ведь они несут тяжесть мощного тела.

— Отлично, Джонни. Только опять этот коготь отрос.

— Тот, который вы всегда подстригаете? Да, я и сам заметил, что он длинен становится.

— Он чуть-чуть искривлен, а потому не стачивается при ходьбе, как все остальные. Тебе ведь повезло, Фергус, — гуляешь весь день, а?

Я увернулся от новой попытки облизать мне лицо и наложил щипцы на коготь. Нажать пришлось с такой силой, что у меня глаза на лоб полезли, и только тогда наконец отросший кончик с громким треском отлетел.

— Если бы у всех собак были такие когти, мы бы не успевали запастись щипцами, — еле выговорил я, задохнувшись. — Как он здесь побывает, хоть меняй их!

Джонни снова засмеялся и положил ладонь на массивную голову бесконечно выразительным жестом. Я взял карту, поставил дату, записал результаты осмотра, также принятые мною меры и отдал ее Джонни.

— Вот и все. Он в прекрасной форме, и больше ему ничего не требуется.

— Спасибо, мистер Хэрриот, ну так до следующего раза!

Молодой человек взял поводок, я проводил их обоих по коридору до двери и задержался на пороге, наблюдая, как Фергус постоял у обочины, пропустил автомобиль и только потом повел хозяина через улицу.

Они было пошли по противоположному тротуару, но тут их остановила женщина с хозяйственной сумкой и принялась что-то оживленно говорить, то и дело поглядывая на красавца пса. Несомненно, она говорила о Фергусе, а Джонни поглаживал благородную голову, улыбался и кивал — говорить и слушать про Фергуса он мог без конца.

Около двух позвонил мистер Бартл и сказал, что у Джаспера вроде бы опять начинаются судороги. Забыв про обед, я помчался к нему и повторил инъекцию нембутала. Мистер Бартл, владелец фабрики сухих кормов для крупного рогатого скота, был очень приятным и неглупым человеком.

— Мистер Хэрриот! — сказал он. — Пожалуйста, поймите меня правильно. Я вполне вам доверяю, но неужели вы больше ничего сделать не можете! Я так привязан к этой собаке...

Мне осталось только безнадежно пожать плечами.

— Если бы это зависело от меня! Но других средств нет.

— А какое-нибудь противоядие?

— Боюсь, его не существует.

— Так что же... — Он страдальчески посмотрел на неподвижно вытянувшегося пса. — В чем, собственно, дело? Почему Джаспера сводят такие судороги? Я в этом не разбираюсь, но мне хотелось бы понять, в чем суть.

— Ну, я попробую объяснить, — сказал я. — Стрихнин воздействует на нервную систему, увеличивая проводимость спинного мозга.

— А что это означает?

— Чувствительность мышц к внешним раздражителям возрастает и при малейшем прикосновении или даже звуке они резко сокращаются.

— Но почему собаку так выгибает?

— Потому что мышцы-разгибатели сильнее мышц-сгибателей, и в результате спина выгибается, а ноги вытягиваются.

Он кивнул.

— Понимаю, но... Ведь такое отравление чаще всего смертельно? Так что именно... убивает их?

— Они погибают от удушья в результате паралича дыхательного центра или мощного сокращения диафрагмы.

Возможно, некоторые его недоумения остались неразрешенными, но разговор был для него слишком тяжел, и он замолчал.

— Мне хотелось бы, чтобы вы знали одно, мистер Бартл, — сказал я после паузы. — Почти наверное, они при этом не испытывают боли.

— Спасибо! — Он нагнулся и слегка погладил спящего пса. — Значит, ничего больше сделать нельзя?

Я покачал головой.

— Снотворное препятствует возникновению судорог, и нам остается надеяться, что в его организме осталось не слишком много стрихнина. Я загляну попозже, а если ему станет хуже, сразу позвоните, и я буду у вас через несколько минут.

На обратном пути мне пришло в голову, что те же причины, по которым Дарроуби был раем для любителей собак, превратили его в рай и для их отравителей. Повсюду вились соблазнительные зеленые тропинки — по берегу реки, по склонам холмов и среди вереска на вершинах. Сколько раз я сочувствовал владельцам собак в больших городах, где их негде прогуливать! У нас в Дарроуби в этом смысле никаких затруднений не возникало. Но и для отравителя тоже. Он мог разбрасывать свою смертоносную приманку буквально где хотел, оставаясь незамеченным.

Я кончил дневной прием, когда зазвонил телефон. В трубке раздался голос мистера Бартла, и я спросил:

— Опять начались судороги?

— Нет. — Он помолчал. — Видите ли, Джаспер умер. Он так и не очнулся.

— А... Мне очень жаль...

Меня охватило тупое отчаяние. Седьмая собака за неделю!

— Во всяком случае, благодарю вас, мистер Хэрриот. Я понимаю, что спасти его было невозможно.

Я с тоской повесил трубку. Он был прав: никто ничего тут сделать не смог бы, такого средства не существовало. Но мне от этого легче не становилось. Когда животное, которое ты лечишь, погибает, значит, ты потерпел поражение. И это тягостное чувство долго не проходит.

На следующий день мне пришлось поехать за город; жена фермера встретила меня на крыльце со словами:

— Вас просили сейчас же позвонить в приемную.

Трубку сняла Хелен:

— Только что пришел Джек Бримен со своей собакой. По-моему, опять стрихнин.

Я извинился перед фермершей и на предельной скорости помчался назад в Дарроуби. Джек Бримен был каменщиком. Какую бы работу ему ни поручали — чинить дымоходы, крыши, ограды, — он всегда приходил в сопровождении своего белого жесткошерстного терьера, и юркая собачка весь день вертелась между штабелями кирпича или обследовала окрестные луга.

Джек был моим хорошим знакомым — мы с ним часто пили пиво у «Гуртовщиков», — и я сразу узнал его фургон у крыльца Скелдейл-Хауса. Пробежав по коридору, я увидел, что он стоит, нагнувшись над столом в смотровой. Его песик лежал на столе в позе, которой я так страшился.

— Джим, он умер...

Я поглядел на мохнатое тельце. Оно было неподвижно, глаза остекленели. Ноги судорожно вытянулись на полированной поверхности стола. Зная, что это бесполезно, я все-таки нащупал бедреную артерию, но, конечно, пульса не обнаружил.

— Мне очень жаль, Джек, — сказал я неловко.

Он заговорил не сразу:

— Джим, я ведь читал в газете про других собак, но никак не думал, что и со мной может случиться такое. Черт те что, а?

Я кивнул. Это был немолодой йоркширец с рубленным лицом, чья суровая внешность прятала чувство юмора, неколебимую внутреннюю честность и привязчивое сердце, которое он отдал своей собаке. Что я мог ему ответить?

— Да кто ж это вытворяет? — спросил он словно про себя.

— Не знаю, Джек. И никто не знает.

— Эх, поговорил бы я с ним по душам минут пять!

Он поднял застывшее тельце и ушел.

Но проклятый день еще не кончился. В одиннадцать, как раз когда я уснул, Хелен растолкала меня:

— Джим, по-моему, в дверь стучат.

Я открыл окно и выглянул. На крыльце стоял старик Бордмен, хромой ветеран первой мировой войны, который иногда делал у нас кое-какие работы по дому.

— Мистер Хэрриот, — крикнул он. — Простите, что беспокою вас ночью, но Рыжего прихватило.

Я свесился из окна:

— Что с ним?

— Да словно одеревенел весь... и лежит на боку.

Я не стал тратить времени на одевание, а натянул на пижаму старые вельветовые брюки, сбежал с лестницы, перепрыгивая через две ступеньки, схватил в аптеке все необходимое и распахнул дверь. Старик, тоже без пиджака, вцепился мне в руку.

— Быстрее, быстрее, мистер Хэрриот! — пробормотал он и заковылял к своему домику в проулке за углом, до которого было шагов тридцать.

Рыжий был скован судорогой, как и все остальные. Толстый спаниель, которого я столько раз видел, когда он вперевалку прогуливался со своим хозяином, лежал все в той же жуткой позе на кухонном полу. Правда, его вырвало, и это немного меня обнадежило. Я сделал инъекцию в вену, но не успел еще извлечь иглы, как дыхание остановилось.

Миссис Бордмен в халате и шлепанцах упала на колени и протянула дрожащую руку к неподвижному телу.

— Рыженький... — Она обернулась и посмотрела на меня недоумевающими глазами. — Он же умер...

Я положил ладонь ей на плечо и забормотал слова утешения, мрачно подумав, что уже заметно в этом напрактиковался. Уходя, я оглянулся на стариков. Бордмен тоже опустился на колени рядом с женой, и, даже закрыв дверь, я продолжал слышать их голоса:

— Рыженький... Рыженький...

Я побрел домой, но, прежде чем войти, остановился на пустой улице, вдыхая свежий прохладный воздух и пытаюсь собраться с мыслями. Смерть Рыжего была уже почти личной трагедией. Я ведь каждый день видел этого спаниеля. Собственно, все погибшие собаки были моими старыми друзьями — в маленьком городке вроде Дарроуби каждый пациент скоро становится хорошим знакомым. Когда же это кончится?

До утра я почти не сомкнул глаз и все следующие дни мучился зловещими предчувствиями. Едва телефон начинал звонить, я уже гадал, какая собака стала очередной жертвой, а Сэма, нашего с Хелен пса, в окрестностях города не выпускал из машины. Спасибо моей профессии — я мог прогуливать его далеко отсюда, на вершинах холмов, но даже и там не позволял ему отходить от меня.

На четвертый день меня немного отпустило. Может быть, этот кошмар кончился? Под вечер я возвращался домой мимо серых домиков в конце Холтон-роуд, как вдруг на мостовую выбежала женщина, отчаянно размахивая руками.

— Мистер Хэрриот! — крикнула она, когда я остановился. — Я как раз бежала к телефонной будке, когда увидела вас.

Я свернул к обочине.

— Вы ведь миссис Клиффорд?

— Да-да. Джонни только что вернулся, а Фергус вдруг рухнул на пол и остался лежать.

— Только не это! — Я уставился на нее не в силах пошевелиться, а по спине у меня пробежала холодная дрожь. Потом я выскочил из машины и следом за матерью Джонни стремглав бросился к последнему домику. На пороге маленькой комнаты я в ужасе остановился. Когда лапы благородного пса беспомощно скребут линолеум, в этом есть что-то кошунственное, но стрихнин скручивает в судорогах всех без разбора.

— Боже мой! — прошептал я. — Джонни, его тошнило?

— Да. Мать сказала, что его вырвало в саду за домом, когда мы вернулись.

Слепой сидел, выпрямившись на стуле, рядом с собакой. Губы его складывались в полуулыбку, но тут он машинально протянул руку в привычном жесте и не почувствовал под ладонью головы, которой следовало там быть. Его лицо как-то сразу осунулось.

Флакон со снотворным плясал в моих пальцах, пока я наполнял шприц, стараясь отогнать мысль, что эту же инъекцию я делал тем, другим собакам, — тем, которые погибли. Фергус у моих ног тяжело дышал, а когда я нагнулся к нему, он внезапно замер и его сковала типичная судорога — могучие, столь хорошо знакомые мне ноги напряженно вытянулись в воздухе, голова нелепо откинулась к позвоночнику.

Вот так они и погибали — при полном сокращении мышц. Снотворное

пошло в вену, но признаки расслабления, которых я ждал, не появились. Фергус был примерно вдвое тяжелее прочих жертв, и шприц опустел без малейших результатов.

Я быстро набрал новую дозу и начал вводить ее, а внутри у меня все сжималось, потому что она была слишком велика. Полагается один кубик на пять фунтов веса тела, и превышение может привести к гибели животного. Я не отрываясь следил за делениями на стеклянном цилиндре шприца, и, когда поршень прошел черту безопасности, во рту у меня пересохло. Но эту судорогу необходимо было расслабить, и я продолжал упрямо нажимать на шток.

И, нажимая, думал, что, если Фергус сейчас погибнет, я так и не буду знать, винить ли в этом стрихнин или себя.

Фергус получил дозу заметно больше смертельной, но наконец его напряженное тело начало расслабляться, а я, сидя на корточках рядом с ним, боялся взглянуть на него: вдруг я все-таки его убил? Наступил долгий мучительный момент, когда он безжизненно замер, но потом грудная клетка почти незаметно поднялась, опустилась, и дыхание возобновилось.

Однако легче мне не стало. Сон был таким глубоким, что пес находился на грани смерти, и тем не менее я знал, что его необходимо держать в таком состоянии, иначе у него не будет никаких шансов. Я послал миссис Клиффорд позвонить Зигфриду и объяснить, что пока я должен остаться у них, придвинул стул, сел и приготовился к бесконечному ожиданию.

Шли часы, а мы с Джонни все сидели возле вытянувшейся на полу собаки. Джонни говорил о случившемся спокойно, не ища сочувствия к себе, словно у его ног лежал просто их домашний пес, — и только его ладонь нет-нет да и искала голову там, где ее больше не было.

Время от времени у Фергуса появлялись признаки приближения новой судороги, и каждый раз я вновь погружал его в бесчувственное состояние, возвращая на грань смерти. Но иного выхода не было.

Уже далеко за полночь я, с трудом раскрывая слипающиеся глаза, вышел на темную улицу. Я чувствовал себя совершенно опустошенным. Нелегко было следить, как жизнь дружелюбной, умной собаки, которая не раз облизывала тебе лицо, то совсем затухает, то вновь начинает еле-еле теплиться. Когда я ушел, он спал — по-прежнему под действием снотворного, однако дыхание стало глубоким и регулярным. Начнется ли прежний ужас опять, когда он проснется? Этого я не знал, но оставаться дольше не мог: меня ждали и другие животные.

Тем не менее тревога разбудила меня ни свет ни заря. Я проворочался на постели до половины восьмого, убеждая себя, что ветеринар не имеет права позволять себе подобное, что так жить попросту невозможно. Но тревога была сильнее голоса рассудка, и я ускользнул из дома, не дожидаясь завтрака.

Когда я постучал в дверь серого домика, нервы у меня были натянуты до предела. Мне открыла миссис Клиффорд, но я не успел ее ни о чем спросить: из комнаты в прихожую вышел Фергус.

Его еще пошатывало от лошадиных доз снотворного, но он был весел и выглядел вполне нормальным — все симптомы исчезли. Вне себя от радости я присел на корточки и зажал в ладонях тяжелую голову. Фергус тут же прошелся по моему лицу влажным языком, и я еле отпихнул его.

Он затрусил за мной в комнату, где Джонни пил чай, и тотчас сел на свое обычное место возле хозяина, гордо выпрямившись.

— Может, выпьете чашечку чаю, мистер Хэрриот? — спросила миссис Клиффорд, приподняв чайник.

— Спасибо. С большим удовольствием, миссис Клиффорд, — ответил я.

В жизни мне не доводилось пить такого вкусного чая. Я прихлебывал, не спуская глаз с улыбающегося Джонни.

— Даже трудно сказать, какое это было облегчение, мистер Хэрриот! Я сидел с ним всю ночь и слушал, как бьют часы на церкви. И вот после четырех я понял, что мы одержали верх: он поднялся с пола и пошел, вроде бы пошатываясь. Ну, тут я перестал бояться и просто слушал, как его когти стучат по линолеуму. Такой чудесный звук!

Он повернул ко мне счастливое лицо с чуть заведенными кверху глазами.

— Я бы пропал без Фергуса, — сказал он тихо. — Не знаю даже, как мне вас благодарить.

Но когда он машинально положил ладонь на голову могучего пса, который был его гордостью и радостью, я почувствовал, что никакой другой благодарности мне не нужно.

На этом эпидемия стрихнинных отравлений в Дарроуби кончилась. Пожилые люди все еще ее вспоминают, но кто был отравителем, остается тайной и по сей день.

Вероятно, меры, принятые полицией, и предупреждения в газетах напугали этого психически неуравновешенного человека. Как бы то ни было, с тех пор все редкие отравления стрихнином носили явно случайный характер.

А мне осталось грустное воспоминание о полном моем бессилии. Ведь выжил только Фергус, и я не знаю почему. Не исключено, что тут сыграли роль опасные дозы снотворного, на которые я решился только от отчаяния. А может быть, он просто проглотил меньше яда, чем другие? Этого я никогда не узнаю.

Но многие годы, глядя, как великолепный пес величественно выступает, безошибочно ведя своего хозяина по улицам Дарроуби, я ловил себя все на той же мысли: раз уж спастись суждено было только одной собаке, хорошо, что это был именно Фергус.

Только вчера я, развернув газету, прочел о вспышке умышленных отравлений стрихнином в одной сельской местности. Значит, продолжается! Значит, еще не перевелись такие люди... И, как ни горько, противоядия у нас по-прежнему нет. Только изредка мне удавалось спасти жертву такого отравления, надолго ее усыпляя. Стрихнин настолько опасен, что приобрести его можно лишь по особому разрешению Министерства сельского хозяйства. В разрешении указывается и точное количество, и цель приобретения, но вопреки всем предосторожностям трагедии продолжают.

29. Заместитель

Мы с Зигфридом завтракали в большой столовой. Мой патрон оторвался от письма, которое читал.

— Джеймс, вы помните Стьюи Брэннана?

Я улыбнулся:

— Ну конечно. Скачки в Бротоне?

Пряитель Зигфрида со студенческой скамьи. Дружелюбный медведь. Конечно, я его не забыл.

— Да-да. — Зигфрид кивнул. — Ну так я получил от него письмо. У него уже успел родиться шестой. И хотя он не жалуется, не думаю, что ему хорошо живется в такой дыре, как его Хенсфилд. Еле-еле на хлеб зарабатывает. — Он задумчиво подергал себя за ухо. — Знаете, Джеймс, было бы неплохо дать ему возможность отдохнуть. Вы не согласились бы поехать туда и подменить его недельки на две, чтобы он свозил свое семейство к морю?

— Конечно. С удовольствием. Но ведь вам одному нелегко придется?

— Мне полезно поразмяться, — отмахнулся Зигфрид. — Да и вообще у нас сейчас тихое время. Так я ему сегодня же напишу.

Стьюи с благодарностью ухватился за это предложение, и несколько дней спустя я отправился в Хенсфилд. Йоркшир — старое большое графство в Англии и, пожалуй, может похвастать наибольшим разнообразием. Меня просто потрясло, когда, покинув зеленые холмы и прозрачный воздух Дарроби, я через какие-нибудь два часа увидел, как из рыжей пелены лесом встают фабричные трубы. Тут начинался промышленный Уэст-Райдинг, и я проезжал мимо фабрик, угрюмых и сатанинских, какие могут привидеться только в кошмаре, мимо длинных рядов унылых одинаковых домов, в которых жили рабочие. Все было черным — дома, фабрики, заборы, деревья, даже окружающие холмы, закопченные и изуродованные дымом, извергаемым на город сотнями гигантских труб.

Приемная Стьюи находилась в самом сердце этого ада, в мрачном здании, покрытом слоем сажи. Нажав на кнопку звонка, я прочитал на дощечке: «Стюарт Брэннан, ветеринарный хирург, член Королевского ветеринарного колледжа и специалист по собакам». Интересно, подумал я, как отнеслись бы к этому добавлению светила Королевского ветеринарного колледжа, но тут дверь открылась, и я увидел своего коллегу.

Он совсем заполнил дверной проем. Пожалуй, со времени нашей первой и последней встречи он стал еще толще, и, поскольку был конец августа, он, естественно, не надел запомнившейся мне флотской шинели, но в остальном с того времени, когда мы познакомились в Дарроби, внешне нисколько не изменился — круглое, мясистое, добродушное лицо, темная влажная прядь, прилипшая ко лбу, всегда орошенному капельками пота.

Он ухватил меня за руку и радостно втащил в дверь.

— Джим! Очень рад вас видеть! Мои все в восторге — отправились за покупками перед поездкой. Мы уже списались насчет квартиры в Блэкпуле. — Его неугасимая улыбка стала еще шире.

Мы прошли в заднюю комнату, где на буром линолеуме стоял шаткий раскладной стол. Я увидел раковину в углу, несколько полок с бутылками и шкафчик, выкрашенный белой краской. В воздухе стоял легкий застарелый запах карболки и кошачьей мочи.

— Тут я осматриваю животных, — не без гордости объяснил Стьюи и посмотрел на часы. — Двадцать минут шестого. Через десять минут начинается прием. А пока давайте я покажу, что тут и как.

Осмотр продолжался недолго, потому что смотреть, собственно, было нечего. Я знал, что в Хенсфилде подвизается весьма фешенебельная фирма, а Стьюи обслуживает главным образом бедняков. И его приемная была типична для практики, которая дышит на ладан. Все имелось словно бы в единственном числе — одна прямая хирургическая игла, одна изогнутая, одни ножницы, один шприц. Выбор лекарств был крайне ограничен, но зато пузырьки и банки для них отличались редким разнообразием — особенно пузырьки: таких неожиданных форм мне в ветеринарных аптеках видеть еще не доводилось.

— Конечно, тут похвастать особенно нечем, Джим, — сказал Стьюи, словно читая мои мысли. — Практика у меня не модная, и зарабатываю я мало. Но концы с концами мы сводим, а ведь это главное.

Я вспомнил, что ту же фразу он сказал в тот день, когда мы познакомились на скачках. По-видимому, дальше, чем сводить концы с концами, его честолюбие не шло.

Он приподнял занавеску, отделявшую дальнюю часть комнаты.

— А это, так сказать, зал ожидания. — Он улыбнулся, заметив, с каким удивлением я оглядел десяток стульев, расставленных у трех стен. — Не слишком роскошно, Джим, и очереди на улице не выстраиваются. Но ничего, живем.

В дверь уже входили клиенты Стьюи: две девочки с черной собакой, старик в кепке с терьером на веревочке, подросток с кроликом в корзине.

— Ну что ж, начнем, — сказал Стьюи, натянул белый халат, откинул занавеску и пригласил: — Пожалуйста, кто первый?

Девочка поставила свою собаку на стол: длиннохвостая многопородная дворняжка содрогалась от страха, опасно косясь на белый халат.

— Ну-ну, малышка, — проворковал Стьюи, — я тебе больно не сделаю. — Он ласково погладил дрожащую голову и только потом повернулся к девочкам: — Так в чем беда?

— Она на ногу припадает, — ответила одна из них.

Словно в подтверждение, собачонка жалобно подняла переднюю лапу. Стьюи забрал ее в огромную ручищу и начал бережно ощупывать. Меня поразила эта мягкая нежность в таком, казалось бы, неуклюжем великане.

— Кости целы, — объявил он. — Просто немножко потянула плечо. Постарайтесь, чтобы она поменьше бегала, а утром и вечером втирайте вот это.

Он отлил беловатое притирание из бутылки в пузырек непонятной формы и протянул его девочкам.

Одна из них разжала кулачок, стискивавший шиллинг.

— Спасибо, — сказал Стьюи без малейшего удивления. — До свидания.

Он осмотрел еще нескольких животных и уже снова направился к занавеске, чтобы позвать следующего, но тут через другую дверь вошли два уличных оборвыша, таща бельевую корзинку со всевозможными бутылками и склянками.

Стьюи нагнулся над корзиной и начал с видом знатока перебирать бутылочки из-под соусов, банки из-под маринадов, бывшие вместители кетчупа. Наконец он принял решение и заявил:

— Три пенса.

— Шесть, — хором ответили оборвыши.

— Четыре, — буркнул Стьюи.

— Шесть, — пропели оборвыши.

— Пять, — не сдавался мой коллега.

— Шесть! — Их тон стал победоносным.

— Ну ладно, — вздохнул Стьюи, отдал требуемую монетку и начал складывать свое новое приобретение под раковину.

— Я сдираю этикетки, Джим, и кипячу их как следует.

— Угу.

— Все-таки экономия.

Так я узнал тайну этой странной аптечной посуды.

Последний клиент появился из-за занавески в половине седьмого. Весь прием я наблюдал, с каким тщанием Стьюи неторопливо осматривал каждое животное и выбирал наилучшее лечение в пределах своих ограниченных ресурсов. Гонорар его исчерпывался одним-двумя шиллингами, и я понял, почему он только-только сводит концы с концами.

И еще я заметил, что всем клиентам он нравится. Да, его приемная остав-

ляля желать лучшего, но зато он сам был неизменно внимателен и добр.

Последней была породная дама, очень чопорная и выражавшаяся на самом изысканном литературном языке.

— Моя собачка была на прошлой неделе укушена в шею, — объявила она, — и я боюсь, в рану проникла инфекция.

— Да-да, — озабоченно кивнул Стьюи, и пальцы-бананы порхающим движением ощупали распухшую шею животного. — Ничего хорошего. Если мы не примем мер, дело может кончиться абсцессом.

Он долго выстригал шерсть и обрабатывал глубокую ранку перекисью водорода. Потом вдул в нее присыпку, наложил ватный тампон и забинтовал. Затем он сделал антистафилококковую инъекцию, а в заключение вручил даме бутылку из-под соуса, по горлышко полную раствором акрифлавина.

— Применяйте, как указано в рецепте, — сказал он.

Наступила пауза, и дама выжидательно открыла кошелек.

После долгой внутренней борьбы, о которой свидетельствовало подергивание щек и век, он, наконец, решительно расправил плечи:

— Три шиллинга шесть пенсов.

По меркам Стьюи это был огромный гонорар, хотя в любой другой ветеринарной лечебнице такая сумма составила бы минимум, и я даже не уверен, не назначил ли он ее в убыток себе.

Когда дама удалилась, во внутренних комнатах внезапно поднялся оглушительный гвалт. Стьюи одарил меня сияющей улыбкой:

— Мег вернулась с ребятами. Идемте, я вас познакомлю.

Мы вышли в коридор и погрузились в невероятный шум и суматоху. Дети кричали, визжали, прыскали от смеха; звякали ведерки и лопаточки; большой мяч прыгал от стены к стене, и все перекрывал безжалостный плач младенца.

Стьюи шагнул в центр сумятицы и извлек оттуда худенькую женщину.

— Моя жена, — произнес он с тихой гордостью и посмотрел на нее, словно подросток на кинозвезду.

— Здравствуйте, — сказал я.

Мег Брэннан пожала мне руку и улыбнулась. Ее неотразимая прелесть существовала только в глазах ее мужа. Она сохраняла остатки миловидности, но ее лицо несло следы нелегко прожитых лет. Я представил себе ее жизнь — матери, домохозяйки, кухарки, секретарши, регистраторши и ветеринарной сестры!

— Ах, мистер Хэрриот, вы и мистер Фарнон так добры, что согласились нас выручить. Мы просто мечтаем об этой поездке! — В ее глазах отсвечивало отчаяние, но они были очень добрыми.

Я пожал плечами.

— Миссис Брэннан, о доброте тут речи нет. Я уверен, что извлеку для себя много пользы, и от души надеюсь, что вы все чудесно отдохнете! (Говорил я совершенно искренне — судя по ее виду, отдохнуть ей было абсолютно необходимо.)

Меня познакомили с детьми, но я так до конца в них не разобрался. Кроме младенца, который вопил не переставая, во всю силу поистине железных легких, имелось как будто три мальчика и три девочки, но точно сказать не могу — слишком быстро они проносились то туда, то сюда.

Утихомирились они (ненадолго) только за ужином, когда Мег кормила

их и нас, накладывая из огромной кастрюли жидкое варево, включавшее кусочки баранины и картошку с морковью, — кстати, очень вкусное. Затем мы получили по солидному куску бланманже, сдобренного джемом.

Тут снова поднялся шум: ребятишки с неимоверной быстротой расправились со своими порциями и устроились играть тут же в комнате. Меня смущал только новый пестрый мяч: два старших мальчика перебрасывались им через стол, за которым мы ели. Родители их не останавливали — Мег, чувствовал я, уже перестала пытаться что-либо изменить, а Стьюи никогда и не пытался.

Только один раз, когда мяч пролетел под самым моим носом, чудом не задев ложку с дрожащей пирамидкой бланманже, отец все-таки запротестовал:

— Полегче, полегче! — рассеянно буркнул он, и мяч продолжал летать, но ближе к середине стола.

На следующее утро я проводил счастливое семейство. Стьюи за рулем большого проржавевшего «форда» кивал и помахивал рукой, Мег рядом с ним улыбнулась измученной улыбкой, а за треснутыми боковыми стеклами куча ребятишек и собак сражались за самые удобные места. Машина тронулась, кроватка, коляска и чемоданы на крыше угрожающе закачались, дети завопили, собаки залаяли, младенец заплакал, и они укатили.

Когда я вошел в дом, меня окутала глубокая тишина и принесла с собой ощущение тревоги. Мне предстояло две недели заменять Стьюи, и мысль об этой плохо оборудованной операционной меня отнюдь не успокоила. Если случай окажется действительно серьезным, я попаду в трудное положение!

Но я тут же приободрился. Судя по тому, что мне пришлось увидеть, ничего из ряда вон выходящего ждать не приходилось. Стьюи упомянул, что главный доход ему приносит кастрация котов. Ну прибавим экзему ушной раковины, еще два-три легких заболевания — наверное, этим все и ограничивается.

Утренний прием только подтвердил мои предположения. Бедно одетые люди приводили дворяшек, приносили кошек и кроликов с пустячными недомоганиями, и я благодушно раздал немало бутылочек из-под минеральной воды и баночек из-под паштета, вполне обходясь небогатым ассортиментом лекарств в аптеке Стьюи.

Хлопоты мне причинял только стол, который то и дело складывался, когда я поднимал на него животных. Металлические распорки имели обыкновение в решающий момент срываться с упора, ножки подламывались, и пациент соскальзывал на пол. Но через некоторое время я приспособился и, осматривая животное, подпирал распорку коленом.

Около половины одиннадцатого, приподняв занавеску в последний раз, я убедился, что в приемной больше никого нет — только в воздухе еще висел особый собачье-кошачий запах. Запирая дверь, я подумал, что до вечернего приема мне, собственно, совершенно нечего делать. В Дарроуби я сразу побежал бы к машине, чтобы отправиться в дневной объезд, но тут почти вся работа велась в операционной.

Я раздумывал, чем бы заняться после единственного вызова, значившегося в ежедневнике, но тут в дверь позвонили. Еще один звонок и отчаянный стук. Я нырнул под занавеску и повернул ключ. На крыльце стояла молодая, элегантно одетая пара. Мужчина держал на руках желтого лабрадора, а у

тротуара позади них виднелась большая сверкающая машина с домиком-прицепом.

— Вы ветеринар? — еле выговорила молодая женщина. Ей было лет двадцать пять — каштановые волосы, красивое лицо и полные ужаса глаза.

Я кивнул:

— Да-да. Что случилось?

— Наш пес... — хрипло сказал молодой человек. Лицо его побелело. —

Он попал под машину.

Я посмотрел на золотистое неподвижное тело:

— Тяжелая травма?

После короткой паузы женщина прошептала:

— Поглядите на его заднюю ногу.

Я шагнул вперед — и меня мороз продрал по коже. В заплюсневом суставе нога была оторвана. Нет, не сломана, а именно оторвана и болталась на лоскуте кожи. В ярких солнечных лучах отвратительно поблескивали белые концы обнаженных костей.

Казалось, я очень долго, словно в столбняке, тупо глядел на собаку, а когда, наконец, обрел голос, он прозвучал как чужой:

— Войдите, — пробормотал я и повел их через благоуханную приемную к столу, горько сознавая, насколько я ошибся, когда решил, что меня тут никакие трагедии не подстерегают.

Замещая кого-то, получаешь уникальную возможность приобщиться к образу жизни другого человека. Лечение мелких животных можно организовать множеством самых разных способов, и Стьюи Брэннан избрал один из наиболее оригинальных. По странному капризу судьбы чуть ли не самый тягостный и ответственный эпизод в моей практике выпал мне на долю в приемной Стьюи, где выбор медикаментов и инструментов был пугающе скуден...

30. *Ким*

Я отдернул занавеску, и молодой человек, пошатываясь, положил свою ношу на стол. Теперь можно было рассмотреть типичные признаки дорожного происшествия: грязь, буквально вбитая в глянцевитое золото шерсти, множество царапин и ссадин. Но вот изувеченная нога не была типичной. Ничего подобного мне еще видеть не приходилось.

Я отвел взгляд и спросил хозяйку собаки:

— Как это случилось?

— В одну секунду. — Ее глаза наполнились слезами. — Мы путешествуем и даже не собирались останавливаться в Хенсфилде. (Еще бы! — подумал я.) Только хотели купить газету, а Ким выпрыгнул из машины... И вот...

Я поглядел на пса, неподвижно распростертого на столе, и легонько погладил благородную голову.

— Бедняга! — пробормотал я, и на мгновение прекрасные карие глаза обратились на меня, а хвост раза два стукнул по столу.

— Откуда вы? — спросил я.

— Из Суррея, — ответил молодой человек.

— Ах так... — Я потер подбородок. В черном туннеле вдруг забрезжил свет спасительной лазейки. — Может быть, я сделаю перевязку и вы отвезете его домой, к собственному ветеринару?

Он посмотрел на жену, потом снова повернулся ко мне.

— И что тогда? Ему ампутируют ногу?

Я ничего не ответил. Конечно, именно так и поступят в хорошо оборудованной ветеринарной лечебнице, где много умелых помощников и операционная отвечает всем современным требованиям. Да и что еще можно сделать?

От этих мыслей меня отвлекла хозяйка собаки.

— Но если есть все-таки шанс спасти ногу, меры надо принять немедленно, верно? — Она умоляюще посмотрела на меня.

— Да, — хрипло ответил я. — Конечно.

И начал осмотр. Повреждения кожи оказались пустяковыми. Пес был в шоке, но слизистые оболочки оставались розовыми — по-видимому, дело обошлось без внутреннего кровотечения. Да, случай был бы легкий, если бы не эта страшная нога.

Я уставился на нее, и меня снова ужаснуло поблескивание гладких поверхностей заплюсневого сустава. Было что-то почти непристойное в том, что они обнажились у живой собаки. Казалось, жестокие любопытные руки нарочно разломали сустав.

Я начал лихорадочно обыскивать операционную, вытаскивал ящики, распакивал дверцы, открывал коробки. При каждой полезной находке у меня колотилось сердце: банка из-под кетчупа со спиртом, пачка ваты, йодоформ и — вот действительно сокровище! — флакон снотворного для анестезии.

Больше всего пользы принесли бы антибиотики, но их я, конечно, даже не искал — в те дни они еще не были открыты. Я лихорадочно рылся в поисках хотя бы одной-двух унций сульфаниламида, но тщетно — такой роскоши в хозяйстве Стьюи не водилось. Тут я наткнулся на коробку с гипсовыми бинтами, и она мне кое-что напомнила.

В то время, на исходе тридцатых годов, у всех еще была жива в памяти гражданская война в Испании. В ее последние месяцы медикаментов настолько не хватало, что нередко страшнейшие раны просто заключали в гипс, чтобы они «поварились в собственном соку», по мрачному выражению тех лет. Но результаты порой оказывались на удивление хорошими.

Я схватил бинты. Теперь я знал, что мне делать. Полный суровой решимости, я ввел иглу в вену и медленно впрыснул снотворное. Ким мигнул, лениво зевнул и погрузился в сон. Быстро разложив свой скудный арсенал, я попробовал повернуть собаку поудобнее. Но особенности стола вылетели у меня из головы, и едва я приподнял задние лапы, как он накренился и тело собаки беспомощно заскользило на пол.

— Хватайте его! — Мой отчаянный вопль возымел действие: хозяин успел подхватить расслабленное тело, а я торопливо вернул распорки на место и поверхность стола снова приняла горизонтальное положение.

— Подсуньте колено вот сюда! — пропыхтел я и повернулся к его жене: — И вы тоже, пожалуйста, с той стороны. Нельзя, чтобы стол рухнул, пока я буду оперировать.

Они молча выполнили мою просьбу, а я, взглянув на колени, поддерживающие распорки снизу, почувствовал острый стыд. Что они могут подумать о подобной убогости?

Потом я надолго забыл обо всем. Сначала я вернул сустав на место, вдвинув гребни плюсневого блока в мышелки дистальной поверхности голени, как много раз делал на практических занятиях по анатомии в колледже. И тут мелькнул первый луч надежды: некоторые связки полностью сохранились и, что было еще важнее, уцелело несколько крупных кровеносных сосудов.

Я молча чистил и обеззараживал, вдувая йодоформ в каждый просвет, а потом начал сшивать, соединяя сухожилия, восстанавливая суставную сумку и связки, — казалось, этому не будет конца. Утро выдалось жаркое, и под бьющими в окно косыми лучами на лбу у меня выступил пот. Когда я накладывал швы на кожу, по моему носу уже весело бежал ручеек, каплями срываясь с кончика. Ну, еще йодоформ, потом вата и, наконец, два гипсовых бинта. Нога от голени до лапы была теперь заключена в жесткий лубок.

Я выпрямился и посмотрел на молодых супругов. Все это время они поддерживали стол в очень неудобных позах, ни разу не шелохнувшись, но теперь мне показалось, будто я вижу их впервые. Я вытер лоб и глубоко вздохнул: — Ну вот так. Пожалуй, неделю ничего делать не надо, а тогда покажите его ветеринару — там, где вы остановитесь.

Они помолчали, потом жена сказала:

— Я бы хотела, чтобы его снова посмотрели вы.

Муж кивнул.

— Правда? — Я был искренне удивлен. Мне казалось, что они предпочитают никогда больше не видеть ни меня, ни мою пропахшую кошками приемную, ни мой складывающийся стол.

— Но это же естественно, — сказал муж. — Вы были так внимательны и делали все с таким тщанием. Каков бы ни был исход, мы вам глубоко благодарны, мистер Брэннан.

— Я не мистер Брэннан. Он в отъезде, я его временно заменяю. Моя фамилия Хэрриот.

— Ну так еще раз спасибо, мистер Хэрриот! — Он протянул руку: — Я Питер Гиллард, а это моя жена Марджори.

Мы обменялись рукопожатием, он поднял собаку со стола, и они пошли к машине.

Все последующие дни нога Кима постоянно маячила у меня перед глазами. Иногда мне казалось, что только идиот попытался бы спасти лапу, соединенную с остальной ногой лишь лоскутком кожи. Ни с чем, хоть отдаленно похожим на этот случай, я ни разу не сталкивался, и в свободные минуты перед моим мысленным взором вдруг проплывал заплюсневый сустав со всеми его сложными компонентами.

А свободных минут хватало, потому что Стьюи работой завален отнюдь не был. Если не считать трех приемов в день, делать было почти нечего, а уж о ночных вызовах, как в Дарроуби, тут и не слышали.

Уезжая, Брэннаны поручили и дом, и меня заботам миссис Холройд, пожилой вдовы с испытанным лицом, которая неторопливо прохаживалась по комнатам в цветастом комбинезоне, обсыпая его пеплом сигареты, неизменно торчавшей в уголке ее рта. Вставала она поздно и скоро меня выдрессировала: когда в первые два-три дня она не появилась с утра, я состряпал себе завтрак сам, а потом так это и продолжалось.

Но в остальное время она заботилась обо мне очень хорошо. Готовила

она простые блюда, зато вкусно, и за обедом и ужином со словами «кушайте на здоровье, голубчик» ставила передо мной полные, аппетитно пахнущие тарелки, не спуская с меня спокойных глаз, пока я не начинал есть. Единственным облачком, омрачившим мое удовольствие, был длинный трепещущий палец пепла, которым грозила моей еде очередная сигарета.

Кроме того, миссис Холройд записывала вызовы по телефону, если меня не оказывалось рядом. Их было немного, но один надолго запечатлелся в моей памяти.

Я заглянул в блокнот и прочел запись, сделанную аккуратным наклонным почерком миссис Холройд: «Мистер Пимизров просил приехать посмотреть бульдога».

— Пимизров? — переспросил я. — Он что, русский, этот джентльмен?

— Не знаю, голубчик. Я не спрашивала.

— А... а он говорил, как иностранец? Неправильно произносил слова?

— Нет, голубчик. Произносил, как я, по-йоркширски.

— Ну да неважно, миссис Холройд. А его адрес?

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Откуда мне его знать? Он же не сказал.

— Но... миссис Холройд, как же я могу к нему поехать, если не знаю, где он живет?

— Это уж вам виднее, голубчик.

Я был в полном недоумении.

— Но ведь он должен был сказать вам!

— Пимизров — вот и все, что он мне сказал, молодой человек. И еще сказал, что вы сами знаете. — Она выставила подбородок и смерила меня ледяным взглядом. Сигарета затрепетала. Возможно, такие недоразумения у нее бывали и со Стьюи — во всяком случае, я понял, что разговор окончен.

Весь день я старался не думать об этом, но меня томило сознание, что где-то неподалеку страдает больной бульдог, а я не могу прийти ему на помощь.

Телефонный звонок в семь вечера покончил с моими терзаниями.

— Это кто, ветеринар? — ворчливо спросил грубый голос.

— Да... слушаю...

— Я весь день прождал. Когда же вы соберетесь посмотреть моего бульдога?

Ситуация начала проясняться. Но с другой стороны... это йоркширское произношение... ни намек на Кремль... на степное раздолье...

— Очень сожалею, — забормотал я. — Боюсь, произошло маленькое недоразумение. Я заменяю мистера Брэннана и не знаю здешних мест. От души надеюсь, что у вашей собаки нет ничего серьезного.

— Серьезного-то нет, так, покашливает. Но я хочу его подлечить.

— Разумеется, разумеется. Я сейчас же приеду, мистер... Э...

— Пим — моя фамилия, а живу я рядом с почтой в Роффе.

— В Роффе?

— Ну да. В двух милях от Хенсфилда.

Я облегченно вздохнул.

— Хорошо, мистер Пим. Я выезжаю.

— Спасибо, — голос немного смягчился. — Теперь, значит, не спутаете. Пим из Роффа, вот я кто.

Все стало ясно: Пим из Роффа — Пимизров! Такое простое объяснение.

Подобные мелкие происшествия оживляли неделю, но я с нарастающим напряжением ожидал возвращения Гиллардов. И даже наступление седьмого дня его не сняло, потому что на утреннем приеме они не появились. Когда же они не приехали и днем, я решил, что они благоразумно предпочли отправиться домой и обратиться в лечебницу, оборудованную по последнему слову науки. Но в половине шестого они пришли.

Я понял это, еще не откинув занавески. Роковой запах разлился по всему дому, а когда я вышел за занавеску, он оглушил меня — тошнотворный смрад разложения.

Гангрена. Всю неделю я опасался ее — и, как оказалось, не напрасно.

Остальные клиенты — человек шесть — постарались отодвинуться от Гиллардов как можно дальше, а они смотрели на меня с вымученной улыбкой. Ким попытался подняться мне навстречу, но я видел только беспомощно болтающую заднюю ногу под разбухшими складками моей недавно такой твердой гипсовой повязки!

И надо же было, чтобы Гилларды оказались последними! Мне пришлось прежде принять остальных животных. Я осматривал их, назначал лечение, мучаясь от бессилия и стыда. Что я сделал с этим чудесным псом? Какое безумие толкнуло меня на подобный эксперимент? Раз началась гангрена, даже ампутация ноги его, возможно, уже не спасет. Ему грозит гибель от сепсиса, а что я могу сделать в этой дыре?

Когда наконец настала очередь Гиллардов, они вошли, ведя хромящего Кима, и мне стало еще тяжелее, потому что я снова увидел, какой он красавец. Я нагнулся над большой золотистой головой, а он дружелюбно заглянул мне в глаза и помахал хвостом.

Подсунув руки ему под грудь, я сказал Питеру Гилларду:

— Перехватите его под задние ноги. Вот так.

Мы подняли тяжелого пса на стол, хлипкая мебель немедленно перекосилась, но на этот раз Гилларды были наготове и подставили колени под распорки отлично слаженным движением.

Кима мы положили на бок, и я потрогал повязку. Обычно гипсовый лубок снимают с помощью особой пилы, и эта операция требует большого терпения и времени, но тут под моими пальцами были только вонючие тряпки. Дрожащей рукой я разрезал повязку ножницами вдоль и снял ее.

Вот сейчас я увижу холодную мертвую ногу характерного зеленоватого оттенка... Однако под гноем и сукровицей подживающие мышцы были на удивление здорового розового цвета. Я взял лапу в руки, и сердце у меня радостно забилось. Лапа была теплой, и вся нога до заплюсневого сустава — тоже. Ни малейших признаков гангрены!

Меня вдруг сковала страшная слабость, и я прислонился к столу.

— Запах, конечно, ужасный... Но ведь гной и прочие выделения неделю разлагались под повязкой. А нога выглядит гораздо лучше, чем я ожидал.

— Вы... вы думаете, что можете ее спасти? — дрожащим голосом спросила Марджори Гиллард.

— Не знаю. Нет, я правда не знаю. Предстоит еще столько всякого... Но пока, на мой взгляд, все идет хорошо.

Я обработал поверхность спиртом, присыпал йодоформом, наложил свежую вату и еще два гипсовых бинта.

— Теперь, Ким, тебе будет полегче, — сказал я, и пес, услышав свое имя, хлопнул хвостом по столу.

Я повернулся к его хозяевам:

— Ему надо еще неделю побыть в гипсе. Так что вы думаете делать дальше?

— Останемся здесь, — ответил Питер Гиллард. — Мы нашли удобное местечко у реки. И довольно приятное.

— Отлично. Ну, так до следующей субботы.

Я смотрел, как Ким проковылял на улицу, высоко держа свой новый белый лубок, и на меня нахлынула теплая волна радости.

Однако где-то в глубине сознания предостерегающе звучал тихий голос: до выздоровления еще далеко.

Как мне повезло, что тогда гражданская война в Испании еще была в моей памяти. Я бы ни за что не осмелился заковать ногу Кима в гипс, если бы мне не довелось прочесть о чудотворном исцелении солдат, чьи страшные раны приходилось лечить таким способом, потому что никаких других в распоряжении хирурга не было.

31. Собачьи бега и неожиданный выигрыш

Вторая неделя прошла тихо. Я получил слегка непристойную открытку от Стьюи и другую, с видом Блэкпулской башни, от его жены. Погода стоит знойная, и они еще никогда так чудесно не отдыхали. Я попытался представить себе, как они проводят время, а несколько недель спустя, уже в Дарроуби, получил наглядное доказательство — снимок, сделанный пляжным фотографом. Все семейство стояло в море, улыбаясь прямо в объектив, а волны лизали им колени. Дети размахивали совками и ведерками, младенец болтал над водой кривыми ножками, но особенно умилил меня Стьюи: из-под повязанного на голове носового платка сияла блаженная улыбка, крепкие подтяжки поддерживали мешковатые брюки, аккуратно подвернутые до колен. Он был живым воплощением британского папаши на отдыхе.

Последним событием моего пребывания в Хенсфилде оказалось посещение местных собачьих бегов. Во вторую пятницу каждого месяца Стьюи осматривал там собак-участниц.

Снаружи Хенсфилдский стадион особого впечатления не производил. Он был встроен в естественную ложбину между закопченными склонами двух холмов и окружен покосившимся забором.

Вечер выдался прохладный. Подъезжая ко входу, я внимал жестяным звукам, льющимся из громкоговорителей: Джордж Формби распевал «Когда я мою окна», брэнча на своем знаменитом укееле.

Стадионы, специализирующиеся на собачьих бегах, бывают самые разные. Студентом я сопровождал ветеринаров, которые приглашались Национальным клубом собачьих бегов, чем мой личный опыт исчерпывался. Это же был нелегализованный «подпольный» стадион, совершенно непохожий на те, где мне доводилось бывать. Нет, конечно, есть немало подпольных стадионов, пользующихся заслуженно высокой репутацией, но этот выглядел каким-то жалким и двусмысленным. Именно таким, какой будет пользоваться услугами Стьюи, подумал я кисло.

Сначала мне полагалось явиться в кабинет управляющего. Мистер Кокер был обладателем пары жестких глазок и лоснящегося костюма в полосочку. Он небрежно кивнул и подверг меня буравящему осмотру.

— Ваши обязанности тут — чистейшая формальность, — сказал он, морща физиономию в подобие улыбки. — Ничего затруднительного.

Мне показалось, что он оценивал меня с тихим удовлетворением; оглядывал с головы до ног, учитывая мятый пиджак и брюки без складки, смаковал мою очевидную молодость и неопытность. Не отключая улыбки, он раздавил окурок сигары в пепельнице.

— Ну, надеюсь, вы проведете приятный вечерок!

— Благодарю вас, — сказал я и ушел.

Я познакомился с судьей, стартером и другими официальными лицами, а потом направился к длинному бару со стеклянной стеной, сквозь которую можно было наблюдать бегущих собак. Внезапно я всей кожей ощутил, что попал в совершенно чуждую мне среду. Бар быстро заполнялся, и физиономии вокруг совсем не походили на честные простые лица обитателей Дарроуби и его окрестностей. Довольно заметный процент зрителей составляли толстяки в верблюжьих костюмах с крашеными блондинками под ручку. Подозрительные типчики с шарящими глазами изучали списки собак-участниц и внимательно следили за бегущими цифрами на табло тотализатора.

Я взглянул на свои часы. Пора было осмотреть собак перед первым забегом. «Когда я мыл окна!» — вопил Джордж Формби, пока я, огибая беговую дорожку, шел к мошеной площадке за сеткой, откуда собак выпускали на старт. По ее периметру повели пятерых грейхаундов, а я, стоя в центре, минуты две следил за ними. Потом остановил их и начал осматривать каждую: сначала глаза и пасть — нет ли слюнотечения, а затем ощупывал животы. Все они производили впечатление бодрых и во всех отношениях нормальных, кроме четвертого номера, живот которого был туговат. В день бегов грейхаундов полагается немного покормить утром, а потом до конца бегов ничего им не давать, и я повернулся к человеку, который держал поводок.

— Собака что-нибудь ела в течение последних двух часов? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — После утренней кормежки — ничего.

Снова ощупывая живот номера четвертого, я заметил, что среди зрителей, собравшихся у сетки, некоторые следят за мной с каким-то непонятным

вниманием. Но решил, что у меня разыгрывается воображение, и занялся следующей собакой.

Номер четвертый котировался вторым после фаворита, но с первой же секунды начал отставать и пришел последним. Из темноты по ту сторону дорожки донесся взрыв негодующих воплей. Кое-что мне удалось разобрать. В том числе и призыв: «Протри зенки, ветеринаришка!». Тут я увидел, что в длинном, ярко освещенном баре люди поглядывают на меня и подталкивают соседей локтями.

Во мне поднялась ярость. Может, кое-какие джентльмены тут решили нагреть руки на отсутствии Стьюи! И конечно, я им показался безмозглым идиотом.

Перед следующим забегом меня на площадке со всех сторон встретили приятельские кивки и ухмылки. Атмосфера сильно отдавала дружеским благодушием. Я начал осмотр, и все было прекрасно, пока не наступил черед номера пятого. На этот раз ошибки быть не могло. Тугой живот еле прогибался под моими пальцами, а когда я нажал посильнее, собака слегка срыгнула.

— Эту собаку придется с забега снять, — сказал я. — У нее полон желудок.

Владелец стоял, переговариваясь со служителем.

— Это откуда же? — крикнул он. — Его с утра не кормили!

Я выпрямился и поглядел ему прямо в глаза, но он их тут же отвел. Мне были известны кое-какие приемы: пара фунтов вырезки перед забегом или миска измельченных сухарей с двумя пинтами молока. За очень короткое время сухари в желудке восхитительно увеличивались в объеме.

— Хотите, чтобы я вызвал у него рвоту? — Я сделал шаг к выходу. — У меня в машине есть немного кальцинированной соды, и мы очень скоро все выясним.

Но он предостерегающе поднял ладонь.

— Еще чего! Так я вам и позволю травить мою собаку! — И, метнув на меня злобный взгляд, он угрюмо поплелся прочь.

Не успев я вернуться в бар, как громкоговорители объявили: «Ветеринара просят зайти к управляющему!».

Мистер Кокер повернул голову и обдал меня свирепым взглядом сквозь клубы табачного дыма.

— Вы сняли собаку с забега?

— Совершенно верно. Мне очень жаль, но желудок у нее был полон.

— Но, черт бы!.. — Он ткнул в меня пальцем, однако тут же осекся и перекрутил губы в улыбку. — Послушайте, мистер Хэрриот, в подобных вопросах не следует быть слишком уж большим формалистом. Я не сомневаюсь, что вы свое дело знаете, но ведь ошибиться вы можете? — Он красноречиво взмахнул сигарой. — В конце-то концов от ошибок никто не застрахован. Так, может, вы пересмотрите свое заключение? — Он растянул улыбку почти до ушей.

— Нет. Извините, мистер Кокер, но об этом не может быть и речи.

Наступила долгая пауза.

— Это ваше последнее слово?

— Да.

Улыбка исчезла, и он смерил меня грозным взглядом.

— Послушайте, — сказал он, — вы сорвали забег, а это серьезное дело. И повторений я не потерплю, поняли? — Он яростно растер кончик сигары в пепельнице и выпятил нижнюю челюсть. — А потому, надеюсь, ничего такого не повторится!

— Я тоже надеюсь, мистер Кокер, — сказал я, выходя.

Когда я в следующий раз направился на площадку, путь мне показался очень долгим. Уже совсем стемнело, и вокруг гудела невидимая толпа, кричали букмекеры, а Джордж Формби и его укееле неистовствовали вовсю. «А ветер режет, как нож!» — взревел Джордж.

Теперь это был номер второй. Я ощутил напряжение в воздухе, когда нагнулся над ним, а живот оказался таким же тугим.

— Этот снимается, — сказал я, и, если не считать нескольких злобных взглядов, никто не заспорил.

Говорят, дурные вести летят быстрее ветра, и не успел я зашагать обратно, как Джорджа вырубил, и громкоговорители попросили меня зайти к управляющему.

Мистер Кокер уже не сидел за столом, а возбужденно рассказывал по комнате и, когда увидел меня, еще раз промерил ее во всю длину, прежде чем остановиться. Его лицо дышало злобой, и он явно решил, что миндальничать со мной нечего.

— Чего вы, тра-та-та, хотите? — рявкнул он. — Сорвать бега?

— Нет, — ответил я. — Я просто снял с забега еще одну собаку, которая не может в нем участвовать. Это моя работа. И здесь я именно для этого. Он побагровел.

— А по-моему, вы понятия не имеете, для чего вы здесь! Мистер Брэннан уезжает отдыхать и бросает нас на произвол таких вот зеленых всезнаек! Командует тут, портит людям удовольствие! Погодите, вот я ему расскажу!

— Мистер Брэннан сделал бы то же самое. Как и любой ветеринар.

— Чуть! Хватит заливать — у вас еще молоко на губах не обсохло. — Он медленно пошел на меня. — Вот что: с меня достаточно! Так запомните! Чуть больше это не повторялось! Хватит!

Когда я пошел осматривать собак перед очередным забегом, сердце у меня бешено колотилось. Пока я производил осмотр, владельцы и служители глядели на меня как замороженные, точно я был ярмарочной диковинкой. Но ни единого тугого живота я не нащупал, пульс у меня замедлился, и я с облегчением уже собрался уйти, как вдруг заметил, что номер первый выглядит как-то не так. Я снова нагнулся над ним, стараясь понять, что в нем привлекло мое внимание. И тут я понял: он был какой-то сонный — голова вяло наклонена, ощущение большой апатии.

Я приподнял морду и заглянул в глаза. Расширенные зрачки, легкое подергивание глазного яблока — вне всяких сомнений, его чем-то одурманили. Когда я выпрямился, все вокруг замерли. Я посмотрел сквозь сетку на ярко освещенный зеленый овал, чувствуя, как ночной воздух холодит мне щеки. Джордж все еще буйствовал в громкоговорителях: «Ах, мистер Ву, я не могу!» — пропел он.

Ну, во всяком случае, я-то мог! И похлопав пса по спине, сказал:

— Этот снимается.

Я не стал дожидаться и услышал, что меня приглашает управляющий, когда уже поднимался к нему.

Открывая дверь, я почувствовал, что мистер Кокер тут же накинется на меня с кулаками, но, к моему изумлению, он сидел за своим столом, закрыв лицо ладонями. Я довольно долго постоял перед ним на ковре, прежде чем он повернул ко мне искаженное лицо.

— Это правда? — прошептал он безнадежно. — Вы опять?..

Я кивнул.

— Боюсь, что да.

Губы его задергались, но он ничего не сказал. И только вперил в меня недоумевающий взгляд, а потом опять спрятал лицо в ладонях.

Я немного подождал, но он не шевельнулся. Сообразив, что аудиенция окончена, я покинул кабинет.

К участникам следующего забега я никаких претензий предъявить не мог, а уйдя с площадки, ощутил неимоверное душевное успокоение. И растерялся, когда громкоговорители вдруг вновь потребовали моего присутствия — правда, на этот раз на площадке. Может быть, собака покалечилась? Ну, во всяком случае, будет приятно заняться своим прямым делом.

Однако собак там не оказалось, только двое мужчин поддерживали толстого приятеля.

— Что случилось? — спросил я.

— Да вот Амброз сверзился с трибуны и ободрал колено.

— Так я же ветеринар, а не врач! — сказал я с недоумением.

— Врачей тут нету, — буркнул тот. — Вот мы и подумали, что вы его подштопаете!

А, ладно! Ну и вечерок выдался.

— Положите его на скамью, — распорядился я.

Я закатал штанину и обнажил довольно противное жирное колено. Едва я прикоснулся к небольшой ссадине на коленной чашечке, Амброз испустил глухой стон.

— Пустяки! — сказал я. — Ободрали кожу, и все.

Амброз поглядел на меня с ужасом:

— Хоть и так, да ведь загноиться может, верно? Мне заражение крови ни к чему.

— Хорошо, я смажу вам ссадину. — Выбор в чемоданчике Стьюи был весьма ограничен, но я нашел йод, смочил ватку и смазал ссадину.

Амброз взвизгнул.

— Ух, черт, жжется! Вы чем это меня мажете? — Нога у него дернулась и больно ударила меня по локтю.

Видно, такая уж моя судьба, если даже люди, становясь моими пациентами, меня брыкают! Я бодро улыбнулся.

— Ничего! Скоро перестанет жечь! А пока я забинтую вам колено.

Я кончил бинтовать, одернул штанину и похлопал толстяка по плечу.

— Ну вот! Можете больше ни о чем не беспокоиться.

Он встал со скамьи, скорчил болезненную гримасу и повернулся, чтобы уйти. Но какая-то мысль его остановила, и он выгреб из кармана горсть мелочи, порылся в ней указательным пальцем, вытащил монету и сунул ее мне в руку.

— Это вам, — сказал он.

Я поглядел на монету. Шестипенсовик — гонорар за единственный случай, когда я оказал медицинскую помощь представителю одного со мной био-

логического вида. Я долго созерцал монету, а когда у меня почти сложилось намерение запустить гонорар в физиономию Амброза, он, прихрамывая, уже смешался с толпой.

Вернувшись в бар, я тусклым взглядом смотрел на собак, которых вели по стадиону. Вдруг меня дернули за рукав, и я узнал человека, на которого обратил внимание еще раньше. Он сидел в компании двух мужчин и трех женщин. Мужчины все трое были брюнеты в тесных костюмах и смахивали на иностранцев. Их громогласные дамы были отчаянно расфуфырены. Я еще подумал, что они могли бы без всяких затруднений выдавать себя за членов мафии.

Брюнет придвинул физиономию к самому моему лицу — бегающие темные глаза, хищная улыбка.

— Номер третий в норме? — шепнул он.

Я не понял. Видимо, он знал, что я ветеринар, а раз я пропустил собаку, то, следовательно, должен был считать, что она в норме.

— Да, — ответил я. — Конечно.

Он энергично закивал и хитро посмотрел на меня из-под полуопущенных век. Вернувшись к своим друзьям, он что-то им быстро сказал, после чего они обернулись и одарили меня одобрительными взглядами.

Я недоумевал, но затем меня осенило: да они же решили, будто я подсказал им победителя. Не могу в этом поклясться, но, во всяком случае, когда номер третий пришел отнюдь не первым, их отношение ко мне претерпело резкую перемену, и выражение их лиц, когда они на меня посмотрели, стало настолько зловещим, что уже трудно было усомниться в их принадлежности к мафии.

Но как бы то ни было, до конца бегов все шло гладко. Ни единой собаки удалять мне больше не пришлось — к огромному моему облегчению, поскольку я и так нажил себе слишком много врагов для одного вечера.

После последнего забега я оглядел длинный бар. Почти все столики были заняты теми, кто не прочь выпить «на дорожку», но все-таки нашелся свободный, и я устало опустился на стул. Стюю просил меня обязательно задержаться на полчаса, пока всех собак не увезут: вдруг в последнюю минуту что-нибудь приключится. И я не собирался нарушать свои обязательства, хотя больше всего мне хотелось поскорее убраться отсюда и никогда больше не возвращаться.

Громкоговорители все еще извергали великолепный голос Джорджа. «В десять я всегда уже в постели», — сообщил он тремоло, и я ему позавидовал.

У стойки сидели почти все, кого я успел погладить против шерсти, — мистер Кокер, другие администраторы, владельцы собак. Они шептались, толкали друг друга локтями, и мне не приходилось особенно гадать, о чем идет речь. Мафиози также не скупилась на черные взгляды исподтишка, и я просто физически ощущал захлестывающие меня волны враждебности.

От мрачных мыслей меня отвлекло появление букмекера с помощником. Букмекер плюхнулся в кресло напротив меня и вывернул на стол большую кожаную сумку. В жизни я не видел столько денег сразу! Я глянул на него через гору пятифунтовых, фунтовых и десятишиллинговых бумажек, с которой скатывались ручейки позвякивающих монет.

Они принялись сортировать и пересчитывать свою добычу, а я следил за ними, как за гипнотизированным. Гора уже уменьшилась наполовину, когда

букмекер заметил мой взгляд. Прочел ли он в нем тоскливую зависть, показался ли я ему бедняком или просто несчастным, но он заложил указательный палец за откатившейся в сторону полукроной и щелчком ловко отправил ее ко мне по полированной поверхности столика.

— Выпей что-нибудь, сынок! — сказал он.

За последний час мне второй раз предлагали деньги, и я растерялся почти так же, как и от гонорара Амброза. Букмекер несколько секунд смотрел на меня без всякого выражения, а потом ухмыльнулся. У него было симпатичное некрасивое добродушное лицо, и оно мне вдруг очень понравилось. Я почувствовал большую благодарность к этому человеку — не за деньги, а за дружескую улыбку, единственную на протяжении всего этого вечера. Я улыбнулся в ответ.

— Спасибо, — сказал я, встал и пошел к стойке.

На следующее утро я проснулся с мыслью, что это мой последний день в Хенсфилде. К обеду должен был вернуться Стьюи.

Во рту я все еще ощущал дурной вкус после вчерашнего. Но когда я, начиная утренний прием, откинул ставшую уже такой привычной занавеску, настроение у меня сразу повысилось. Среди разнокалиберных стульев меня поджидал только один пациент — но пациентом этим был Ким! Могучий золотистый красавец лабрадор сидел на полу между своими хозяевами. При виде меня он вскочил, размахивая хвостом и растягивая губы, словно от смеха.

Ни намека на запах, ужаснувший меня неделю назад, но, еще раз взглянув на пса, я словно ощутил особое благоухание — благоухание успеха. Он прикасался этой ногой к полу. Нет, не опирался на нее всей тяжестью, но тем не менее опускал ее и дотрагивался до пола все время, пока прыгал вокруг меня.

В мгновение ока я очутился в своем мире, а мистер Кокер и события прошлого вечера забылись как дурной сон.

У меня просто руки зачесались.

— Положите его на стол, — скомандовал я и не мог удержаться от смеха, потому что Гилларды немедленно подсунули колени под распорки. Они хорошо усвоили свои ассистентские обязанности!

Сняв лубки, я чуть не пустился в пляс. Немного засохшего гноя и других выделений, но, когда я их смыл, повсюду открылась здоровая гранулирующая ткань. Новая розовая плоть скрепила разбитый сустав, сгладила и спрятала следы повреждений.

— За ногу можно не опасаться? — робко спросила Марджори Гиллард. Я поглядел на нее с улыбкой.

— Да, безусловно. Теперь уже нет сомнений. — Я почесал Киму шею, и хвост весело застучал по столу. — Сустав, вероятно, утратит подвижность, но ведь это не так уж важно, правда?

Я использовал последние гипсовые бинты Стьюи, и мы сняли Кима со стола.

— Ну вот и все, — сказал я. — Недели через две покажите его своему ветеринару. Но, думаю, больше перевязок не потребуется.

Гилларды отправились в обратный путь, а часа через два появился Стьюи со своим семейством. Все дети стали шоколадно-коричневыми, и даже младенец, по-прежнему буйно вопивший, покрылся красивым загаром. Нос у Мег облупился, но вид у нее был свежий и отдохнувший. Стьюи в рубашке

с открытым воротом, весь красный, как вареный рак, казалось, еще потлстел.

— Этот отдых спас нам жизнь, Джим, — сказал он. — Просто не знаю, как вас благодарить, и, пожалуйста, скажите от нас спасибо Зигфриду. — Он с нежностью поглядел на свое ринувшееся в дом неумное потомство и, словно вспомнив что-то, опять повернулся ко мне: — А тут как? Все было в порядке?

— Да, Стьюи. Конечно, случались и удачи, и неудачи.

— А у кого их не бывает? — засмеялся он.

— Естественно. Но сейчас все хорошо.

Ощущение, что все хорошо, оставалось со мной и когда дымящие трубы скрылись позади. Вот поредели и исчезли последние дома, а впереди распахнулся совсем другой, чистый мир, и вдали поднялась зеленая линия холмов, грозящихся над Дарроби.

Вероятно, мы все любим возвращаться к приятным воспоминаниям, но у меня выбора и не было: на Рождество я получил письмо от Гиллардов с целой пачкой фотографий — большой золотистый пес прыгает через барьер, взмывает высоко в воздух за мячом, гордо несет в пасти палку. Нога сгибается почти нормально, писали они, и он совершенно здоров.

Вот почему, даже теперь, когда я вспоминаю эти две недели в Хенсфилде, первым в памяти у меня всплывает Ким.

Да, конечно, я предпочел бы обойтись без знакомства с изнанкой «подпольных» собачьих бегов, но, во всяком случае, оно навсегда излечило меня от желания подрабатывать таким способом. Зато завершается эта история одной из самых радостных моих побед — сохранением ноги Кима! Как странно и чудесно, что все закончилось так! Если бы мне принесли этого пса в нашу нынешнюю операционную с новейшими антибиотиками и оборудованием, лучшего результата достигнуть все равно было бы невозможно. Античные хирурги упоминают «благой гной». И для меня это не пустые слова.

32. *Мистер Пинкертон в затруднении*

Мистер Пинкертон, владелец маленькой фермы, сидел в приемной возле стола миссис Харботл. Рядом с ним сидел его колли.

— Чем могу помочь, мистер Пинкертон? — спросил я, затворяя за собой дверь.

Фермер помялся.

— Ну-у, пес мой, значит... не того.

— В каком смысле? Он болен? — Нагнувшись, я погладил косматую голову. Пес радостно вскочил, и его хвост гулко забарабанил по боковой стенке стола.

— Да нет. Сам-то он ничего, здоров. — Мистеру Пинкертону было явно не по себе.

— Ну, и в чем же дело? Он просто пышет здоровьем.

— Так-то так, да вроде бы... У него... — Он испуганно покосился на миссис Харботл. — У него с пенником не того.

— Что-что?

По худым щекам мистера Пинкертона разлилась легкая краска. И вновь он с ужасом взглянул на миссис Харботл.

— Его, ну, его... пенник. Что-то у него с пенником. — И он еле заметно ткнул указательным пальцем в сторону собачьего брюха.

Я поглядел.

— Простите, но ничего необычного я не замечаю.

— Так ведь... — Лицо фермера страдальчески сморщилось, и он наклонился ко мне. — Что-то у него там, — хрипло прошептал он. — Что-то у него течет из... из пенника.

Я опустил на колени, посмотрел внимательно и все понял.

— Вы об этом? — Я указал на малюсенький комочек спермы на конце препуция.

Он немо кивнул, агонизируя от смущения. Я засмеялся.

— Ну, тревожиться тут нечего. Вполне нормальное явление. Так сказать, сбрасывается избыток. Он же совсем молодой?

— Ага. Полтора года.

— Ну вот! Просто жизнь в нем ключом бьет. Ест вволю, а работы для него маловато, а?

— Ага. Кормежка самая лучшая. Ну и вы верно сказали: работы для него у меня маловато.

— Так чего же вы хотите? — Я поднял ладонь. — Кормите его не так обильно, последите, чтобы он побольше бегал, и все само собой пройдет.

Мистер Пинкертон вперился в меня.

— А его... с его... — Он вновь бросил агонизирующий взгляд на нашу секретаршу, — вы не подлечите?

— Нет-нет, — сказал я. — Поверьте, с его... э... пенником все в порядке. Никаких отклонений.

Но я видел, что убедить мне его не удалось, и прибегнул к уловке:

— Вот что! Я дам вам для него успокаивающих таблеток. Они тут не повредят.

Я прошел в аптеку, отсчитал таблетки в коробочку и, вернувшись в приемную, вручил ее фермеру с ободряющей улыбкой. Однако его лицо стало еще более скорбным. Несомненно, моих объяснений было недостаточно, и, провожая его по коридору к входной двери, я постарался самыми простыми словами растолковать ему суть процесса.

Когда он вышел на крыльцо, я, почти захлебнувшись в собственном потоке слов, решил на прощание кратко суммировать все мною изложенное.

— Короче говоря, — сказал я со смешком, — кормите его не так обильно, последите, чтобы он побольше двигался, поработал бы, и давайте ему по таблетке утром и вечером.

Губы фермера искривились так, что казалось, он вот-вот зальется слезами. Потом он повернулся и, поникнув, медленно спустился по ступенькам. Сделал шагок, другой... потом решительно обернулся и жалобно простонал:

— Но, мистер Хэрриот... А пенник-то его как же?

Умилительное напоминание о днях, когда в сельских местностях все, что имело даже самое отдаленное отношение к полу, либо вообще не подлежало упоминанию, либо требовало деликатнейших обиняков. «Пенник» бы лишь одним примером множества эфемизмов. Как не похоже на нынешние времена, когда жены фермеров часто заставляют меня поперхнуться, безмятежно перечисляя всякие анатомические подробности.

33. *Добрые сердца и ветеринарная практика*

Еще один случай из многих и многих, когда Зигфрид счел нужным прочесть мне нотацию. Старик-пенсционер вошел в смотровую, ведя на веревочке небольшую дворняжку. Я похлопал ладонью по столу.

— Поднимите ее сюда, пожалуйста, — сказал я.

Старик медленно нагнулся, охая и отдуваясь.

— Погодите, — я потрогал его за плечо. — Дайте-ка мне! — И подхватил собачонку.

— Спасибо, сэр! — Старик с трудом выпрямился, потирая спину и ноги. — Ревматизм меня совсем доконал, и поднимать-то мне не очень сподручно. Фамилия моя Бейли, а живу я в муниципальных домах.

— Ну, мистер Бейли, так что с вашей собачкой?

— Да кашляет она. Чуть не все время. А под конец вроде как бы срыгивает.

— Ах так... А сколько ей лет?

— В прошлом месяце десять сравнялось.

— А-а... — Я измерил температуру и тщательно прослушал грудную клетку. Пока я водил стетоскопом по ребрам, вошел Зигфрид и начал рытаться в шкафу.

— У нее хронический бронхит, мистер Бейли, — сказал я. — У собак в старости это часто бывает, как у людей.

Он засмеялся:

— Да, я и сам иногда покашливаю.

— Вполне естественно. Только кашель ведь вас не мучит, верно?

— Нет-нет.

— Вот и с вашей собачкой то же. Я сделаю ей инъекцию и дам таблетки. Боюсь, полностью кашель не пройдет, но, если потом ей станет хуже, приво-дите ее опять.

Старик закивал:

— Обязательно, сэр. Большое спасибо, сэр.

Пока Зигфрид продолжал возиться в шкафу, я сделал инъекцию и отсчи-тал двадцать таблеток новейшего средства — М-Б 693.

Старик с интересом поглядел на них, потом положил в карман.

— Сколько я вам должен, мистер Хэрриот?

Я поглядел на ветхий галстук, тщательно повязанный под обтрепанным воротничком, на вытертый до прозрачности пиджак. Брюки его были залата-ны на коленах, но сбоку в прорехе розовела кожа.

— Ничего, мистер Бейли. Последите, как она будет себя чувствовать.

— А?

— Вы ничего за прием не должны.

— Но...

— Не беспокойтесь, это же все пустяки. Только не забывайте давать ей таблетки.

— Обязательно, сэр, и большое спасибо. Я ведь и не думал...

— Знаю, мистер Бейли. До свидания, и, если в ближайшие дни ей не ста-нет заметно лучше, приведите ее еще раз.

Едва шаги старика затихли в коридоре, как Зигфрид вынырнул из шкафа.

— Битый час я их искал. Нет, Джеймс, вы нарочно все от меня прячете!

Я улыбнулся, но промолчал, убирая шприц, а Зигфрид снова заговорил:

— Джеймс, мне неприятно этого касаться, но не кажется ли вам, что вы поступаете легкомысленно, работая даром?

Я посмотрел на него с удивлением:

— Но он живет на пенсию по старости. И наверное, очень нуждается.

— Вполне возможно, и тем не менее вы не имеете права предлагать свои услуги бесплатно.

— Но изредка, Зигфрид! В случаях вроде этого...

— Нет, Джеймс. Даже изредка — нет. Это непрактично.

— А сами вы? Я же видел... и много раз!

— Я? — Его глаза изумленно раскрылись. — Да никогда в жизни! Я-то отдаю себе отчет в суровой реальности нашего существования. Все стало без-умно дорого. Например, вы же горстями сыпали ему М-Б шестьсот девяно-сто три? Господи помилуй! Да вы знаете, что одна такая таблетка стоит три пенса? И не возражайте! Вы ни при каких обстоятельствах не должны рабо-тать без гонорара.

— Но, черт побери, сами-то вы! — не выдержал я. — Не далее как на прошлой неделе...

Зигфрид поднял ладонь.

— Успокойтесь, Джеймс. Успокойтесь. У вас необузданное воображение, вот в чем ваша беда.

Вероятно, я поглядел на него очень свирепо, потому что он протянул руку и потрепал меня по плечу.

— Поверьте, дорогой мой, я все прекрасно понимаю. Вы действовали из благороднейших побуждений, и у меня самого бывает искушение поступить так же. Но надо быть твердым. Времена теперь суровые, и, чтобы продержаться на поверхности, нужна суровость. Так что запомните на будущее: никакого робингудства, мы не можем позволить себе такую роскошь.

Я кивнул и отправился на вызовы в несколько ошарашенном состоянии. Впрочем, вскоре я забыл об этой стычке, и она совсем изгладилась бы из моей памяти, если бы неделю спустя мне не довелось снова увидеть мистера Бейли.

Его собачонка вновь лежала на столе в смотровой, и Зигфрид делал ей инъекцию. Я не стал мешать, а вернулся по коридору в приемную и принялся приводить в порядок ежедневник. День был летний, и между занавесками открытого окна я видел крыльцо и ступеньки.

Склоняясь над ежедневником, я услышал, как Зигфрид и старик прошли к дверям. На крыльце они остановились. Собачонка на веревочке выглядела совершенно так же, как и раньше.

— Ну что же, мистер Бейли, — говорил Зигфрид, — я могу только подтвердить слова мистера Хэрриота. Боюсь, кашлять она будет до конца своих дней, но при ухудшениях приходите к нам.

— Хорошо, сэр. — Старик опустил руку в карман. — Скажите, пожалуйста, сколько с меня причитается?

— Причитается?.. Ах да, причитается... — Зигфрид откашлялся, словно на секунду утратил дар речи. Он поглядывал то на дворняжку, то на потрепанную одежду старика, а потом покосился на дом и произнес хриплым шепотом:

— Ничего не причитается, мистер Бейли.

— Но, мистер Фарнон, как же можно?..

— Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! — Зигфрид тревожно замахал рукой на старика. — Ни слова больше. Я ничего не желаю об этом слушать.

Принудив мистера Бейли замолчать, он протянул ему внушительный мешочек и, настороженно оглядываясь через плечо, объяснил:

— Тут сотня таблеток М-Б. Ей они будут часто нужны, а потому возьмите про запас.

Я понял, что Зигфрид заметил прореху у колена, потому что он долго смотрел на нее, а потом сунул руки в карман.

— Погодите минутку.

Он извлек горсть самых разных предметов. Несколько монет скатилось с его ладони, пока он перебирал на ней ножницы, термометры, обрывки бечевки, ключи для открывания бутылок. В конце концов его поиски увенчались успехом, и он ухватил банкноту.

— Вот фунт, — прошептал он и снова нервно зашипел на старика, когда тот попытался возражать.

Мистер Бейли понял, что спорить бесполезно, и спрятал бумажку в карман.

— Ну спасибо вам, мистер Фарнон. Я на это свожу свою хозяйку в Скарборо.

— Вот и хорошо, вот и молодец, — пробормотал Зигфрид, виновато косясь по сторонам. — Ну так до свидания.

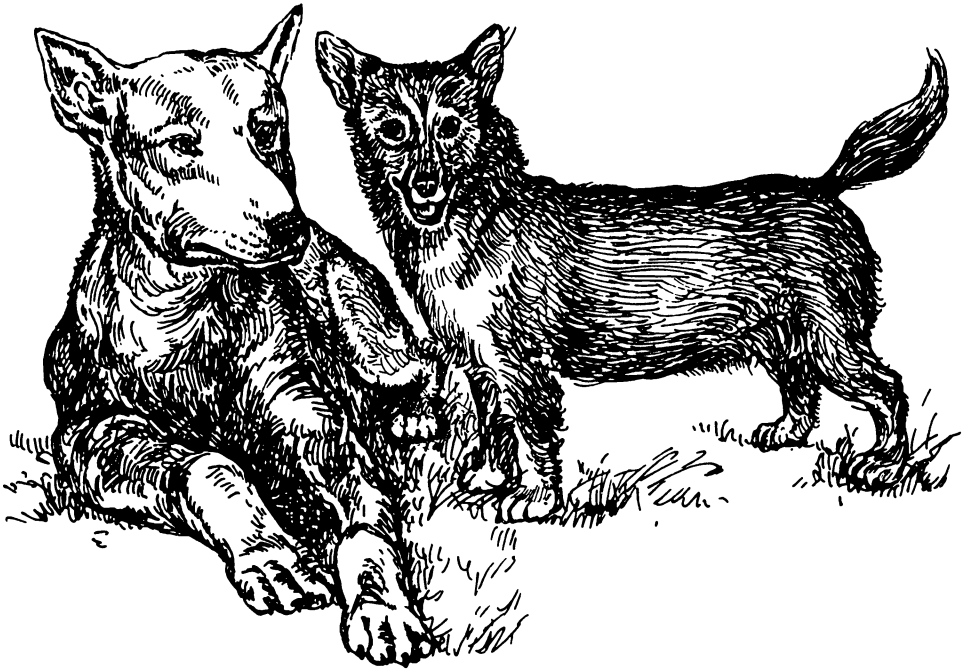
Старик приподнял кепку и зашаркал по тротуару, тяжело передвигая ноги.

— Э-эй, погодите! — крикнул Зигфрид ему вслед. — В чем дело? Что у вас с ногами?

— Все ревматизм проклятый. Ну да помаленьку, полегонечку дойду.

— До муниципальных домов? — Зигфрид нерешительно потер подбородок. — Далековато... — Он последний раз воровато заглянул в коридор у себя за спиной, а потом указал пальцем: — Вон там моя машина, — шепнул он. — Забирайтесь в нее, я вас подвезу.

Признаюсь, я люблю этот эпизод. Пустячок, конечно, но наглядно иллюстрирующий многое и многое. В том числе широкое распространение хронического бронхита у старых собак, а главное — великолепную непоследовательность Зигфрида, а также его душевную щедрость и сострадательность, которые он так старался скрывать.

34. Джинго и Шкипер

Как и люди, животные нуждаются в друзьях. Вы когда-нибудь наблюдали их на лугу? Они могут принадлежать к разным видам — например, лошадь и овца, — но всегда держатся вместе. Это товарищество между животными неизменно меня поражает, и, по-моему, две собаки Джека Сандерса служат наглядным примером такой взаимной преданности.

Одного пса звали Джинго, и, когда я делал инъекцию, обезболивая глубокую царапину, оставленную колючей проволокой, могучий белый бультерьер вдруг жалобно взвизгнул. Но потом смирился с судьбой и застыл, стоически глядя перед собой, пока я не извлек иглу.

Все это время корги Шкипер, неразлучный друг Джинго, тихонько покусывал его заднюю ногу. Две собаки на столе одновременно — зрелище непривычное, но я знал об этой дружбе и промолчал, когда хозяин поднял на стол обеих.

Я обработал рану и начал ее зашивать, а Джинго, обнаружив, что ничего не чувствует, заметно расслабился.

— Может, Джинго, это тебя научит не лезть больше на колючую проволоку, — заметил я.

Джек Сандерс рассмеялся:

— Вряд ли, мистер Хэрриот. Я думал, что на дороге мы никого не встретим, и взял его с собой, но он учуял собаку по ту сторону изгороди и кинулся туда. Хорошо еще, что это была борзая и он ее не догнал.

— Забияка ты, Джинго! — Я погладил своего пациента, и крупная морда с широким римским носом расплзлась в усмешке до ушей, а хвост радостно застучал по столу.

— Поразительно, правда? — сказал его хозяин. — Он все время затевает драки, а дети, да и взрослые, могут делать с ним что хотят. На редкость добродушный пес.

Я кончил накладывать швы и бросил иглу в кювет на столике с инструментами.

— Так ведь бультерьеры специально для драк и выводились. Джинго просто следует извечному инстинкту своей породы.

— Я знаю. Вот и оглядываю окрестности, прежде чем спустить его с поводка. Он же на любую собаку бросится.

— Кроме этой, Джек! — Я засмеялся и кивнул на маленького корги, который насытился ногой своего приятеля и теперь грыз его ухо.

— Вы правы. Прямо-таки чудеса: по-моему, если бы он совсем откусил Джинго ухо, тот на него даже не зарычал бы.

И действительно, это смахивало на чудо. Корги шел двенадцатый год, и возраст уже заметно сказывался на его движениях и зрении, а трехлетний бультерьер еще только приближался к полному расцвету сил. Коренастый, с широкой грудью, крепким костяком и литыми мышцами, он был грозным зверем, но когда объедание уха зашло слишком далеко, он лишь нежно забрал голову Шкипера в свои мощные челюсти и подождал, пока песик не утомится. Эти челюсти могли быть безжалостными, как стальной капкан, но маленькую голову они удерживали, словно любящие руки.

Десять дней спустя Джек привел обоих псов, чтобы снять швы. Подняв их на стол, он с тревогой сказал:

— Джинго что-то плох, мистер Хэрриот. Уже два дня ничего не ест и ходит как в воду опущенный. Может быть, ему в рану попала инфекция?

— Не исключено! — Я торопливо нагнулся, и мои пальцы ощупали длинный рубец на боку. — Но никаких признаков воспаления нет. Припухлости и болезненности тоже. Рана прекрасно зажила.

Я сделал шаг назад и осмотрел бультерьера. Вид у него был унылый — хвост поджат, глаза пустые, без искры интереса. Его приятель принялся деловито грызть его лапу, но даже это не вывело Джинго из апатии.

Шкипера явно не устраивало такое невнимание, и, оставив лапу, он взялся за ухо. Снова ни малейшего впечатления. Тогда корги начал грызть и тянуть сильнее, так что массивная голова наклонилась, но бультерьер по-прежнему его не замечал.

— Ну-ка, Шкипер, прекрати! Джинго сегодня не в настроении возиться и играть, — сказал я и бережно опустил корги на пол, где он негодующе завертелся между ножками стола.

Я внимательно осмотрел Джинго, но единственным угрожающим симптомом была высокая температура.

— У него сорок и шесть, Джек. Несомненно, он очень болен.

— Так что с ним?

— Судя по температуре, какое-то острое инфекционное заболевание. Но какое — сразу сказать трудно.

Я поглаживал широкую голову, водил пальцами по белой морде и лихо-радочно думал.

Вдруг хвост слабо вильнул, и пес дружески обратил глаза на меня, а потом на хозяина. И вот это-то движение глаз стало ключом к разгадке. Я быстро отвернул верхнее веко. Конъюнктива выглядела нормально розовой, но в чистой, белой склере мне почудилась слабая желтизна.

— У него желтуха, — сказал я. — В его моче вы никаких особенностей не заметили?

Джек Сандерс кивнул:

— Да. Теперь припоминаю. Он задрал ногу в саду, и струя была темной.

— Из-за желчи. — Я легонько надавил живот, и бультерьер вздрогнул. — Да, участок явно болезненный.

— Желтуха? — Сандерс поглядел на меня через стол. — Где он мог ее подцепить?

Я потер подбородок.

— Ну при виде собаки в таком состоянии я в первую очередь взвешиваю две возможности — отравление фосфором и лептоспироз. Но высокая температура указывает на лептоспироз.

— Он заразился от другой собаки?

— Возможно, но скорее от крысы. Он охотится на крыс?

— Иногда. Они кишмя кишат в старом курятнике на заднем дворе, и порой он бегаёт туда поразвлечься.

— Вот именно! — Я пожал плечами. — Других причин можно не искать.

Сандерс кивнул.

— Во всяком случае, хорошо, что вы сразу установили болезнь. Тем скорее удастся ее вылечить.

Я несколько секунд молча смотрел на него. Все было далеко не так просто. Мне не хотелось его расстраивать, но ведь передо мной был умный, уравновешенный сорокалетний мужчина, учитель местной школы. Ему можно и нужно было сказать всю правду.

— Джек, эта штука почти не поддается лечению. Страшнее собаки с желтухой для меня ничего нет.

— Настолько серьезно?

— Боюсь, что да. Процент летальных исходов очень высок.

Его лицо страдальчески омрачилось, и у меня от жалости защемило сердце, но такое предупреждение смягчило предстоящий удар: ведь я знал, что Джинго может погибнуть в ближайшие дни. Даже теперь, тридцать лет спустя, я вздрагиваю, увидев в собачьих глазах этот желтоватый отлив. Пенициллин и другие антибиотики воздействуют на лептоспиры — шпорообразные микроорганизмы, возбудители этой болезни, но она все еще нередко завершается смертью.

— Ах так... — Он наморщил лоб. — Но ведь что-то вы можете сделать?

— Ну разумеется, — сказал я энергично. — Я введу ему большую дозу противолептоспирозной вакцины и дам лекарства для приема внутрь. Положение не совсем безнадежно.

Я сделал инъекцию вакцины, хотя и знал, что на этом этапе она малоэффективна, — ведь иного средства в моем распоряжении не было. Вакцинировал я и Шкипера, но совсем с другим чувством: его это, почти наверное, уберегло от заражения.

— Еще одно, Джек, — добавил я. — Лептоспироз передается и людям, а потому, ухаживая за Джинго, принимайте все меры предосторожности. Хорошо?

Он кивнул и снял бультерьера со стола. Могучий пес, подобно большинству моих пациентов, поторопился ускользнуть из смотровой, полной пугающих запахов, не говоря уже о моем белом халате. Джек проводил его взглядом и с надеждой повернулся ко мне:

— Посмотрите, как он бежит! Наверное, ему не так уж плохо?

Я промолчал, горячо желая, чтобы он оказался прав, но в моей душе росла гнетущая уверенность, что этот чудесный пес обречен. Ну в любом случае скоро все станет ясно.

И все стало ясно. На следующее же утро. Джек Сандерс позвонил мне еще до девяти.

— Джинго что-то поскущел, — сказал он, но дрожь в его голосе противоречила небрежности этих слов.

— Да? — Мое настроение сразу упало, как всегда в подобных случаях. — И как он себя ведет?

— Боюсь, что никак. Ничего не ест... лежит... словно мертвый. А иногда его рвет.

Ничего другого я и не ждал, но все равно чуть было не пнул ножку стола.

— Хорошо. Сейчас приеду.

Джинго уже не повилял мне хвостом. Он скорчился перед огнем, вяло глядя на рдеющие угли. Желтизна в его глазах стала темно-оранжевой, а температура поднялась еще выше. Я повторил инъекцию вакцины, но он словно не заметил укола. На прощание я погладил гладкую белую спину. Шкипер, по обыкновению, теребил приятеля, но Джинго не замечал этого, замкнувшись в своих страданиях.

Я посещал его ежедневно и на четвертый день, войдя, увидел, что он лежит на боку почти в коматозном состоянии. Конъюнктивы, склера и слизистая ротовой полости были грязно-шоколадного цвета.

— Он очень мучается? — спросил Джек Сандерс.

Я ответил не сразу.

— По-моему, боли он не испытывает, неприятные ощущения, тошноту — бесспорно, но это все.

— Ну я предпочел бы продолжать лечение, — сказал он. — Я не хочу его усыплять, даже если вы и считаете положение безнадежным. А вы ведь именно так считаете?

Я неопределенно пожал плечами. Мое внимание отвлек Шкипер, который, по-видимому, был совсем сбит с толку. Он оставил свою прежнюю тактику и больше не теребил приятеля, а только недоуменно его обнюхивал. Все-го лишь раз он очень нежно подергал бесчувственное ухо.

С ощущением полной беспомощности я проделал обычные процедуры и уехал, подозревая, что живым больше Джинго не увижу.

Но хотя я этого ждал, утренний звонок Джека Сандерса омрачил мне предстоящий день.

— Джинго умер ночью, мистер Хэрриот. Я подумал, что надо вас предупредить. Вы же собирались заехать утром... — Он пытался говорить спокойно и деловито.

— Искренне вам сочувствую, Джек. Но я, собственно, и предполагал...

— Да, я знаю. И спасибо вам за все, что вы делали.

Когда люди в такие минуты выражают вам признательность, на душе становится еще хуже. А у Сандерсов не было детей, и они горячо любили своих собак. Я знал, каково ему сейчас.

У меня не хватило духу повесить трубку.

— Во всяком случае, Джек, у вас есть Шкипер. — Прозвучало это неловко, но все-таки вторая собака могла послужить утешением, даже и такая старая, как Шкипер.

— Да, правда, — ответил он. — Просто не знаю, что мы делали бы без него.

Надо было браться за работу. Пациенты не всегда выздоравливают, и смерть порой воспринимается как облегчение: ведь все уже позади. Разумеется, только в тех случаях, когда я твердо знаю, что она неизбежна — как было и с Джинго.

Но на этом дело не кончилось. На той же неделе Джек Сандерс снова позвонил мне.

— Шкипер... — сказал он. — По-моему, у него то же, что было с Джинго. Холодная рука стиснула мне горло.

— Но... но... этого не может быть! Я сделал ему профилактическую инъекцию.

— Ну, не берусь судить. Только он еле передвигает ноги, ничего не ест и слабеет час от часу.

Я кинулся вон из дома и прыгнул в машину. Всю дорогу до окраины, где жили Сандерсы, сердце у меня бешено колотилось, а в голове теснились панические мысли. Как он мог заразиться? Лечебные свойства вакцины не внушали мне особого доверия, но я считал ее надежным средством предотвращения болезни. А ведь для верности я сделал ему две инъекции! Конечно, страшно, если Сандерсы потеряют и вторую собаку, но куда хуже, если это случится по моей вине.

Когда я вошел, маленький корги уныло побрел мне навстречу. Я подхватил его на руки, поставил на стол и сразу же завернул ему веко. Но никаких следов желтухи ни в склере, ни в слизистой рта не оказалось. Температура была совершенно нормальной, и я облегченно вздохнул.

— Во всяком случае, это не лептоспироз, — сказал я.

Миссис Сандерс судорожно сжала руки.

— Слава богу! А мы уже не сомневались, что и он... У него такой плохой вид.

Я тщательно обследовал Шкипера, убрал стетоскоп в карман и сказал:

— Ничего сколько-нибудь серьезного я не нахожу. Небольшой шумок в сердце, но об этом я вам уже говорил. В конце-то концов, он стар.

— А не тоскует ли он по Джинго, как вам кажется? — спросил Джек Сандерс.

— Вполне возможно. Они же были неразлучными друзьями. И, естественно, он тоскует.

— Но это пройдет, правда?

— Конечно. Я дам для него таблетки очень мягкого успокоительного действия. Они должны помочь.

Несколько дней спустя мы с Джеком Сандерсом случайно встретились на рыночной площади.

— Ну как Шкипер? — спросил я.

Он тяжело вздохнул:

— Все так же, если не хуже. Главное — он ничего не ест и совсем исхудал.

Я не представлял себе, что еще могу сделать, но на следующее утро по дороге на вызов заглянул к Сандерсам.

При виде Шкипера у меня сжалось сердце. Несмотря на свой возраст, он всегда был удивительно бойким и подвижным, а в их дружбе с Джинго, несомненно, играл первую скрипку. Но теперь от былой веселой энергии не осталось и следа. Он безучастно взглянул на меня тусклыми глазами, заковылял к своей корзинке и свернулся там, словно стараясь укрыться от всего мира.

Я снова его осмотрел. Шум в сердце стал, пожалуй, заметнее, но все остальное было как будто в порядке, только выглядел он дряхлым и обессиленным.

— Знаете, я уже не так уверен, что он тоскует, — сказал я. — Возможно, все дело в старости. Ведь весной ему будет двенадцать, не так ли?

— Да, — миссис Сандерс кивнула. — Так вы считаете... это конец?

— Не исключено.

Я понимал, о чем она думает: какие-нибудь две недели назад тут играли и возились две здоровые и веселые собаки, а теперь скоро не останется ни одной.

— Неужели ему ничем нельзя помочь?

— Ну, можно провести курс дигиталиса, чтобы поддержать сердце. И пожалуйста, принесите мне его мочу на анализ. Надо проверить работу почек.

Я сделал анализ мочи. Немного белка — но не больше, чем можно было ожидать у собаки его возраста. Значит, дело не в почках.

Дни шли. Я пробовал все новые и новые средства: витамины, железо, фосфорорганические соединения, но корги продолжал угасать. Меня позвали к нему снова примерно через месяц после смерти Джинго.

Шкипер лежал у себя в корзинке и, когда я его окликнул, медленно приподнял голову. Морда у него исхудала, мутные глаза глядели мимо меня.

— Ну-ка, ну-ка, милый! — позвал я. — Покажи, как ты умеешь вылезать из корзинки.

Джек Сандерс покачал головой:

— Бесполезно, мистер Хэрриот. Он больше не покидает корзины, а когда мы его вынимаем, от слабости шагу ступить не может. И еще одно... ночью он пачкает здесь. Прежде этого с ним никогда не случалось.

Его слова прозвучали как похоронный звон. Все признаки глубокой собачьей дряхлости. Я постарался говорить как можно мягче:

— Мне очень грустно, Джек, но, очевидно, старичок подошел к концу дороги. По-моему, тоска никак не может быть причиной всего этого.

Он, не отвечая, посмотрел на жену, потом на бедного Шкипера.

— Да, конечно... мы и сами об этом думали. Но все время надеялись, что он начнет есть. Так что... вы посоветуете...

Произнести роковые слова я не смог.

— Мне кажется, мы не должны допускать, чтобы он страдал. От него остались только кожа да кости, и вряд ли жизнь доставляет ему хоть какую-то радость.

— Да, пожалуй, я согласен с вами. Он лежит вот так весь день напролет, ничем не интересуясь... — Он умолк и снова посмотрел на жену. — Вот что, мистер Хэрриот. Позвольте нам подумать до утра. Но, во всяком случае, вы считаете, что надежды нет никакой?

— Да, Джек. Старые собаки нередко впадают перед концом в такое состояние. Шкипер просто сломался... Боюсь, это необратимо.

Он печально вздохнул.

— Ну если я не позвоню вам завтра до восьми утра, то, может быть, вы заедете усыпить его?

Я не думал, что он позвонит. И он не позвонил. Случилось все это в первые месяцы нашего брака, и Хелен служила тогда секретаршей у владельца местной мельницы. Утром мы часто вместе спускались по длинным маршам лестницы, и я провожал ее до дверей, а потом собирал все, что требовалось мне для объезда.

На этот раз она, как всегда, поцеловала меня у двери, но, вместо того чтобы выйти на улицу, внимательно на меня посмотрела:

— Ты весь завтрак молчал, Джим. Что случилось?

— Да ничего, собственно. Обычное дело, — ответил я. Однако она все так же внимательно смотрела на меня, и мне пришлось рассказать ей про Шкипера.

Хелен погладила меня по плечу.

— Это очень грустно, Джим. Но нельзя так расстраиваться из-за неизбежного. Ты совсем себя замучаешь.

— А-а! Знаю я все это! Но что поделаешь, если я сплунтяй? Иногда я думаю, что напрасно пошел в ветеринары.

— И ошибаешься! — сказала она. — Никем иным я тебя даже вообразить не могу. Ты делаешь то, что должен делать, и делаешь это хорошо! — Она еще раз меня поцеловала, открыла дверь и сбежала с крыльца.

К Сандерсам я приехал незадолго до полудня. Открыв багажник, я вынул шприц и флакон с концентрированным раствором снотворного. Во всяком случае, смерть старичка будет тихой и безболезненной.

Первое, что я увидел, войдя в кухню, был толстый белый щенок, который вперевалку прогуливался по полу.

— Откуда?.. — удивленно начал я.

Миссис Сандерс с усилием мне улыбнулась:

— Мы с Джеком вчера поговорили. И поняли, что не можем совсем остаться без собаки. А потому поехали к миссис Палмер, у которой купили Джинго. Оказалось, что она как раз продает щенков нового помета. Просто судьба. Мы его тоже назвали Джинго.

— Чудесная мысль! — Я поднял щенка, он извернулся в моих пальцах, сыто тявкнул и попытался лизнуть мне щеку. Во всяком случае, это облегчало мою тягостную задачу.

— По-моему, вы поступили очень разумно.

Незаметно вытащив флакон из кармана, я направился к корзинке в дальнем углу. Шкипер все так же лежал, свернувшись в неподвижный клубок, и

у меня мелькнула спасительная мысль, что я всего лишь ускорю уже почти завершившийся процесс.

Проколов резиновую пробку иглой, я хотел было наполнить шприц, но тут заметил, что Шкипер поднял голову. Положив морду на край корзины, он, казалось, разглядывал щенка. Его глаза медленно двигались за малышом, который проковылял к блюду с молоком и принялся деловито лакать. И в этих глазах появилась давно исчезнувшая искорка.

Я замер, а корги после двух неудачных попыток кое-как поднялся на ноги. Из корзинки он не столько вылез, сколько вывалился и, пошатываясь, побрел через кухню. Добравшись до щенка, он остановился, несколько раз покачнулся — жалкая тень бывшего бодрого песика — и (я не поверил своим глазам!) забрал в пасть белое ушко.

Стоицизм мало свойствен щенкам, и Джинго Второй пронзительно взвизгнул. Но Шкипер ничтоже сумняшеся с блаженной сосредоточенностью продолжал свое занятие.

Я сунул шприц и флакон назад в карман.

— Дайте ему поесть, — сказал я негромко.

Миссис Сандерс кинулась в кладовую и вернулась с кусочками мяса на блюде. Шкипер еще несколько секунд продолжал теревить ухо, потом не спеша обнюхал щенка и только тогда повернулся к блюду. У него почти не осталось сил глотать, но он взял мясо, и челюсти его медленно задвигались.

— Господи! — не выдержал Джек Сандерс. — Он начал есть!

Миссис Сандерс схватила меня за локоть:

— Что это значит, мистер Хэрриот? Мы же купили щенка только потому, что не мыслим дома без собаки.

— Скорее всего это значит, что их у вас опять будет две! — Я направился к двери, улыбаясь через плечо супругам, которые, словно замороженные, следили за тем, как корги справился с первым кусочком и взял второй.

Примерно восемь месяцев спустя Джек Сандерс вошел в смотровую и поставил на стол Джинго Второго. Щенок неузнаваемо вырос и уже щеголял широкой грудью и мощными ногами своей породы. Добродушная морда и дружелюбно виляющий хвост живо напомнили мне первого Джинго.

— У него между пальцами что-то вроде экземы, — сказал Джек Сандерс и поднял на стол Шкипера.

Я сразу забыл о моем пациенте: корги, упитанный, ясноглазый, принялся со всей былой бодростью и энергией грызть задние ноги бультерьера.

— Нет, вы только посмотрите! — пробормотал я. — Словно время обратилось вспять.

Джек Сандерс засмеялся:

— Вы правы. Они неразлучные друзья. Прямо как прежде...

— Пойди-ка сюда, Шкипер! — Я схватил корги и внимательно его осмотрел, хотя он и выкручивался из моих рук, торопясь вернуться к приятелю. — А знаете, я совершенно убежден, что ему еще жить да жить.

— Правда? — В глазах Джека Сандерса заплясали лукавые огоньки. — А помните, вы уже довольно давно сказали, что он утратил вкус к жизни и это необратимо...

Я перебил его:

— Не спорю, не спорю. Но иногда так приятно ошибиться!

Это одно из самых теплых моих воспоминаний о дружбе между животными и ее важности. Психологическая сторона лечения животных чрезвычайно интересна. Если они чувствуют, что им не для чего жить, они нередко умирают — это верно почти для всех них: например, овца выживает даже после очень тяжелого окота, если ее забот требует новорожденный ягненок. А уж Шкипер иллюстрирует этот принцип самым исчерпывающим образом. Естественно, потеря товарища на разных собак действует по-разному. Некоторые тоскуют совсем недолго, но других такая утрата выводит из равновесия очень надолго.

35. Сет Пиллинг и его невежество

— У Хэрриота этого молоко на губах не обсохло. Дурак круглый, одно слово.

От такой характеристики носа не задерешь, и добрый эль у меня во рту вдруг стал кислее уксуса. На пути домой я заглянул в «Корону и якорь» и уютно расположился в полном одиночестве в «кабинете». Фраза эта донеслась до меня сквозь неплотно притворенную дверь в общий зал.

На это неприятное воспоминание меня натолкнул вывод, к которому я пришел в тот момент: мой летний инструктор лейтенант Вудхем явно считает меня человеком, стоящим на крайне низком уровне умственного развития.

Я подвинулся так, чтобы заглянуть сквозь щель в ярко освещенный зал. Ораторствовал Сет Пиллинг, чернорабочий, субъект, всем в Дарроуби известный. Хотя именовался он рабочим, но лишней работой предпочитал себя не утруждать, и его дюжую фигуру и мясистую физиономию можно было

регулярно созерцать на бирже труда в дни, когда он являлся туда расписаться в получении пособия по безработице.

— Пустая башка. А уж про собак и вовсе ничего не знает! — Верзила влил себе в глотку полпинты разом.

— В коровах он ничего, разбирается, — вмешался другой голос.

— И пусть его. Я же не про коров толкую, — со жгучим презрением ответил Сет. — Я про собак говорю. Чтоб собак лечить, голова на плечах нужна.

Тут раздался третий голос:

— Так он же ветеринар или нет? Должен в своем деле разбираться.

— Ну и что? Ветеринары они всякие бывают. А уж этот — пустое место, я бы мог вам про него кое-что порассказать.

Народная мудрость гласит, что тот, кто подслушивает, ничего хорошего про себя не услышит, и благоразумие требовало, чтобы я поскорее выбрался оттуда и не слушал, как этот тип поносит меня на весь переполненный зал. Но, конечно, я остался и с болезненным интересом наострил уши, всем существом вслушиваясь в разговор.

— А что, Сет?

Общество сгорало от любопытства не меньше меня.

— Уж найдется что! — отвечивал он. — Это же не перечеть, сколько мне собак приносили после того, как он их портил!

— Уж ты-то про собак все знаешь, а, Сет?

Возможно, сарказм в этой фразе мне только почудился от злости, но в любом случае мистер Пиллинг принял ее за чистую монету. Его крупное лунообразное лицо расплзлось в самодовольной ухмылке.

— Что есть, то есть. Я с собаками всю жизнь прожил, да и подучился малость. — Снова в его глотку с бульканьем полилось пиво. — У меня дома книг полным-полно, и я каждую прочел от корки до корки. Так что про болезни и как их лечить я все знаю.

— И ни разу у тебя с собакой неудачи не было? Так что ли, Сет? — спросил еще кто-то.

Наступила пауза.

— Не скажу, чтоб уж так ни разу не было, — ответил верзила важно. — Я редко когда в тупик встаю. Но уж если встану, так к Хэрриоту не пойду. — Он покачал головой. — Ну нет. Я сразу в Бротон и советуюсь с Деннаби Брумом. Мы с ним закадычные дружки.

В тишине «кабинета» я отхлебнул эля. Деннаби принадлежал к племени шарлатанов и знахарей, которым в те времена жилось очень вольготно. Начал жизнь он строительным рабочим, а точнее — штукатуром, и таинственным образом без какого-либо специального образования развернулся на поприще ветеринарии, зарабатывая весьма недурно.

Этого я ему в упрек не ставил. Всем нам надо как-то жить. Да и вообще он мне редко досаждал — Бротон лежал вне нашей с Зигфридом профессиональной орбиты. Но вот тамошние коллеги имели обыкновение награждать его не слишком лестными эпитетами. Про себя я не сомневался, что в немалой степени преуспеванием он был обязан своему звучному имени. «Деннаби Брум» — что могло быть внушительнее?

— Вот что я делаю, — продолжал Сет. — Мы с Деннаби закадычные дружки и часто советуемся друг с другом насчет собак. По правде сказать, пришлось мне как-то свозить к нему своего пса. Выглядит неплохо, а?

Я привстал на цыпочки и заглянул в зал. Мне только-только удалось увидеть у ног Сета его кеесхонда. Ну просто красавец, весь в пышном глянцеви-том меху. Верзила нагнулся и погладил острую морду.

— Это ценная собака. Уж Хэрриоту я ее не доверю!

— Да чем Хэрриот так тебе не угодил? — спросил кто-то.

— Я тебе отвечу. — Сет постучал себя по лбу. — Вот тут у него малова-то, только и всего.

С меня было достаточно. Я поставил кружку и тихонько выбрался на темную улицу.

После этого эпизода я стал обращать больше внимания на Сета Пиллинга. Он чуть ли не каждый день неторопливо прогуливался по улицам: несмотря на разносторонние свои познания, работы он лишался постоянно. А знатком он был отнюдь не только собак. В «Короне и якор» он важно рассуждал о политике, садоводстве, содержании певчих птиц в клетке, сельском хозяйстве, экономическом положении, крикете, ужении рыбы и еще о многом другом. Мало нашлось бы тем, которые не мог бы объять его широкий интеллект, притом без малейших усилий, но, как ни странно, наниматель за нанимателем словно торопились избавиться от его услуг.

Обычно он брал на прогулку свою собаку, и очаровательный песик начал казаться мне символом моих недочетов, и теперь я инстинктивно старался избегать этих встреч. Но однажды утром столкнулся с ними нос к носу.

Произошло это под навесом на рыночной площади, где несколько человек ожидали автобуса в Бротон. Среди них были Сет Пиллинг и кеесхонд. Я проходил мимо, направляясь на почту, и невольно остановился, не сводя глаз с пса. Его невозможно было узнать. Густой пепельный мех, так хорошо мне знакомый, сильно поредел, утратил глянец. Роскошная грива, типичный признак этой породы, почти вся вылезла.

— Вы на мою собаку смотрите? — Сет натянул поводок и подтащил пса к себе, словно опасаясь, что я наложу на него кошунственную руку.

— Да... Извините, я невольно... У него какое-то кожное заболевание? Верзила окинул меня презрительным взглядом.

— Есть немножко. Вот я и везу его в Бротон к Деннаби Бруму.

— Ах так!

— Да. Уж показывать, так тому, кто про собак кое-что кумекает. — Он ухмыльнулся, косясь на людей под навесом, которые с интересом прислушивались. — Собака-то ценная.

— Бесспорно, — сказал я.

Сет повысил голос:

— Конечно, я и сам его подлечил. — Он мог бы мне этого и не говорить: от песика несло дегтем, а на шерсти выделялись маслянистые пятна. — Ну, для верности хочу его Деннаби Бруму показать. Нам, можно сказать, везет, что есть к кому обратиться.

— Да, конечно.

Он победоносно оглядел слушателей.

— Особенно когда собака ценная. Не вести же ее к такому, кто только напортит.

— Ну, — сказал я, — надеюсь, вы его вылечите.

— Уж не сомневайтесь! — Верзила извлек из нашей беседы большое удовольствие. — Вам тут беспокоиться не о чем.

Эта встреча не привела меня в восторг, но опять заставила выглядывать мистера Пиллинга на улицах. И в течение двух недель я наблюдал за ним с большим интересом. А пес лысел с ужасающей быстротой. И не только это. Куда девалась его белая бойкость? Теперь он не бежал, натягивая поводок, а еле плелся, с трудом переставляя лапы, словно находился при последнем издыхании.

Через две недели я с ужасом заметил, что мистер Пиллинг ведет на поводке какое-то подобие начисто остриженного ягненка. Вот все, что осталось от красавца кеесхонда. Но едва я направился к ним, как верзила заметил меня и поспешил в противоположном направлении, волоча за собой злополучного пса.

Однако несколько дней спустя я получил возможность осмотреть его самым подробным образом. Он явился к нам в приемную, но в сопровождении не хозяйина, а хозяйки.

Миссис Пиллинг сидела, выпрямившись, а когда я пригласил ее в смотровую, она вскочила, раньше меня вышла в коридор и быстро зашагала впереди.

Она была низенькая, но широкобедрая и крепко сбитая. Ходила она всегда быстро, выставив вперед подбородок и вызывающе дергая головой при каждом шаге. Она никогда не улыбалась.

Мне доводилось слышать, что Сет Пиллинг пыжился только на людях, а дома он и пикнуть не смел — такой страх ему внушала его маленькая жена. И, глядя на плотно сжатые губы и свирепые глаза, когда в смотровой она повернулась ко мне, я без труда этому поверил.

Она нагнулась, подхватила пса могучими руками и поставила на стол.

— Вы только поглядите на мою собачечку, мистер Хэрриот.

Я поглядел и ахнул.

Пес совершенно лишился шерсти. Кожа была сухая, сморщенная. Она шелушилась, а голова его бессильно свисла, словно он был под наркозом.

— Удивлены, а? — рявкнула миссис Пиллинг. — Само собой. Жутко выглядит, а?

— Боюсь, что да. Я бы его не узнал.

— Ни вы, никто другой. Собака просто чудо, а теперь вы поглядите на него! — Она несколько раз гневно фыркнула. — Я-то знаю, кто тут причиной. А вы?

— Ну-у...

— Знаете, еще как знаете-то! Муженек мой, кто же еще? — Она помолчала и сердито уставилась на меня, тяжело дыша. — Что вы про моего муженька думаете, а, мистер Хэрриот?

— Но я же с ним почти незнаком, и...

— Зато я знакома. Бахвал он и дурень. Все-то он знает, да только все не то и не про то. Он в свои игры играл с моей собачечкой, да вот и доигрался!

Я промолчал, вглядываясь в кеесхонда. В первый раз он был прямо у меня перед глазами, и мне сразу стало ясно, что с ним.

Миссис Пиллинг выставила подбородок еще воинственнее и продолжала:

— Сперва мой муженек сказал, что это экзема. Верно?

— Нет.

— Потом он сказал, что это парша. Верно?

— Нет.

— А вы знаете, что это?

— Да.

— Ну так что же?

— Микседема.

— Миксе...

— Погодите, — перебил я. — Надо окончательно удостовериться. — Я взял стетоскоп и прижал его к груди песика. Да, брадикардия, как следовало ожидать. Замедленные удары сердца, характерные для гипофункции щитовидной железы. — Да, так и есть. Без всякого сомнения.

— Но как вы сказали-то?

— Микседема. Пониженная деятельность щитовидной железы. Есть такая железа у него в горле, и она плохо работает.

— И от этого шерсть повывлезала?

— О да. И от этого же морщинистость кожи и шелушение. Типичнейший случай.

— А почему он все время прямо спит на ходу?

— Еще один классический симптом. Собаки в этом состоянии практически впадают в летаргию. Вся живость у них пропадает.

Она протянула руку и потрогала обнаженную сухую кожу, еще недавно скрытую под пышным мехом.

— А вылечить его вы можете?

— Да.

— Мистер Хэрриот, только не обижайтесь. А вы не ошиблись? Вы совсем уверены, что у него эта микси... микса... как ее там?

— Абсолютно. Тут все ясно

— Вам-то, может, и ясно! — Она побагровела и словно бы даже зубами скрипнула. — А вот моему муженьку ничего не ясно. У, дурень жирный! Чуть вспомню, как он мою собачечку мучил, ну прямо бы убила его!

— Он, наверное, хотел как лучше, миссис Пиллинг.

— Хотел не хотел, а бедную собачку совсем извел, дубина стоеросовая. Погоди, вот я до тебя доберусь!

Я дал ей коробочку таблеток.

— Это экстракт гормона щитовидной железы. Давайте ему по штуке на ночь и утром.

К коробочке я присоединил флакон с йодистым калием, который тоже помогает в таких случаях. Миссис Пиллинг посмотрела на меня с сомнением.

— Но в кожу-то ему втирать что-то ведь надо?

— Нет, — ответил я. — От этого никакого толку не бывает.

— Так, по-вашему, выходит... — Она полиловела и снова несколько раз фыркнула. — По-вашему, выходит, что всю эту пакость мой муженек на него бутылками лил совсем зазря?

— Боюсь, что да.

— Убить его мало! — взорвалась она. — Липкая такая масляная дрянь. А этот зазнайка в Бротоне прописал притирание. Жуть что такое: желтое, до небес воняет. Все ковры мне погубили, все чехлы на креслах!

Сера, китовый жир и креозот, подумал я. Великолепное старинное средство, но в данном случае абсолютно бесполезное и, разумеется, не для жилых помещений.

Миссис Пиллинг опустила кеесхонда на пол и пошла широким шагом по

коридору, опустив голову, набычив могучие плечи. Я услышал, как она бормотала себе под нос:

— Ну погоди, дай домой добраться! Я тебе покажу, будешь знать!

Естественно, мне было интересно, какие успехи делает мой пациент, но прошло две недели, а я так ни разу его и не встретил, из чего сделал вывод, что Сет Пиллинг от меня прячется. И действительно, как-то утром мне показалось, что он вместе с собакой стремительно исчез за углом. Но, возможно, я ошибся.

Затем совершенно случайно я увидел их обоих: я выехал из-за угла на площадь, и прямо передо мной возник мужчина с собакой на поводке, только что отошедший от рыночного ларька. Я прищурился сквозь стекло, и у меня даже дух захватило: хотя времени прошло совсем немного, но кожу пса уже покрывал пушок новой шерсти, и шагал он почти с прежней жизнерадостностью.

Его хозяин обернулся, когда я притормозил, бросил на меня затравленный взгляд, дернул поводок и опрометью кинулся прочь.

Я представил себе его смятение, бурю противоположных чувств. Конечно, он хотел, чтобы его собака выздоровела — да только не так! Но судьба ополчилась на беднягу: выздоровление шло семимильными шагами. Мне доводилось видеть эффектные излечения микседемы, но этот кеесхонд побил все рекорды.

Вести о страданиях мистера Пиллинга доходили до меня разными путями. Например, я узнал, что он переменял трактир и теперь просиживает вечера в «Рыжем медведе». В городке вроде Дарроуби новости расходятся быстро, и я прекрасно представлял себе, как завсегдатаи «Короны и якоря» на тихий йоркширский манер прохаживались по адресу всезнаек.

Но главные мучения он терпел у домашнего очага. Примерно через полтора месяца после того, как я прописал кеесхонду курс лечения, миссис Пиллинг вдруг явилась с ним на прием.

Как и в первый раз, она подняла его на стол, точно пушинку, а потом повернула ко мне лицо, как всегда угрюмое, без тени улыбки.

— Мистер Хэрриот, — начала она, — я пришла сказать вам «спасибо», и еще я подумала, что вам будет интересно посмотреть теперь на мою собачку.

— Еще как, миссис Пиллинг! Очень рад, что вы зашли. — Я с изумлением смотрел на новую шубу кеесхонда — пушистую, глянцевитую, на редкость густую, и на его блестящие глаза и бойкое выражение морды. — Полагаю, можно твердо сказать, что он совсем здоров.

Она кивнула.

— Я так и думала, и большое вам спасибо, что вы его вылечили.

Я проводил их до дверей, но на крыльце она снова повернула ко мне суровое маленькое лицо. Взгляд ее стал грозным.

— Еще одно, — сказала она. — Я этому дураку никогда не прощу, что он вытворял с моей собачечкой. Я ему, дубине, хорошую взбучку задала. Он у меня еще увидит.

Глядя, как она удаляется по улице, а песик бодро бежит рядом, я испытал прилив необыкновенно приятных чувств. На сердце всегда теплеет, когда ви-

дишь, что твой пациент снова совсем здоров, но на этот раз тут была и добавочная радость.

Маленькая миссис Пиллинг еще долго будет утраивать своему муженьку адскую жизнь!

В моих книгах не так уж много неприятных личностей, но Сет Пиллинг, бесспорно, входит в их число. И все же, хотя я и потирал злорадно руки, когда он сел в лужу, теперь мне его чуть-чуть жаль. Для профессионального всезнайки вроде него просто невероятное невезение столкнуться с заболеванием вроде микседемы, относительно редким, но легко излечимым, если знать КАК.

36. *Беспризорник*

Как-то в базарный день мы с Зигфридом отправились побродить по рыночной площади, и на глаза нам попалась собачонка, крутившаяся возле ларьков.

Если выпадал спокойный час, мы нередко отправлялись туда, болтали с фермерами, толпившимися у дверей «Гуртовщиков», иногда получали деньги по давним счетам или набирали вызовов на ближайшую неделю — в любом случае совершали приятную прогулку на свежем воздухе.

Собачонку мы заметили потому, что около кондитерского ларька она встала на задние лапы и принялась служить.

— Поглядите-ка на этого песика, — сказал Зигфрид. — Интересно, откуда он тут взялся.

В этот момент хозяин ларька бросил собачонке половинку печенья. Она быстро сгрызла угощение, но, когда он вышел из-за прилавка и протянул руку, чтобы ее погладить, увернулась и убежала.

Правда, недалеко. Остановившись перед ларьком с яйцами, сыром, домашними лепешками и булочками, она снова села столбиком и заболтала передними лапами, выжидательно задрав голову.

Я подтолкнул Зигфрида.

— Глядите-ка! Она опять за свое!

Мой патрон кивнул.

— Забавная псина, правда? Какой она, по-вашему, породы?

— Помесь. Эдакая миниатюрная каштановая овчарка с оттенком еще ко-го-то. Возможно, терьера.

Вскоре песик уже впился зубами в булочку. Мы подошли к нему. Шагах в двух от него я присел на корточки и сказал ласково:

— Ну-ка, малыш, дай на тебя посмотреть.

Он повернул удивительно симпатичную мордочку и секунду-другую смотрел на меня карими дружелюбными глазами. Мохнатый хвост завилал, но стоило мне сделать движение вперед, как песик вскочил, затрусил прочь и скрылся среди рыночной толпы. Я сделал равнодушный вид, потому что отношение Зигфрида к мелким животным оставалось для меня загадкой. Его любовью были лошади, и частенько он словно посмеивался над тем, как я хлопочу вокруг собак и кошек.

В то время, собственно говоря, Зигфрид был принципиальным противником содержания животных в домашних условиях просто как друзей. Он произносил целые речи, утверждая, что это полнейшая глупость (хотя в его машине с ним повсюду разъезжали пять разношерстных собак). Ныне, тридцать пять лет спустя, он с такой же убежденностью отстаивает идею домашних любимцев, хотя в машине с ним ездит теперь только одна собака. Но в те дни предугадать, как он отнесется к бродячей собачонке, было трудно, а потому я не пошел за ней.

Вскоре меня окликнул молодой полицейский.

— Я все утро смотрел, как этот песик снует между ларьками, — сказал он. — Но меня он тоже к себе не подпустил.

— Вообще-то это странно. Пес, по-видимому, ласковый, но явно пуглив. Интересно, чей он.

— По-моему, бездомный. Я собак люблю, мистер Хэрриот, и всех здешних знаю наперечет. А его в первый раз вижу.

Я кивнул.

— Конечно, вы правы. И как знать, откуда он тут взялся? Возможно, с ним дурно обращались, и он убежал, или его оставил тут какой-нибудь автомобилист.

— Верно, — сказал он. — Удивительные бывают люди! Просто в толк не возьму, как это можно бросить беспомощное животное на произвол судьбы. Я раза два пробовал его поймать, но ничего не вышло.

Весь день эта встреча не выходила у меня из головы, и даже ночью в постели меня преследовал образ симпатичного каштанового песика, который скитается в чужом ему мире и трогательно служит, прося помощи единственным известным ему способом.

В то время я был еще холост, и вечером в пятницу на той же неделе мы с Зигфридом облачились в парадные костюмы, чтобы отправиться на охотничий бал в Ист-Хердсли, милях в десяти от Даррууби.

Процедура была не из легких, ибо тогда еще не миновали дни крахмальных манишек и воротничков, и из спальни Зигфрида до меня то и дело доносились взрывы цветистых выражений по адресу упрямых запонок.

Мое положение было даже хуже, потому что я вырос из своего костюма, и, когда мне, наконец, удалось справиться с воротничком, предстояло еще втиснуться в смокинг, который беспощадно резал под мышками. Я только-только завершил парадный туалет и попытался осторожно вздохнуть, как затрещал телефон.

Звонил молодой полицейский, с которым я разговаривал на рыночной площади.

— Мистер Хэрриот, этот пес сейчас у нас. Ну тот, который выпрашивал подачки, помните?

— Ах так? Значит, кому-то удалось его поймать?

Он ответил не сразу.

— Да не совсем. Патрульный нашел его на обочине в миле от города и привез сюда. Попал под машину.

Я сказал об этом Зигфриду. Он посмотрел на часы.

— Вот всегда так, верно, Джеймс? Именно в тот момент, когда мы собираемся куда-нибудь. — Он задумался. — Загляните туда и проверьте, что с ним, а я вас подожду. На бал нам лучше приехать вдвоем.

По дороге до полицейского участка я от всего сердца надеялся, что работа окажется несложной. Этот охотничий бал значил для моего патрона так много: там соберутся все окрестные любители лошадей, и, хотя он почти не танцевал, ему достаточно будет разговоров за рюмкой с родственными душами. Кроме того, он утверждал, что светское общение с владельцами пациентов полезно для практики.

Конуры находились в глубине заднего двора. Мой знакомый полицейский проводил меня туда и отпер одну из дверей. Каштановый песик неподвижно лежал под единственной электрической лампочкой, но, когда я нагнулся и погладил густую шерсть, его хвост задвигался по соломенной подстилке.

— Во всяком, случае, у него хватило сил поздороваться, — сказал я.

Полицейский кивнул.

— Да, очень ласковый.

Сперва я просто оглядел его, чтобы не причинять ему напрасной боли, пока не выяснил, насколько он покалечен. Впрочем, и такого осмотра было для начала достаточно: многочисленные кровоточащие ссадины и царапины, задняя нога неестественно вывернута, как бывает только при переломе, губы в крови.

Кровь могла сочиться из разбитых зубов, и я осторожно приподнял мордочку, чтобы осмотреть их. Он лежал на правом боку, и, когда я повернул его голову, меня словно кто-то хлестнул по лицу.

Правый глаз выскочил из орбиты и торчал над скулой, словно безобразный нарост, — большой, влажно поблескивающий шар. Белая выпуклость склеры заслоняла ресницы.

Мне показалось, что я просидел на корточках очень долго — настолько ошеломило меня это страшное зрелище. Секунда шла за секундой, а я смотрел на песика, и он смотрел на меня — доверчиво ласковым карим глазом слева, бессмысленно и злобно жутким глазом справа...

Очнуться меня заставил голос полицейского:

— До чего же его изуродовало!

— Да... да... Конечно, на него наехала машина, и, судя по всем этим ранам, некоторое время волокла по асфальту.

— Ну так что же, мистер Хэрриот?

Смысл его вопроса был понятен. Разумнее всего было бы положить конец страданиям этого бесприютного, никому не нужного существа. Страшно искалеченная ничья собака. Быстрая инъекция большой дозы снотворного — и все его беды кончатся, а я смогу поехать на бал.

Однако вслух полицейский ничего подобного не сказал: возможно, как и я, он перехватил доверчивый взгляд уцелевшего кроткого глаза.

Я быстро выпрямился:

— Можно мне воспользоваться вашим телефоном?

В трубке раздался нетерпеливый голос Зигфрида:

— Джеймс, какого черта? Уже половина десятого! Либо ехать сейчас же, либо вообще можно не ехать! Бродячая собака с тяжелыми повреждениями. В чем, собственно, проблема?

— Да, конечно, Зигфрид. И я очень сожалею, что задерживаю вас. Но я не могу прийти ни к какому выводу. Вот если бы вы приехали и сказали свое мнение...

Молчание. Потом долгий вздох.

— Ну хорошо, Джеймс. Через пять минут я буду там.

Его появление в участке произвело небольшой фурор. Даже в рабочей одежде Зигфрид умудрялся выглядеть аристократом, а уж чисто выбритый, после ванны, в верблюжьем пиджаке, ослепительно белой рубашке и черном галстуке он и вовсе мог сойти за герцога. Все, кто был в участке, почтительно уступили ему место.

— Вот сюда, сэр! — сказал мой молодой полицейский и повел его на задний двор.

Зигфрид молча осматривал песика, не дотрагиваясь до него, как и я. Затем он бережно приподнял мордочку и увидел чудовищный глаз.

— Боже мой! — почти прошептал он, но при звуке его голоса пушистый хвост заерзал по полу.

Несколько секунд Зигфрид напряженно всматривался в изуродованную мордочку, а хвост все шуршал и шуршал соломой.

Наконец мой патрон выпрямился и пробормотал:

— Заберем его к себе.

В операционной мы дали песику наркоз и, когда он уснул, смогли наконец осмотреть его как следует. Затем Зигфрид сунул стетоскоп в карман своего халата и оперся ладонями о стол.

— Выпадение глаза, перелом бедра, многочисленные глубокие порезы, сломанные когти. Работы здесь хватит до полуночи, Джеймс.

Я промолчал.

Зигфрид развязал черный галстук, отстегнул запонку, сдернул крахмальный воротничок и повесил его на кронштейн хирургической лампы.

— Фу-у-у! Так-то лучше, — пробормотал он и начал раскладывать шовный материал.

Я поглядел на него через стол.

— Но охотничий бал?

— А ну его в болото! — ответил Зигфрид. — Давайте работать.

Работали мы долго. Я повесил свой воротничок рядом с зигфридовским, и мы занялись глазом. Я знаю, нами обоими владело одно чувство: сначала разделаться с этим ужасом, а уж потом перейти к остальному.

Я смазал глазное яблоко, оттянул веки, и Зигфрид аккуратно ввел его назад в глазницу. Когда страшный шар исчез и на виду осталась только радужная оболочка, я испустил вздох облегчения.

Зигфрид удовлетворенно усмехнулся.

— Ну вот, опять глаз как глаз, — сказал он, схватил офтальмоскоп и заглянул в зрачок. — И обошлось без серьезных повреждений, так что есть шанс, что все будет в порядке. Но мы все-таки на несколько дней зашьем веки — во избежание всяких случайностей.

Сломанные концы большой берцовой кости разошлись, и нам пришлось долго повозиться, прежде чем мы сумели совместить их и наложить гипс. Теперь предстояло зашить бесчисленные раны и порезы.

Эту работу мы поделили, и тишину в операционной нарушало только позвякивание ножниц, когда кто-нибудь из нас обстригал каштановую шерсть вокруг очередного повреждения. Я, как и Зигфрид, знал, что работаем мы наверняка бесплатно, но тягостной была совсем другая мысль: а вдруг после таких усилий нам все-таки придется его усыпить? Он по-прежнему находился в ведении полиции, и, если в течение десяти дней его никто не востребует, он будет подлежать уничтожению как бродячее животное. Но если его бывшим хозяевам он небезразличен, то почему они уже не навели справки в полиции?..

Когда мы все закончили и вымыли инструменты, время перевалило далеко за полночь. Зигфрид бросил последнюю иглу на поднос и поглядел на спящего песика.

— По-моему, снотворное перестает действовать. Давайте-ка уложим его у огня и выпьем, пока он будет просыпаться.

Мы унесли песика на одеяле в гостиную, а там уложили на коврик у камина, в котором ярко пылал уголь. Мой патрон протянул длинную руку к стеклянному шкафику над каминной полкой, достал бутылку и две рюмки. Без воротничков и пиджаков — лишь одни крахмальные манишки и брюки от вечернего костюма напоминали о бале, на котором нам так и не довелось побывать, — мы удобно расположились в креслах по сторонам камина, а между нами мирно посапывал наш пациент.

Теперь он выглядел куда приятнее. Правда, веки одного глаза стягивал защитный шов, а задняя нога в гипсе торчала неестественно прямо, но вид у него был чистенький, прямо-таки ухоженный. Казалось, его ждет заботливый хозяин... Но только казалось.

Шел второй час ночи, и содержимое бутылки заметно поубавилось, когда каштановая головка приподнялась.

Зигфрид наклонился, потрогал ухо, и тут же хвост захлопал по коврику, а розовый язык нежно лизнул его пальцы.

— Симпатичная псина, — пробормотал Зигфрид, но тон его был странным. Я понял, что его тревожит дальнейшая судьба бездомной собачки.

Два дня спустя я снял швы, стягивающие веко, и, к большой своей радости, увидел совершенно здоровый глаз. Молодой полицейский был доволен не меньше меня.

— Нет, вы только посмотрите! — воскликнул он. — Словно ничего и не было.

— Да. Все зажило превосходно. Ни отека, ни воспаления. — Я нерешительно помолчал. — О нем так никто и не справлялся?

Он покачал головой.

— Пока нет. Но остается еще восемь дней, а ему у нас тут неплохо.

Я несколько раз заглядывал в участок, и песик встречал меня с неумным восторгом. Прежняя боязливость исчезла: опираясь на загипсованную заднюю ногу, он передними обхватывал мое колено и бешено вилял хвостом.

А меня все больше одолевали зловещие предчувствия, и на десятый день я лишь с трудом заставил себя пойти в участок. Ничего нового не произошло, у меня не было иного выхода, кроме как... Усыпляя одряхлевших или безнадежно больных собак, утешаешься мыслью, что конец все равно близок и ты лишь избавляешь их от ненужных страданий. Но убить молодую здоровую собаку — мысль об этом внушала мне отвращение. Однако я был обязан исполнить свой долг.

В дверях меня встретил молодой полицейский.

— Опять ничего? — спросил я, и он покачал головой.

Я прошел мимо него в сарай, и песик по обыкновению обхватил мое колено, радостно глядя мне в глаза и приоткрыв пасть, словно от смеха.

Я поспешно отвернулся. Либо сейчас, либо у меня не хватит духу...

— Мистер Хэрриот! — Полицейский потрогал меня за локоть. — Я, пожалуй, возьму его себе.

— Вы? — Я уставился на него с изумлением.

— Ну да. Вообще-то у нас тут часто сидят бродячие собаки, и как их ни жалко, но ведь всех себе не возьмешь!

— Конечно, — ответил я. — У меня тоже бывает такое чувство.

Он кивнул.

— Только этот почему-то словно особенный и попал к нам в самое подходящее время. У меня две дочки, и они меня просто замучили: подари им собачку, и все тут. А он вроде бы совсем такой, как требуется.

У меня вдруг стало удивительно тепло на душе.

— Совершенно с вами согласен. Он на редкость ласковый. Как раз то, что нужно для детей.

— Отлично. Так и решим. Я ведь только хотел спросить ваше мнение. — Он весело улыбнулся.

Я смотрел на него так, словно видел впервые.

— Простите, а как вас зовут? — спросил я.

— Фелпс. П. Ч. Фелпс.

Он показался мне настоящим красавцем — смешливые голубые глаза, свежее румяное лицо и ощущение надежности, пронизывающее весь его облик. Я с трудом подавил желание горячо потрясти ему руку и дружески хлопнуть по спине. Но мне удалось сохранить профессиональное достоинство.

— Ну что же, лучше и не придумаешь. — Я нагнулся и погладил песика. — Не забудьте привести его к нам через десять дней, чтобы снять швы, а гипс уберем через месяц.

Швы снимал Зигфрид, а я увидел нового пациента только четыре недели спустя.

П. Ч. Фелпс привел не только песика, но и двух своих дочек — одной было шесть лет, а другой четыре года.

— Вроде бы уже пора снимать гипс, верно? — сказал он.

Я кивнул. И он, поглядев на дочек, скомандовал:

— Ну-ка, девочки, поднимите его на стол.

Они старательно ухватили нового товарища своих игр и взгромоздили его на стол, а он отчаянно вилял хвостом и ухмылялся во всю пасть.

— По-видимому, все вышло неплохо, — заметил я.

Фелпс улыбнулся.

— Слабо сказано. Их с ним водой не разольешь. Даже выразить не могу, сколько нам от него радости. Просто еще один член семьи.

Я достал маленькую пилу и начал кромсать гипс.

— Думаю, это взаимно. Собаки любят чувствовать себя под надежным кровом.

— Ну, надежнее ему не найти! — Фелпс погладил каштановую шерсть и, усмехнувшись, сказал песику: — Будешь знать, как кланчить у ларьков на рынке. Вот полицейский тебя и забрал!

Эта история включает много такого, что украшает жизнь ветеринара. Трогательность просящей собачки, полная непредсказуемость (мы завершили вечер, оперируя в крахмальных рубашках) и простая человеческая доброта, воплощенная в молодом полицейском. И разумеется, вновь и вновь повторяющаяся радость, когда симпатичный песик или котенок находит ласковых хозяев. Ну а появление детей делает счастливый конец идеально счастливым.

37. Кража машины

— Ах, мистер Хэрриот! У нас вчера угнали машину! — радостно сообщила миссис Ридж, одаряя меня сияющей улыбкой.

Я замер перед открытой дверью ее дома.

— Миссис Ридж, я глубоко вам сочувствую. Каким образом...

— Да-да-да! Мне не терпится вам рассказать! — голос у нее дрожал от счастливого возбуждения. — Видимо, вчера ночью сюда заглянули какие-то бродяги, а я, дурочка, постоянно забываю запирать дверцы!

— Вот, значит, что... Как обидно!

— Да входите же! — Она засмеялась. — Простите, что я держу вас на пороге. Но я никак не могу опомниться.

Я прошел мимо нее в гостиную.

— Вполне естественно. Такой шок...

— Шок? Вы не так меня поняли. Это ведь просто чудо!

— А?

— Ну конечно! — Сжав руки, она возвела глаза к потолку. — Знаете, что произошло?

- Да, — ответил я. — Вы мне только что сказали.
- Ничего подобного. Я еще и не начинала.
- Не начинали?
- Да нет же! Но, пожалуйста, садитесь. Ведь это и вас касается.

Прежде чем перейти к сути, я должен вернуться немного назад. За десять дней до этого разговора миссис Ридж вся в слезах взбежала на крыльцо Скелдейл-Хауса.

- С моим песиком беда, — еле выговорила она.
- Где он? — Я поглядел ей через плечо.
- В машине. Я подумала, что лучше его лишний раз не трогать.
- Я спустился к машине и открыл дверцу. Джошуа, ее кэрн-терьер, неподвижно лежал на одеяле, разостланном на заднем сиденье.

— Что случилось?

Она прижала ладонь к глазам.

— Такой ужас! Вы знаете, он часто играет на поле прямо против нашего дома. Ну и полчаса назад он погнался за кроликом и попал под колесо трактора.

Я перевел взгляд с ее лица на неподвижного песика, потом снова посмотрел на нее.

— Колесо его переехало?

Она кивнула, а по ее щекам вновь заструились слезы.

Я положил руку ей на плечо.

— Миссис Ридж, это очень важно! Вы уверены, что колесо его придавило?

— Да, я... я абсолютно уверена. Я ведь все видела! И когда побежала поднять его, никак не думала, что он жив. — Она судорожно вздохнула. — Наверное, после такого ему не выжить?

Я промолчал, чтобы еще больше ее не расстроить, но у небольшой собаки, придавленной такой тяжестью, не было никаких шансов. Не говоря уж о раздробленных костях, внутренние повреждения не могли не быть огромными. И это застывшее песочно-рыжевато-телце... Сколько раз я наблюдал, как Джошуа носился по полям и лугам!

— Ну-ка, посмотрим, как он, — сказал я, забрался в машину и пристроился на сиденье рядом с ним. Как мог бережнее, я начал ощупывать ноги, каждую секунду ожидая услышать, как трутся друг о друга концы сломанных костей. Я медленно подсунул под него ладонь, чтобы обеспечить ему опору. Но Джошуа сколько-нибудь прореагировал, только когда я добрался до таза. Особенно же обнадеживал розовый цвет слизистой пасти и глаз.

Я обернулся к миссис Ридж, чтобы ее ободрить.

— Как ни поразительно, но он каким-то чудом избежал внутренних кровоизлияний, и все кости ног целы. Правда, таз поврежден, но это не очень опасно.

Она провела пальцами по мокрым щекам и ошеломленно посмотрела на меня.

— Вы меня не утешаете? У него действительно есть шанс?

— Я не хотел бы внушать вам радужные надежды, но никаких симптомов тяжелых повреждений я не нахожу.

— Но как это может быть?

Я пожал плечами.

— Невероятно, я согласен, и объяснение может быть только одно: вспаханная земля оказалась такой мягкой, что колесо вдавило его в нее, не размозжив. В любом случае надо сделать рентгеновские снимки.

В те времена у нас, как и у большинства ветеринаров, работавших с крупными животными, своего рентгеновского аппарата не было, но в местной больнице нам всегда шли навстречу. Я отвез Джошуа туда, и рентген подтвердил мои заключения: перелом таза, но больше ничего.

— От меня тут мало что зависит, — сказал я его хозяйке. — Такие повреждения обычно заживают сами собой. Вероятно, некоторое время ему будет трудно вставать на задние лапы, и несколько недель он будет вихлять задом, но покой должен его полностью вылечить.

— Замечательно. — Она посмотрела, как я уложил песика обратно на одеяло. — Значит, надо просто набраться терпения и ждать?

— Так я, во всяком случае, надеюсь.

Когда я увидел Джошуа через два дня, мои опасения, что он все-таки получил какое-то внутреннее повреждение, окончательно рассеялись. Все слизистые были здорового темно-розового цвета, и все органы функционировали нормально.

Однако миссис Ридж по-прежнему тревожилась.

— Он такой грустный! — сказала она. — Ну просто безжизненный.

— Видите ли, после подобной передряги он же весь в синяках и ссадинах. Не говоря уж о шоке. Вам надо просто подождать.

Пока я говорил, песик приподнялся, сделал, пошатываясь, несколько шажков и опять вытянулся на ковре. Он не проявил ни малейшего интереса ни ко мне, ни к тому, что его окружало.

Перед уходом я снабдил его хозяйку салициловыми таблетками.

— Они облегчат его состояние, — сказал я. — Если улучшение не наступит, позвоните.

И она позвонила — на вторые сутки.

— Вы не приехали бы посмотреть Джошуа еще раз? — сказала она. — Он меня очень тревожит.

Песик был все таким же. Он уныло лежал на коврике перед камином и, положив голову на лапы, глядел на огонь.

— Ну-ну, Джошуа! — сказал я. — Тебе должно было стать лучше.

Я нагнулся и провел пальцами по жесткой шерсти, но на это, как и на мои слова, он не обратил ни малейшего внимания. Точно меня вообще не было в комнате. Миссис Ридж сказала огорченно:

— Он все время такой. А вы ведь помните, каким он был!

— Да, на него никакого угомона не было! — И мне вспомнилось, как он оживленно прыгал вокруг меня и не спускал глаз с моего лица. — Очень странно.

— И еще одно, — продолжала она. — Он ни разу даже не залаял. И это меня особенно пугает: он же всегда был таким отличным сторожем. Он лаял, когда приносили первую утреннюю почту, он облаивал молочника, мусорщика — ну всех! Нет, он по пустякам не тьякал, однако всегда давал нам знать о появлении посторонних.

— Да... — Я помнил и это: бодрый лай за дверью, когда я нажимал звонок.

— А теперь он молчит и молчит. Просто страшно становится. Кто-то приходит, уходит, а он даже глаз не поднимет! — Она грустно покачала головой. — Хоть бы залаял! Один только разочек! Это ведь означало бы, что он выздоравливает?

— Да, пожалуй, — ответил я.

— А вы не думаете, что все-таки у него что-то не в порядке?

Я взвесил все.

— Нет. Я убежден, что физических травм у него никаких нет. Но он был страшно напуган и замкнулся в себе. Со временем это пройдет.

Уходя, я не мог освободиться от ощущения, что успокаиваю не столько миссис Ридж, сколько себя. А она продолжала мне звонить, тревожась все больше, и моя уверенность пошла на убыль.

Через неделю она снова попросила, чтобы я приехал. Джошуа был все такой же: вялый, хвост поджат, глаза тоскливые. И он по-прежнему молчал.

Его хозяйка была очень расстроена.

— Мистер Хэрриот, — сказала она. — Что нам делать? Я совсем не сплю — все время думаю о нем.

Я достал стетоскоп с термометром и снова осмотрел песика. Потом опущал всего от головы до хвоста. Кончив, я уселся на коврик и посмотрел на миссис Ридж снизу вверх.

— Ничего! Вам надо просто подождать еще.

— Но вы это уже говорили, а я чувствую, что долго не выдержу.

— Он так и не залаял?

Она покачала головой.

— Нет. А я так этого жду! Он немножко ест, немножко ходит, но молчит. Я знаю, я бы сразу успокоилась, если бы он залаял хотя бы один раз. А так мне все время кажется, что он вот-вот умрет...

Я надеялся, что мой следующий визит окажется более удачным, но, хотя радостное настроение миссис Ридж меня заметно успокоило, я недоумевал.

Опустившись в удобное кресло, я сказал:

— Остается только уповать, что ваша машина разыщется, — начал я.

Она небрежно махнула рукой.

— Да, конечно.

— Но... вас ведь это должно было очень расстроить...

— Расстроить? Да что вы! Я просто счастлива!

— Счастливы? Из-за того, что лишились машины?..

— При чем тут это? Из-за Джошуа!

— Джошуа?

— Да! — Она опустилась в кресло напротив меня и наклонилась вперед. — Вы знаете, что он сделал, когда они угоняли машину?

— Так что?

— Он залаял, мистер Хэрриот! Джошуа залаял!

Думается, этот случай я описал просто потому, что ни до, ни после не встречал никого, кто бы радовался, что у него угнали машину. Но, собственно, мне не следовало бы удивляться. Я много раз замечал, как выздоровление четвероногого друга отвлекает людей от их тревог. И все знают, что первый лай — это симптом того, что худшее позади и собака скоро поправится. А что такое угнанная машина в сравнении с этим!

38. Тео — бар-терьер

Я словно опять слышу, как Джордж Уилкс, аукционщик, вдруг объявил однажды вечером в «Гуртовщиках»:

— Такого отличного бар-терьера я еще не видывал!

И, нагнувшись, он потрепал косматую голову Тео, торчавшую из-под соседнего табурета.

Я подумал, что определение «бар-терьер» очень подходит Тео. Это был небольшой песик, в основном белый, если не считать нелепых черных полосок по бокам, а его морда тонула в пушистой шерсти, которая делала его очень симпатичным и загадочным.

Поль Коттерелл поглядел на него со своего высокого табурета.

— Что он про тебя говорит, старина? — произнес он утомленно, и при звуке любимого голоса песик, виляя хвостом, выскочил из своего убежища.

Тео значительную часть своей жизни проводил между четырьмя металлическими ножками табурета, облюбованного его хозяином. Конечно, я сам заходил сюда с Сэмом, моим псом, и он пристраивался у меня под табуретом.

Но это случалось редко, от силы два раза в неделю, а Поль Коттерелл каждый вечер с восьми часов сидел в «Гуртовщиках» перед пинтовой кружкой у дальнего конца стойки, неизменно сжимая в зубах маленькую изогнутую трубку.

Для человека умного, образованного и далеко еще не старого — он был холостяком лет под сорок — подобное прозябание казалось непростительно бесплодным.

Когда я подошел к стойке, он обернулся ко мне:

— Здравствуйте, Джим. Разрешите угостить вас?

— Буду очень благодарен, Поль, — ответил я. — Кружечку.

— Ну и чудесно! — Он взглянул на буфетчицу и произнес с непринужденной учтивостью: — Мойра, можно вас побеспокоить?

Мы попивали пиво и разговаривали. Сначала о музыкальном фестивале в Бротоне, а потом о музыке вообще. И в этой области, как и во всех других, которых мы касались, Поль, казалось, был очень осведомлен.

— Значит, Бах вас не слишком увлекает? — лениво спросил он.

— По правде говоря, не очень. Некоторые вещи — безусловно, но в целом я предпочитаю более эмоциональную музыку. Элгар, Бетховен, Моцарт. Ну и Чайковский, хотя вы, снобы, наверное, поглядываете на него сверху вниз.

Он пожал плечами, пыхнул трубочкой и, приподняв бровь, с улыбкой посмотрел на меня. Я поймал себя на мысли, что ему очень не хватает монокла. Но он не стал петь хвалы Баху, хотя, по-видимому, предпочитал его всем другим композиторам. Он вообще никогда ничем не восторгался и выслушивал мои излияния по поводу скрипичного концерта Элгара с той же легкой улыбкой.

Поль Коттерелл родился на юге Англии, но местные старожилы давно простили ему этот грех, потому что он был приятен, остроумен и, сидя в своем излюбленном уголке в «Гуртовщиках», радушно угощал всех знакомых. Меня особенно привлекало его чисто английское обаяние, легкое и небрежное. Он всегда был спокоен, безупречно вежлив и застегнут на все пуговицы.

— Раз уж вы здесь, Джим, — сказал он, — так нельзя ли попросить вас взглянуть на лапу Тео?

— С удовольствием. (Такова уж профессия ветеринара: всем кажется, что в часы отдыха для него нет ничего приятнее, чем предлагать советы или выслушивать описание симптомов.) Давайте его сюда.

— Тео! — Поль похлопал себя по коленям, и песик, радостно блеснув глазами, мгновенно вспрыгнул на них. Как всегда, я подумал, что Тео следовало бы сниматься в кино: эта мохнатая смеющаяся мордочка завоевала бы все сердца. Такие собаки — неотразимая приманка для кинозрителей в любом уголке мира.

— Ну-ка, Тео, — сказал я, забирая его на руки, — так что с тобой?

Поль указал мундштуком трубки на правую переднюю лапу:

— Вот эта. Он последние дни что-то прихрамывает.

— Ах так! — Я перевернул Тео на спину и засмеялся. — Сломанный коготь, только и всего. Наверное, неудачно наступил на камень. Минуточку! — Я сунул руку в карман за ножницами, без которых не выходил из дома, щелкнул ими — и операция была закончена.

— Только и всего? — спросил Поль.

— Да.

Насмешливо вздернув бровь, он поглядел на Тео.

— Из-за такой безделицы ты поднял столько шума? Иди-ка на место! — И он щелкнул пальцами.

Песик послушно спрыгнул на ковер и скрылся в своем убежище под табуретом. И тут я вдруг понял суть обаяния Поля — обаяния, которое так часто внушало мне восхищение и зависть: он ничего не принимал слишком близко к сердцу! Своего пса он, конечно, любил — повсюду брал его с собой, регулярно гулял с ним по берегу реки, — но в нем не чувствовалось той озабоченности, той почти отчаянной тревоги, какую я часто замечал у хозяев собак, даже если речь шла о пустячном заболевании. Вот у них сердце болело — как и у меня самого, когда дело касалось моих собственных четвероногих друзей.

И разумеется, Поль был совершенно прав. Зачем осложнять себе жизнь? Отдавая сердце, становишься таким беззащитным! А Поль шел своим путем, спокойный и неуязвимый. Обаятельная небрежность, непринужденная вежливость, невозмутимость — все это опиралось на самый простой факт: его ничто не задевало по-настоящему!

Но и постигнув его характер, я продолжал ему завидовать: слишком уж часто становился я жертвой своей эмоциональности. Как, наверное, приятно быть таким, как Поль! И чем больше я думал, тем яснее видел, насколько хорошо все согласуется одно с другим. Он не женился, потому что был не способен глубоко полюбить. И даже Бах с его математической музыкой прекрасно укладывался в эту схему.

— По-моему, столь сложная операция стоит еще одной кружки, Джим! — Он изогнул губы в своей обычной улыбке. — Если, конечно, вы не потребуете более высокого гонорара.

Я засмеялся. Нет, он мне все равно нравился. Всякий человек скроен по-своему и поступает в согласии со своей природой, но, взяв вторую кружку, я снова подумал о том, насколько свободна от забот его жизнь. Он занимал хорошую должность в каком-то правительственном учреждении в Бротоне, не знал домашних тягот и каждый вечер сидел, потягивая пиво, на одном и том же табурете, под которым лежала его собака. Легкое, ничем не омраченное существование.

Он давно уже стал неотъемлемой принадлежностью Дарроуби, частью всего, что мне так нравилось, и, поскольку я не люблю перемен, на душе становилось тепло при мысли, что, когда бы я ни завернул к «Гуртовщикам», в углу обязательно будет сидеть Поль Коттерелл, а из-за его ног — выглядывать косматая мордочка Тео.

Именно это подумал я как-то вечером, когда зашел туда перед самым закрытием.

— У него могут быть глисты? — Вопрос был задан типично небрежным тоном.

— Не знаю, Поль. А почему вы спрашиваете?

Он попыхтел трубкой.

— Просто мне последнее время кажется, что он немножко похудел. Сюда, Тео!

Песик, вскочивший на колени к хозяину, выглядел таким же бодрым, как всегда, и, когда я приподнял его, быстро лизнул мне руку. Но, действительно, ребра у него чувствовались.

— М-да, — сказал я. — Возможно, он чуточку похудел. Но глистов вы не видели?

— Собственно говоря, нет.

— Даже отдельных беловатых сегментов вокруг заднего прохода?

— Нет, Джим. — Он покачал головой и улыбнулся. — Правда, я особенно не вглядывался, старина.

— Ну хорошо. На всякий случай дадим ему глистогонное. Завтра вечером я захвачу с собой таблетки. Вы будете тут?

Бровь чуть-чуть поднялась.

— Думаю, это более чем вероятно.

Таблетки для Тео я принес, но затем несколько недель у меня не было свободной минуты, чтобы посидеть в «Гуртовщиках». Когда же я наконец туда добрался, то оказалось, что именно в эту субботу там устроил танцы местный спортивный клуб. Из зала доносилась музыка, маленький бар был битком набит, а любителей домино оттеснили в дальний угол смокинги и бальные платья.

Оглушенный шумом и духотой, я пробрался к стойке. Все вокруг было неузнаваемо, и только Поль Коттерелл, как всегда, сидел на своем табурете у дальнего ее конца.

Я протиснулся к нему и увидел на нем его обычный твидовый пиджак.

— Вы не танцуете, Поль?

Он прищурил глаза, медленно покачал головой и улыбнулся мне своей изогнутой трубочкой.

— Это занятие не для меня, старина, — сказал он. — Слишком уж смахивает на работу.

Я взглянул вниз и убедился, что еще кое-что осталось прежним: Тео сжался под табуретом, стараясь держать нос вне досягаемости ботинок и туфель. Я заказал две кружки пива, и мы попытались разговаривать, но перекричать нестройный гул голосов оказалось нелегким делом. Между нами к стойке то и дело просовывались чьи-то руки, раскрасневшиеся лица наклонялись к нам, громко здороваясь. И почти все время мы просто посматривали по сторонам.

Вдруг Поль придвинулся поближе и сказал мне на ухо:

— Я все это время давал Тео ваши таблетки, но он по-прежнему худеет.

— Неужели? — рявкнул я в ответ. — Это странно!

— Да... Вы бы его не посмотрели?

Я кивнул, он щелкнул пальцами, и песик тут же взлетел к нему на колени. Я забрал его к себе и сразу же почувствовал, что он стал много легче.

— Вы правы, — крикнул я. — Он продолжает худеть.

Придерживая песика на левом колене, я оттянул ему веко, увидел, что конъюнктива очень бледна, и снова крикнул:

— Заметная анемия.

Я начал ощупывать мохнатую мордочку и, дойдя до угла челюсти, обнаружил, что заглочочные лимфатические узлы очень увеличены. Непонятно... Какая-то болезнь ротовой полости или глотки? Я растерянно поглядел вокруг, злясь на то, что Поль с таким упорством советуется со мной о своей собаке в «Гуртовщиках». Не могу же я уложить ее на стойке посреди кружек и стаканов.

Я попробовал ухватить Тео покрепче, чтобы заглянуть ему в горло, моя

ладонь скользнула под переднюю лапу, и у меня защемило сердце: подмышечный узел тоже был сильно увеличен. Я торопливо провёл пальцами под задней ногой... Паховый узел выпирал из-под кожи, как голубиное яйцо. И подвздошный... Я продолжал лихорадочно ощупывать. Все поверхностные лимфатические узлы были в несколько раз больше нормальной величины.

Болезнь Ходжкина... На несколько секунд я перестал слышать крики, смех, музыку. Потом взглянул на Поля, который спокойно смотрел на меня, попыхивая трубочкой. Как сказать ему в такой обстановке? Он спросит меня, что это за болезнь, и мне придется ответить, что это рак лимфатической системы и его песик обречен.

Стараясь собраться с мыслями, я поглаживал мохнатую голову и смешную бородатую мордочку, повернутую ко мне. Сзади наваливались люди, тянулись руки, пронося мимо меня кружки с пивом, рюмки с виски и джином, какой-то толстяк обнял меня за шею...

— Поль! — сказал я, наклоняясь к нему.

— Да, Джим?

— Может быть... Может быть, вы зайдёте ко мне с Тео завтра утром? В воскресенье мы начинаем прием в десять.

Его брови дернулись, потом он кивнул:

— Отлично, старина.

Я не стал допивать свое пиво. Проталкиваясь к двери, я оглянулся и увидел, как мохнатый хвост исчез под табуретом.

Проснулся я, как иногда со мной случалось, на рассвете — начинаешь ворочаться часов в шесть, а потом лежишь, глядя в потолок.

В конце концов я встал и принес Хелен чашку чая в постель, но время тянулось все так же мучительно медленно, пока не настала минута, которой я так страшился, — я посмотрел на Поля над головой Тео, стоявшего между нами на операционном столе.

И сказал ему. Прямо, без обиняков. Ничего другого мне не оставалось.

Выражение его лица не изменилось, но он вынул трубку изо рта и внимательно посмотрел на меня, потом на песика и опять на меня.

— Ах так... — сказал он наконец.

Я ничего не ответил, и он медленно провел рукой по спине Тео.

— Вы абсолютно уверены, Джим?

— Да. Мне очень грустно...

— И лечения никакого нет?

— Существуют различные способы облегчения, Поль, но я ни разу не видел, чтобы от них был хоть какой-то толк. Конец тот же.

— А!.. — Он кивнул. — Но Тео выглядит совсем неплохо. Что будет, если мы оставим все как есть?

— Ну, — ответил я, помолчав, — по мере увеличения внутренних лимфатических узлов будет происходить всякое. В брюшной полости разовьется асцит — водянка. Видите, живот у него уже немного вздут.

— Да... теперь вижу. А еще что?

— От увеличения заглочных узлов он начнет задыхаться.

— Это я уже заметил: пройдет совсем немного и начинает тяжело дышать.

— А тем временем он будет все больше худеть и слабеть.

Поль несколько секунд смотрел в пол, потом поднял глаза на меня.

— Короче говоря, он будет мучиться до конца жизни. — Он сглотнул. — И как долго это протянется?

— Несколько недель. Точно предсказать нельзя. Может быть, месяца три.

— Что же, Джим, — он провел рукой по волосам. — Этого я допустить не могу. Я ведь за него в ответе. Лучше усыпить его теперь, пока еще он не страдает по-настоящему. Вы согласны?

— Да, Поль. Это самое гуманное.

— А вы не могли бы сделать это сейчас же? Как только я уйду?

— Хорошо. И обещаю вам, что он ничего не почувствует.

Его лицо застыло. Он сунул трубку в рот, но она уже погасла, и он убрал ее в карман. Потом наклонился и погладил Тео по голове. Мохнатая мордочка со смешной бородкой обернулась к нему, и несколько секунд человек и собака смотрели друг на друга.

— Прощай, старина, — пробормотал Поль и быстро вышел.

Я сдержал свое обещание.

— Хорошая собака, умница Тео, — шептал я и гладил, гладил мордочку и уши, пока песик погружался в последний сон. Как все ветеринары, я терпеть не мог этой процедуры, хотя она и безболезненна, и находил утешение только в том, что сознание угасло навсегда под звуки ласкового голоса и прикосновения дружеской руки.

Да, конечно, я сентиментален. Не то что Поль. Его поведение было здоровым и разумным. И он сумел выбрать верный выход, потому что не поддавался эмоциям.

Позже, за воскресным обедом, который доставил мне куда меньше удовольствия, чем обычно, я рассказал Хелен про Тео.

Я не мог промолчать, потому что на нашей газовой горелке (других средств для приготовления пищи у нас не было) она сотворила восхитительное жаркое, а я не отдал должное ее искусству.

Она сидела на скамеечке, и я поглядел на нее сверху вниз — сегодня была моя очередь сидеть на высоком табурете.

— А знаешь, Хелен, — сказал я, — для меня это было отличным уроком. То, как поступил Поль. На его месте я бы тянул и мямлил, стараясь увернуться от неизбежного.

— Не только ты, а очень многие, — сказала она, подумав.

— Да. А вот он не стал! — Положив нож и вилку, я уставился на стену. — Поль поступил как зрелый, сильный человек. Наверное, он принадлежит к тем людям, с которыми мы чаще встречаемся в книгах, — спокойный, уравновешенный, никогда не теряющийся.

— Послушай, Джим, жаркое стынет! Конечно, это было очень грустно, но изменить ты ничего не мог, и незачем тебе себя ругать. Поль — это Поль, а ты — это ты.

Я принялся за мясо, но ощущение собственной никчемности продолжало терзать меня. Тут, взглянув на мою жену, я увидел, что она мне улыбается.

И внезапно мне стало легче. Во всяком случае, она не жалеет, что я такой, как есть.

Это было в воскресенье, а утром во вторник мистер Сангстер, который жил у вокзала, зашел за средством от бородавок для своих коров.

— Смазывают вымя после утренней и вечерней дойки, — сказал я, — и через неделю-другую бородавки начнут отваливаться.

— Спасибо. — Он протянул мне полукрону, а когда я бросил монету в ящик, вдруг добавил: — А Поля Коттерелла очень жалко.

— О чем вы говорите?

— Да я думал, вы знаете. Умер, бедняга.

— Умер? — Я растерянно уставился на него. — Но как... почему...

— Его утром нашли. Покончил с собой.

Я уперся ладонями в стол.

— Вы хотите сказать... самоубийство?

— Выходит так. Говорят, наглотался таблеток. Весь город про это толкует.

Я слепо вперил взгляд в страницу ежедневника со списком вызовов, и голос мистера Сангстера словно доносился откуда-то издалека.

— Очень его жалко. Приятный был человек. Все его любили.

Под вечер, проезжая мимо дома, где жил Поль Коттерелл, я увидел на крыльце миссис Клейтон, его квартирную хозяйку, остановил машину и вышел.

— Миссис Клейтон, я просто поверить не могу.

— Я тоже, мистер Хэрриот. Подумать ужасно... — Лицо у нее было бледное, глаза покраснели от слез. — Он ведь у меня шесть лет прожил. Я на него смотрела прямо как на сына.

— Но почему...

— Да из-за собачки. Он не мог выдержать, что ее больше нет.

Меня захлестнула волна ледяной тоски, и миссис Клейтон положила руку мне на локоть.

— Не надо, мистер Хэрриот. Вы ведь ни в чем не виноваты. Поль мне все объяснил. И что Тео спасти было нельзя. От этого и люди умирают, не то что собаки.

Я кивнул, не в силах произнести ни слова, а она продолжала:

— Мистер Хэрриот, я вам, между нами, вот что скажу: Поль ведь не был стойким, как вы или я. Таким уж он родился — у него была депрессия, понимаете?

— Депрессия? У Поля?

— Вот-вот. Он уже давно лечился и все время принимал таблетки. Держался он твердо, но болезнью этой нервной страдал много лет.

— Нервной болезнью?.. Мне даже в голову не приходило...

— И никто не догадывался. Только так оно и было. Вроде бы детство выпало ему тяжелое. Может, потому он так и полюбил Тео. Прямо надыхаться на него не мог.

— Да... конечно...

Она достала скомканный платок и высморкалась.

— И не одно детство, вся жизнь у него тяжелая была, у бедняжки, но он умел держаться твердо.

Что я мог ответить? Только сесть в машину и уехать туда, где величавые зеленые холмы безмятежно контрастировали с переполняющим душу смятением. Хэрриот, тонкий психолог и судья человеческих характеров! Правда, свою тайную борьбу Поль вел с мужеством, которое обманывало всех.

Да, он преподавал мне урок, но иной, чем я думал. И этого урока я никогда не забывал: в мире есть множество людей вроде Поля, которые на самом деле совсем не такие, какими кажутся.

Не очень приятное воспоминание, и мне грустно писать об этом. Но так было. Единственный столь горький эпизод в моей жизни, трагически раскрывший, как важен бывает четвероногий друг для душевно травмированного человека. Я словно опять вижу перед собой Поля у дальнего конца стойки в «Гуртовщиках» и собачью мордочку, выглядывающую из-под его табурета. Эта полная тихой безмятежности картина оказалась неожиданным прологом к трагедии!

39. *Рой*

Смерть Поля Коттерелла так потрясла меня, что я еще долго жил под ее впечатлением. Собственно говоря, даже теперь, когда за тридцать пять лет компания у «Гуртовщиков» успела совершенно перемениться и я сам — один из немногих старожилов, помнящих былые времена, мне по-прежнему чудится подтянутая фигура на крайнем табурете и выглядывающая из-под него косматая мордочка.

Ни за что на свете не хотел бы я пережить подобное во второй раз, но по странному совпадению мне очень скоро пришлось столкнуться почти с такой же ситуацией.

После похорон Поля Коттерелла прошло, наверное, не больше недели, когда в смотровую вошел Эндрю Вайн со своим фокстерьером.

Я поставил фокса на стол и тщательно проверил сначала один глаз, потом другой.

— Боюсь, ухудшение продолжается, — сказал я.

Внезапно Эндрю рухнул грудью на стол и спрятал лицо в ладонях. Я потрогал его за плечо.

— Что с вами, Эндрю? Что случилось?

Он ничего не ответил и, нелепо съездившись рядом с собакой, глухо зарыдал.

В конце концов он все-таки заговорил, но не отнял рук от лица. В его охрипшем голосе звучало отчаяние:

— Я не выдержу! Если Рой ослепнет, я покончу с собой!

Я в ужасе смотрел на подергивающийся затылок. Только не это! Сразу после Поля! Но ведь есть и некоторое сходство...

Эндрю, тихий, застенчивый человек, тоже был одинок в свои тридцать с лишним лет и тоже всюду брал с собой фокса. Он снимал квартиру и, казалось, вел беззаботную жизнь, но в его высокой сутулой фигуре и бледном лице чудилось что-то хрупкое.

В первый раз Рой попал ко мне на прием несколько месяцев назад.

— Я назвал его Роем, потому что он еще щенком изрыл весь сад, — объяснил Эндрю с улыбкой, но его большие темные глаза смотрели на меня тревожно, с каким-то страхом.

Я засмеялся.

— Надеюсь, вы не хотите, чтобы я излечил его от этого? Средство, которое отучило бы фокстерьера рыть, мне ни в одном учебнике не попадалось.

— Нет-нет, что вы! Но его глаза... Это тоже началось, когда он был щенком.

— Ах так? Ну-ка расскажите.

— Когда я его купил, глаза у него словно бы немножко гноились, но продавец объяснил, что он их просто засорил и раздражение скоро пройдет. И действительно, они стали лучше. Но совсем это не прошло. Впечатление такое, что они все время чуточку раздражены.

— Почему вы так думаете?

— Он трется мордой о ковер, а на ярком свету начинает моргать.

— Так-так! — Я повернул мордочку фокса к себе и внимательно осмотрел веки. Слушая Эндрю, я уже прикинул диагноз и не сомневался, что обнаружу либо заворот век, либо неправильно растущие ресницы. Но я ошибся. Веки выглядели нормально, и поверхность роговицы — тоже. Только, пожалуй, в зрачке и радужной оболочке чудилась какая-то нечеткость.

Я достал из шкафчика офтальмоскоп.

— Сколько ему теперь?

— Около года.

— Значит, это у него уже десять месяцев?

— Примерно так. Но день на день не приходится. Почти все время он выглядит и ведет себя совершенно нормально, а потом вдруг с самого утра лежит в корзинке и жмурится, словно ему не по себе. Но боли он вроде бы не испытывает, а так, что-то вроде раздражения... но это я уже говорил.

Я кивнул, стараясь сделать умное лицо, но за его словами не вырисовывалось никакой знакомой картины. Включив лампочку офтальмоскопа, я посмотрел сквозь хрусталик в глубину самого чудесного и хрупкого из всех органов чувств — на яркий гобелен сетчатки, на сосок зрительного нерва и ветвящиеся кровеносные сосуды. Все выглядело совершенно нормальным.

— А он все еще роется в саду? — спросил я, как всегда в случае недоумения хватаясь за соломинку. А вдруг глаза раздражает сыплющаяся в них земля?

Эндрю покачал головой.

— Нет, теперь почти перестал. И в любом случае его плохие дни с рытьем никак не связаны.

— Да? — Я потер подбородок. Эндрю явно сам уже успел все это обдумать. Моя растерянность возрастала. Ко мне постоянно приводили собак, «страдающих глазами», и всегда обнаруживались какие-то симптомы, какие-то причины... — А сегодня один из его плохих дней?

— Утром мне казалось, что да, но сейчас ему как будто полегче. Только он все что-то шурится, верно?

— Да... вроде бы.

Действительно, Рою словно досаждал солнечный свет, лившийся в окно. А иногда он на несколько секунд крепко закрывал глаза, как будто чувствовал себя скверно. Но, черт побери, ни одного конкретного симптома!

Я не стал говорить его хозяину, что так ничего и не понял, — подобная откровенность доверия не укрепляет, — а укрылся за деловым тоном:

— Я дам вам лекарство. Пускайте ему в глаза две-три капли три раза в день. И держите меня в курсе. Возможно, дело в какой-то застарелой инфекции.

Я вручил ему пузырек с двухпроцентным раствором борной кислоты и погладил Роя по голове.

— Будем надеяться, старина, что у тебя все наладится, — сказал я, и обрубок хвоста весело завилал в ответ. Рой выглядел смышленным, ласковым и очень симпатичным, а экстерьер у него был — хоть на выставку гладкошерстных фокстерьеров: вытянутая морда, длинная шея, острый нос и изящные прямые ноги.

Он соскочил со стола и запрыгал вокруг хозяина. Я засмеялся.

— Торопитесь поскорее уйти отсюда, как большинство моих пациентов! — Я нагнулся и похлопал его по спине. — Редкий крепыш.

— Это верно. — Эндрю гордо улыбнулся. — По правде говоря, я часто думаю, что, если бы не глаза, он во всех отношениях был бы молодцом из молодцов. Видели бы вы его на лугу — бегает быстрее гончей!

— Вполне возможно. Так держите меня в курсе, хорошо? — Я проводил их до дверей и занялся другими делами, к счастью не подозревая, что начался один из самых тягостных эпизодов за всю мою практику.

После этого первого визита я заинтересовался Роем и его хозяином. Эндрю, очень милый тихий человек, был агентом фирмы химических удобрений и, как я сам, значительную часть времени проводил в разъездах по окрестностям Дарроуби. Фокс неизменно его сопровождал, и прежде я не раз с улыбкой замечал, что песик всегда с любопытством смотрел вперед сквозь лобовое стекло, опираясь передними лапами на приборную доску или на руку хозяина, переводившего рычаг передач.

Однако теперь, когда у меня появилось к ним личное отношение, я обнаружил, что фоксик, наблюдая окружающий мир, извлекал из этого огромное удовольствие. Во время этих поездок он ничего не упускал: шоссе впереди, проносящиеся мимо дома, деревья и луга — все вызывало в нем живейшее любопытство.

Однажды мы с Сэмом повстречали его, гуляя по вересковой пустоши, открытой всем ветрам вершине холма. Но был май, вокруг веяло теплом, и жаркое солнце успело подсушить зеленые тропинки в вереске. Рой белой

молнией мелькал над бархатистым дерном, а заметив Сэма, подскочил к нему, на мгновение выжидательно замер и умчался к Эндрю, который стоял посреди большой травянистой прогалины. Там золотым огнем пылали кусты дрока, и фоксик носился по этой естественной арене, упиваясь собственной быстротой и здоровьем.

— Вот это-и есть чистая радость бытия, — сказал я.

Эндрю застенчиво улыбнулся:

— Да, он удивительно красив, правда?

— А как его глаза? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Иногда хорошо, иногда не так хорошо. Примерно как раньше. Но, должен сказать, после капель ему как будто становится легче.

— И все-таки бывают дни, когда ему не по себе?

— К сожалению, да. Иногда глаза его очень мучают.

На меня вновь нахлынуло ощущение бессилия.

— Пойдемте к машине, — сказал я. — Надо его посмотреть.

Я поднял Роя на капот и снова исследовал его глаза. Веки во всех отношениях были нормальными. Значит, в прошлый раз я ничего не пропустил. Но в солнечном луче, косо падающем на глазное яблоко, я вдруг различил в роговице очень слабую дымку. Небольшой кератит, который в тот раз еще нельзя было заметить. Но причина? Причина?

— Тут требуется что-нибудь по сильнее. — Я порылся в багажнике. — У меня есть кое-что с собой. На этот раз попробуем ляпис.

Эндрю привел Роя неделю спустя. Дымка исчезла — возможно, сыграл свою роль ляпис, — но скрытая причина осталась. По-прежнему что-то было далеко не в порядке, но мне не удавалось выяснить, что именно.

И вот тут-то я встревожился по-настоящему. Неделю за неделей я атаковал эти глаза всем, что содержалось в фармакопее: окись ртути, хинозол, сернистый цинк, ихтиол и еще сотни снадобий, теперь давно уже канувших в Лету.

Тогда у меня не было сложных современных антибиотиков и стероидных препаратов, но теперь я знаю, что они тоже не помогли бы.

Однако настоящий кошмар начался, когда я увидел, что в роговицу начинают попадать пигментные клетки. Зловещие коричневые крапинки собирались по краям и темными нитями вторгались в прозрачную оболочку — в окно, через которое Рой видел мир. Мне и раньше приходилось наблюдать такие клетки. Раз появившись, они уже не исчезали. И они были непрозрачными.

Весь следующий месяц я пытался остановить их с помощью моего жалкого арсенала, но они неумолимо продвигались вперед, сужая и затуманивая поле зрения Роя. Теперь их заметил и Эндрю: когда он в очередной раз привел фоксика на прием, руки его тревожно сжимались и разжимались.

— Он видит все хуже и хуже, мистер Хэрриот. В машине он по-прежнему смотрит по сторонам, но раньше он лаял на все, что ему не нравилось, — например, на других собак, — а теперь он их попросту не видит. Он... он сплнет.

Мне хотелось закричать, пнуть стол, но это не помогло бы, а потому я промолчал.

— Все дело в этой коричневой пленке, верно? — сказал он. — Что это такое?

— Пигментный кератит, Эндрю. Он иногда возникает из-за длительного воспаления роговицы — передней оболочки глаза — и с трудом поддается лечению. Но я постараюсь сделать все, что в моих силах.

Однако моих слов оказалось недостаточно. Этот тихо наползающий прилив был беспощаден, пигментные клетки сливались в почти черный слой, опускаемая непроницаемый занавес между Роем и окружающим миром, который он с таким любопытством разглядывал. И все это время меня, не переставая, томило тревожное сознание неизбежности.

И вот теперь, пять месяцев спустя, после того как я в первый раз исследовал глаза Роя, Эндрю не выдержал. От нормальной роговицы не осталось почти ничего — лишь крохотные просветы в буро-черном пятне позволяли фоксикю что-то иногда увидеть. Надвигалась полная темнота.

Я снова потрогал его за плечо.

— Успокойтесь, Эндрю. Сядьте! — Я придвинул ему единственный деревянный стул в смотровой. Он сел, но еще долго продолжал сжимать голову в ладонях. Наконец он повернул ко мне заплаканное, исполненное отчаяния лицо.

— Мне невыносимо думать об этом! — с трудом выговорил он. — Рой такой ласковый, такой веселый! Он же всех любит! Чем он заслужил это?

— Ничем, Эндрю. От подобной беды не застрахован никто. Поверьте, я вам глубоко сочувствую.

Он помотал головой.

— Но ведь для него это особенно страшно. Вы же видели, как он сидит в машине... ему все интересно. Если он не будет видеть, жизнь утратит для него смысл. И я тоже не хочу больше жить.

— Не надо так говорить, Эндрю. Вы перегибаете палку. — Я поколебался. — Извините меня, но вам, пожалуй, следовало бы посоветоваться с врачом.

— Да я от него не выхожу, — глухо ответил Эндрю. — И сейчас тоже наелся таблеток. Он говорит, что у меня депрессия.

Слова эти прозвучали как звон похоронного колокола. Всего неделю назад — Поль, и вот... У меня по спине пробежала дрожь.

— И давно вы?..

— Уже больше двух месяцев. И мне становится хуже.

— А раньше у вас это бывало?

— Никогда. — Он заломил руки и уставился в пол. — Доктор говорит, что мне надо продолжать принимать таблетки и все пройдет, но я уже на пределе.

— Доктор прав, Эндрю, вы должны продолжать, и все будет в порядке.

— Не верю, — пробормотал он. — Каждый день тянется, как год. Мне все опротивело. И каждое утро я просыпаюсь с ужасом, что вот опять надо начинать жить.

Я не знал, что ему сказать. Как помочь.

— Дать вам воды?

— Нет... спасибо.

Он снова повернул ко мне белое как мел лицо. Его темные глаза были полны страшной пустоты.

— Какой смысл продолжать? Ведь я знаю, что мне всегда будет так же плохо.

Я не психиатр, но мне было ясно, что людям в состоянии Эндрю не говорят, чтобы они бросили валять дурака и взяли себя в руки. И тут меня осенило.

— Ну хорошо, — сказал я. — Предположим, вам всегда будет плохо, но тем не менее вы обязаны заботиться о Рое.

— Заботиться о нем? Но что я могу сделать? Он же слепнет! Ему уже ничем нельзя помочь.

— Вы ошибаетесь, Эндрю. Именно теперь вы ему и нужны. Без вас он пропадет.

— Не понимаю...

— Вот вы ходите с ним гулять. Постарайтесь водить его по одним и тем же тропинкам и лугам, чтобы он как следует с ними освоился и мог свободно там бегать. Только держитесь подальше от ям и канав.

Он сдвинул брови.

— Но ему же не будет никакого удовольствия гулять!

— Еще какое! Вот увидите!

— Да, но...

— А большой двор у вас за домом, где он бегаёт, вам придется содержать в порядке, следить, чтобы в траве не валялось ничего, обо что он мог бы ушибиться или пораниться. Да и глазные капли... Вы сами говорили, что ему от них легче. Кто будет их закапывать, кроме вас?

— Но, мистер Хэрриот... вы же видели, как он всегда выглядывает из машины, когда я беру его с собой...

— Будет выглядывать и дальше.

— Даже если ослепнет?

— Да! — Я положил руку ему на локоть. — Поймите, Эндрю, теряя зрение, животное не понимает, что с ним происходит. Это все равно ужасно, я понимаю, но Рой не испытывает тех душевных мучений, какие терзали бы слепнувшего человека.

Эндрю встал.

— Но я-то их испытываю, — сказал он с судорожным вздохом. — Я так долго боялся, что это случится. Ночами не спал, все думал. Такая жестокая несправедливость... Маленькая беспомощная собака, которая никому не причинила никакого зла...

Он заломил руки и зашагал назад и вперед по комнате.

— Вы просто сами себя изводите! — сказал я резко. — В этом вся беда. И Рой для вас — только предлог. Вы терзаетесь, вместо того чтобы постараться ему помочь.

— Но что я могу? Ведь все, о чем вы говорите, не сделает его жизнь счастливее.

— Еще как сделает! Если вы по-настоящему возьметесь за это, Рою предостоят еще долгие годы счастливой жизни. Все зависит только от вас.

Словно во сне, он взял фокса на руки и побрел по коридору к входной двери. Он уже спускался с крыльца, когда я окликнул его:

— Показывайтесь своему доктору, Эндрю. Принимайте таблетки и не забывайте (последние слова я выкрикнул во весь голос) — вы должны всерьез заняться Роем!

Помня о Поле, я некоторое время жил в постоянном напряжении, но на этот раз никто не ошеломил меня трагической новостью. Наоборот, я довольно часто видел Эндрю Вайна — то в городе с Роем на поводке, то в машине, за лобовым стеклом которой маячила белая мордочка, но чаще всего в лугах у реки, где он, видимо следуя моему совету, выбирал для прогулки ровные открытые пространства, вновь и вновь проходя по одним и тем же тропкам.

И там у реки я однажды его окликнул:

— Как дела, Эндрю?

Он хмуро посмотрел на меня:

— Ну он не так уж плохо находит дорогу. Конечно, я за ним приглядываю и никогда не хожу с ним на заболоченный луг.

— Отлично. Так и надо. Ну а вы сами?

— Вас это действительно интересует?

— Конечно.

— Сегодня у меня хороший день. — Он попытался улыбнуться. — Мне только очень тревожно и скверно на душе. А в плохие дни меня душит страх, и я не знаю, куда деваться от отчаяния и полной беспросветности.

— Это очень грустно, Эндрю.

Он пожал плечами.

— Только не думайте, что я упиваюсь жалостью к себе. Вы же сами меня спросили. Во всяком случае, я придумал способ, как справляться. Утром гляжу на себя в зеркало и говорю: «Ладно, Вайн, наступает еще один жуткий день, но ты будешь работать и будешь заниматься своей собакой».

— Вы молодец, Эндрю. И все пройдет. Пройдет бесследно — вам даже вспоминать будет странно.

— Доктор говорит то же самое, но пока... — Он быстро перевел взгляд на фокса: — Пошли, Рой!

Он резко повернулся и зашагал прочь. Фоксик затрусил позади. Эндрю расправил плечи, упрямо пригнул голову, и во мне проснулась надежда — такой яростной решимостью дышала вся его фигура.

Надежда меня не обманула: и Эндрю, и Рой вышли победителями из своего тяжелого испытания. Я понял это уже через несколько месяцев, но ярче всего живет в моей памяти встреча с ними года два спустя. Произошла она на той же плоской вершине холма, где я впервые увидел Роя, когда он радостно носился среди цветущего дрока.

Да и теперь его никак нельзя было назвать грустным: он уверенно бегал по ровному зеленому дерну, что-то вынюхивал и время от времени безмятежно задирает ногу у каменной ограды на склоне.

Увидев меня, Эндрю засмеялся. Он пополнил и казался другим человеком.

— Рой знает тут каждую пядь земли, — сказал он. — По-моему, это самое любимое его место. Видите, как он блаженствует!

Я кивнул.

— Выглядит он вполне счастливым.

— Да, ему хорошо. Он ведет полную жизнь, и, честно говоря, я порой забываю, что он слеп. — Помолчав, Эндрю добавил: — Вы тогда были правы: предсказали, что будет именно так.

— И чудесно, Эндрю! — сказал я. — У вас ведь тоже все хорошо?

— Да, мистер Хэрриот. — Его лицо на миг омрачилось. — Вспоминая

то время, я просто не могу понять, как мне удалось выкарабкаться. Словно я провалился в темный овраг и все-таки мало-помалу сумел выбраться на солнечный свет.

— Да, я заметил, вы совсем такой, как прежде.

Он улыбнулся.

— Не совсем. Я стал лучше... то есть лучше, чем был раньше. Это жуткое время пошло мне на пользу. Помните, вы сказали, что я сам себя терзаю? Потом я понял, что только этим всю жизнь и занимался. Принимал к сердцу любую пустячную неприятность и изводил себя.

— Можете не объяснять, Эндрю, — сказал я печально. — В этом я и сам мастак.

— Что же, наверное, таких, как мы, много, только я достиг особого мастерства, и вы видели, во что мне это обошлось. Собственно, выручил меня Рой — то, что надо было о нем заботиться. — Он вдруг просиял: — Нет, вы только поглядите!

Фоксик исследовал гниющие остатки деревянной изгороди, возможно когда-то составлявшей часть овечьего загона, и спокойно прыгал то туда, то сюда между кольями.

— Поразительно! — ахнул я. — Даже не догадаешься, что с ним что-то неладно.

Эндрю обернулся ко мне:

— Мистер Хэрриот, знаете, я гляжу на него, и мне не верится, что слепая собака способна проделывать такое. Как вы думаете... как вы думаете, может, он все-таки хоть чуточку видит?

Я ответил не сразу.

— Ну, возможно, эти бельма не совсем непрозрачны. Тем не менее видеть он ничего не может — разве что улавливает некоторую разницу между светом и тьмой. Честно говоря, я не знаю. Но в любом случае он так хорошо ориентируется в знакомых местах, что разницы большой нет.

— Да, конечно! — Он философски улыбнулся. — Ну нам пора. Пошли, Рой.

Эндрю щелкнул пальцами и зашагал через вереск по тропе, которая, словно зеленая стрела, указывала солнечный горизонт. Фоксик тотчас обогнал его и кинулся вперед — не рысцой, а бурным галопом.

Я не скрывал тогда, что не сумел установить причину слепоты Роя, но в свете современных достижений глазной хирургии склоняюсь к мысли, что у него был так называемый *keratitis sicca*. В те времена это заболевание попросту не было известно, но и знай я, что происходит с глазами Роя, это мало что дало бы. Латинское название означает «высыхание роговицы», и возникает этот процесс, когда слезные железы собаки плохо функционируют. В настоящее время его лечат либо закапыванием искусственных слез, либо с помощью сложной операции, выводящей в глаза протоки слюнных желез. Но и теперь, несмотря на все новейшие средства, мне доводилось видеть, как в конце концов верх брала беспощадная пигментация.

Вспоминая этот эпизод, я испытываю благодарное чувство. Самые разные побуждения помогают людям преодолевать душевную депрессию. Чаще всего это мысль о семье — сознание, что ты нужен жене и детям; порой цело-

век берет себя в руки во имя какого-то общественного долга, но Эндрю Вайна спасла собака.

Я думаю о том темном овраге, который смыкался вокруг него, и не сомневаюсь, что он выбрался к свету, держась за поводок Роя.

Рассказ этот составляет чудесный контраст с предыдущим и убедительно свидетельствует, какое благое терапевтическое влияние оказывает четвероногий друг. Я твердо знаю, что общество собаки, разговор с ней подбодряют и успокаивают, — поболтав с моими собаками утром, я получаю зарядку бодрости на весь день, а когда Эндрю пришлось заботиться о Рое, который без него погиб бы, он обрел в этих заботах спасение для себя. Для меня же эта история вдобавок послужила поводом описать судьбу слепнувшей собаки. Наблюдать, как животное мало-помалу теряет зрение, мучительно, и в определенном смысле для владельца это даже более тяжелое испытание. Надеюсь, мне удалось убедительно показать, что животные способны поразительным образом приспособливаться к своей беде: хозяев их может утешить мысль, что слепая собака способна быть очень счастливой на свой лад.

40. Чудесное спасение

Я занес скальпель над распухшим собачьим ухом. Тристан, томно облокотившись о стол, держал наркозную маску у собачьего носа. В операционную вошел Зигфрид. Он бросил беглый взгляд на пациента.

— А, да! Гематома, про которую вы мне рассказывали, Джеймс... — Но тут он посмотрел на брата: — Боже великий, ну и вид у тебя с утра! Когда ты вчера вернулся?

Тристан обратил к нему бледную физиономию: между опухшими веками еле проглядывали покрасневшие глаза.

— Право, не знаю. Довольно поздно, как мне кажется.

— Довольно поздно! Я вернулся с опороса в четыре утра, а ты еще не явился! Где ты, собственно, был?

— Я был на балу держателей лицензионных заведений. Отлично, между прочим, организованном.

— Еще бы! — Зигфрид гневно фыркнул. — Ты ничего не пропускаешь, а? Банкет метателей дротиков, пикник звонарей, вечер голубеводов и вот теперь — бал держателей лицензионных заведений! Если где-то есть случай налакаться, уж ты его не упустишь!

Под огнем Тристан всегда проникался особым достоинством, и теперь он закутался в него, как в ветхий плащ.

— Дело в том, — сказал он, — что многие содержатели указанных заведений входят в число моих друзей.

Его брат побагровел.

— Охотно верю. Лучшего клиента, чем ты, у них, наверное, не было и никогда не будет.

Вместо ответа Тристан внимательно проверил наркозный аппарат.

— И еще одно, — продолжал Зигфрид. — Я постоянно встречаю тебя с разными девицами. А ведь ты, предположительно, готовишься к экзамену.

— Ты преувеличиваешь! — Тристан оскорбленно посмотрел на него. — Не спорю, я иногда люблю женское общество — как и ты сам!

Тристан свято верил, что нападение — лучший вид обороны, а это был меткий удар: прекрасные поклонницы Зигфрида буквально осаждали Скелдейл-Хаус.

Но старший брат и глазом не моргнул.

— Причем тут я? — рявкнул он. — Я-то сдал все экзамены. Мы говорим о тебе. Ведь это тебя я видел позавчера вечером с новой официанткой из «Гуртовщиков»? Ты тут же юркнул за угол, но я знаю, что это был ты!

Тристан откашлялся.

— Очень возможно. Мы с Лидией друзья. Она очень милая девушка.

— Вполне допускаю. Но мы говорим не о ней, а о твоём поведении. Я требую, чтобы ты проводил вечера дома за учебниками. Хватит напиваться и бегать за юбками! Понятно?

— Более чем! — Тристан изящно наклонил голову и прикрутил клапан наркозного аппарата.

Зигфрид, тяжело дыша, еще несколько секунд жег его взглядом. Такие нотации всегда выматывали его. Потом он быстро повернулся и ушел.

Едва дверь за ним закрылась, Тристан весь поник.

— Погляди за аппаратом, Джим, — просипел он, пошел к раковине в углу, налил в мензурку холодной воды и выпил ее одним долгим глотком. Потом смочил кусок ваты и приложил его ко лбу.

— Ну зачем ему понадобилось приходить именно сейчас? Я просто не в силах слушать упреки в повышенном тоне. — Он взял флакон таблеток от головной боли, сунул в рот несколько штук и запил их еще одним гигантским глотком. — Ну ладно, Джим, — пробормотал он, вернувшись к аппарату, — будем продолжать.

Я вновь нагнулся над спящей собакой. Это был скотч-терьер по кличке Хэмиш, и его хозяйка, мисс Уэстермен, привела его к нам два дня назад.

В прошлом она была учительницей, и я не раз думал, что поддерживать дисциплину в классе ей, вероятно, не составляло ни малейшего труда. Холодные белесые глаза смотрели на меня чуть ли не сверху вниз, а квадратный подбородок и мощные плечи довершали сокрушающее впечатление.

— Мистер Хэрриот! — скомандовала она. — Я хочу, чтобы вы посмотрели Хэмиша. Надеюсь, ничего серьезного нет, но ухо у него распухло и стало очень болезненным. У них ведь там не бывает... э... рака, не так ли? — На мгновение стальной взгляд дрогнул.

— Ну это крайне маловероятно, — сказал я, приподнял черную мордочку и осмотрел обвисшее левое ухо. Собственно говоря, вся его голова казалась перекошенной, словно от боли.

Очень бережно я взял ухо и легонько провел указательным пальцем по тугой припухлости. Хэмиш взвизгнул.

— Понимаю, старина. Очень больно. — Повернувшись к мисс Уэстермен, я чуть не боднул ее — так низко коротко стриженная седая голова наклонилась к песику.

— У него гематома ушной раковины, — сказал я.

— А что это такое?

— Ну... мелкие кровеносные сосуды между кожей и надхрящницей разрываются, и кровь, вытекая, образует вот такое вздутие.

Она погладила косматую угольно-черную шерсть.

— Но что вызывает этот разрыв?

— Обычно экзема. Он последнее время, наверное, часто встряхивал головой?

— Да, пожалуй. Я как-то не обращала внимания, но теперь, когда вы спросили... Словно у него что-то застряло в ухе и он старается вытряхнуть помеху.

— Это и вызвало разрыв сосудов. Да, у него действительно есть небольшая экзема, хотя для его породы это редкость.

Она кивнула.

— А лечение?

— Боюсь, что поможет только операция.

— Боже мой! — Она прижала ладонь ко рту. — А без нее никак нельзя?

— Не тревожьтесь, — сказал я. — Надо только выпустить кровь и подшить отслоившуюся кожу. Если этого не сделать, он будет мучиться еще долго, а ухо навсегда останется изуродованным. Такому красавчику это совсем ни к чему.

Говорил я вполне искренне. Хэмиш был отличным образчиком своей породы. Шотландские терьеры — удивительно симпатичные собаки, и я очень жалею, что теперь они почти исчезли.

После некоторых колебаний мисс Уэстермен дала согласие, и мы договорились, что я прооперирую его через два дня. Явившись с Хэмишем к условленному часу, она положила его мне на руки, несколько раз погладила по голове, а потом посмотрела на Тристана и снова на меня.

— Вы ведь его побережете? — сказала она, выставив подбородок и устремив на нас белесые глаза. На мгновение я почувствовал себя гадким шалунишкой, которого застигли на месте преступления, и, по-видимому, Тристан тоже испытал нечто подобное — во всяком случае, когда бывшая учительница удалась, он тяжело перевел дух и пробормотал:

— Черт подери, Джим, с ней шутки плохи! Не хотел бы я попасть ей под сердитую руку.

Я кивнул.

— Согласен. А на своего пса она не надышится, так что давай постараемся.

Когда Зигфрид вышел, я приподнял ухо, которое теперь напоминало надутый колпачок, сделал надрез по внутренней поверхности ушной раковины, подста-

вил эмалированную кювету под брызнувшую кровь, а затем выдавил из раны несколько больших сгустков.

— Неудивительно, что малыш визжал, — заметил я. — Ну да когда он проснется, ему уже будет легче.

Полость между кожей и надхрящницей я обработал сульфаниламидом, а затем начал шить с шинами. Без них кровь могла просочиться в полость, и через несколько дней возникла бы новая гематома. Когда я только начал оперировать ушные гематомы, я вкладывал в полость марлевый тампон, после чего прибинтовывал ухо к голове. Чтобы удержать повязку на месте, хозяева нередко надевали на собак смешные чепчики, но это мало помогало, и непоседливые собаки скоро срывали чепчик вместе с повязкой.

Шины были гораздо надежнее: расслоившиеся ткани плотно прилегали друг к другу, и это снижало возможность смещения.

К обеду Хэмиш очнулся и, хотя был еще немного сонным, казалось, испытал довольно большое облегчение оттого, что его ухо вновь стало плоским. Утром мисс Уэстермен предупредила, что уезжает на весь день, и обещала забрать его вечером. Черный песик, чинно свернувшись в своей корзинке, философски поджидал хозяйку.

За чаем Зигфрид посмотрел через стол на брата.

— Тристан, я на несколько часов уезжаю в Бротон, — сказал он. — Будь добр, останься дома и отдай мисс Уэстермен ее терьера. Когда она за ним заедет, я точно не знаю. — Он положил себе ложку джема. — Ты можешь приглядывать за Хэмишем и одновременно заниматься. Пора тебе провести дома хотя бы один вечер.

Тристан кивнул:

— Хорошо. Я останусь.

Но я заметил, что сказал он это без всякой радости.

Когда Зигфрид уехал, Тристан потер подбородок и задумчиво уставился на темнеющий сад за стеклянной дверью.

— Это очень не вовремя, Джим.

— А почему?

— Лидия нынче вечером свободна, и я обещал с ней встретиться. — Он тихонько засвистел. — Жаль упускать случай, когда все идет так хорошо. По-моему, я ей очень нравлюсь. Она стала уже совсем ручной.

Я посмотрел на него с удивлением:

— А мне казалось, что после вчерашнего ты будешь мечтать только о тишине, покое и о том, как лечь пораньше.

— Я? Да ничего подобного! Мне бы только вырваться отсюда!

Да, вид у него был свежий, глаза блестели, на щеках снова цвели розы.

— Послушай, Джим, — продолжал он. — А ты не посидел бы тут с собачкой?

— Извини, Трис, но мне надо посмотреть корову Теда Биннса. До его фермы далеко, и меньше чем за два часа я не обернусь.

Он помолчал, а потом поднял палец:

— Нашел! Так просто, лучше и не придумаешь! Я приведу Лидию сюда.

— Как? В дом?

— Именно. В эту самую комнату. Корзинку Хэмиша поставлю у камина, а мы с Лидией устроимся на диване. Чудесно! Что может быть приятнее в холодный зимний вечер? И к тому же никаких расходов.

— Трис! А Зигфрид? Что, если он вернется раньше времени и застучает вас тут? После его утренней нотации?

Тристан закурил сигарету и выпустил огромное облако дыма.

— Не вернется! Есть у тебя манера, Джим, изводить себя по пустякам. Из Бротона он всегда возвращается позже, чем собирался. Все будет в ажуре.

— Ну как хочешь, — сказал я. — Но, по-моему, ты напрашиваешься на неприятности. И как насчет бактериологии? Экзамены ведь на носу.

Сквозь завесу дыма я увидел, что он ангельски улыбается.

— Быстренько подчитаю, и дело с концом.

На это мне возразить было нечего. Сам я по шесть раз перечитывал каждый параграф, но Тристану, с его быстрой сообразительностью, возможно, было вполне достаточно «подчитать» в последнюю минуту.

Я отправился на вызов и вернулся около восьми. Про Тристана я совсем забыл: корова Теда Биннса не поддавалась моему лечению, и меня одолевали сомнения, правильный ли я поставил диагноз. В таких случаях я тороплюсь заглянуть в справочники, а они стояли на полках в гостиной, и я бросился туда по коридору почти бегом.

Распахнув дверь, я остановился на пороге в полном недоумении. Диван был подвинут к весело топящемуся камину, в воздухе висели облака табачного дыма и резко пахло духами, но комната была пуста.

Удивительнее всего выглядела портьера на стеклянной двери: она медленно опускалась, словно под ней секунду назад что-то пролетело на большой скорости. Я нырнул под нее и выглянул в темный сад. Из мрака донесли звуки какой-то возни, шум падения и приглушенный вопль. Затем послышался дробный топот и пронзительные вскрики. Я постоял, вслушиваясь, а когда мои глаза привыкли к темноте, пошел по дорожке, которая вела вдоль кирпичной стены к калитке во двор. Калитка была распахнута, ворота, ведущие в проулок, — тоже, и опять — нигде ни души.

Я медленно пошел назад к светлому прямоугольнику стеклянной двери и уже собирался закрыть ее, когда почти рядом раздался шорох и напряженный шепот:

— Это ты, Джим?

— Трис? Откуда ты взялся?

Он на цыпочках прошел мимо меня в комнату и тревожно огляделся.

— Значит, это был ты, а не Зигфрид?

— Да. Я только что вернулся.

Он рухнул на диван и зажал голову в ладонях.

— Черт! Черт! Черт! Всего несколько минут назад я обнимал тут Лидию. Все было чудесно и удивительно. И тут я услышал, как открылась входная дверь.

— Но ты же знал, что я должен был вернуться примерно в это время!

— Да, и уже собирался крикнуть тебе, но тут вдруг мне втемяшилось, что это Зигфрид. Господи, думаю... Шаги в коридоре были ну совсем его.

— А дальше что произошло?

Он запустил пятерню в волосы.

— Ну, я спаниковал. Только что шептал Лидии на ушко всякие нежности, а тут схватил ее, сдернул с дивана и вышвырнул в сад.

— Я слышал какой-то глухой удар.

— Ну да. Лидия упала на альпийскую горку.

— А пронзительные крики?

Он вздохнул и зажмурился.

— Это была Лидия среди кустов роз. Бедняжка ведь незнакома с планировкой нашего сада.

— Мне очень жаль, Тристан, — сказал я. — Извини меня. Я не должен был врывать без предупреждения. Но я думал совсем о другом.

Тристан печально встал и потрепал меня по плечу:

— Ты ни в чем не виноват, Джим. Ты ведь меня предупредил. — Он потянулся за сигаретами. — Прямо не знаю, как я с ней снова встречу. Я ведь просто вытолкнул ее в проулок и без всяких объяснений крикнул, чтобы она со всех ног бежала домой. Конечно, она думает, что я псих.

И он испустил глухой стон.

— Ничего, ты ее успокоишь, — сказал я бодро. — Вы еще будете весело над этим смеяться.

Но он не слушал. Расширенными от ужаса глазами он смотрел куда-то мимо меня. Потом медленно поднял дрожащий палец и указал в сторону камина. Его губы беспомощно задергались, и он с трудом проговорил:

— Джим, его нет!

На мгновение мне показалось, что от потрясения его рассудок помутился.

— Нет? Чего нет?

— Да проклятого терьера! Он же был там, когда я выскочил в сад. Вон там!

Я поглядел на пустую корзинку, и ледяная рука сжала мое сердце.

— Только не это! Он, наверное, выскочил в открытую дверь... Что с нами будет!

Мы кинулись в сад, но наши поиски не увенчались успехом. Сбегав в дом за фонариками, мы снова обыскали сад, двор и проулок, все безнадежнее зовя Хэмиша.

Десять минут спустя мы вернулись в гостиную и устали друг на друга. Первым наши мысли облек в слова Тристан:

— Что мы скажем мисс Уэстермен, когда она явится за ним?

Я помотал головой. Попытка представить себе, как мы будем объяснять ей, что не уберегли ее песика, полностью парализовала мои мыслительные способности.

Тут в коридоре раздался резкий звонок, и Тристан буквально подпрыгнул.

— Господи! Это она. Пойди открой ей, Джим. Скажи, что виноват я... говори что хочешь... Только я к ней не выйду!

Расправив плечи, я прошел по бесконечному коридору и открыл дверь. Однако увидел я не мисс Уэстермен, а пышную крашеную блондинку, которая свирепо на меня уставилась.

— Где Тристан? — прошипела она голосом, сказавшим мне, что нам следовало бы опасаться не только мисс Уэстермен.

— Он... э...

— Я знаю, что он тут!

Она прошла мимо меня, и я заметил, что щека у нее выпачкана в земле, а волосы растрепаны. Следом за ней я вернулся в гостиную.

— Погляди на мои чулки! — крикнула она, грозно надвигаясь на Тристана. — От них же ничего не осталось!

Тристан нервно взглянул на ее красивые ноги.

— Извини, Лидия. Я куплю тебе новую пару. Честное слово, милая.

— Только попробуй не купи, сукин сын! — ответила она. — И никакая я тебе не милая! В жизни меня так не оскорбляли! Слишком много ты себе позволяешь!

— Но это же недоразумение! Я сейчас объясню...

Тристан сделал к ней шаг, пытаясь улыбнуться пообаятельней, но она отстранилась.

— Держись подальше! — предупредила она ледяным тоном. — На сегодня с меня хватит.

Она величественно вышла из комнаты, и Тристан прижался лбом к каминной полке.

— Вот и кончилась чудесная дружба, Джим! — Он встряхнулся. — Ну, пошли искать эту псину.

Я направился в одну сторону, он — в другую. Ночь была безлунная, мы оба сознавали тщетность наших усилий, но ведь надо же было что-то делать!

В городке вроде Дарроби улицы быстро переходят в неосвещенные проселки, и, пока я, спотыкаясь на каждом шагу, усердно вглядывался в тьму, укрывавшую поля, бессмысленность этих поисков становилась мне все ясней.

Порой моя орбита сближалась с орбитой Тристана, и я слышал его вопли, замирающие в пустынной дали:

— Хэ-эмиш! Хэ-эмиш! Хэ-эмиш!

Полчаса спустя мы встретились у дверей Скелдейл-Хауса. Тристан вопросительно поглядел на меня, я покачал головой, и он весь поник. Грудь его тяжело вздымалась, словно он запыхался, и я догадался, что все время, пока я ходил, он бегал — это, впрочем, было вполне естественно. Мы оба попали в крайне неприятное положение, но главный удар неизбежно должен был пасть на него.

— Что же, пойдем поищем еще, — с трудом выговорил он, и тут в дверь вновь позвонили.

Тристан побелел и уцепился за мою руку.

— Это уж точно мисс Уэстермен! Господи, она идет сюда!

В коридоре прозвучали быстрые шаги, дверь отворилась, но вошла не мисс Уэстермен, а Лидия. Она молча направилась к дивану, пошарила под ним, извлекла свою сумочку и вышла, не произнеся ни единого слова, но испепелив Тристана уничтожающим взглядом.

— Ну и вечер! — простонал он, прижимая ладонь ко лбу. — Я долго не выдержу.

Мы рыскали в поисках Хэмиша еще час, но его нигде не было, и никто его не видел. Когда я наконец вернулся, Тристан с полуоткрытым ртом без сил лежал в кресле. Видно было, что он полностью измотан. Я покачал головой, и тут зазвонил телефон.

Я снял трубку, послушал и повернулся к Тристану:

— Мне надо ехать, Трис. У старой лошади мистера Дру опять колики. Он умоляюще протянул руку из недр кресла.

— Джим, неужели ты меня бросишь?

— К сожалению. Но я скоро вернусь. До фермы Дру всего милья.

— А вдруг явится мисс Уэстермен?

Я пожал плечами.

— Извинись перед ней, и все. Хэмиш наверняка найдется. Может быть, утром...

— Как у тебя все легко получается! — Он оттянул воротничок. — Ну а Зигфрид? Вот он вернется и спросит про собаку. Что я ему скажу?

— Это пусть тебя не тревожит, — ответил я небрежно. — Скажешь ему, что занимался с официанткой из «Гуртовщиков» на диване и не мог отвлекаться по пустякам. Он поймет.

Но Тристан не оценил моей шутки. Он смерил меня холодным взглядом и затаился трепетавшей в его руке сигаретой.

— Если не ошибаюсь, я уже говорил тебе, Джим, что есть в тебе какая-то омерзительная жестокость.

Лошадь мистера Дру почти совсем оправилась еще до моего приезда, но на всякий случай я сделал ей инъекцию легкого снотворного. На обратном пути мне вдруг пришла в голову блестящая мысль, и я свернул на дорогу, которая вела в обход городка к кварталу современных особнячков, где жила мисс Уэстермен. Остановив машину у номера десятого, я пошел по дорожке к крыльцу.

И действительно, там, уютно свернувшись на коврик, лежал Хэмиш. Он с сонным удивлением посмотрел на меня.

— Идем, милый, — сказал я, нагибаясь. — Ты куда умнее нас. И как мы раньше не сообразили?

Я посадил его на сиденье рядом с собой, и, едва машина тронулась, он уперся передними лапами в приборную доску и начал с интересом рассматривать шоссе, развертывавшееся в лучах фар. Поразительно невозмутимый песик!

Остановившись перед Скелдейл-Хаусом, я взял Хэмиша под мышку, поднялся на крыльцо и уже собирался повернуть дверную ручку, как вдруг вспомнил все шуточки Тристана, все розыгрыши, которые он мне устраивал: ложные телефонные вызовы, привидение у меня в спальне, и то, и другое, и третье. Собственно говоря, хотя мы и были друзьями, он никогда не упускал случая подурочить меня. И вот, вместо того чтобы по обыкновению просто войти, я нажал на звонок и несколько секунд не отнимал пальца от кнопки.

Сначала внутри царил могильная тишина, и я представил себе, как он ежится в кресле, собираясь с духом, чтобы встать и пойти навстречу грозной судьбе. Затем коридор осветился, и, внимательно взглядываясь в дверное стекло, я увидел, что из-за угла коридора выдвинулся нос, а затем настороженный глаз. Мало-помалу появилось все лицо, и тут Тристан узнал мою ухмыляющуюся физиономию и ринулся по коридору, потрясая кулаками.

В своем расстроенном состоянии он был вполне способен отдубасить меня хорошенько, но стоило ему увидеть Хэмиша, как все остальное вылетело у него из головы. Схватив лохматого песика, он принялся его ласкать.

— Миленькая собачка, умненькая собачка, — ворковал он, рысью возвращаясь в гостиную. — У-у, красавчик!

Он нежно уложил его в корзинку; Хэмиш поглядел вокруг с выражением, яснее всяких слов говорившим: «Э-гей, а мы снова тут!» — опустил голову на лапы и тут же уснул.

Тристан рухнул в кресло и уставился на меня остекленевшими глазами. — Мы, конечно, спасены, Джим, — прошептал он. — Но после этого вечера я уже никогда не стану прежним. Я пробежал десятки миль, звал его и чуть не лишился голоса. Не знаю, как я остался жив, можешь мне поверить.

Я тоже испытывал бесконечное облегчение, тем более что мисс Уэстермен явилась через какие-то десять минут, и мы еще острее почувствовали, как близка была неминуемая катастрофа.

— Миленький мой! — воскликнула она, когда Хэмиш прыгнул ей навстречу, растянув губы и неистово подергивая обрубок хвоста. — Я весь день о тебе так тревожилась!

Она нерешительно посмотрела на ухо, усаженное рядами пуговиц.

— Насколько лучше оно выглядит без этой ужасной опухоли! И как аккуратно вы прооперировали! Благодарю вас, мистер Хэрриот, и вас тоже, молодой человек.

Тристан, кое-как поднявшийся на ноги, когда она вошла, слегка поклонился, а я проводил ее до дверей.

— Через полтора месяца снимем швы, — сказал я ей вслед и кинулся назад в гостиную.

— Зигфрид подъехал! Хотя бы сделай вид, что ты занимался.

Тристан подскочил к книжным полкам, схватил «Бактериологию» Гейгера и Дэвиса, записную книжку и нырнул в кресло. Когда вошел его брат, он был погружен в чтение.

Зигфрид остановился перед камином, грея руки. Он порозовел, и вид у него был самый благодушный.

— Я только что говорил с мисс Уэстермен, — объявил он. — Она очень довольна. Вы оба молодцы.

— Спасибо, — сказал я, но Тристану некогда было отвечать: он штудировал учебник, делая пометки в записной книжке. Зигфрид зашел за спинку кресла и поглядел на открытую страницу.

— А-а, *Clostridium septicum*, — пробормотал он со снисходительной улыбкой. — Да, бактерии этой группы стоит подучить. Без них ни один экзамен не обходится. — Он потрепал брата по плечу. — Рад видеть, что ты взялся за ум. А то последнее время ты только шалопайничал. Вечер за учебниками тебе очень полезен.

Он зевнул, потянулся и направился к двери.

— Ну, я пошел спать. Глаза слипаются. — На пороге он обернулся. — Знаешь, Тристан, я тебе просто завидую. Тихий спокойный вечер дома — что может быть лучше!

Сбежавший пациент — явление не такое уж уникальное. А тем более в тридцатые годы, когда работа с мелкими животными оставалась побочной и для их госпитализации ничего предусмотрено не было. Конечно, ситуация становилась совсем отчаянной, если к ней были причастны такие сильные личности, как мисс Уэстермен и Зигфрид. Кроме того, приятно запечатлеть еще одну из тех мелких операций, которые приносят особое удовлетворение, — излечение гематом ушной раковины. Почти мгновенное избавление от боли. Ну и, конечно, я не мог не описать случай, типичный для сердечных увлечений Тристана.

41. Родди Трэверс и Джейк

На мужчину, катящего детскую коляску в городе, никто не обернется. Другое дело, если мужчина толкает перед собой коляску по пустынному проселку. И тем более если в коляске едет большая собака.

Именно это я увидел как-то утром в холмах над Дарруоби и невольно притормозил. В последние недели эта странная пара уже несколько раз попала мне на глаза, и было очевидно, что она появилась в наших краях совсем недавно.

Когда я поравнялся с коляской, мужчина посмотрел на меня, приветственно поднял руку и улыбнулся. Эта улыбка на черном от загара лице была удивительно дружелюбной. Я дал ему на вид лет сорок. Загорелая шея не стянута ни галстуком, ни воротничком, линияяя полосатая рубаха расстегнута на груди, хотя день выдался холодный.

Я невольно задумался, кто он такой и чем занимается. Костюм, состоящий из ветхой замшевой куртки для гольфа, вельветовых брюк и крепких сапог, ничего мне не сказал. Многие, возможно, сочли бы его просто бродягой, но в нем чувствовалась деловитая энергия, необычная для людей такой категории.

Я опустил стекло дверцы, и щеку мне обжег ледяной ветер йоркширского марта.

— Утро нынче морозное, — заметил я.

Он как будто удивился.

— Ага, — сказал он после паузы. — Похоже, что так.

Я поглядел на коляску, старую и ржавую, на восседавшего в ней большого пса — помесь колли с грейхаундом. Он ответил мне взглядом, полным спокойного достоинства.

— Хороший пес, — сказал я.

— Джейк-то? Еще какой! — Он снова улыбнулся, открыв ровные белые зубы. — Лучше не найти.

Я кивнул на прощание и поехал дальше, но они еще долго отражались в зеркале заднего вида: коренастый мужчина, который бодро шагал, откинув голову и расправив плечи, и большой пятнистый пес, возвышающийся над детской коляской, точно статуя.

Новая встреча с этой поразительной парой не заставила себя ждать. Я осматривал зубы ломовой лошади во дворе фермы и вдруг заметил, что выше по склону, за конюшней, у каменной стенки стоит на коленях какой-то человек, а рядом возле детской коляски сидит на траве большая собака.

— Э-эй! Кто это? — спросил я у фермера, кивнув на холм.

Он засмеялся:

— Это Родди Трэверс. Вы его знаете?

— Нет. Как-то перекинулся с ним словом на дороге, и все.

— На дороге? Это верно. — Он кивнул. — Родди только там и увидишь.

— Но кто он? Откуда?

— Вроде бы он йоркширец, только точно не знаю. Да и никто не знает. Но я вам одно скажу: руки у него золотые. За что ни возьмется, все сделает.

— Да, — сказал я, наблюдая, как Трэверс ловко укладывает плоские камни, заделывая пролом в стенке. — Теперь ведь мало кто берется чинить эти ограды.

— Верно. Работа не из простых, а умельцев все меньше становится. Родди тут мастер. Ну да ему все по плечу — что изгороди ставить, что канавы копать, что за скотиной ходить.

Я взял напильник и начал обтачивать острые углы на коренных зубах лошади.

— И долго он у вас останется?

— Как кончит со стенкой, так и уйдет. Я бы его подзадержал, да только он никогда на одном месте долго не остается.

— Но где-то у него есть же свой дом?

— Нету, — фермер снова засмеялся. — Родди живет налегке. Все его добро у него в коляске.

На протяжении следующих недель, пока весна мало-помалу вступала в свои права и на солнечных склонах высыпали первоцветы, я часто видел Родди — то где-нибудь на дороге, то лихо орудующего лопатой в канаве, опоясывающей луга. И всегда тут же был Джейк — трусил рядом или сидел и смотрел, как он работает. Но встретились мы снова, только когда я вакцинировал овец мистера Посона от размягченной почки.

Всего их было три сотни, и работники загоняли по несколько овец в ма-

ленький закут, где Родди хватал их и удерживал, пока я делал прививку. Оказалось, что и в этом он мастер. Полудикие овцы с холмов пулей проскакивали мимо него, но он спокойно ловил их за длинную шерсть, иногда даже в прыжке, и задирал передние ноги так, чтобы открылся голый участок кожи под мышкой, который природа словно нарочно создала для иглы ветеринара. Снаружи на открытом склоне в своей обычной позе сидел большой пес и с легким интересом посматривал на местных собак, которые рыскали между загонами, но ни в какое общение с ними не вступал.

— А он у вас хорошо воспитан.

Родди улыбнулся:

— Да, Джейк не будет бегать туда-сюда, мешая людям. Он знает, что должен сидеть там, пока я не кончу. Вот он и сидит.

— Причем, судя по его виду, вполне этим доволен. — Я снова взглянул на Джейка, такого спокойного и счастливого. — И жизнь он ведет чудесную, странствуя с вами повсюду.

— Что так, то так, — вмешался мистер Посон, пригнавший новую порцию овец. — Никаких забот не знает, прямо как его хозяин.

Родди промолчал, но когда овцы вбежали в закут, он выпрямился и перевел дух. Ему приходилось нелегко, и по его лбу стекали струйки пота, но взгляд, которым он обвел вересковую пустошь и встающий за ней склон холма, был исполнен удивительной безмятежности. И тут он сказал:

— Пожалуй, так оно и есть. Нам с Джейком тревожиться не из-за чего. Мистер Посон весело ухмыльнулся.

— Вот это ты правду сказал, Родди. Ни жены, ни ребят, ни взносов по страховке, ни долга в банке — не жизнь у тебя, а малина.

— Оно так, — заметил Родди. — Да ведь и денег тоже нету.

Фермер бросил на него лукавый взгляд:

— Значит, что же? У тебя на душе поспокойнее было бы, если бы ты отложил деньжат на черный день?

— Да нет! С собой же их таскать не будешь, а пока человеку на расходы хватает, с него и довольно.

В этих словах не было ничего особенно оригинального, но я запомнил их на всю жизнь. Потому что сказал их Родди — и сказал с неколебимым убеждением.

Когда я кончил и овцы радостно затрусил назад в луга, я повернулся к Родди:

— Большое спасибо. Мне куда легче работать, когда у меня такой помощник, как вы. — Я вынул сигареты. — Хотите?

— Нет, спасибо, мистер Хэрриот. Я не курю.

— Неужели?

— Ага. И не пью. — Он мягко улыбнулся мне, и я вновь почувствовал в нем особое душевное и физическое здоровье. Он не пил, не курил, трудился под открытым небом, не ища материальных благ, не мучаясь честолюбивыми желаниями, — вот откуда эти ясные глаза, свежее лицо и крепкие мышцы. Он не выглядел дюжим силачом, но в нем было что-то несокрушимое.

— Ну, Джейк, пора обедать, — сказал он, и большой пес радостно запрыгал вокруг него. Я ласково заговорил с Джейком, а он в ответ бешено завилял хвостом и дружески повернул ко мне узкую красивую морду. Я погладил его, потрепал за ушами.

— Какой красавец, Родди! Лучше не найти, как вы тогда сказали.

Я пошел в дом вымыть руки и на крыльце оглянулся. Они устроились под оградой: Родди раскладывал на земле термос и пакет с едой, а Джейк нетерпеливо на него поглядывал. Ветер свистел над оградой, на них лились солнечные лучи, и оба выглядели удивительно счастливыми.

— Он, знаете, гордый, — сказала фермерша, когда я нагнулся над раковиной. — Разве ж я его не накормила бы? Но он в кухню не пойдет, а сидит вот так со своей собакой.

Я кивнул.

— А где он спит, когда работает на фермах?

— Да где придется. На сеновале, в амбаре, а то и под изгородью. У нас он ночует в свободной комнате. Да его всякий в дом пригласит, потому что он на редкость опрятный.

— Вот как? — Я взял висевшее на крюке полотенце. — Значит, независимый человек.

Она задумчиво улыбнулась:

— Что есть, то есть. Ему, кроме его собаки, никто не нужен. — Она вытащила из духовки благоухающую сковороду жареной ветчины и поставила ее на стол. — Но я вам вот что скажу: другого такого поискать. Родди Трэверс всем нравится, уж очень он хороший человек.

Родди оставался в окрестностях Дарроуби все лето, и я постоянно видел его то на фермах, то с детской коляской на дороге. Во время дождя он облачался в рваное габардиновое пальто, слишком для него длинное, но все остальное время расхаживал в куртке для гольфа и вельветовых брюках. Не знаю, как он обзавелся своим гардеробом, но, конечно, в гольф он ни разу в жизни не играл. Это была еще одна из окружавших его маленьких тайн.

Как-то утром в начале октября я встретил его на проселке среди холмов. Ночью подморозило, и пастбища побелели — каждая травинка была обведена жесткой каймой инея.

Я был закутан до ушей и постукивал пальцами в перчатках, чтобы согреть их, но первое, что я увидел, опустив стекло, была голая грудь под расстегнутой рубашкой без воротничка.

— Доброго вам утра, мистер Хэрриот, — сказал он. — Рад, что мы встретились. — Он помолчал и одарил меня своей безмятежной улыбкой. — Тут еще работы недели на две, а потом я пойду дальше.

— Ах так! — Я уже познакомился с ним достаточно близко, чтобы не спрашивать, куда он собрался, и просто поглядел на Джейка, обнюхивающего траву на обочине. — Как вижу, сегодня он решил прогуляться.

Родди засмеялся.

— Ну, иногда ему побегать хочется, а иногда прокатиться. Сам решает.

— Ну что же, Родди, — сказал я, — до новой встречи. Желаю вам всего хорошего.

Он помахал мне и бодро зашагал по замерзшей дороге, а меня охватило странное ощущение утраты.

Но я поторопился. Часов в восемь вечера раздался звонок в дверь: я открыл и увидел на крыльце Родди. Позади него в морозных сумерках маячила вездесущая коляска.

— Вы моего пса не поглядите, мистер Хэрриот?

— А что с ним?

— Толком не знаю. Вроде бы... как обмирает.

— Обмирает? Джейк? На него это что-то не похоже. А кстати, где он? Родди указал назад.

— В коляске. Под брезентом.

— Хорошо. — Я распахнул дверь пошире. — Везите его в дом.

Родди ловко втащил заржавелую колымажку на крыльцо и под скрипы и взвизгивания колес покатил ее по коридору к смотровой. Там он отстегнул застёжки, откинул брезент, и я в ярком свете ламп увидел вытянувшегося под ним Джейка. Его голова лежала на свернутом габардиновом пальто, а по сторонам ютилось все земное имущество его хозяина: перевязанный бечевой узелок со сменной рубашкой и носками, пачка чая, термос, нож с ложкой и старый армейский ранец.

Пес поднял на меня полные ужаса глаза, я погладил его и почувствовал, что все его тело дрожит мелкой дрожью.

— Пока оставьте его в коляске, Родди, и расскажите поточнее, что с ним такое.

Он сплел подрагивающие пальцы.

— Это днем началось. Бегал себе в траве, радовался и вдруг свалился, вроде как в припадке.

— В каком припадке?

— Напрягся весь и упал на бок. Лежит, задыхается, на губах пена. Я уж думал, ему конец. — Глаза Родди расширились, уголки рта задергались при одном воспоминании об этой минуте.

— И долго это длилось?

— Да несколько секунд. А потом вскочил, словно ничего и не было.

— Но затем все повторилось снова?

— Ага. И опять, и опять. Я чуть не свихнулся. А в промежутках он словно совсем здоров. Ну совсем здоров, мистер Хэрриот!

Зловещие симптомы начинающейся эпилепсии?

— Сколько ему лет? — спросил я.

— В феврале пять сравнялось.

Ну, во всяком случае, для эпилепсии поздновато. Я взял стетоскоп и прослушал сердце. Слушал я очень внимательно, но в ушах у меня раздавались только быстрые частые удары, вполне нормальные для испуганного животного. Никаких отклонений. Температура тоже оказалась нормальной.

— Давайте положим его на стол, Родди. Беритесь сзади.

Большой пес бессильно повис у нас на руках, но, немного полежав на гладком столе, робко посмотрел вокруг, осторожно приподнялся и сел. Потом лизнул щеку хозяина, и хвост между задними лапами завилал.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Родди. — Опять он совсем здоров. Будто ничего с ним и не было.

И действительно, Джейк совсем ободрился. Он раза два покосился на пол, потом вдруг спрыгнул со стола, подбежал к хозяину и положил лапы ему на грудь, отчаянно виляя хвостом.

Я оглядел его.

— Ну вот и прекрасно. Мне он было не понравился, но, по-видимому, все прошло. Я сейчас...

Испуганно замолчал, я уставился на Джейка. Он соскользнул на пол и

широко раскрыл пасть в отчаянной попытке вздохнуть. Судорожно хрипя и пошатываясь, он побрел по комнате, наткнулся на коляску и упал на бок.

— Да что же это... Быстрей! Положим его на стол! — Я ухватил пса поперек живота, и мы взвалили его назад на стол.

Я тупо смотрел на расплывшееся тело. Джейк уже не пытался вздохнуть. Он был без сознания и не дышал. Я нащупал пульс под задней лапой — частый, хотя и слабый... Но он же не дышит!

Смерть могла наступить в любую секунду, а я беспомощно стою рядом, и от всех моих ученых познаний нет никакого толку. В полном отчаянии я хлопнул пса ладонью по ребрам.

— Джейк! — крикнул я. — Да что с тобой, Джейк?

Словно в ответ, пес хрипло задышал, веки у него задергались, и он посмотрел по сторонам. Но он все еще был скован смертельным страхом, и я начал ласково поглаживать его по голове.

Долгое время мы молчали, потом пес оправился, сел и посмотрел на нас спокойными глазами.

— Ну вот, — тихо сказал Родди. — Опять то же самое. Ну ничего не понимаю! А ведь я кое-что про собак знаю.

Я промолчал. Я тоже ничего не понимал, а ведь я был дипломированным ветеринаром.

— Родди, это был не припадок, — сказал я наконец. — Он давился. Что-то перекрывает дыхательное горло. — Я вынул из нагрудного кармана электрический фонарик. — Сейчас погляжу.

Раскрыв Джейку пасть, я прижал указательным пальцем язык и осветил фонариком. Он был добродушным, флегматичным псом и не пытался вырваться, но я все равно не увидел ничего ненормального. Про себя я отчаянно надеялся, что обнаружу где-нибудь в глотке застрявший кусок кости, но луч тщетно скользил по розовому языку, по здоровым миндалинам и поблескивающим задним зубам. Нигде ничего.

Я попробовал запрокинуть его голову еще больше, и тут он весь напрягся, а Родди вскрикнул:

— Опять начинается!

Он не ошибся. Я в ужасе смотрел, как пятнистое тело вновь распростерлось на столе. Вновь пасть разинулась, а на губах запузырилась пена. Вновь дыхание остановилось, и грудная клетка замерла в неподвижности. Шли секунды, я шлепал ладонью по ребрам, но теперь это не помогало. Мне вдруг стала ясна вся трагичность происходящего: это же был не просто пес, для Родди это было самое близкое в мире существо, а я стою и смотрю, как он издыхает.

И тут я услышал слабый звук, глухой кашель, от которого губы собаки даже почти не дрогнули.

— Черт подери! — крикнул я. — Он же давится, давится! Значит, там что-то должно быть!

Опять я приподнял голову Джейка и сунул фонарик в пасть, и тут — я никогда не перестану этому радоваться! — пес снова кашлянул, узкая голосовая щель приоткрылась и на миг показала причину удушья. Там за провисающим надгортанником я увидел что-то вроде горошины.

— По-моему, камешек! — ахнул я. — Над самой трахеей.

— В кадыке, что ли?

— Вот именно. И камешек этот время от времени перекрывает дыхательную трубку, точно шариковый клапан. — Я встряхнул голову Джейка. — Сейчас я сместил камешек, и вот видите, он уже приходит в себя.

Вновь Джейк ожил и задышал ровно.

Родди провел ладонью по узкой голове, по спине, по мощным мышцам задних ног.

— Но... но он же опять будет давиться?

Я кивнул:

— Боюсь, что да.

— А потом камешек застрянет поплотнее, и он задохнется? — Родди побелел.

— Вполне возможно. Поэтому камешек необходимо извлечь.

— Как же?..

— Вскрыть горло. И немедленно. Другого выхода нет.

— Ладно. — Он сглотнул. — Делайте. Если он опять свалится, я не выдержу.

Я хорошо понимал, что он чувствует. У меня у самого подгибались колени, и я боялся, что могу потерять сознание, если Джейк снова начнет давиться.

Схватив ножницы, я быстро выстриг шерсть с нижней поверхности горла. Дать общий наркоз я не рискнул, а сделал местную анестезию. Потом протер участок спиртом. К счастью, в автоклаве лежали уже стерилизованные инструменты; я вынул из него поднос и поставил на каталку рядом со столом.

— Крепче держите голову, — хрипло скомандовал я и взял скальпель.

Я рассек кожу, фасцию, тонкие слои грудинно-подъязычной и лопаточно-подъязычной мышц и обнажил вентральную поверхность гортани. На живой собаке я никогда ничего подобного не делал, но тут было не до колебаний. Еще две-три секунды, чтобы рассечь слизистую оболочку и заглянуть внутрь.

Вот он! Действительно камешек. Серый, блестящий и совсем маленький. Однако достаточно большой, чтобы убить.

Необходимо было быстро извлечь его точным движением, чтобы не протолкнуть в трахею. Я откинулся, порылся в инструментах, взял анатомический пинцет и занес его над разрезом. Конечно, у великих хирургов руки так не трясутся, и они не пыhtят. Но я стиснул зубы и ввел пинцет в разрез. Когда я подвел его к камешку, моя рука, словно по волшебству, перестала дрожать.

Пыhtеть я тоже перестал. Собственно говоря, я ни разу не вздохнул, пока очень медленно и осторожно извлекал блестящий камешек наружу. Но вот он с легким стуком упал на стол.

— Это он? — шепотом спросил Родди.

— Да. — Я взял иглу и шелк. — Все в порядке.

На зашивание ушло всего несколько минут, но под конец Джейк уже нетерпеливо перебирал лапами и поглядывал вокруг блестящими глазами.

Родди вернулся с ним через десять дней снять швы. Собственно говоря, это было его последнее утро в наших краях, и, вытащив несколько шелковых петель из отлично зажившей ранки, я проводил его до дверей, а Джейк крутил-ся возле нас.

На тротуаре у крыльца во всем своем дряхлом ржавом величии стояла старая коляска. Родди откинул брезент.

— Ну-ка! — сказал он, и большой пес вспрыгнул на свое привычное место.

Родди взялся за ручку обеими руками, и осеннее солнце, вдруг выплывшее из-за туч, внезапно озарило картину, успевшую стать такой знакомой и привычной. Куртка для гольфа, расстегнутая рубашка, загорелая грудь, красавец пес, небрежно посматривающий по сторонам со своего высокого трона.

— Ну, всего хорошего, Родди, — сказал я. — Думаю, вы сюда еще вернетесь.

Он обернулся, и я снова увидел его улыбку.

— Да, наверное.

Он толкнул коляску, и они отправились в путь — нелепая повозочка скрипела, а Джейк мягко покачивался в ней. И тут я вспомнил то, что увидел под брезентом в тот вечер в операционной. Ранец, в котором, конечно, хранятся бритва, полотенце, мыло и еще другие мелочи. Пачка чая, термос. И еще кое-что — старая помятая фотография молодой женщины, случайно выскользнувшая из конверта. Она и усугубила таинственность этого человека, и многое прояснила.

Фермер был прав. Все свое имущество Родди вез в своей коляске. И, видимо, ему больше ничего не было нужно — во всяком случае, заворачивая за угол, он что-то бодро насвистывал.

Недавно ко мне приехал журналист и попросил познакомить его с местными замечательными людьми. «Таких тут нет», — ответил я. Возможно, утверждение слишком уж категоричное, но правда и то, что бывшие примечательные сельские типы, дававшие такой богатый материал для моих книг, теперь исчезли. Уже не услышишь старинного йоркширского диалекта и идиом. Образование, радио, телевидение, удобные транспортные средства оказали свое влияние на местных жителей, и мало-помалу они перестали отличаться от людей других графств. И уже не встретить такого вот Родди Трэверса. Старики в Дарроуби все еще с симпатией вспоминают о нем, и будто снова встречаешь загорелого мужчину, который катит большого пса в колясочке по проселку. Джейк был удивительно подходящим для него товарищем, и стоит мне увидеть помесь колли с грейхаундом, как я вспоминаю тот единственный в моей практике случай, когда я удалил инородное тело из гортани.

42. Нип и Сэм

— Ну и как вы нынче, мистер Хэрриот?

Обычный вариант «здравствуйте!», но настойчивость, почти жадность в голосе старика придавала ничего не значащим словам особый смысл.

Мы с ним виделись почти каждый день. Моему непредсказуемому существованию любой твердый распорядок дня был противопоказан, но я очень дорожил прогулкой по берегу реки перед обедом — как и Сэм, мой бигль. Там-то мы и встречались с мистером Потсом и Нипом, его старой овчаркой, — видимо, их привычка совпадала с нашей. Задний забор мистера Потса выходил на приречный луг, и старик подолгу гулял там со своим псом.

Многие фермеры, удалившись от дел, оставляют себе клочок земли и кое-какую живность, чтобы чем-то занять непривычный досуг и облегчить переход от работы с утра и до вечера к полному отдыху, но мистер Потс купил домик с крохотным садом и, видимо, не знал, куда девать тягучее время.

Вероятно, таких прогулок требовало и его здоровье. Вот и теперь, остановившись передо мной, он тяжело оперся на палку, а его синеватые щеки

вздувались и опали от прерывистого дыхания. Все симптомы сердечного заболевания.

— Неплохо, мистер Потс, — ответил я. — А как вы?

— Так-сяк, малый. Запыхиваюсь вот маленько. — Он покашлял и задал неизбежный вопрос: — А что вы поделывали утречком? — Глаза у него стали напряженно-внимательными. Ему действительно хотелось это знать.

Я собрался с мыслями.

— Дайте-ка сообразить. — Я всегда старался ответить поподробнее, потому что понимал, как много это значит для него, как воскрешает жизнь, по которой он тоскует. — Почистил пару коров, навестил охромевшего бычка, подлечил двух коров от мастита и еще одну с послеродовым парезом. Он радостно кивал на каждое мое слово.

— Прах его поberi, парез этот! — воскликнул он. — Когда я мальцом был, хорошие коровы дохли от него, что твои мухи. И всегда — самые удачные. После третьего или там четвертого отела. Лежат и не встают. Уж чем только мы их ни пользовали, но они все сдохли, все до единой.

— Да, — сказал я, — в те дни это была страшная беда.

— Зато потом, — он счастливо улыбнулся и ткнул меня указательным пальцем в грудь, — зато потом мы начали качать воздух в вымя велосипедным насосом, так они вскакивали на ноги и убегали. Ну прямо колдовство! — У него даже глаза заблестели при этом воспоминании.

— Знаю-знаю, мистер Потс. Мне и самому довелось поработать насосом, хотя и не велосипедным. У меня был специальный, маленький.

Эта черная шкатулка с блестящими цилиндрами и фильтром теперь хранится в моем домашнем музее, где ей самое место. Аппарат этот не раз выручал меня в сложных ситуациях, но от мысли, что таким образом я могу занести туберкулез, на душе становилось тревожно. Я слышал о таких случаях, и появление бороглюконата кальция явилось для меня большой радостью.

Пока мы беседовали, Сэм и Нип играли возле нас на лугу: мой бигль резвился вокруг старого пса, а тот, виляя хвостом от удовольствия, опрокидывал его плохо гнущимися ногами. Было видно, что Нипу эти встречи приятны не меньше, чем его хозяину: на краткий срок к нему словно возвращалась юность, он валился на спину, а Сэм кидался ему на грудь и нежно его покусывал.

Я провожал старого фермера до деревянного моста и, прежде чем повернуть домой, смотрел, как они бредут через него к рощице на том берегу. Меня с Сэмом ждала работа, но им было нечем заняться.

Мне доводилось встречать мистера Потса не только там: в базарные дни он бесцельно бродил между рыночными ларьками или стоял возле компании фермеров перед «Гуртовщиками», где те заключали сделки с торговцами скотом или кормами либо обсуждали между собой всякие дела.

А то на аукционе, опираясь на палку, он вслушивался в скороговорку аукционщика и уныло посматривал на продаваемых коров. И каждый раз я ощущал пустоту в его душе, потому что в стойлах не было ни одной его коровы и ни одной его овцы в длинном ряду узких загонов. Все это уже его не касалось — старого, никому больше не нужного человека.

Я встретился с ним накануне его смерти — на нашем обычном месте. Я стоял у воды и следил за цаплей, которая, тяжело взмахивая крыльями, поднялась с камышового островка и лениво полетела над лугом.

Старик остановился, поравнявшись со мной, и наши собаки затеяли привычную игру.

— А! Мистер Хэрриот. — Он помолчал, наклоня голову над палкой, которую полвека втыкал в землю своего луга. — Что вы сегодня подельвали?

Может быть, щеки у него были чуть синее, а дыхание вырывалось из груди со свистом, но я не заметил, чтобы он выглядел хуже обычного.

— А вот что, мистер Потс, — ответил я. — Еле на ногах держусь. Утром я два часа провозился с кобылой — жеребенок никак не шел, — и у меня все тело ноет.

— Не шел, говорите? Повернут что ли не так был, а?

— Да. Поперечное положение. Ну и я намучился, пока его повернул.

— Прах ее побери, работка не из легких! — Он задумчиво улыбнулся. — А как моя клайдсдейлская кобыла жеребилась, помните? Вы тогда в Дарроуби только-только приехали. Может, первый ваш такой случай был.

— Ну, конечно, помню, — сказал я. И я помнил его доброту. Он видел, что я молод, зелен, не уверен в себе, и мягко, тактично постарался меня успокоить, ободрить. — Да, — продолжал я, — было это в ночь на воскресенье, и нам пришлось потрудиться. Мы вдвоем были, но справились, верно?

Он расправил плечи, и его взгляд обратился мимо меня на что-то, чего я видеть не мог.

— Да уж. Мы с вами ловко справились. Тогда у меня силенок толкать и тянуть хватало.

— Еще как!

Он тяжело вдохнул, а потом выпустил воздух, странно поджимая губы. И поглядел на меня с тихим достоинством.

— Хорошие были деньки, мистер Хэрриот, а?

— Да, мистер Потс. Очень хорошие.

— Эге. — Он медленно кивнул. — Их у меня много было, таких дней. Нелегких, а хороших. — Он поглядел на своего пса. — И старик Нип тоже со мной наработался, э, малый?

И я вдруг перенесся в тот день, когда увидел мистера Потса в первый раз. Примостившись на табурете, он доил одну из своих малочисленных коров, упиравшись лбом в волосатый бок. Пальцы его трудолюбиво массировали соски, но тут Нип уронил камешек ему на сапог. Фермер нагнулся еще ниже, зажал камешек двумя пальцами и бросил в открытую дверь коровника. Нип в восторге помчался за камешком и, вернувшись через несколько секунд, снова уронил его на хозяйский сапог, выжидательно пыхтя.

И он не обманулся в своих ожиданиях. Его хозяин опять машинальным движением бросил камешек за дверь, словно продельвал это несчетное число раз. Наблюдая за ними, я понял, что присутствую при ежедневном их ритуале, и у меня даже сердце защемило — какое безграничное терпение и преданность!

— Ну что же, мистер Хэрриот, мы пойдем, — сказал мистер Потс, и я, вздрогнув, вернулся в настоящее. — Пошли, Нип!

Он взмахнул палкой, и я провожал взглядом человека и собаку, пока их не заслонила нависающая над водой ива.

Видел я мистера Потса в последний раз. На следующий день, когда я подъехал к бензоколонке, заправщик сообщил без особого интереса:

— А старый мистер Потс вроде бы свое отпрыгал?

Вот так. Шуму его кончина не наделала. И на похороны пришли только три-четыре его старых приятеля.

Мне было грустно. Еще одно привычное лицо исчезло. Моя жизнь с ее обычными заботами будет продолжаться, но его мне будет не хватать. Я знал, что наши ежедневные разговоры его подбодряли, но меня томила тоскливая мысль, что я уже ничего никогда не смогу сделать для мистера Потса.

Прошло полмесяца, и однажды, открывая калитку, чтобы выпустить Сэма на приречный луг, я взглянул на часы. Двенадцать тридцать — масса времени для прогулки! Длинная полоса зеленой травы была пустынна, но тут я заметил слева одинокую собаку. Это был Нип. Пока я смотрел на него, он встал, сделал несколько нерешительных шажков и снова сел у задней калитки своего садика.

И я пошел не по берегу, а вдоль заборов — к старому псу. Он вяло поглядывал по сторонам, но, когда мы приблизились, оживился, обнюхал Сэма, а мне повилял хвостом.

По ту сторону калитки миссис Потс выпальывала сорняки, с трудом нагибаясь и втыкая в землю совок.

— Здравствуйте, миссис Потс! — сказал я. — Как поживаете?

Старуха с усилием распрямилась.

— Да ничего, мистер Хэрриот, спасибо. — Она оперлась о калитку. — Вы, гляжу, на Нипа смотрите. Истосковался он без хозяина.

Я промолчал, и она продолжала:

— Ест-то он ничего, и кормлю я его вдоволь, а вот гулять с ним никак не могу. — Она потерла спину. — Ревматизм замучил, мистер Хэрриот, силы только хватает, чтобы по дому управиться да с огородом.

— Ну разумеется, — сказал я. — А один он не идет?

— Никак. Вот тропка, он по ней каждый день ходил. — Она кивнула на извилистую, вытопанную в траве дорожку. — А теперь сделает шаг-другой и назад.

— Ну ведь собаки любят гулять в компании, как и мы. — Я нагнулся и погладил старого пса по голове и ушам. — А с нами пойдешь, Нип?

Я пошел по дорожке, и он без колебаний затрусил рядом с Сэмом, повилявая хвостом.

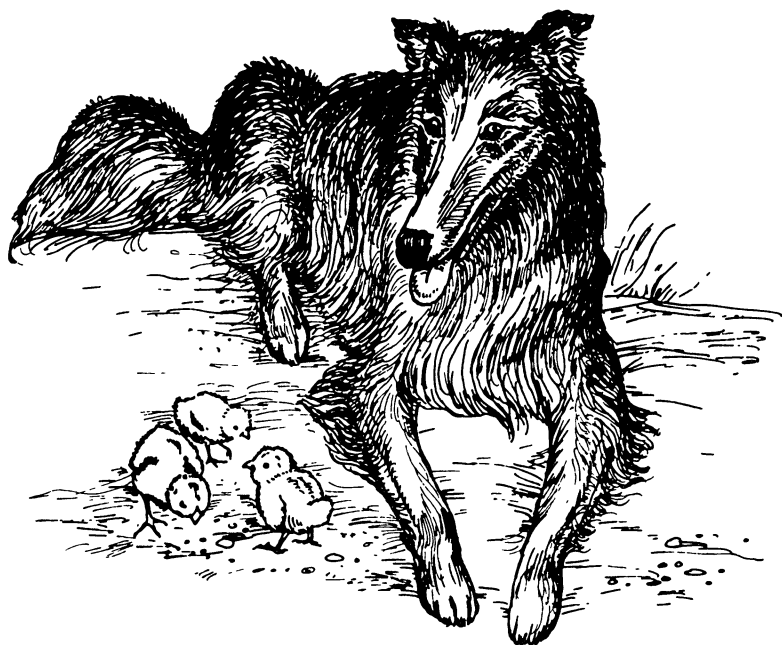
— Нет, вы только поглядите! — воскликнула старушка. — Как хорошо-то!

Я пошел по его обычному пути к реке, где темная вода быстро бежала под ветвями корявых ив. А потом мы перешли по деревянному мосту, и река перед нами разлилась по галечным отмелям, журча и лепеча между камнями.

Мы оказались в уединенном мирном уголке, где тишину нарушали только пение птиц и неумолчное журчание реки, сквозь просветы в длинном полуге листвы виднелись зеленые склоны холмов.

Я смотрел на бегущих впереди меня собак, и решение пришло само собой: так теперь будет каждый день. С этих пор маршрут моей прогулки изменился, и сначала я шел вдоль заборов. Нип был счастлив, Сэм радовался, а я находил странное утешение в мысли, что мне все-таки удалось сделать что-то для мистера Потса.

Собаки любят раз заведенный порядок. Одно из самых больших их удовольствий — предвкушать что-то и видеть, как это сбывается. Например, еда или возвращение хозяина домой. Для Нипа этим стала ежедневная прогулка у реки. Я навсегда сохранил теплое чувство к моим друзьям-фермерам, которые привечали меня, когда я только начинал практиковать, и с годами это чувство все более крепло, хотя с тех пор прошло более полувека. Ну а что касается мистера Потса, я был рад доказать, что работа ветеринара включает многое и многое.

43. Нянюшка Джуди

Познакомился я с Джуди, когда лечил бычка Эрика Эббота от актиномикоза языка. Он был еще почти телянком, и фермер ругал себя за то, что заметил его состояние, только когда он превратился в ходячий скелет.

— Черт! — ворчал Эрик. — Он пасся в стаде на дальнем лугу, и, уж не знаю как, я про него забыл. И нате, пожалуйста.

Когда актиномикоз поражает язык, лечение следует начинать сразу, едва появятся первые симптомы — слюнотечение и припухание под челюстью. Если же упустить время, язык увеличивается, становится все тверже и в конце концов высовывается изо рта, неподатливый, как кусок дерева, — в старину эту болезнь так и называли: «деревянный язык».

Заморенный бычок уже достиг этой стадии, и вид у него был просто жалкий, но и чуть комичный, словно он меня дразнил. Однако распухший язык лишал его возможности есть, и он в буквальном смысле слова околевал с голоду. Он лежал на полу неподвижно, словно ему уже было все равно.

— Ну, Эрик, нет худа без добра, — сказал я. — Сделать ему внутривенную инъекцию будет легко. У него не осталось сил сопротивляться.

В то время как раз появилось новое и прекрасное лечение, очень современное и эффективное, — введение в вену йодистого калия. Прежде фермеры обычно мазали больной язык йодом. Процедура эта была медленной, а главное — результаты давала далеко не всегда.

Я ввел иглу в яремную вену, запрокинул флакон с прозрачной жидкостью и растворил две драхмы йодистого калия в восьми унциях дистиллированной воды, так что сама инъекция много времени не занимала. И флакон был уже почти пуст, когда я осознал присутствие Джуди.

Нет, конечно, краем глаза я видел, что все это время рядом со мной сидела большая собака, но теперь черный нос придвинулся так близко, что почти коснулся иглы. Затем нос прошелся по резиновому шлангу до флакона и двинулся вниз, сосредоточенно посапывая. Когда я извлек иглу, нос принялся внимательно исследовать место укола. Затем высунулся язык и начал тщательно вылизывать шею бычка.

Присев на корточки, я с интересом следил за собакой. Ее поведение явно диктовалось не просто любопытством: каждое ее движение было проникнуто какой-то трепетной заботливостью.

— А знаете, Эрик, — сказал я, — мне так и кажется, что эта собака не просто наблюдает за мной, а принимает самое активное участие в лечении.

Фермер засмеялся:

— Тут вы в точку попали. За Джуди это водится. Не собака, а прямо больничная сиделка. Чуть что не так, а она уже на посту. И ее не отгонишь!

Услышав свое имя, Джуди быстро подняла голову. Она была настоящей красавицей, причем редкой масти — в привычную черно-белую окраску деревенских колли вплетались волнистые каштановые и серебристые полосы. Возможно, причину следовало искать в предке смешанных кровей, но результат получился очень симпатичный, а дружелюбные глаза и смеющаяся пасть делали ее еще более привлекательной.

Я протянул руку и почесал ее за ушами, а она в ответ завиляла хвостом с таким энтузиазмом, что двигался весь крестец.

— По-моему, она просто очень добрая собака.

— Что есть, то есть, — ответил фермер. — Но дело тут не так просто. Может, это и глупо, но, по-моему, Джуди считает, что вся наша живность находится на ее попечении.

— Могу поверить, — кивнул я. — Но давайте-ка перевернем его на грудь.

Мы подсунули руки под грудь бычка, приподняли его, подперли с обеих сторон тючками соломы, чтобы он снова не завалился на бок, и укрыли конской попойкой.

В такой позе он выглядел чуть-чуть получше, но исхудалая голова с гротескно торчащим языком покачивалась от слабости, а на солому продолжали стекать струйки слюны. Я подумал, что, возможно, живым его больше не увижу.

Однако Джуди как будто не разделяла моего пессимизма. Добросовестно обнюхав тючки и попону, она зашла спереди, ободряюще облизала косматый лоб, а потом села перед бычком — ни дать ни взять ночная сиделка у постели тяжелобольного.

— Она так тут и останется? — спросил я, заглядывая в хлев перед тем, как закрыть дверь.

— Да, уж теперь ее оттуда не выгонишь, пока он не сложнет или не пойдет на поправку, — ответил Эрик. — Самое ее любимое занятие.

— Как знать, не пробудится ли в нем интерес к жизни просто потому, что она сидит рядом? А без помощи ему не обойтись. Пока инъекция не сделает свое дело, вам надо поддерживать его силы молоком или жидкой кашцей. Лучше всего, конечно, чтобы он пил сам. Но, если не сможет, вливайте ему в глотку. Только осторожнее, а то он может захлебнуться.

На этот раз я мог применить по-настоящему действенное лекарство, что в те времена случалось не так уж часто, а потому бычок Эрика особенно меня интересовал, и мне не терпелось узнать, вырвал ли я его из лап смерти. Но я понимал, что результаты проявятся не сразу, и заставил себя выждать пять дней.

Я шел через двор к хлеву, зная, что через несколько секунд мои сомнения разрешатся раз и навсегда: либо он издох, либо уже поправляется.

Стук моих каблучков по булыжнику не остался незамеченным: над нижней створкой двери возникла голова Джуди с настороженными ушами. Я ощутил прилив торжества: раз сиделка на посту, значит, пациент жив. Окончательно я убедился в этом, когда собака на секунду исчезла из виду, а потом без малейших усилий перемахнула через створку и кинулась ко мне, прямо-таки извиваясь от восторга. Она словно пыталась сказать мне, что все идет хорошо.

Бычок, правда, еще лежал, но он обернулся ко мне, и я заметил, что изо рта у него свисает клоч сена, зато языка не видно.

— Дело идет на поправку, а? — сказал Эрик, входя.

— Несомненно. Язык гораздо мягче. И, по-видимому, он уже пытается есть сено?

— Ну жевать-то он пока толком не может, зато молоко и кашку пьет всюю. И вставать уже пробовал, только ноги пока плохо его держат.

Я достал новый флакон йодистого калия и повторил инъекцию. А Джуди снова почти тыкалась носом в иглу и упоенно внюхивалась. Взгляд ее был сосредоточенно устремлен на место укола, и она явно старалась не упустить ни одной подробности — во всяком случае, она громко отфыркивалась и опять возобновляла свои исследования.

Когда я кончил, она заняла обычную свою позицию возле головы, и, уходя, я заметил, что Джуди как-то странно покачивается, но потом сообразил, что она, сидя, виляет хвостом, скрытым в соломе.

— Во всяком случае, Джуди довольна, — сказал я.

— Еще как! — кивнул фермер. — Ей нравится во все соваться. Она ведь вылизывает каждого новорожденного теленка, а когда наша кошка котится, то и каждого котенка.

— Прямо повитуха, а?

— Во-во! И еще одна странность: она просто живет на скотном дворе. У нее хорошая теплая конура, так она в нее и не заглядывает, а спит каждую ночь в соломе рядом со скотиной.

Снова я навестил бычка неделю спустя; на этот раз, увидев меня, он начал носиться по стойлу, точно скаковая лошадь. Когда я наконец, запыхавшись, загнал его в угол и ухватил за морду, во мне все ликовало. Я сунул пальцы ему в рот: язык стал упругим и уменьшился почти до нормальных размеров.

— Сделаем еще инъекцию, Эрик, — сказал я. — Если не очистить все как следует, язык начнет опять деревенеть. — Я принялся разматывать шланг. — Кстати, что-то я не вижу Джуди.

— Так она, наверное, решила, что он уже выздоровел. Да и нынче у нее другая забота. Вон, поглядите!

Я взглянул в дверь и увидел, что Джуди торжественно выступает по двору, неся во рту что-то желтое и пушистое.

Я вытянул шею.

— Что это она несет?

— А цыпленка.

— Цыпленка?

— Ну да. Вывелись месяц назад. Так старушка решила, что им лучшее место в конюшне. Устроила им там гнездо и все пробует свернуться вокруг них, только ничего у нее не получается.

Джуди скрылась в конюшне, но вскоре появилась снова и побежала к кучке цыплят, которые весело поклевывали между булыжниками, осторожно забрала одного в пасть и направилась к конюшне. Оттуда ей навстречу выбежал первый цыпленок и засеменил к остальной компании.

Усилия ее пропадали напрасно, но я не сомневался, что она не отступит — такой уж она родилась. Джуди, собака-сиделка, никогда не сменялась с дежурства.

Потребность заботиться о других у животных воплощается в материнском инстинкте — бесспорно, одном из самых могучих и ярко проявляющихся. Но среди знакомых мне животных только Джуди распространяла его на все живое. Как сказал Эрик Эббот, самым ее любимым занятием было присматривать за больной скотиной. Она был природной четырехногой сестрой милосердия — единственной в своем роде. И я часто спрашивал себя, а доводилось ли другим встречать подобных собак?

44. Мертл

— О-о-х, о-о-о!

Надрывные рыдания в трубке мигом прогнали мой сон. Был час ночи, и, когда меня разбудило назойливое бречанье телефона, я ожидал услышать хриплый голос какого-нибудь фермера, чья корова никак не могла растелиться.

— Кто это? — спросил я с легким испугом. — Что случилось?

Ответом мне было горькое всхлипывание, а затем мужской голос произнес между двумя рыданиями:

— Хамфри Кобб говорит. Ради всего святого, поскорей приезжайте. Мертл, по-моему, умирает.

— Мертл?

— Ну да. Собачка моя! До чего же ей плохо, о-о-о-х, о-хо-о!

— Но что с ней?

— Пыхтит, хрипит. По-моему, вот-вот дух испустит. Приезжайте побыстрее.

— Где вы живете?

— Седр-Хаус. В конце Хилл-стрит.

— Знаю. Сейчас буду у вас.

— Вот спасибо! Мертл долго не протянет. Поторопитесь, а?

Я прыгнул с кровати, схватил плисовые рабочие брюки со спинки стула у стены, в спешке сунул обе ноги в одну штанину и растянулся во всю длину на полу.

Хелен привыкла к ночным звонкам и обычно тут же снова засыпала. Тем более что я одевался, не зажигая света, чтобы ее не тревожить. Мне хватало ночника, который всю ночь горел на лестничной площадке ради Джимми, тогда совсем маленького.

Однако на этот раз система не сработала, и грохот моего падения заставил Хелен привскочить на постели.

— Джим, что это? Что с тобой?

Я кое-как поднялся с пола.

— Ничего, Хелен. Просто я споткнулся, — сказал я, сдергивая со стула рубашку.

— Но что за спешка?

— Абсолютно неотложный случай. Мне надо торопиться.

— Я понимаю, Джим, но ты же сам себя задерживаешь. Собирайся спокойнее.

Разумеется, она была совершенно права. Я всегда завидовал тем моим коллегам, которые сохраняют невозмутимость даже в крайне критических обстоятельствах. Но сам я из другого теста.

Я скатился по лестнице и галопом промчался через темный сад в гараж. Ехать мне было меньше мили, и времени на обдумывание симптомов не оставалось, но я уже не сомневался, что столь резкое нарушение дыхания указывало на сердечный приступ или внезапную аллергическую реакцию.

Не успел я позвонить, как на крыльце вспыхнул свет и передо мной возник Хамфри Кобб, невысокий толстячок лет шестидесяти. Сияющая лысина еще больше придавала ему комическое сходство с огромным яйцом.

— Мистер Хэрриот! Входите же, входите! — произнес он прерывающимся голосом, а по его щекам струились слезы. — Я так вам благодарен, что вы среди ночи встали, чтобы помочь моей бедненькой Мертл.

С каждым его словом мне в нос ударял такой крепкий запах виски, что у меня закружилась голова, а когда он повел меня по коридору, я заметил, что походка у него не слишком твердая.

Моя пациентка лежала в корзинке возле новой электрической плиты в отлично оборудованной кухне. Так она же бигль, как мой Сэм! И я опустился на колени с самой горячей симпатией. Пасть Мертл была полуоткрыта, язык свисал наружу, но никаких признаков агонии я не обнаружил. А когда погладил ее по голове, хвост весело застучал по подстилке.

И тотчас у меня в ушах зазвенело от пронзительного вопля:

— Так что с ней, мистер Хэрриот? Сердце, да? О, Мертл, Мертл!

— Знаете, мистер Кобб, — сказал я. — По-моему, она вовсе не так уж плоха. Не надо волноваться. Просто разрешите мне ее осмотреть.

Я прижал стетоскоп к ребрам и услышал ровное биение на редкость здорового сердца. Температура оказалась нормальной, но, когда я начал ощупывать живот, мистер Кобб не выдержал:

— Это все моя вина, — простонал он. — Я совсем забросил бедную собачку.

— Простите, я не понял?

— Так я же весь день проболтался на скачках в Каттерике, ставил на лошадей, пьянствовал, а про несчастное животное и думать забыл!

— И она все время была тут одна взаперти?

— Да что вы! Жена за ней присматривала.

— Так она, наверное, и покормила Мертл, и погулять в сад выпускала? — предположил я, совсем сбитый с толку.

— Ну и что? — Он заломил руки. — Только я-то ведь не должен был ее бросать. Она же меня так любит!

Я почувствовал, что одна щека у меня начинает подозрительно гореть, и тотчас пришла разгадка.

— Вы поставили корзинку слишком близко к плите, и пыхтит она потому, что ей жарко.

Он бросил на меня недоверчивый взгляд.

— Мы ее корзинку поставили сюда только нынче. Полы перестилали.

— Вот именно, — сказал я. — Поставьте корзинку на прежнее место, и все будет в полном порядке.

— Это как же, мистер Хэрриот? — Его губы снова задрожали. — Наверняка другая причина есть. Она же страдает! Вы ей в глаза поглядите!

Я поглядел. У Мертл были типичные глаза ее породы — большие, темные, и она умела ими пользоваться. Многие считают, что пальма первенства по части задушевной грусти во взоре принадлежит спаниелям, но лично я считаю, что тут они биглям и в подметки не годятся. А Мертл, как видно, была чемпионкой.

— Это пусть вас не тревожит, мистер Кобб, — ответил я. — Уверю вас, все будет в порядке.

Но его лицо не посветлело.

— Вы что же, совсем ее не полечите?

И я оказался перед одной из критических дилемм ветеринарной практики. Владельцы наших пациентов чувствуют себя обманутыми, если мы не «попечим» животное. А мистер Кобб нуждался в лечении куда больше своей любимицы. Тем не менее я не собирался тыкать в Мертл иглой только ради его спокойствия, а потому извлек из чемоданчика витаминную таблетку и затолкнул ее собачке в глотку.

— Ну вот, — объявил я. — Думаю, это пойдет ей на пользу. — А про себя решил, что не такой уж я и шарлатан: вреда от витаминов ей, во всяком случае, не будет.

Мистер Кобб приободрился.

— Расчудесно! Очень вы меня успокоили. — Он проследовал впереди меня в роскошно обставленную гостиную и зигзагами направился к домашнему бару. — Выпьете на дорожку?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Лучше не стоит.

— Ну а я капелюшечку выпью. Надо нервишки в порядок привести, а то уж очень я расстроился. — Он плеснул в стопку порядочную порцию виски и кивнул мне на кресло.

У меня перед глазами маячила постель, но все-таки я сел и смотрел, как он прихлебывает свое виски. Мало-помалу я узнал, что он букмекер, но удалился от дел и месяц назад переехал в Дарроуби из Уэст-Райдинга. Только

скачки у него все равно в крови, и он посещает на севере Англии их все, но только уже как зритель.

— Всегда беру такси и денек провожу преотлично! — Мистер Кобб весь просиял при воспоминании об этих отличных бегах. Но тут же его щеки задрожали, и лицо вновь приняло страдальческое выражение.

— Только вот собачку мою бросаю. Дома ее оставляю.

— Ерунда! — сказал я. — Ведь я вас часто вижу на лугах. Вы же с ней много гуляете?

— Ну да. Каждый день и подолгу.

— Следовательно, живется ей очень хорошо. И выбросите из головы эти глупости.

Он осиял меня улыбкой и плеснул в стопку новую порцию виски, пальца на три.

— А вы славный парень! Дайте-ка я вам все-таки налью одну на дорожку.

— Ну хорошо. Только поменьше.

Пока мы пили, он совсем разомлел и смотрел на меня уже почти с обожанием.

— Джеймс Хэрриот, — произнес он заплетающимся языком. — Джим, значит?

— Ну-у да.

— Так я буду звать вас Джимом, а вы зовите меня Хамфри.

— Ладно, Хамфри, — сказал я и допил свою стопку. — А теперь мне пора.

Проводив меня на крыльцо, он положил руку мне на плечо, и лицо его вновь посерьезнело.

— Спасибо тебе, Джим. Мертл ведь очень худо было, так я тебе ну так благодарен, что и сказать нельзя.

Только развернув машину, я сообразил, что не сумел его переубедить, и он по-прежнему считает, будто собачка была на грани смерти и я спас ей жизнь. Визит был странноватый, желудок у меня горел от виски, проглоченного в третьем часу ночи, но я решил, что Хамфри Кобб очень забавный человек. И он мне понравился.

После этой ночи я часто встречался с ним в лугах, где он прогуливал свою собачку. Его почти сферическая фигура, казалось, подпрыгивала на траве, точно мячик, но держался он всегда спокойно и солидно, хотя и не переставал благодарить меня за то, что я вырвал его собачку из лап смерти.

Затем — бац! Все началось сначала. Телефон зазвонил в первом часу ночи, и в ухо мне ударили отчаянные рыдания даже прежде, чем я успел толком взять трубку.

— О-о-ох... О-о-ох! Джим, Джим, Мертл совсем худо. Ты приедешь?

— А... А что с ней на этот раз?

— Дергается.

— Дергается?

— Ну да. Смотреть страшно. Джим, давай приезжай, а? Не то я не выдержу. Сил никаких нет ждать. Чума у нее, не иначе. — И он разрыдался.

В голове у меня гудело.

— Чумы у нее быть не может, Хамфри. Так сразу чумой не заболевают.

— Ну прошу тебя, Джим, — продолжал он, словно не слыша, — будь другом, приезжай, посмотри Мертл.

— Ну хорошо, — сказал я устало. — Через несколько минут буду.

— Ты настоящий друг, Джим, настоящий... — голос смолк, потому что я повесил трубку.

Одевался я в обычном темпе, не паникуя, как прежде. Видимо, что-то в том же роде. Но почему снова за полночь? По пути в Седр-Хаус я уже не сомневался, что тревога опять окажется ложной, и все-таки, как знать?

На крыльце меня опять обдала невидимая волна алкогольных паров. По пути в кухню Хамфри, стена и причитая, раза два повисал на мне, чтобы удержаться на ногах. Он указал пальцем на корзину в углу.

— Она там, — объявил он, утирая глаза. — Я только вернулся из Рипона — и на тебе!

— Со скачек, э?

— Угу. На лошадей ставил, виски пил, а бедная моя собачка тут без меня помирала. Последняя я тварь, Джим, самая последняя!

— Чушь, Хамфри. Я вам уже говорил. Оттого, что вы на день уедете, ей никакого вреда быть не может. Потом вы сказали, что она дергается, но я что-то не замечаю...

— Ага, она сейчас не дергается. А вот когда я только вошел, задняя нога у нее ну просто ходуном ходила. Вот так. — И он подергал кистью.

Я беззвучно застонал.

— Может быть, она просто чесалась или муху отгоняла.

— Ну уж нет. Ей же больно. Да ты только погляди на ее глазищи.

Я его вполне понимал. Глаза Мертл были двумя озерами глубоких чувств, и в них без труда читался кроткий упрек.

Стиснув зубы, я ее осмотрел, заранее зная, что не найду ничего ненормального. Но втолковать это толстячку мне не удалось.

— Ну дай ей еще одну чудотворную таблеточку, — взмолился он. — В тот раз ей мигом полегчало.

Спорить с ним у меня не было сил, и Мертл снова навитаминизировалась.

С огромным облегчением Хамфри неверным шагом направился в гостиную к заветной бутылке.

— После таких переживаний не грех немножко взбодриться, — сказал он. — Выпей рюмочку, Джим, не артачься, а?

Следующие несколько месяцев эта сцена повторялась вновь и вновь — всегда после скачек и всегда между полуночью и часом. У меня было достаточно возможностей проанализировать ситуацию, и вывод просто напрашивался.

Большую часть времени Хамфри оставался в меру заботливым владельцем собаки, но под влиянием алкоголя привязанность к Мертл преобразалась в сентиментальное обожание и ощущение вины перед ней. Я покорно приезжал по его вызовам, понимая, как его потрясет мой отказ. Лечил я Хамфри, а не Мертл.

Меня забавляло упрямство, с каким он отмахивался от любых моих уверений, что приезжал я совершенно зря. Он был глубоко убежден, что его любимица осталась в живых только благодаря волшебной таблетке.

Нет-нет, я вовсе не отвергаю возможность, что Мертл действительно обращала на него свои томные очи с горьким упреком. Собаки вполне способны чувствовать и выражать неодобрение. Моего Сэма я брал с собой почти повсюду, но, если иногда оставлял его дома, чтобы свозить Хелен в кино, он

забирался под кровать, долго там дулся, а вылезши, еще час старательно нас не замечал.

Меня пробил холодный пот, когда Хамфри сообщил мне о своем решении повязать Мертл. Ее беременность не сулила мне ничего хорошего.

Так оно и вышло. Толстячок то и дело впадал в пьяненькую панику, всякий раз совершенно без причины, и на протяжении девяти недель через правильные промежутки времени обнаруживал у Мертл то одни, то другие, но всегда воображаемые симптомы.

Наконец, к огромному моему облегчению, Мертл произвела на свет пятерых здоровых щенков. Ну уж теперь-то я отдохну! По правде говоря, я по горло был сыт полуночными звонками Хамфри. Я всегда считал себя обязанным ехать, когда мне звонили ночью, однако Хамфри довел меня до белого каления. Принципы принципами, но я чувствовал, что в одну прекрасную ночь я все ему выскажу.

Кризис наступил недели две спустя. День у меня выдался жуткий. Выпадение матки у коровы в пять утра, потом бесконечная тряска по дорогам туда-сюда практически без завтрака и обеда, а на сон грядущий — схватка с министерскими анкетами. (Я сильно подозревал, что безбожно напутал в графах.)

От своей бюрократической бездарности я всегда приходил в бессильную ярость, и когда наконец заполз под одеяло, перед моими глазами продолжали кружить эти пыточные анкеты, так что сон ко мне пришел только глубокой ночью. Я знаю, что это глупо, но во мне живет суеверное чувство, будто судьба злорадно выжидает, когда мне особенно захочется выспаться, и тут она, похихикивая, подстраивает очередной вызов. А потому, когда у меня над ухом взорвался телефонный звонок, принял я его как должное, апатично протянул руку к трубке и увидел, что стрелки на светящемся циферблате будильника показывают четверть второго.

— Алло! — пробурчал я.

— О-о... о-о... о-о-ох! — Знакомое, знакомое вступление!

Я скрипнул зубами. Только об этом я сейчас и мечтал.

— Хамфри! Ну, что на сей раз?

— Ох, Джим, Мертл и вправду помирает. Я всем нутром чую. Приезжай побыстрее, а?

— Помирает? — я хрипло перевел дух. — Это почему же?

— Ну... вытянулась на боку и вся дрожит.

— Еще что-нибудь?

— Ага. Хозяйка говорила, что Мертл, когда она ее в сад выпустила, какая-то тревожная была и ноги у нее словно бы не гнулись. Я ведь только только из Редкара вернулся, понимаешь?

— Так вы на скачках были, э?

— Это точно... а свою собачку бросил. Скотина я последняя!

Я закрыл глаза. И когда только Хамфри надоест придумывать симптомы! Ну что на этот раз? Дрожит, тревожится, ноги не гнутся. А раньше — пыхтела, дергалась, головой трясла, уши мелко дрожали; что он в следующий раз углядит?

Но хорошенького понемножку.

— Вот что, Хамфри, — сказал я. — Ничего у вашей собаки нет. Сколько раз мне вам повторять...

— Ох, Джим, милый, поторопись! О-о-о! О-о-о-х!

— Я не приеду, Хамфри.

— Да ты что? Ей же все хуже становится, понимаешь?

— Я говорю совершенно серьезно. Это просто напрасная трата моего времени и ваших денег. А потому ложитесь-ка спать. И за Мертл не тревожьтесь.

Стараясь устроиться поудобнее под одеялом, я подумал, что отказываться поехать на вызов — дело очень нелегкое. Конечно, мне было бы проще встать и принять участие в еще одном спектакле в Седр-Хаусе, чем впервые в жизни сказать «нет», но так продолжаться не могло. Надо же когда-нибудь и твердость проявить.

Терзаемый раскаянием, я кое-как задремал, но, к счастью, подсознание продолжает работать и во сне, потому что я вдруг проснулся. Будильник показывал половину третьего.

— Господи! — вскрикнул я, глядя в темный потолок. — У Мертл же эклампсия.

Я слетел с кровати и начал торопливо одеваться. Видимо, я нашумел, потому что Хелен спросила сонным голосом:

— Что такое? Что случилось?

— Хамфри Кобб, — просипел я, завязывая шнурок.

— Хамфри... Но ты же говорил, что к нему торопиться незачем...

— Только не сейчас. Его собака умирает! — Я злобно посмотрел на будильник. — Может быть, вообще уже поздно. — Машинально взяв галстук, я швырнул его в стену: — Уж без тебя я обойдусь, черт побери! — и пулей вылетел на лестницу.

Через бесконечный сад — и в машину, а в голове развевалась стройная история болезни, которой снабдил меня Хамфри. Маленькая сука кормит пятерых щенят, тревожность, скованная походка, а теперь вытянутая поза и дрожь... Классическая послеродовая эклампсия. Без лечения — быстрый летальный исход. А после его звонка прошло почти полтора часа. От этой мысли у меня сжалось сердце.

Хамфри так и не лег. Видимо, он утешался в обществе бутылки, потому что еле держался на ногах.

— Приехал, значит, Джим, милоч, — бормотал он, моргая.

— Да. Как она?

— Никак...

Сжимая в руке кальций и шприц для внутривенных вливаний, я кинулся мимо него на кухню.

Гладенькое тельце Мертл вытянулось в судороге. Она задыхалась, вся дрожала, а из пасти у нее капала пена. Глаза утратили всякую выразительность и застыли в неподвижности. Выглядела она страшно, но она была жива... она была жива!

Я переложил пищущих щенков на коврик, быстро выстриг участочек над лучевой веной и протер кожу спиртом. Потом ввел иглу и начал медленно-медленно, осторожно-осторожно нажимать на плунжер. Кальций в этих случаях несет исцеление, но быстрое его поступление в кровь убивает пациента.

Шприц опустел только через несколько минут, и, сидя на корточках, я вглядывался в Мертл. Иногда к кальцию необходимо добавить наркотизирующие средства, и у меня наготове были нембутал и морфий. Но дыхание

Мертл мало-помалу стало спокойнее, напряжение мышц ослабло. Когда она начала сглатывать слюну и поглядывать на меня, я понял, что она будет жить.

Я выжидал, пока ее ноги совсем не перестанут дрожать, но тут меня дернули за плечо. Я оглянулся и увидел Хамфри с бутылкой в руке.

— Выпьешь рюмочку, а, Джим?

Уговаривать меня особенно не пришлось. Сознание, что я чуть было не обрек Мертл на смерть, ввергло меня почти в шоковое состояние.

Я взял рюмку неверными пальцами, но не успел отхлебнуть, как собачка выбралась из корзинки и направилась к щенкам. Иногда эклампсия поддается не сразу, в других же случаях проходит почти мгновенно, и я порадовался, что на сей раз оказалось именно так.

Собственно говоря, оправилась Мертл даже как-то слишком быстро — обнюхав свое потомство, она подошла к столу, чтобы поздороваться со мной. Ее глаза переполняло дружелюбие, а хвост реял в воздухе, как это принято у биглей.

Я начал поглаживать ей уши, и тут Хамфри испустил сиплый смешок.

— А знаешь, Джим, нынче я кое-что усек. — Голос у него был тягучим, но ясность мысли он как будто сохранил.

— Что именно, Хамфри?

— А усек я... хе-хех-хе... усек я, что все это время большого дурака валял.

— Я что-то не понял.

Он назидательно покачал указательным пальцем.

— Так ты же мне только и твердил, что я тебя зря с постели стаскиваю и что мне все только мерещится, а собачка моя совсем здорова.

— Что было, то было, — ответил я.

— А я тебе никак не верил, а? Слушать ничего не желал. Так вот, теперь я знаю, что ты дело говорил. А я дураком был, так ты уж извини, что я тебе покоя по ночам не давал.

— Ну об этом и говорить не стоит, Хамфри.

— А все-таки нехорошо. — Он указал на свою бодрую собачку, на ее приветливо машущий хвост. — Ты только погляди на нее. Сразу же видно, что уж сегодня-то Мертл совсем здорова была!

Благодарение Богу за таких людей, как Хамфри Кобб. В те давние годы он доводил меня до иступления, но теперь я улыбаюсь, стоит мне его вспомнить. Да и писать про эклампсию тоже приятно. Еще одно молниеносно ухудшающееся состояние, которое столь же молниеносно излечивается. И все еще с помощью кальция — ничего лучше мы найти не сумели. Интересно также заметить, что Хамфри еще много лет продолжал будить меня по ночам слезливыми звонками вопреки тому, что в ту ночь он как будто осознал всю иррациональность своего поведения.

45. Венера

Работник прошел между коровами и ухватил мою пациентку за хвост, а я поглядел на него и сразу понял, что Джош Андерсон не упустил вчерашнего вечера. Все сходилось — ведь нынче было воскресное утро. Собственно говоря, и спрашивать было незачем.

— А вы, гляжу, были вчера в «Зайце и фазане»? — небрежно осведомился я, ставя термометр.

Он скорбно провел рукой по волосам.

— Был, волк его задави! А что, сразу видать? Хозяйка мне уже всю плешь проела.

— Джош немножко лишнего принял, а?

— То-то и оно. И чего мне втемяшилось в субботний-то вечер! Ну да сам виноват.

Джош Андерсон был местный парикмахер. Свое ремесло он очень любил, а кроме того, любил пиво. И до такой степени, что, отправляясь вечером в трактир, обязательно захватывал с собой ножницы и машинку. За pintу пива он быстренько подстригал всех желающих в мужской уборной.

Завсегдатаи «Зайца и фазана» ничуть не удивлялись, когда, войдя туда, наталкивались на Джоша, который шелкал ножницами вокруг головы клиента, невозмутимо восседающего на унитазах. Пинта пива стоила шесть пенсов, и такая стрижка была выгодной, хотя и сопряженной с определенным риском, как хорошо знали все, кто пользовался услугами Джоша. Если он успевал выпить не больше двух кружек, клиенты выходили из его рук более или менее целыми и невредимыми, учитывая, что особенного увлечения модной стрижкой в Дарроуби и его окрестностях не наблюдалось. Но когда он переступал некую черту, следовало ждать всяких ужасов.

Правда, уха Джош вроде бы покуда еще никому не отстриг, но, прогуливаясь по улицам в воскресенье и понедельник, можно было увидеть очень и очень оригинальные куафюры.

Я еще раз оглядел голову работника. Мой опыт подсказывал, что подобное, бесспорно, вышло из-под ножниц Джоша где-то около десятой пинты. Правый височек был тщательно подравнен примерно на уровне глаза, а левого не существовало вовсе. Волосы надо лбом и на макушке подстригались явно на авось — тут сохранился длинный вихор, там зияла проплешина. Затылка мне видно не было, но я не сомневался, что и на нем нашлось бы, чем полюбоваться. Может быть, там пряталась длинная косица, а может быть, и что-нибудь еще.

Да, вынес я окончательный приговор, стрижка десятипинтовая. После двенадцатой—четырнадцатой пинты Джош с великолепной дерзостью просто обгрызал ножницами всю шевелюру клиента, оставляя пучок волос надо лбом. Классическая стрижка каторжников, вынуждавшая пострадавшего любителя экономии довольно долго ходить в кепке, плотно надвинутой на лоб и уши.

Я предпочитал не рисковать и стригся у Джоша только в мастерской, когда он был трезв как стеклышко.

Там-то я и сидел несколько дней спустя, дожидаясь своей очереди. Сэм, мой пес, устроился у меня под стулом, а я следил за работой парикмахера, и дивная тайна человеческой природы предстала предо мной во всей красе. Кресло занимал дюжий мужчина. Каждые несколько секунд его отраженная в зеркале красная физиономия над белой простыней искажалась спазмой боли, что было вполне естественно, так как Джош не срезал волосы, а выдирил их с корнем.

Конечно, его древние инструменты давно следовало бы наточить, но главная причина заключалась в щегольском повороте кисти, при котором машинка обязательно выщипывала десяток-другой волосков. Приобрести электрическую машинку он не удосужился, но, полагаю, она бы ничего не изменила. Прием есть прием.

Как было не подивиться тому, что люди все-таки ходили стричься к Джошу, хотя в городке имелся еще один парикмахер. Наверное, решил я, очень уж он симпатичен.

Я перевел взгляд на Джоша. Низенький, щупленький, к пятидесяти годам обзаведшийся победительной лысиной вопреки всяческим «восстановителям для волос» в изящных флаконах, украшавших полки вокруг него. На его губах играла кроткая улыбка, словно никогда не исчезающая с них. Этой улыбке, а также большим удивленно-наивным глазам он и был обязан своей странной привлекательностью.

Ну и конечно — неоспоримая любовь к ближним. Когда краснолицый клиент с явным облегчением покинул пыточное кресло, Джош запорхал вокруг, орудя щеткой, похлопывая его по спине и весело шебеча. Сразу стало ясно, что он не просто подстригал волосы этого человека, но и наслаждался его обществом.

Рядом с дюжим фермером Джош выглядел совсем уж фитюлькой, и я в который раз задался вопросом: как он умудряется вмещать эти галлоны пива?

Впрочем, иностранцы издавна поражались способности англичан поглощать эль в невероятных количествах. Даже теперь, прожив в Йоркшире сорок лет, я не могу с ними состязаться. Возможно, виной юность, проведенная в Глазго, но после двух-трех пинт мне становится скверно. И совсем уж замечательно то, что за все эти годы мне как будто не довелось увидеть ни единого йоркширца пьяным по-настоящему. По мере того как в их глотки низвергаются все новые и новые пивные каскады, они утрачивают природную замкнутость, становятся благодушно-веселыми, но крайне редко начинают говорить или делать глупости.

То же Джош. Каждый будний вечер он выпивал примерно по восемь пинт, а в субботу так от десяти до четырнадцати, однако по его внешнему виду вы об этом ни за что не догадались бы. Да, профессиональную сноровку он несколько утрачивал — но и только.

Он повернулся ко мне.

— Рад вас видеть, мистер Хэрриот, — сказал он и подвел меня к креслу, согреть улыдкой и ласковым взглядом таинственно-глубоких глаз. — Как вы поживаете? Надеюсь, хорошо?

— Не жалуюсь, мистер Андерсон, благодарю вас. А вы как поживаете?

— Отлично, сэр, отлично. — Он принялся укутывать меня простыней и весело засмеялся, когда мой бигль деловито нырнул под ее складки.

— А-а! Сэм! Как всегда, на посту, а? — Джош нагнулся и погладил шелковистые уши. — Черт побери, мистер Хэрриот, вот уж верный друг, так верный друг. Глаз с вас не спускает.

— Не спорю, — ответил я. — Да и мне нравится брать его с собой всюду куда можно. — Я извернулся в кресле. — Да, кстати, вроде бы я на днях видел вас с собакой?

Джош опустил поднятые было ножницы.

— Видели, а как же! Бездомная собаченция — я ее в Йорке подобрал, в «Приюте для кошек и собак». Теперь, когда все наши дети оперились и повывлетали из гнезда, нам с хозяйкой захотелось обзавестись собачкой, и очень она нам прищлась. Таких поискать, уж поверьте мне.

— А какой она породы?

— Бог ее знает. Дворяжка, не иначе. Родословной к ней не приложено, только я ее ни за какие деньги не продам.

Прежде чем я успел ответить, Джош поднял ладонь и сказал:

— Погодите минутку, я ее вам покажу.

Квартира его помещалась над мастерской. По лестнице вверх-вниз топтали шаги, и Джош появился снова с небольшой собакой на руках.

— Ну как она вам, мистер Хэрриот? Что вы о ней скажете?

И он опустил собаку на пол, чтобы я мог ее рассмотреть получше.

Я поглядел на собачку. Светло-серая, шерсть очень длинная, курчавая.

С первого взгляда ее можно было принять за миниатюрную овцу уэнслидейлской породы. Родословная ее явно содержала немало темных тайн, но улыбающаяся пасть и колышущийся хвост свидетельствовали о солнечном характере.

— Миляга, — сказал я. — По-моему, вы сделали отличный выбор.

— Вот и нам так кажется.

Джош нагнулся и погладил собачку. Я заметил, что он зажимает длинные волосы между большим и указательным пальцами и мягко потирает их. Странно! Но тут же сообразил, что точно так же он поступает с волосами своих двуногих клиентов.

— А назвали мы ее Венерой, — добавил он.

— Венерой?

— Ну да. Она же такая красивая! — объяснил он с полной серьезностью.

— А-а! — сказал я. — Понимаю, понимаю.

Джош вымыл руки, взял ножницы, зажал в пальцах прядь моих волос и мягко потер их.

Я не понял, зачем он это делает, но мне было не до размышлений. Я весь подобрался. Впрочем, ножницы особых мук не причиняли — ничего, кроме неприятного подергивания, когда тупые лезвия сходились. Но когда Джош взял машинку, я вцепился в ручки кресла, словно оно было зубокаменным. Пока он ерзал ею у меня по шее, терпеть еще можно было — до заключительного движения кистью, выдиравшего последний клочок. В зеркале я видел свое отчаянно гримасничающее лицо, а раза два у меня вырвались произвольные стоны, но Джош словно ничего не замечал.

Впрочем, сколько раз в течение стольких лет сидел я тут, ожидая своей очереди, и слушал оханье страдальца в кресле, и не было случая, чтобы Джош хоть бровью повел!

Дело в том, что при всей скромности и кротости своей природы он считал себя талантливым парикмахером. Вот и теперь, когда он в заключение принялся расчесывать мои волосы, в глазах его светилась высокая гордость. Наклонив голову набок, он проводил гребенкой то тут, то там, медленно обходил кресло, оглядывал меня со всех сторон и щелкал ножницами, чтобы добиться окончательной симметрии. Но вот он поднял ручное зеркальце, позволяя мне полюбоваться собой как следует.

— Все в порядке, мистер Хэрриот? — осведомился он с тем тихим удовлетворением, которое дарит отлично выполненная работа.

— Чудесно, мистер Андерсон, то, что требовалось! — Мысль, что все уже позади, придала моему голосу глубокую искренность.

Он чуть-чуть поклонился, очень довольный.

— Волосы-то стричь легко, сами понимаете. Секрет в том, чтобы вовремя остановиться!

Слышал я эту шуточку не менее ста раз, но покорно засмеялся, а Джош запорхал щеткой по моей спине.

В те дни волосы у меня отрастали быстро, но Джоша я увидел еще до того, как мне понадобились его профессиональные услуги. Я сидел, попивая чай, когда настойчивый звонок заставил меня зарыситься к входной двери.

На крыльце стоял Джош с Венерой на руках, но как была она не похожа на веселое создание, которое я видел в прошлый раз! На ее губах пузырилась слюна, и она судорожно терла морду лапами.

Джош поглядел на меня с отчаянием.

— Она подавилась, мистер Хэрриот! Вы только на нее поглядите! Да сделайте же что-нибудь, не то ей конец!

— Погодите, мистер Андерсон. Скажите мне прежде: что произошло? Она что-нибудь проглотила?

— Ну да. Куриную кость.

— Куриную кость? Разве вы не знали, что собакам ни в коем случае нельзя давать куриные кости?

— Да знаю я. Кто же этого не знает? Только нынче у нас на обед была курица, так она, хулиганка, вытащила кости из мусорного ведра и давай грызть, прежде чем я это заметил. А теперь вот того и гляди задохнется! — Губы у него дрожали, казалось, он вот-вот расплачется.

— Успокойтесь, — сказал я. — Венера, по-моему, дышит нормально. Поглядите, как она лапами скребет. Просто, у нее что-то застряло в пасти.

Большим и указательным пальцами я развел челюсти собачки и с облегчением увидел картину, знакомую любому ветеринару, — длинная косточка плотно засела между задними зубами и перегораживала глотку.

Ну что же, могло быть хуже, а тут достаточно наложить щипцы и дернуть. Животное исцеляется в мгновение ока — искусства требуется чуть, а результаты самые приятные. Как раз в моем вкусе.

Я погладил парикмахера по плечу.

— Да успокойтесь же, мистер Андерсон. Кость застряла у нее в зубах, только и всего. Идемте в операционную, и я ее удалю в одну секунду.

Пока мы шли по коридору в глубину дома, Джош приходил в себя прямо на глазах.

— Ну слава богу, мистер Хэрриот! А я ведь думал, ей конец, честное слово. Уж очень мы к ней привязались. Даже подумать страшно, вдруг бы мы ее потеряли!

Я засмеялся, поставил собачку на стол и взял щипцы.

— Об этом, уверяю вас, и речи быть не может. Минута — и все будет в полном порядке.

Джимми, которому было пять лет, оставил свой чай недопитым и явился в операционную. Щипцы в моих руках вызвали у него весьма умеренное любопытство. Несмотря на свой нежный возраст, мой сын уже успел досыта насмотреться таких процедур. Однако в нашем деле никогда точно ничего предсказать нельзя и имело смысл подождать — вдруг да случится что-нибудь смешное. Сунув руки в карманы, покачиваясь на каблуках и тихонько насвистывая, он наблюдал за мной.

Обычно открытой собаке пасть, наложить щипцы и извлечь кость можно буквально за несколько секунд. Но Венера отпрянула от сверкающих щипцов. Как и ее владелец. Ужас в собачьих глазах отразился в глазах Джоша учетверенным.

— Это пустяк, мистер Андерсон, — проворковал я. — Ей ничуть не будет больно. Но, пожалуйста, подержите ей голову. Только покрепче.

Маленький парикмахер сделал глубокий вдох, ухватил собачку за шею, плотно зажмурился и отвернул лицо, насколько было возможно.

— Ну, ну, Венерочка, — продолжал ворковать я. — Сейчас я тебе помогу.

Но Венера мне явно не поверила. Она яростно вырывалась и царапала мою руку передними лапами под аккомпанемент замогильных стонов, кото-

рые испускал Джош. Мне все-таки удалось засунуть щипцы ей в рот, но она плотно сомкнула зубы и не отпускала. Я применил силу, но этого мистер Андерсон вынести не мог и разжал руки. Собачка спрыгнула на пол и снова принялась выхаркивать косточку под одобрительным взглядом Джимми.

Я посмотрел на Джоша больше с грустью, чем с досадой. Что поделаться, если человек чего-то не может. Руки вообще не слишком ему подчинялись, доказательством чему служила его манера стричь, и удержать вырывающуюся Венеру ему было невмочь.

— Ну-с, попробуем еще раз, — произнес я бодро. — Прямо на полу. Не исключено, что она боится стола. Это же сущий пустяк.

Маленький парикмахер плотно сжал губы, сузил глаза в щелочки, нагнулся и протянул дрожащие руки к своей собачке, но она увернулась. Он продолжал протягивать руки все дальше, она продолжала увертываться, и в конце концов он растянулся ничком на кафельном полу. Джимми хихикнул — события начинали обретать остроту.

Я помог Джошу встать.

— Вот что, мистер Андерсон, я сделаю ей анестезию. На самый краткий срок, но она перестанет вырываться и убежать.

— Анестезию? Вы что — усыпите ее? — Он испуганно взглянул на меня. — А ей это не повредит?

— Ну что вы! Ни в коем случае. Оставьте ее тут и возвращайтесь через полчаса. Она уже будет вас ждать здоровая и веселая.

Я выпроводил его в коридор.

— А вы уверены? — Он жалобно оглянулся в дверях на свою любимицу. — По-другому никак нельзя?

— Не сомневайтесь. Если мы будем продолжать, как начали, то совсем ее перепугаем.

— Ну хорошо. Я на полчаса забегу к брату.

— Вот и чудесно!

Я подождал, пока не услышал стук захлопнувшейся входной двери, быстро вернулся в операционную и набрал в шприц пентотала.

Собаки, не видя рядом хозяина, сразу становятся уступчивее, и я без малейшего труда водворил Венеру на стол. Но она все так же упрямо сжимала челюсти и держала передние лапы в боевой готовности. Пусть никто и не мечтает забраться ей в рот!

— Ну хорошо, старушка, будь по-твоему, — сказал я, сжал ей ногу у сустава и выстриг участок над вздувшейся лучевой веной. В те дни нам с Зигфридом часто приходилось анестезировать собак без посторонней помощи. Чего только ни умудряется сделать человек, когда сделать это необходимо!

Венера, казалось, готова была предоставить мне полную свободу действий, лишь бы я не покушался на ее мордочку. Я ввел иглу, нажал на плунжер, и через несколько секунд ее тело расслабилось, голова поникла, и она вытянулась на столе. Я перевернул ее — она уже крепко спала.

— Ну, Джимми, старина, теперь все в полном порядке, — объявил я, без малейшего усилия разжал пальцами зубы, захватил кость щипцами и вытащил ее наружу. — Там все чисто, просто прелесть. Вот так.

Я выбросил куриную косточку в корзину.

— Да, малыш, видишь, как надо делать? Никакой возни, быстро, профессиональному.

Мой сын уныло кивнул. А он-то надеялся! Когда мистер Андерсон растянулся на полу, это было так смешно, и вдруг никакого продолжения. Одна скукота. Улыбка сползла с его лица.

А моя удовлетворенная улыбка превратилась в застывшую гримасу: я не спускал глаз с Венеры, и мне казалось, что она не дышит. Сердце у меня екнуло, но я постарался взять себя в руки; я очень нервный анестезиолог, чем отнюдь не горжусь. Даже теперь, когда мне доводится присутствовать при операции, которую делает какой-нибудь мой молодой коллега, я поддаюсь дурной привычке: кладу ладонь на грудную клетку пациента над сердцем и на несколько секунд испуганно каменею. Я понимаю, как раздражает молодых ветеринаров моя заразительная тревога, и вполне готов к тому, что в один прекрасный день меня попросят выйти вон, но ничего с собой поделаться не могу.

Глядя на Венеру, я по обыкновению твердил себе, что опасности никакой быть не может. Дозу она получила правильную, а пентотал часто дает такой эффект. Все идет нормально... Но, черт подери, скорее бы она задышала по настоящему!

Сердце, во всяком случае, еще билось. Я несколько раз нажал на ребра — никакого результата. Прикоснулся к невидящему глазу — рефлекса нет. Мои пальцы нервно забарабанили по столу, я нагнулся над собачкой, сознавая, что Джимми следит за мной столь же пристально. Его глубокий интерес к ветеринарии возник из любви к животным, фермерам и загородным прогулкам, однако не последнюю роль играл и еще один элемент: то его отец вел себя очень смешно, то с его отцом приключалось что-нибудь очень смешное.

Каждый день сулил веселые сюрпризы, и безошибочный инстинкт подсказывал моему сыну, что вот-вот самые смелые его ожидания оправдаются.

И он не ошибся: внезапно я сдернул Венеру со стола, несколько раз безрезультатно потряс ее у себя над головой, а затем понесся с ней по коридору. Сзади доносился друбный топоток маленьких ног.

Распахнув боковую дверь, я вылетел в сад, остановился было на дорожке... — нет, места тут не хватит... — и, прибавив рыси, выскочил на лужайку.

Собачку я опустил на траву и застыл рядом на коленях в молитвенной позе. Я вглядывался, вглядывался, слыша, как гремит мое сердце, но грудная клетка ни разу не дрогнула, а глаза остекленело смотрели вникуда.

Нет, не может этого быть! Я схватил задние лапы Венеры обеими руками и начал вертеть ее над головой. То выше, то ниже, но с невероятной быстротой, вкладывая в это движение все мои силы. Теперь такой способ реанимации, кажется, вышел из моды, но тогда он весьма уважался. И, во всяком случае, снискал полное одобрение моего сына, который от хохота повалился на землю.

Когда я прервал свое занятие и уставился на по-прежнему неподвижные ребра, Джимми крикнул:

— Папа, еще! Ну, папа!

И почти тотчас Венера вновь взмыла в воздух, как птица, и закружилась над головой его отца.

Это превосходило все самые смелые надежды! Возможно, Джимми не сразу решился пренебречь лишним куском хлеба с джемом ради того, чтобы

понаблюдать, как его отец будет лечить очередную собачку, но теперь его самоотверженность была вознаграждена. И как!

Я и сейчас вновь переживаю эти минуты — напряжение всех сил и ужас при мысли, что моя пациентка погибнет по самой нелепой причине, и в ушах у меня — залиvistый смех Джимми.

Уж не знаю, сколько раз я останавливался и опускал неподвижное тельце на траву и тут же вновь начинал вертеться с ним, но наконец в одну из пауз грудная клетка судорожно приподнялась, а глаза заморгали.

Со стоном облегчения я упал ничком на прохладный дерн и смотрел, смотрел сквозь зеленые травинки, как дыхание становится нормальным, как Венера начала озирается и облизывать губы.

Встать на ноги я не решался — старая садовая ограда все еще кружилась в вальсе и вряд ли мне удалось бы сохранить равновесие.

— Папа, ты больше вертеться не будешь? — разочарованно спросил Джимми.

— Нет, сынок, не буду! — Я сел и притянул Венеру к себе на колени. — Больше не надо.

— Вот смехотура! А зачем ты вертелся?

— Чтобы собака снова задышала.

— И ты всегда так делаешь, чтобы они дышали?

— Слава богу, нет! Очень редко. — Я медленно поднялся с травы и отнес Венеру в операционную.

Когда туда вошел Джош Андерсон, Венера уже почти совсем оправилась.

— Она еще чуть-чуть пошатывается после анестезии, — сказал я. — Но это скоро пройдет.

— Вот и хорошо. А эта проклятая косточка, вы ее...

— Все в полном порядке, мистер Андерсон.

Я раздвинул челюсти Венеры, и маленький парикмахер попятился.

— Видите? — спросил я — Все чисто.

Он радостно улыбнулся.

— А хлопок вам с ней много было?

Родители воспитывали во мне правдивость в ущерб сообразительности, и я чуть было не выложил все подробности. Но с какой стати расстраивать столь впечатлительную душу? Если Джош узнает, что его собачка довольно долго оставалась на самом пороге смерти, это не доставит ему никакой радости и не укрепит его доверия ко мне. Я сглотнул.

— Ну что вы, мистер Андерсон. Простейшая операция.

Святая ложь! Но я чуть ею не подавился, и оставила она горький привкус вины.

— Замечательно! Ну замечательно! Спасибо, мистер Хэрриот!

Он нагнулся к собаке и покатал прядку шерсти между пальцами. И что это у него за привычка?

— Так ты по воздуху летала, Венерочка? — рассеянно пробормотал он.

У меня по коже побежали мурашки.

— А как... А почему вы так подумали?

Он поднял на меня глаза — большие таинственно-глубокие глаза.

— Ну-у... Сдается мне, будто ей кажется, что она во сне летала. Такое вот у меня ощущение.

Допивать чай я отправился в некоторой задумчивости. Летала... летала...

Две недели спустя я вновь уселся в кресло Джоша и стиснул зубы в ожидании пытки. К моему вящему ужасу, он сразу взял беспощадную машинку, хотя обычно начинал с ножниц и постепенно переходил от скверного к худшему. На этот раз он прямо вверг меня в пучину страданий.

Пытаясь заглушить боль, я начал разговор в несколько истерическом тоне:

— Как... ой!.. поживает Венера?

— Отлично. — Джош нежно улыбнулся мне в зеркале. — Какой была до этого случая, такой и осталась.

— Ну... о-ох-а-а-а... я никаких осложнений и не ожидал. Пустяк... а-о-а... я же сразу сказал.

Неподражаемым движением кисти Джош выдрал еще пучочек.

— Самое-то главное, мистер Хэрриот, в том, чтобы своему ветеринару верить. Я ведь знал, что наша собачка в умелых руках.

— Э... благодарю вас, мистер Андерсон... ай-е-е... очень лестно это слышать. — Мне действительно было приятно, однако ощущение виноватости не исчезало.

Весело болтать, созерцая в зеркале собственные гримасы, не так уж легко, и я попробовал сосредоточиться на чем-нибудь еще — прием, которым я пользуюсь у зубного врача, хотя и без особого успеха. Тем не менее, пока машинка маленького парикмахера продолжала выдирать клоч за клочом, я усердно прикидывал, чем мне в первую очередь следовало бы заняться в саду. Газоны давно необходимо подстричь и надо выбрать часок на прополку. Я уже взвешивал, не пора ли дать подкормку помидорам, когда Джош положил машинку и взял ножницы.

Я вздохнул с облегчением — самое страшное миновало, а к тому же, кто знает, может быть, на этот раз он наточил ножницы... Мои мысли вновь сосредоточились на увлекательной проблеме помидоров, как вдруг голос Джоша вернул меня к действительности.

— Мистер Хэрриот... — Он потирал пальцами прядь моих волос. — Я вот тоже люблю любить возиться в саду.

Я чуть не выпрыгнул из кресла.

— Поразительно! Я как раз думал про свой сад.

— Так я же знаю. — Устремив глаза в бесконечность, он продолжал тереть злополучную прядь. — Они через волосы проходят.

— А?

— Ну, мысли ваши. Ко мне. Через ваши волосы.

— Что?!

— Ну да. Сами сообразите: волосы-то корнями вам в голову уходят, ну и впитывают что-то из мозга, да мне и передают.

— Вы меня разыгрываете! — Я расхохотался, но получилось это у меня как-то неуверенно.

Джош помотал головой.

— Не разыгрываю, мистер Хэрриот, и не шучу. Я этим ремеслом без малого сорок лет занимаюсь и счет таким случаям потерял. У вас глаза бы на лоб полезли, расскажи я вам, какие иной раз мысли ловятся. Язык не поворачивается повторить, уж поверьте.

Я по уши ушел в простыню. Чепуха, абсолютный вздор! От боли начинаешь вслух бормотать, сам того не замечая... Но как бы то ни было, я принял

твердое решение никогда во время стрижки не вспоминать, как я вытаскивал косточку из зубов Венеры.

Писать обо всем этом было по-особому приятно: здесь ведь столько неординарного. Начать хотя бы с того, что парикмахеры вроде Джоша теперь вовсе перевелись. К тому же я не упомянул, что Джош часть помещения приспособил под табачную лавочку и постоянно откладывал ножницы, чтобы продать пачку сигарет и потолковать с покупателем о погоде, крикете и многом другом. После чего безмятежно возвращался к клиенту в кресле. Да и Венера выглядела неповторимо — ни до ни после я не видел собак, хоть капельку на нее похожих. Ну а мои мысли, передававшиеся через волосы? Чепуха, конечно, но все-таки...

46. Золотинка

— А это Золотинка, — сказала сестра Роза. — Вот ее-то я и хочу, чтобы вы посмотрели.

Я взглянул на светлые, почти медового цвета, уши и бока.

— Нетрудно догадаться, почему вы ее так назвали. Бьюсь об заклад, на солнце она, наверное, горит золотым огнем.

Сестра Роза засмеялась.

— Да, я действительно увидела ее в солнечный день, и кличка родилась сама собой. — Она бросила на меня лукавый взгляд. — Вы же знаете, с чем, а с кличками у меня заминок не бывает.

— Не спорю, — ответил я весело. Это была наша с ней особая шутка. Сестра Роза очень удачно придумывала клички для бездомных и брошенных собак, которые находили приют в конурах позади ее дома. Чтобы прокормить их, она организовывала небольшие собачьи выставки и дешевые распродажи, а также щедро тратила на них собственные деньги. И не только деньги, но и весь свой досуг, которого у медицинской сестры, самоотверженно ухаживающей за больными людьми, не так уж много. Собственно говоря, я часто

спрашивал себя, как она выкраивает время, чтобы опекать животных. Это для меня так и осталось тайной, но я глубоко восхищался сестрой Розой.

— А откуда она?

Ответом мне было пожатие плеч.

— Бродила по улицам в Хебблтоне. Никто там ее прежде не видел и в полиции о ней справки не навел. Несомненно, ее бросили.

Во мне поднялся знакомый удушливый гнев.

— Как у них духу хватило! Такая красивая собака! Взяли да и выгнали — пусть сама о себе заботится?

— Знаете, у подобных людей находят самые поразительные причины. Ну а у Золотинки, видимо, началась какая-то кожная болезнь. Возможно, они испугались.

— Но могли бы хоть ветеринару ее показать! — буркнул я и открыл дверцу вольера.

Вокруг пальцев собаки я обнаружил залысинки и присел на корточки, а Золотинка, воспользовавшись случаем, лизнула меня в щеку и завилыла хвостом. Я посмотрел на ее висячие уши, крутой лоб и такие доверчивые глаза.

— Морда охотничьей собаки, — сказал я. — Но все остальное? По-вашему, какой она породы?

Сестра Роза засмеялась.

— Настоящий кроссворд! Вообще-то я наловчилась отгадывать, но Золотинка поставила меня в полный тупик. Пожалуй, фокстерьерша сбилась с пути добродетели и завязала роман с лабрадором или далматином, точнее утверждать не берусь.

Не взялся бы и я. Туловище все в коричневых, черных и белых пятнах... форма не как у охотничьих собак, лапы широкие, хвост длинный, тонкий и ни на секунду не остается в покое, а шерсть повсюду отликает золотом.

— Что же, — заметил я, — каких бы она кровей ни была, но симпатяга большая и характер веселый.

— Конечно, она прелесть. Найти для нее хороших хозяев будет легко. Красавица и умница. А какого она, по-вашему, возраста?

Я улыбнулся.

— Точно это определить невозможно, но вид у нее еще щенячий. — Я раскрыл ей пасть и посмотрел на два ряда перламутровых зубов. — Месяцев девять-десять. Да, просто крупный щенок.

— Вот и мне так казалось. Когда вырастет, будет прямо великаншей.

Словно в подтверждение, молоденькая сучка встала на задние лапы, а передние положила мне на грудь. Я совсем близко увидел смеющуюся пасть, милые глаза.

— Золотинка, — сказал я, — а ты мне очень нравишься.

— Я ужасно рада! — воскликнула сестра Роза. — Надо побыстрее привести ее кожу в порядок, и я сразу ее куда-нибудь пристрою. Это ведь просто экзема, верно?

— Не исключено... не исключено... Проплешинки есть и возле глаз, и на морде.

Кожные болезни собак, как и людей, очень коварны. Происхождение их часто бывает неясным, и лечению они поддаются трудно. Я потрогал проплешинки. Эта комбинация — лапы—морда — меня не слишком порадовала, но кожа была сухой и неповрежденной. Возможно, и правда пустяки. Я загнал

в глубину сознания жутковатый призрак. Нет, об этом я и думать не хочу, а уж тревожить сестру Розу и подавно. У нее и так забот полно.

— Да, вероятно, экзема, — заключил я. — Втирайте мазь лучше утром и вечером. — Я протянул ей баночку цинковой мази с ланолином. Пусть немножко старомодное средство, но оно неплохо мне служило и в сочетании с хорошим кормом, которого сестра Роза, уж конечно, для нее не пожалеет, должно было дать результаты.

Две недели прошли без известий о Золотинке, и у меня отлегло от сердца. Приятно было думать, что, возможно, она уже обрела дом у хороших людей, которые ее любят.

Но тут звонок сестры Розы положил конец моей эйфории.

— Мистер Хэрриот, проплешины не исчезают. Они разрастаются.

— Да? Где?

— По ногам и по морде.

Призрак, гримасничая и жестикулируя, вырвался из своего заточения.

— Сейчас приеду, — сказал я и по дороге к машине захватил микроскоп.

Золотинка приветствовала меня точно так же, как в прошлый раз, бурно виляя хвостом и улыбаясь во всю пасть, но я видел только лысины на морде и обнажившуюся кожу на ногах.

Притянув Золотинку к себе, я обнюхал проплешины.

Сестра Роза посмотрела на меня с недоумением.

— Что вы делаете?

— Проверяю, есть ли мышинный запах.

— Мышинный запах? И он есть?

— Да.

— А что он означает?

— Паршу.

— Боже мой! — Она прижала ладонь ко рту. — Это же очень плохо, ведь так? — Затем характерным движением расправила плечи. — Ну, с паршой мне уже приходилось иметь дело, и я справлюсь. Серные промывания быстро с ней покончат. Однако могут перезаразиться остальные собаки. Вот в чем беда.

Я опустил Золотинку на землю и выпрямился, испытывая противную слабость.

— Да, но боюсь, сестра Роза, что это гораздо серьезнее той парши, о которой вы думаете.

— Хуже? В каком смысле?

— Общая картина указывает на железницу. Демодекоз.

Она кивнула.

— Я что-то про него слышала. И это много серьезнее?

— Да... — Я решил сказать всю правду. — Очень часто демодекоз неизлечим.

— Господи! А мне и в голову не приходило... Она же почти не чесалась, и я была за нее спокойна.

— В том-то и дело, — сказал я с горечью. — При парше собаки чешутся не переставая, и мы ее вылечиваем, но демодекоз, с которым мы справиться не можем, их словно бы и не очень беспокоит.

Я уже не мог заклясть призрак. Вот именно — призрак, ведь кожные бо-

лезни всегда были моим пугалом. Сколько прекрасных собак приходилось усыплять после долгого и безрезультатного лечения!

Я достал из багажника микроскоп.

— Но, может быть, я несколько поторопился с выводами. От души надеюсь, что это так. Сейчас проверим.

Я взял переднюю левую ногу Золотинки, сдавил пальцами проплешину и поскреб по ней скальпелем. Соскоб я нанес на предметное стекло, добавил несколько капель гидроокиси калия и придавил покровным стеклом.

Пока я ждал, сестра Роза угостила меня чашечкой кофе, а потом я поставил микроскоп так, чтобы на него падало побольше света из кухонного окна, и посмотрел в окуляр. Вот они! Внутри у меня все сжалось: я увидел то, чего не хотел увидеть. Страшная железница — клещ *Demodex canis*: головка, грудные сегменты с четырьмя парами коротких, словно обрубленных, ножек, длинное сигарообразное брюшко. И если бы только один! Но все поле зрения просто кишело клещами.

— Ничего не поделаешь, сестра Роза, — пробормотал я. — Ошибки быть не может. Как ни грустно.

У нее жалко искривились губы.

— Но... неужели ничего нельзя сделать?

— Можно. И мы попробуем. Сделаем все, что в наших силах. Золотинка того стоит. В любом случае пока особенно не тревожьтесь. Мне несколько раз удавалось излечить демодекоз. Одно средство у меня против него есть. — Я пошел к машине и порылся в багажнике. — Вот оно. Одилен. — Я показал ей жестянку. — И вот как его применяют.

Втирать мазь в проплешины было непросто, потому что Золотинка отчаянно виляла хвостом и лизалась. Но наконец я обработал их все и сказал:

— Втирать надо каждый день. Через неделю сообщите мне, что и как. Иногда одилен дает отличные результаты.

Сестра Роза выставила подбородок с решимостью, которая уже спасла столько собак.

— Конечно, я все сделаю. И уверена, мы ее вылечим. Ведь поражение вроде бы небольшое?

Я промолчал, и она продолжала:

— Но другие собаки? Они не заразятся?

Я покачал головой.

— Как ни странно, демодекозом другие животные заражаются крайне редко. В отличие от парши. Тут вы можете быть спокойны.

— Спасибо и на этом. Но в таком случае, каким образом собака вообще болеет?

— Точно неизвестно, — ответил я. — Мы довольно твердо знаем, что какое-то количество клещей, по-видимому, паразитирует в коже всех собак, но, почему у одних они вызывают болезнь, а у других — нет, пока еще не объяснено. Может быть, тут замешана наследственность — иногда демодекозом болевают несколько щенков одного помета. Загадочная болезнь.

Я уехал, отдав сестре Розе жестянку с одиленом. Оставалось только надеяться, что вопреки моему прошлому опыту дальнейшая судьба Золотинки явится исключением, а не правилом.

Сестра Роза позвонила еще до истечения недели. Она втирает мазь регулярно, но облысение прогрессирует.

Я тотчас поехал к ней, и мои худшие опасения подтвердились, едва я взглянул на морду Золотинки, совсем изуродованную проплешинами. Мне стало особенно больно, когда я вспомнил, какой красавицей увидел ее в первый раз. Хвостом она виляла по-прежнему весело, но от этого становилось только тяжелее на душе.

Я прикинул, какие еще меры можно принять, и сделал ей инъекцию противостафилококковой вакцины, поскольку подкожное поражение стафилококками препятствовало бы выздоровлению. Начал я и курс лечения фаулеровским раствором мышьяка, популярным в ту пору средством от кожных заболеваний.

Миновало десять дней, я вновь начал надеяться на благополучный исход и, когда перед завтраком позвонила сестра Роза, испытал особенно горькое разочарование. Дрогнувшим голосом она сказала:

— Мистер Хэрриот, ей становится все хуже. Ни от чего никакой пользы нет. Я начинаю думать, что...

— Хорошо! — Я перебил ее на полупhrазе. — Через час приеду. И не падайте духом. В таких случаях лечение иногда длится месяцами.

По дороге в собачий приют я думал, что слова мои были утешительной ложью. Чем я мог их подкрепить? Но как-то поддержать в ней надежду было необходимо, потому что сестра Роза всегда тяжело переживала, если собаку приходилось усыплять. Из сотен их, побывавших в ее руках, ей не удалось выздороветь лишь какой-нибудь десяток — одряхлевшие животные с хроническим сердечным или почечным заболеванием, молодые с тяжелой формой чумы... А за всех остальных она боролась, пока они не выздоравливали полностью и не обретали новый дом. Но думал я не только о ней, мне самому претила мысль о том, чтобы убить Золотинку. Чем-то она меня совсем покорила.

Однако я не представлял себе, как поступлю, и первые мои слова, когда я вылез из машины, немножко удивили и меня самого.

— Сестра Роза, я приехал забрать Золотинку к себе домой. Тогда я смогу заниматься ее лечением каждый день. А у вас хватает хлопот с другими собаками. Я знаю, что вы делали все, что от вас зависело, но лучше, если она будет под моим постоянным надзором.

— Но... вы же очень заняты. Как вы выкроите время?

— А вечера на что? И каждую свободную минуту я тоже смогу уделять ей. Таким образом я буду следить за течением болезни непрерывно. А вылечить Золотинку я намерен твердо.

На обратном пути я только дивился своей решимости. На протяжении моей профессиональной жизни я не раз испытывал непреодолимую потребность вернуть здоровье животному, но никогда она не была столь сильной. А Золотинка по-щенячьи радовалась поездке в машине. Это представлялось ей увлекательной игрой — как почти и все остальное, что с ней случилось. Она егостила на сиденье, лизала мне ухо, ставила лапы на приборную доску, с любопытством смотрела перед собой. Я взглянул на ее счастливую морду, обезображенную болезнью, вымазанную в одилене, и стукнул кулаком по баранке. Демодекоз — адская штука, но на этот раз он отступит!

Так начался особый эпизод в моей жизни, который сохраняется в моей памяти так ярко, словно все происходило вчера, а не тридцать с лишним лет назад. У нас не было помещения для больных собак — в те дни редко у какого ветеринара оно нашлось бы, но я устроил ей удобную квартиру в пустующей

конюшне, отгородив стойло листом фанеры и устлав его соломой. Конюшня, хотя и старая, отличалась добротностью постройки и хорошо сохраняла тепло. Сквозняки Золотинке там не угрожали.

Хелен я ни во что посвящать не стал. Я помнил, как она горевала, расставаясь с котом Оскаром, которого мы приютили, а потом вынуждены были вернуть законным владельцам. Перед обаянием Золотинки она, конечно, не устояла бы. Но про себя я забыл. Ни один ветеринар долго не выдержит, если будет принимать судьбу каждого своего пациента слишком близко к сердцу. А я и опомниться не успел, как Золотинка стала мне по-особому дорога.

Я же не только ее лечил, но сам кормил, сам менял соломенную подстилку. Я заглядывал к ней в течение дня, как мог чаще, однако в моих воспоминаниях вижу ее только в ночной темноте. Тогда, на исходе ноября, темноло уже в начале пятого, и, возвращаясь домой после вечерней возни в тускло освещенных коровниках, я всегда разворачивал машину во дворе Скелдейл-Хауса так, чтобы лучи фар были направлены на конюшню.

Когда я открывал дверь, Золотинка всегда уже ждала, чтобы поздороваться со мной. Передними лапами она опиралась на фанеру, и желтые уши поблескивали в ярком луче. Характер у нее несколько не изменился, и ее хвост бодро вилял все время, пока я проделывал с ней штуки, одна неприятнее другой: втирал мазь в нежную кожу, вводил антистафилококковую вакцину, брал соскобы.

Шли дни, недели, а улучшения не наступало, и я все больше поддавался отчаянию. Устраивал ей серные и деррисовые ванны, хотя по прошлому опыту знал, что тут они бесполезны, перепробовал и множество патентованных средств. В ветеринарии любое стойкое заболевание порождает сотни шарлатанских снадобий, и я потерял счет шампуням и примочкам, которые лил на бедняжку в нелепой надежде, что в каком-то зелье все-таки вопреки моему в них неверию обнаружится некое магическое свойство.

Эти вечерние процедуры в свете фар стали неотъемлемой частью моей жизни, и, быть может, я продолжал бы свои слепые поиски еще очень долго, если бы в одну очень темную ночь, когда по булыжнику двора стучал дождь, я вдруг не увидел Золотинку словно заново.

Болезнь распространилась на все тело, лишь кое-где оставив неряшливые клочья шерсти. Длинные уши уже не золотились — они были лысыми, как вся морда, вся голова. Голая кожа повсюду загрубела, стала морщинистой, синеватой. И стоило на нее нажать, как пальцы становились влажными от лимфы и гноя.

Я тяжело опустился на солому, а Золотинка прыгала вокруг меня, лизалась, виляла хвостом. Несмотря на свое жуткое состояние, она еще сохраняла солнечный характер.

Но дальше так продолжаться не могло. Я понял, что мы с ней достигли конца пути. Пытаясь собраться с мыслями, я поглаживал ее голову. Веселые глаза на изуродованной морде производили мучительное впечатление. Мне было тоскливо по многим причинам: я очень к ней привязался, я не сумел ей помочь, в мире у нее не было никого, кроме меня и сестры Розы... И как я скажу правду этой доброй душе после всех моих заверений?

Собрался я с духом позвонить ей только на следующий день после обеда. Стараясь сохранить спокойный тон, я был даже резок.

— Сестра Роза, — начал я. — Боюсь, Золотинке помочь нельзя. Я перепробовал все, но ее состояние непрерывно ухудшается. По-моему, наиболее правильным будет усыпить ее.

Судя по голосу сестры Розы, она была совсем убита.

— Но... Как ужасно! Из-за кожной болезни?

— Да, конечно, на первый взгляд ее можно считать безобидной. Но, поверьте мне, это ужасная вещь. В наиболее тяжелой форме демодекоз обрекает животное на непрерывные мучения. Золотинке и сейчас уже не слишком хорошо, а скоро начнутся боли... Мы не должны этого допустить.

— А... Я верю вам, мистер Хэрриот, и знаю, что, не будь настоящей необходимости, вы не стали бы... — Наступила долгая пауза, и я понял, что она старается взять себя в руки. Когда она снова заговорила, голос у нее не дрожал. — Мне бы хотелось заехать повидать ее, когда я сменюсь с дежурства.

— Не стоит, — сказал я мягко. — Лучше не надо.

После новой долгой паузы сестра Роза сказала:

— Хорошо, мистер Хэрриот. Как вы считаете нужным.

Тут меня срочно вызвали, и до вечера думать о посторонних вещах мне было некогда. Нет, конечно, я все время помнил, что предстоит, когда я вернусь домой, но все-таки работа служила надежным отвлечением.

Как всегда, когда я въехал во двор и распахнул дверь конюшни, вокруг все было окутано густым мраком. И как всегда, Золотинка приветствовала меня, озаренная светом фар: лапы на фанере, хвост машет так, что все туловище извивается, пасть растянута в улыбке.

Я заранее сунул в карман снотворное и шприц. Долгое время я гладил Золотинку, разговаривал с ней, а она в полном восторге прыгала вокруг. Потом я наполнил шприц.

— Ну-ка, девочка, сядь! — приказал я, и она послушно уселась на задние лапы. Я ухватил правую переднюю ногу и пережал лучевую вену. Выстригать шерсть нужды не было — нога давно уже полностью облысела. Золотинка посматривала на меня с любопытством: что еще за новую игру я затеваю?

Игла вошла в вену, и я вдруг сообразил, что могу не произносить обычных в таких случаях фраз: «Она ничего не почувствует», «Это просто большая доза снотворного», «Конец все равно неизбежен, зато она избавится от лишних страданий». Рядом не стоял расстроенный хозяин. Мы были тут с ней одни.

— Умница, Золотинка, умница, — пробормотал я, а она медленно опустилась на солону, и мне почудилось, что мои слова подействовали, что она так и ушла в небытие веселой и этот ее последний приют уже не станет пыточной камерой.

Я вышел из стойла, погасил фары, и холодная тьма во дворе показалась мне неизбежно тоскливой. После долгих недель упорной борьбы сознание неудачи, ощущение утраты были на редкость остры... Но ведь я все-таки избавил Золотинку от долгой агонии, от внутренних абсцессов и септицемии, неизбежно поджидающих собаку с неизлечимой формой демодекоза.

Тяжесть на душе не оставляла меня еще очень долго, а следы ее сохраняются и теперь, столько лет спустя. Ведь трагедия Золотинки заключалась в том, что она родилась слишком рано. Нынче мы почти всегда побеждаем демодекоз, проводя долгий курс лечения органофосфатами и антибиотиками.

Но ничего этого не существовало тогда, когда я пытался найти хоть какое-то целебное средство.

Нет, демодекоз и теперь остается страшным заболеванием, но в последние годы мы не раз боролись с ним нашим современным оружием и почти всегда выходили победителями. Я знаю в Дарроби несколько прекрасных собак, которые благополучно перенесли демодекоз, и когда я вижу их на улице — здоровых, щеголяющих пушистой шерстью, перед моими глазами всплывает образ Золотинки. И всегда это ночь, и всегда ее освещают лучи фар.

Даже и теперь у меня болезненно екает сердце, когда я вижу залысины на ногах и морде собаки и ощущаю мышинный запах, хотя прогноз в настоящее время более утешителен. Тем не менее демодекоз продолжает внушать мне ужас, настолько невыносима мысль, что животное может погибнуть из-за кожного заболевания. Я часто спрашиваю себя, почему воспоминания о Золотинке так ярки и так тягостны. Она оставалась веселой и ласковой во время болезни, но таких собак я знал много. Может быть, они изгладились бы из моей памяти, если бы я лечил ее в стальной конуре при нашей нынешней приемной, а не в убогих условиях того времени. Эта старая конюшня теперь стоит пустая, но всякий раз, заходя во двор, я заглядываю в темный проем входа и вспоминаю долгую борьбу, которую Золотинка проиграла, как и я.

47. Простые блага

Раз ветеринар, так ему и отдыхать не положено? — сердито думал я, гоня машину по шоссе к деревне Гилторп. Воскресенье, восемь часов вечера, а я еду за десять миль к собаке, которая, как сообщила мне снявшая трубку Хелен, болеет уже больше недели. Все утро я работал, днем отправился в холмы с детьми и их друзьями — такой обычай мы завели давно и в течение этих еженедельных экскурсий успели исследовать почти все живописные уголки нашего края. Джимми с приятелями задал высокий темп, и на особенно крутых склонах я сажал Розу к себе на закорки. Вечером после чая я купал детей, читал им вслух, укладывал в постель, превкусывая, как удобно расположусь с газетой, включу радио...

А теперь вот шурюсь сквозь ветровое стекло на шоссе и стенки, которые вижу изо дня в день, изо дня в день... Улицы Дарроуби, когда я тронулся в путь, уже совсем опустели, дома с плотно задернутыми занавесками уютно светились в сгустившихся сумерках, вызывая в воображении удобные кресла, раскуренные трубки, топящиеся камины. Затем впереди замерцали огоньки

ферм на склонах, и я тотчас представил себе, как их хозяева спокойно дремлют, положив ноги на стол.

И ни единой встречной машины! Один Хэрриот куда-то тащится в темноте.

Когда я остановился перед серыми каменными домиками в дальнем конце деревни, то совсем уж захлебывался жалостью к себе. «Миссис Канделл, номер 4», — записала Хелен на клочке бумаги. Открывая калитку и шагая через крохотный палисадник, я прикидывал, что мне сказать. Прошлый опыт успел меня убедить, что нет ни малейшего смысла давать понять клиенту, что меня вовсе не обязательно вызывать в самые непотребные часы. Разумеется, они меня даже не услышат и дальше будут поступать точно так же, но я хотя бы душу отведу.

Нет, без малейшей грубости или резкости я вежливо и твердо объясню, что ветеринары тоже люди и воскресные вечера любят проводить у семейного очага, что, естественно, мы готовы сразу броситься на помощь в случае необходимости, но возражаем против того, чтобы нас бесцеремонно вытаскивали из дома навестить животное, которое уже неделю болеет.

Почти отшлифовав эту речь, я постучал, и дверь мне открыла невысокая женщина средних лет.

— Добрый вечер, миссис Канделл, — произнес я сурово.

— Вы ведь мистер Хэрриот? — Она робко улыбнулась. — Мы незнакомы, но я вас видела в Дарроуби в базарные дни. Так входите же.

Дверь вела прямо в жилую комнату, небольшую, с низким потолком. Я увидел старенькую мебель, несколько картин в позолоченных, давно потемневших рамках, и занавеску, отгораживающую дальний угол комнаты.

Миссис Канделл ее отдернула. На узкой кровати лежал мужчина, худой как скелет. Желтоватое лицо, глубокие провалы глаз.

— Это Рои, мой муж, — весело сказала она, а Рои улыбнулся и приподнял костлявую руку со стеганого одеяла в приветственном жесте.

— А это Герман, ваш больной. — Ее палец указал на маленькую таксу, которая сидела возле кровати.

— Герман?

— Да. Мы решили, что такой немецкой колбаске лучше имени не найти. Муж и жена дружно засмеялись.

— Ну конечно, — сказал я. — Прекрасное имя. Просто вылитый Герман.

Такса посмотрела на меня очень приветливо. Я нагнулся, погладил ей голову, и мои пальцы облизал розовый язычок. Я еще раз погладил глянцеви-тую шерстку.

— Вид у него прекрасный. Так что его беспокоит?

— Чувствует он себя вроде бы неплохо, — ответила миссис Канделл. — Ест хорошо, веселый, но только с ногами у него что-то неладно. Почти неделю. Ну, мы особого значения не придавали, а вот нынче вечером он свалился на пол и встать не смог.

Хм-м. Да, он ведь даже не попытался встать, когда я его погладил. Я подsunул ладонь таксе под живот и осторожно поставил ее на лапы.

— Ну-ка, малыш, — сказал я, — пройдишь немножко. Ну-ка, Герман, ну-ка...

Песик сделал несколько неуверенных шажков, все больше виляя задом, и снова сел.

— У него со спиной неладно? — спросила миссис Канделл. — На передние лапы он вроде бы твердо наступает.

— Прямо как я, — произнес Рон мягким хриловатым голосом, но с улыбкой. Жена засмеялась и погладила руку, лежащую на одеяле.

Я поднял песика на колени.

— Да, безусловно, у него что-то со спиной. — Я начал ощупывать бугорки позвонков, внимательно следя, не почувствует ли Герман боли.

— Он что, ушибся? — спросила миссис Канделл. — Может, его кто-нибудь ударил? Одного мы его на улицу не выпускаем, но иногда он все-таки выбегает за калитку.

— Травма, конечно, не исключена, — ответил я. — Но есть и другие причины...

Еще бы! Десятки самых неприятных возможностей. Нет, мне решительно не нравился его вид. Решительно. Этот синдром, если речь идет о собаках, меня всегда пугает.

— Но что вы, правда, думаете? — настойчиво сказала она. — Мне же надо знать.

— Ну травма могла вызвать кровоизлияние, сотрясение, отек, и они теперь воздействуют на спинной мозг. Не исключена даже трещина в позвонке, хотя мне это представляется маловероятным.

— А другие причины?

— Их полно. Опухоли, костные разрастания, абсцессы, смещение дисков — да мало ли что еще может давить на спинной мозг!

— Диски?

— Ну да. Маленькие хрящевые прокладки между позвонками. У собак с длинным туловищем, как у Германа, они иногда сдвигаются в спинномозговой канал. Собственно говоря, именно это я и подозреваю.

Снова с кровати донесся хриловатый голос Рона:

— А прогноз какой, мистер Хэрриот?

В том-то и вопрос! Полное выздоровление или неизлечимый паралич?

— Судить еще рано, — ответил я вслух. — Пока сделаю ему инъекцию, оставлю таблетки, и посмотрим, как он будет себя чувствовать через несколько дней.

Я сделал инъекцию обезболивающего с антибиотиками и отсыпал в коробочку салициловых таблеток. Стероидных препаратов в то время в нашем распоряжении не было. Ничего больше сделать я не мог.

— Вот что, мистер Хэрриот, — приветливо сказала миссис Канделл, — Рон всегда в это время выпивает бутылочку пивка. Так, может, вы посидите с ним?

— Ну-у... вы очень любезны, но мне не хотелось бы вторгаться...

— Да что вы! Мы очень рады.

Она налила в два стакана коричневый эль, приподняла своего мужа на подушке и села возле кровати.

— Мы из Южного Йоркшира, мистер Хэрриот.

Я кивнул, успев заметить чуть-чуть иную манеру произносить слова.

— Сюда мы перебрались восемь лет назад. После несчастного случая с Роном.

— Какого?

— Я шахтером был, — ответил Рон. — На меня кровля обрушилась,

спину перебило, печень изуродовало, ну и еще всякие внутренние повреждения. Только я еще везунчик: двух моих товарищей насмерть завалило. — Он отпил из стакана. — Выжить я выжил, однако доктор говорит, что ходить я никогда не буду.

— Мне страшно жаль...

— Да бросьте! — перебил меня хриловатый голос. — Я свои плюсы считаю, а не минусы. И мне есть за что судьбу благодарить. Боли я почти никакой не чувствую, и жена у меня — лучшая в мире.

Миссис Канделл засмеялась.

— Не слушайте вы его. А я рада, что мы в Гилторпе поселились. Мы все его отпуска в здешних холмах проводили. Оба мы любили ноги поразмять. И до того чудесно было уехать от труб и дымища! Там окно спальни выходило на кирпичную стену, а тут Рон на десять миль кругом видит.

— Да-да, — пробормотал я, — дом у вас чудесно расположен.

Деревушка прилепилась на широком уступе над обрывом, и из их окна открывалась панорама зеленых склонов, уходящих вниз к реке и поднимающихся к вересковым вершинам по ту ее сторону. Сколько раз любовался я этим видом! Как манили меня зеленые тропки, убегающие вверх! Но Рон Канделл уже никогда не откликнется на их зов.

— И с Германом мы хорошо придумали. Прежде хозяйка уедет в Дарроби за покупками, ну и чувствуешь себя вроде бы одиноко, а теперь — ни-ни. Когда собака рядом, какое же тут одиночество?

— Вы совершенно правы, — сказал я с улыбкой. — Кстати, сколько ему лет?

— Шесть, — ответил Рон. — Самый у них цветущий возраст. Верно, малыш? — Он опустил руку и погладил шелковистые уши.

— Видимо, здесь его любимое место?

— Да, всегда у изголовья сидит. А подумаешь, так и странно. Ведь гулять его хозяйка водит, и кормит тоже она, только дома он от меня ни на шаг не отходит. Корзинка его вон там стоит, но чуть руку опустишь, а он уже тут как тут. На своем, значит, законном месте.

Я это много раз замечал: собаки инвалидов, да и не только собаки, всегда стараются держаться рядом с ними, словно сознательно берут на себя роль опоры и утешителей.

Я допил пиво и встал. Рон поглядел на меня с подушки.

— А я свой подольше растяну! — Он поглядел на стакан, еще полный наполовину. Бывало, с ребятами я и по шесть пинт выдувал, а только знаете — удовольствия мне от одной вот этой бутылки ничуть не меньше. Странно, как все оборачивается-то.

Жена наклонилась к нему с притворной строгостью.

— Да уж, грехов за тобой много водилось, но теперь ты почище иного праведника стал, правда?

И она засмеялась. По-видимому, это была давняя семейная шутка.

— Спасибо за угощение, миссис Канделл. Я заеду посмотреть Германа во вторник.

На пороге я помахал Рону. Его жена положила руку мне на плечо.

— Спасибо, мистер Хэрриот, что вы сразу приехали. Нам очень не хотелось вас в воскресный вечер тревожить. Но, понимаете, малыша только сейчас ноги слушаться перестали.

— Ну что вы! И не думайте даже. Мне было очень приятно...

Развернувшись на темном шоссе, я вдруг понял, что не покривил душой. Не пробыл я в их доме и двух минут, как мое мелочное раздражение исчезло без следа, и мне стало невыносимо стыдно. Если уж этот прикованный к постели человек находит за что благодарить судьбу, я-то какое право имею ворчать? Ведь у меня есть все! Если бы еще можно было не тревожиться за его таксу! Симптомы Германа ничего хорошего не сулили, но я знал, что обязан его вылечить. Категорически обязан.

Во вторник никаких перемен в его состоянии не произошло; может быть, оно даже чуть ухудшилось.

— Пожалуй, я заберу его с собой, чтобы сделать рентгеновский снимок, миссис Канделл, — сказал я. — Лечение ему словно бы никакой пользы не принесло.

В машине Герман свернулся на коленях у Розы и добродушно позволял гладить себя, сколько ей хотелось.

Когда я поместил его под наш новоприобретенный рентгеновский аппарат, ни анестезировать, ни усыплять его не потребовалось: задняя половина туловища оставалась неподвижной. Слишком уж неподвижной, на мой взгляд.

Я не специалист-рентгенолог, но все-таки сумел определить, что все позвонки целы. Костных выростов я тоже не обнаружил. Но мне показалось, что расстояние между парой позвонков чуть уже, чем между остальными. Да, видимо, сместился диск.

В те дни про ламинэктомию еще слыхом не слыхивали, так что мне оставалось только продолжать начатый курс лечения и надеяться.

К концу недели надежда заметно угасла. К салицилатам я добавил проверенные временем старые стимулирующие средства вроде тинктуры стрихнина, но в субботу Герман уже не мог сам подняться с пола. Я придавил пальцы на задних лапах и почувствовал легкое рефлекторное подергивание — тем не менее во мне росла горькая уверенность, что полный паралич задних конечностей уже не за горами.

Неделю спустя я с грустью собственными глазами увидел, как мой прогноз подтвердился самым классическим образом. Когда я переступил канделловский порог, Герман встретил меня весело и приветливо — но беспомощно волооча по коврику задние ноги.

— Здравствуйте, мистер Хэрриот. — Миссис Канделл улыбнулась мне бледной улыбкой и посмотрела на песика, застывшего в лягушачьей позе. — Как он вам сегодня?

Я нагнулся и проверил рефлексы. Ничего. И беспомощно пожал плечами, не зная, что сказать. Я поглядел на Рона, на его руки, как всегда вытянутые поверх одеяла.

— Доброе утро, Рон, — произнес я как мог бодрее, но он не отозвался, а продолжал, отвернувшись, смотреть в окно. Я подошел к кровати. Глаза Рона были неподвижно устремлены на великолепную картину холмов, пустой, белеющих в утреннем свете каменистых отмелей у речки, на линии стенок, расчерчивающие зеленый фон. Лицо его ничего не выражало. Он словно не замечал моего присутствия.

Я вернулся к его жене. В жизни мне не было так скверно.

— Он сердится на меня? — шепнул я.

— Нет, нет. Все из-за этого! — Она протянула мне газету. — Очень он расстроился.

Я посмотрел. И увидел большую фотографию: такса, как две капли воды похожая на Германа и тоже парализованная. Но только задняя часть ее туловища покоилась на четырехколесной тележке. Если верить фотографии, песик весело играл со своей хозяйкой. И вообще, если бы не эти колесики, вид у него был бы вполне нормальный и счастливый.

На шорох газеты Рон быстро повернул голову.

— Что вы об этом думаете, мистер Хэрриот? По-вашему, так и надо?

— Ну-у... право, Рон, не знаю. Мне не очень нравится, но, вероятно, эта дама считает по-другому.

— Оно, конечно, — хриплый голос дрожал. — Да я-то не хочу, чтобы Герман вот так... — Рука соскользнула с кровати, пальцы затанцевали по ковру, но песик остался лежать возле двери. — Он безнадежен, мистер Хэрриот, а? Совсем безнадежен?

— Ну с самого начала ничего хорошего ждать было нельзя, — пробормотал я. — Очень тяжелое заболевание. Мне очень жаль...

— Да не виню я вас! Вы сделали, что могли. Вот как ветеринар для этой собаки на снимке. Но толку нет, верно? Что же теперь? Усыпить его надо?

— Нет, Рон, про это пока не думайте. Иногда через долгое время такие параличи проходят сами собой. Надо подождать. Сейчас я никак не могу сказать, что надежды нет вовсе. — Помолчав, я обернулся к миссис Канделл. — Но тут есть свои трудности. В частности, отправление естественных надобностей. Для этого вам придется выносить его в сад. Слегка нажимая под животом, вы поможете ему помочиться. Научитесь вы этому быстро, я не сомневаюсь.

— Ну конечно! — ответила она. — Буду делать все, что надо. Была бы надежда!

— А она есть, уверяю вас.

На обратном пути я не мог отделаться от мысли, что надежда эта очень невелика. Действительно, паралич иногда проходит сам собой, но ведь у Германа крайне тяжелая форма. Закусив губу, я с суеверным ужасом подумал, что мои визиты к Канделлам приобретают оттенок фантастического кошмара. Парализованный человек и парализованная собака. И почему эта фотография была напечатана именно сейчас? Каждому ветеринару знакомо чувство, будто судьба работает против него. И пусть машину заливал яркий солнечный свет, на душе у меня было темно.

Тем не менее я продолжал заглядывать туда каждые несколько дней. Иногда я приезжал вечером с двумя бутылками темного эля и выпивал их с Роном. И муж, и жена встречали меня с неизменной приветливостью, но Герману лучше не становилось. По-прежнему при виде меня песик волочил по коврику парализованные ноги, и хотя он сам возвращался на свой пост у кровати хозяина и всовывал нос в опущенную руку, я начинал смиряться с тем, что недалек день, когда рука опустится и не найдет Германа.

Однажды, войдя к ним, я ощутил весьма неприятный запах, показавшийся мне знакомым. Я потянул носом. Канделлы виновато переглянулись, и Рон после некоторой паузы сказал:

— Я тут Герману одно лекарство даю. Вонючее — поискать, но для собак, говорят, полезное.

— Ах так?

— Ну... — Его пальцы смущенно пощипывали одеяло. — Билл Ноукс мне посоветовал. Один мой друг... Мы с ним вместе в забое работали. Так он на той неделе навестить меня приезжал. Он уипетов держит, Билл то есть. И про собак много чего знает. Ну и привез мне для Германа эту микстуру.

Миссис Канделл достала из шкафчика обыкновенную бутылку и неловко подала ее мне. Я вытащил пробку, и в ноздри мне ударил такой смрад, что память моя сразу прочистилась. Асафетида! Ну конечно, излюбленный ингредиент довоенных шарлатанских снадобий, да и теперь попадает на полках в аптеках и в чуланах тех, кто предпочитает лечить своих животных по собственному усмотрению.

Сам я в жизни ее не прописывал, но считалось, что она помогает лошадям от колик и собакам при расстройстве пищеварения. По моему твердому мнению, популярность асафетиды покоилась исключительно на убеждении, что столь вонючее средство не может не обладать магическими свойствами. И уж Германи она никак помочь не могла. Заткнув бутылку, я сказал:

— Так вы ее ему даете?

Рон кивнул.

— Три раза в день. Он, правда, нос воротит, но Билл Ноукс очень в эту микстуру верит. Сотни собак с ее помощью вылечил.

Проваленные глаза глядели на меня с немой мольбой.

— Ну и прекрасно, Рон, — сказал я. — Продолжайте. Будем надеяться, что она поможет.

Я знал, что вреда от асафетиды не будет, а раз мое собственное лечение результатов не дало, никакого права становиться в позу оскорбленного достоинства у меня не было. А главное — эти двое милых людей воспрями духом, и я не собирался отнимать у них даже такое утешение.

Миссис Канделл облегченно улыбнулась, из глаз Рона исчезло нервное напряжение.

— Будто камень с плеч, — сказал он. — Я рад, мистер Хэрриот, что вы не обиделись. И ведь я сам малыша пою. Все-таки занятие.

Примерно через неделю после этого разговора я проезжал через Гилторп и завернул к Канделлам.

— Как вы нынче, Рон?

— Лучше не бывает, мистер Хэрриот. — Он всегда отвечал так, но на этот раз его лицо вспыхнуло оживлением. Он протянул руку, подхватил Германа и положил на одеяло. — Вы только поглядите!

Рон жажал заднюю лапку в пальцах, и нога очень слабо, но дернулась! Торопясь схватить другую лапку, я чуть было не повалился ничком на кровать. Да, несомненно!

— Господи, Рон! — ахнул я. — Рефлексы восстанавливаются!

Он засмеялся своим тихим хриловатым смехом.

— Значит, микстура Билла Ноукса подействовала, а?

Во мне забушевало возмущение, порожденное профессиональным стыдом и раненым самолюбием. Но длилось это секунду.

— Да, Рон, — сказал я. — Подействовала. Несомненно.

— Значит, Герман выздоровеет? Совсем? — Он не отрывал взгляда от моего лица.

— Пока еще рано делать окончательные выводы. Но похоже на то.

Прошло еще несколько недель, прежде чем песик обрел полную свободу движений, и, разумеется, был это типичнейший случай спонтанного выздоровления, в котором асафетида не сыграла ни малейшей роли, как, впрочем, и все мои усилия. Даже теперь, тридцать лет спустя, когда я лечу эти загадочные параличи стероидами, антибиотиками широкого спектра, а иногда коллоидным раствором кальция, то постоянно задаю себе вопрос: а сколько их полностью прошло бы и без моего вмешательства? Очень и очень порядочный процент, как мне кажется. Хоть и грустно, но, располагая самыми современными средствами, мы все же терпим неудачи, а потому каждое выздоровление я встречаю с большим облегчением.

Но чувство, которое охватило меня при виде весело прыгающего Германа, просто не поддается описанию. И последний визит в серый домик ярко запечатлелся в моей памяти. Едва миссис Канделл открыла мне дверь, песик радостно кинулся поздороваться со мной и сразу вернулся на свой пост.

— Великолепно! — сказал я. — Таким галопом не всякая скаковая лошадь похвастает.

Рон опустил руку и потрепал глянцевиные уши.

— Что хорошо, то хорошо. Но, черт, и намучились же мы!

— Ну мне пора! — Я нагнулся, чтобы погладить Германа на прощание. — Просто на обратном пути домой хотел еще раз удостовериться, что все в порядке. Больше мне его смотреть нет надобности.

— Э-эй! — перебил Рон. — Не торопитесь так. Время-то выпить со мной бутылочку пивка у вас найдется!

Я сел возле кровати, миссис Канделл дала нам стаканы и придвинула свой стул ближе к мужу. Все было совершенно так, как в первый вечер. Я налил себе пива и поглядел на них. Их лица излучали дружескую приветливость, и мне оставалось только удивляться: ведь моя роль в исцелении Германа была самой жалкой. Они не могли не видеть, что я только беспомощно толкаю воду в ступе, и наверняка были убеждены, что все было бы потеряно, если бы вовремя не подоспел старый приятель Рона и в мгновение ока не навел бы полный порядок. В лучшем случае они относились ко мне как к симпатичному неумехе, и никакие объяснения и заверения ничего изменить не могли. Но как ни уязвлена была моя гордость, меня это совершенно не трогало. Ведь я стал свидетелем того, как трагедия обрела счастливый конец, и любые попытки оправдать себя выглядели бы мелочными. И про себя я твердо решил, что ничем не нарушу картины их полного торжества.

Я поднес было стакан ко рту, но миссис Канделл меня остановила:

— Вы ведь больше пока к нам приезжать не будете, мистер Хэрриот, — сказала она, — так, по-моему, надо бы нам произнести тост.

— Согласен, — сказал я. — За что бы нам выпить? А! — Я поднял стакан. — За здоровье Билла Ноукса!

Зрелище собаки с длинным туловищем, у которой парализованы задние конечности, способно испортить ветеринару весь день. Прогноз всегда неблагоприятен. А уж что говорить о Германе, который занимал такое важное место в жизни своего мужественного хозяина. Из его выздоровления я не извлек ничего полезного, поскольку оно было практически спонтанным, но вот Рон Канделл научил меня ценить дарованные мне простые блага.

48. *Pun*

Худенькое тело врезалось в коровий бок, и меня передернуло, но сам Джек Скотт словно бы и внимания на свой полет не обратил. Глаза у него, правда, чуть выпучились, кепка соскользнула на ухо, но он снова ухватил хвост, уперся подошвами в булыжник и приготовился к дальнейшему.

Я пытался оросить матку коровы раствором люголя. Обычное послевоенное лечение бесплодия, вызванного эндометритом. Но оно требовало введения длинного металлического катетера в шейку, и этой корове такая процедура явно пришлась не по вкусу. Каждый раз, едва я начинал вводить катетер, она резко поворачивалась, и щуплый фермер стучался о соседнюю корову.

Но теперь дело как будто пошло на лад. Только бы она секунду постояла спокойно, и металлическая трубка проскользнет куда следует!

— Держите крепче, Джек, — прохрипел я, начиная накачивать раствор люголя.

Едва корова ощутила, что происходит, она опять повернулась, рот фермера, зажатого между двух великанш, разинулся, и тут же копыто припечатало пальцы его ноги. У него вырвался тихий стон.

— Вот и чудесно, — сказал я, извлекая катетер, а про себя подумал, что пациентка оказалась на редкость несговорчивой.

Джек, однако, моего мнения, видимо, не разделял. Сильно прихрамывая, он обошел корову и обнял ее за шею.

— Ах ты моя умница! — пробормотал он, прижимаясь щекой к могучей челюсти.

Я следил за ним без всякого удивления. В этом был весь Джек. И к людям, и к животным на своей ферме он питал нежнейшую привязанность, не делая никаких исключений, и чувство это, видимо, было взаимным, не считая, разумеется, моей пациентки. Кончив ее обнимать, он протиснулся обратно и перепрыгнул через сточный желоб. Лицо его сияло обычной улыбкой. Само оно не выглядело типично фермерским — не обветренное и румяное, но бледное, изможденное, словно он не спал ночами. Было Джеку всего сорок лет, однако глубокие складки на лбу и на щеках заметно его старили. Только улыбка освещала его изнутри каким-то особым светом.

— У меня для вас еще есть кое-какая работка, мистер Хэрриот. Сперва сделали бы вы укол волу, чего-то он кашляет.

Мы зашагали через двор, а Рип, овчарка Джека, радостно плясал вокруг него. Собаки на фермах нередко держатся настороженно, стараются поменьше попадаться на глаза людям, но Рип вел себя как счастливый баловень. Фермер нагнулся и потрепал его по спине.

— Здорово, малый! С нами идешь, что ли?

Пес только в восторге извивался. Но тут к нам подбежали мальчик с девочкой — самые младшие члены семьи.

— Пап, ты куда? Пап, ты чего делаешь? — затараторили они.

Визиты на эту ферму редко обходились без вмешательства ребятишек: они сновали между коровьими ногами, мешали работать, но Джек относился к этому с полнейшим благодушием.

Вол лежал на толстой подстилке и спокойно жевал жвачку. Видимо, чувствовал он себя прекрасно.

— Так-то он ничего, — сказал Джек. — Может, простудился маленько, да и все. Но покашливает иногда. Вот я и подумал, что укол ему не повредит.

Температура оказалась чуть повышенной, и я набрал в шприц раствор пенициллина, тогда еще совсем новинку в ветеринарии. Затем наклонился, хлопнул ладонью по волосатому крупу и вогнал иглу. На любой другой ферме сделать укол такой зверюге было бы непросто — дело могло дойти и до погони через стойло, а вот этот вол даже не вскочил. Его никто не держал, он продолжал жевать и только оглянулся на меня с легким любопытством.

— Вот и хорошо. Молодчага ты, молодчага. — Джек потрепал косматую челку, и мы вышли.

— Еще я вам хочу ягнят показать, — продолжал он, ведя меня к строению из волнистого железа с полукруглой крышей, явному наследию войны. — В жизни такого не видел.

Внутри было полно овец и ягнят, но понять, что его озадачило, оказалось легко. У некоторых ягнят подгибались и дрожали задние ножки, а двое падали, не сделав и двух-трех неуверенных шажков. Джек обернулся ко мне.

— Что с ними такое, мистер Хэрриот?

— Лордоз, — ответил я.

— Лордоз? А что это?

— Недостаток меди в организме. Вызывает дегенерацию спинного мозга, приводящую к провисанию спины. В наиболее типичной форме. Но иногда возникает паралич или припадки. Капризная болезнь.

— Странно, — сказал фермер. — У маток полно было меди, чтобы лизать.

— Боюсь, этого недостаточно. Если таких случаев окажется много, маткам в следующий раз на половине беременности надо будет сделать инъекцию меди, чтобы это не повторилось.

Он вздохнул.

— Ну ладно. Раз мы знаем в чем дело, так вы ягнят подлечите.

— Мне очень жаль, Джек, но лечения тут нет. Ничего, кроме предупредительных мер.

— Н-да... — Фермер сдвинул кепку на затылок. — А с этими что дальше будет?

— Ну те, которые только пошатываются, вполне еще могут стать здоровыми и упитанными, но, боюсь, этим двоим не выкарабкаться. — Я кивнул на лежащих ягнят. — Они уже частично парализованы. И вообще гуманнее всего было бы...

Вот тут Джек перестал улыбаться. Улыбка всегда исчезала с его лица, стоило намекнуть на то, что животное следовало бы безболезненно умертвить. Деревенский ветеринар обязан давать такую рекомендацию клиенту, когда лечение становится явно убыточным. Учитывать коммерческие интересы клиентов — его долг.

Практически все бывали только благодарны — все, но не Джек Скотт. Посоветуйте ему избавиться от коровы, почти переставшей доиться после мастита, и сияющее лицо тут же замыкалось. На ферме у него содержалось немало животных, которые никакого дохода приносить ему не могли, но это были друзья, и он только радовался, глядя, как они живут себе и живут.

Теперь он засунул руки поглубже в карманы, поглядел на расprostертых ягнят и спросил:

— Они очень мучаются, мистер Хэрриот?

— Да нет, Джек. Особых страданий эта болезнь, видимо, не причиняет.

— Тогда ладно. Я их оставлю. Не сумеют сосать, сам их кормить буду. Не люблю я последнюю надежду у живой твари отнимать.

Он мог бы мне этого и не объяснять. Надежду он им оставлял, даже когда ее вовсе, казалось бы, не было. Фермеры терпеть не могут вскармливать ягнят с рожка, а уж тратить время на калек — и подавно. Но я знал, что спорить с Джеком бессмысленно. Так уж он был устроен.

Мы вышли во двор, и он прислонился к двери стойла.

— В следующий раз надо не забыть, чтобы вы маткам медь влили.

Он еще не договорил, как над верхней створкой возникла колоссальная морда. В этом стойле помещался бык, и крупный шортгорн возжелал выразить хозяину свое почтение.

Он принялся лизать Джеку затылок шершавым языком, сдвигая кепку ему на глаза. Когда это повторилось несколько раз, Джек кротко запротестовал:

— Хватит тебе, Джордж, не чуди! Разбаловался, дурачок! — А сам изогнулся и почесал могучую шею.

На морде Джорджа было чисто собачье выражение, довольно странное

для быка. Он упоенно лизался и тыкался носом, словно не слыша увещаний хозяина. Такой бычище на многих фермах был бы потенциальным убийцей, но для Джека Джордж оставался милым теленком.

Пора окота прошла, в свои права вступило лето, и я с радостью убедился, что заботы Джека оказались не напрасными. Два полупарализованных ягненка не только не погибли, а держались молодцом. Они все еще валились на землю после нескольких шагов, однако усердно щипали молоденькую травку, и процесс в мозгу дальше не развивался.

В октябре, когда деревья вокруг фермы Джека запылали золотом и багрянцем, он как-то перехватил меня на шоссе.

— Вы на минутку к Рипу не заглянете? — спросил он тревожно.

— Он что, заболел?

— Да нет. Охромел чуток, только не пойму отчего.

Далеко идти мне не пришлось — Рип всегда вертелся возле хозяина, — но у меня сжалось сердце: он заметно волочил правую переднюю ногу.

— Что случилось? — спросил я.

— Коров сбивал, ну одна возьми да и стукни его в грудь копытом. Хромает он все больше, а я ничего неладного в ноге нащупать не сумел. Загадка какая-то.

Пока я ощупывал его ногу от лапы до плеча, Рип энергично вилял хвостом. Ни раны, ни повреждения, ни каких-либо признаков боли... но едва мои пальцы коснулись первого ребра, как он взвизгнул. Поставить диагноз было нетрудно.

— Радиальный паралич, — сказал я.

— Ра... это что?

— Радиальный, или лучевой, нерв проходит над первым ребром, и копыто, очевидно, повредило его вместе с ребром. В результате разгибающие мышцы вышли из строя, и он не может выносить ногу вперед.

— Чудно, — буркнул фермер и провел ладонью по густой шевелюре, по белой сетке морщин на щеке. — А он поправится?

— Дело очень затяжное, — ответил я. — Нервная ткань регенерирует медленно — неделями, а то и месяцами. Лечение практически не помогает. Фермер кивнул.

— Ну так подождем. Хорошо хоть (его лицо вновь озарилось улыбкой), что он и хромой может коров собирать. Без работы он бы совсем извелся. Рип свою работу любит.

На обратном пути к машине Джек вдруг ткнул меня локтем и приоткрыл дверь сарая. В углу на ворохе соломы сидела кошка, окруженная котятками. Джек поднял двоих малышей и положил их на свои заскорузлые ладони.

— Вы только поглядите, прелесть-то какая! — Он прижал котят к щекам и засмеялся.

Заводя мотор, я почувствовал, что должен его как-то ободрить.

— За Рипа, Джек, особенно не тревожьтесь. Обычно такие параличи со временем проходят.

Но не у Рипа. Через несколько месяцев хромал он по-прежнему, и мышцы ноги заметно атрофировались. Видимо, нерв пострадал сильно, и симпатичный пес был обречен до конца своих дней ковылять на трех ногах.

Джек никакого значения этому не придавал и упрямо утверждал, что Рип все равно отлично работает.

Катастрофа разразилась в воскресное утро, когда мы с Зигфридом сидели в приемной, распределяя вызовы. Дверь на звонок открыл я и увидел перед собой Джека с Рипом на руках.

— Что случилось? — спросил я. — Ему хуже?

— Нет, мистер Хэрриот, — хрипло ответил Джек. — Тут другое. Опять его брыкнули.

Мы осмотрели пса на операционном столе.

— Перелом большой берцовой кости, — определил Зигфрид. — Но признаков внутренних повреждений нет. А вы не знаете точно, как это произошло?

— Нет, мистер Фарнон. — Джек покачал головой. — Он на улицу выскочил, его машина сшибла. Он ползком во двор...

— Ползком? — с недоумением спросил Зигфрид.

— Ну да. Больная-то нога у него на этой же стороне.

Мой партнер надул щеки.

— А, да. Радиальный паралич. Я помню, Джеймс, вы мне про него рассказывали. — Его взгляд сказал мне, что думает он то же, что и я. Перелом и паралич на одной стороне — комбинация смертоносная.

— Ну что же, продолжим, — пробормотал Зигфрид.

Мы наложили гипс, и я открыл дверцу старой машины Джека, чтобы он мог поудобнее уложить Рипа на заднем сиденье.

Джек улыбнулся мне в окошко.

— Я сейчас семейство в церковь повезу, так и за Рипа помолюсь.

Я проводил взглядом его машину, а когда она скрылась за углом, повернулся и увидел, что рядом стоит Зигфрид.

— Очень хотелось бы, чтобы чертова кость срослась, — произнес он задумчиво. — Джек ведь неудачу близко к сердцу примет... — Он повернулся и потер свою старую медную дощечку, прикрепленную теперь прямо к стене. — Удивительно светлой души человек. Помолиться за собаку! Что ж, если верить Колриджу, молитва его должна быть услышана. Помните, как это там? «Сильней молитвы тех, кто сердце отдает созданным всем, большим и малым».

— Да, — сказал я. — Это про Джека.

Шесть недель спустя Джек приехал с Рипом снимать гипс.

— Накладываем мы куда быстрее, чем снимаем, — заметил я, орудя маленькой пилой.

Джек засмеялся.

— Да уж! Твердая штука.

Эту работу я никогда не любил, и мне казалось, что прошел чуть ли не час, прежде чем я раздвинул белый цилиндр и осторожно отделил его от шерсти. Потом ощупал место перелома, и сердце у меня налилось свинцом. Не срослось! К тому времени там должна была бы образоваться спасительная мозоль, но под моими пальцами концы кости сдвигались и раздвигались, словно на дверной петле. Как будто и не было полутора месяцев.

Я услышал в аптеке шаги Зигфрида и позвал его.

Он тоже ощупал ногу.

— Черт! Именно то, без чего бы мы прекрасно обошлись... — Он поглядел на фермера. — Попробуем еще, Джек, но мне это очень не нравится. Мы снова наложили гипс, и Джек отблагодарил нас доверчивой улыбкой.

— Просто время требуется. Уж в следующий-то раз все будет как надо. Увы... Гипс мы с Зигфридом снимали вместе и сразу убедились, что практически ничего не изменилось. Перелом не срастался.

Мы не знали, что сказать. Ведь даже теперь, при всех новейших способах скрепления костей, бывают случаи, когда они никак не срастаются. А нас охватывает та же бессильная ярость, какую мы испытали в тот день, когда на операционном столе лежал Рип. Первым молчание нарушил я:

— Боюсь, Джек, никаких перемен.

— Не срослось, значит?

— Да...

Фермер потер верхнюю губу.

— И опираться на эту ногу он не сможет?

— К сожалению.

— Так-так... Ну поглядим, как он приладится.

— Послушайте, Джек, — мягко сказал Зигфрид, — приладиться он не сможет. Когда у собаки повреждены обе ноги с одной стороны, выхода нет.

Вновь наступило молчание, и я вновь увидел, как замкнулось лицо фермера. Он прекрасно понимал, что у нас на уме, но смириться с этим не собирався. Собственно, я твердо знал, что он сейчас скажет, и не ошибся.

— А мучается он сильно?

— Совсем нет, — ответил Зигфрид. — Перелом уже никаких болей не вызывает, а паралич тем более. Но ходить не сможет, вы понимаете?

Однако Джек уже подхватил Рипа на руки.

— Пусть все-таки попробует, — сказал он, попрощался и вышел.

Зигфрид посмотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Ну, Джеймс, что вы об этом думаете?

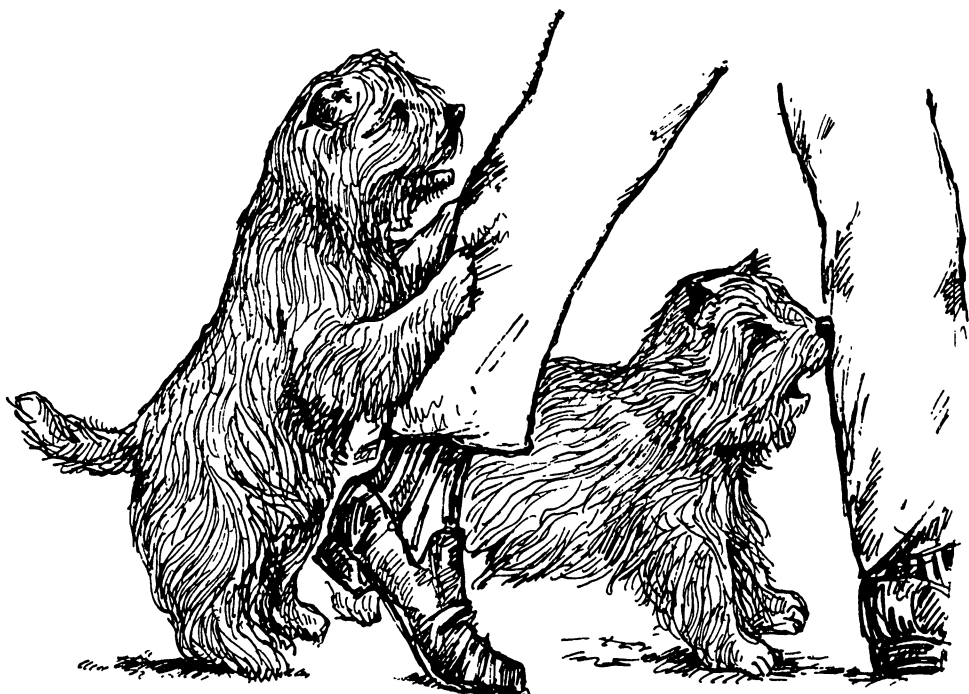
— То же, что и вы, — ответил я мрачно. — Бедняга Джек! Он всегда старается дать шанс в самом безнадежном случае. А куда уж безнадежнее!

Но я ошибся. Несколько недель спустя я приехал на ферму Джека посмотреть заболевшего теленка и сразу же увидел Рипа, который пригонял коров на дойку. Он носился позади стада, направляя его к воротам, ведущим с луга, и я окаменел от удивления.

Он по-прежнему не опирался ни на переднюю, ни на заднюю правую ногу и тем не менее резво бегал! Не спрашивайте, как это у него получалось — я не знаю, но факт остается фактом: каким-то образом Рип научился сохранять равновесие на двух крепких левых ногах, лапы же правых лишь чуть касались травы. В конце-то концов, умудрялись же люди удерживать равновесие на одноколесном велосипеде! Но, повторяю, я так в этом и не разобрался. Ведь, что самое важное, он остался прежним приветливым Рипом, при виде меня бешено завилал хвостом и ухмыльнулся во всю пасть.

Джек ни на секунду не впал в тон «я же вам говорил!», хотя имел на то полное право. Впрочем, я бы этого даже не заметил, до того приятно было наблюдать, как бойкий пес исполняет свои любимые обязанности.

Меня, видимо, тянет писать о необычном. Джек Скотт — единственный знакомый мне фермер, кто решительно не позволял усыплять своих животных, а Рип — единственный знакомый мне пес, умудрявшийся бегать, хотя у него были только две здоровые ноги, причем с одной стороны. В Джеке я вижу человека, который умел верить, и так замечательно, что Рип эту веру оправдал.

49. Дусик и Пусик

Какие мерзкие собаченции!

Я сам себе удивлялся: обычно мне удается обнаружить симпатичные черты почти во всех моих пациентах, принадлежащих к собачьему племени.

Но Дусик и Пусик Уитхорнов упорно оставались исключением, как я ни старался отыскать в них хотя бы одно достоинство. Сплошные недостатки — отвратительные привычки, отвратительные манеры. Например, встреча, которую они мне неизменно устраивали.

— Лежать! Лежать! — взывал я, как всегда, но два уэст-хайленд-уайт-терьера продолжали, стоя на задних лапах, передними яростно царапать мои голени. (Выше они не дотягивались.) Возможно, кожа у меня на голених особенно нежная, судить не берусь, но ощущение было мучительнейшим.

Когда я попятился на пуантах, комнату огласил заливистый смех мистера и миссис Уитхорн. Сцена эта им никогда не приедалась.

— Ну какие же они лапочки! — пролепетал мистер Уитхорн, давясь хохотом. — Как мило они с вами здороваются, уютюлечки мои!

Согласиться с ним мне было трудновато. Ведь гнусная парочка не просто

пытала меня, нанося некоторый ущерб и тонкой материи брюк, но вперяла в меня свирепые взгляды, весьма недвусмысленно скалясь, подергивая губами и пощелкивая зубами. Да, рычать они не рычали, но я бы все-таки не назвал это таким уж дружеским приветствием.

— Идите к папочке, лапусеньки! — Хозяин подхватил их на руки и нежно расцеловал, все еще похихикивая. — Нет, согласитесь, мистер Хэрриот, это же просто чудо, с какой любовью они вас встречают, а потом не хотят, чтобы вы уходили?

Я ничего не ответил и принялся молча отряхивать брюки. Да, действительно, едва я входил, как эти твари принимались царапать мне ноги, а когда я уходил, всячески старались тяпнуть меня за шиколотки. А в промежутке допекали как могли. И ведь оба были стариками — Дусику шел пятнадцатый год, а Пусику — тринадцатый. Казалось бы, возраст и опыт могли бы приучить их к сдержанности, но где там!

— Ну, — сказал я, убедившись, что ни ноги, ни брюки серьезного ущерба не понесли, — насколько я понял, Дусик прихрамывает?

— Да, на левую переднюю лапочку. — Миссис Уитхорн поставила страдальца на стол, предварительно застеленный газетой. — С самого утра. Бедняжка так страдает!

Я осторожно приподнял лапу и тут же отдернул руку: зубы Дусика лягнули в двоем от моих пальцев.

— Поосторожнее, мистер Хэрриот! — вскрикнула миссис Уитхорн. — Ему же больно! Прелесть ты моя! Он ведь страдает, мистер Хэрриот, а вы так грубо!

Я только зубы стиснул. Конечно, для начала следовало бы обмотать ему морду пластырем, но я еще не забыл, какой негодующий ужас обуял супругов, едва я посмел заикнуться о своей идее. Ну ничего, справимся. Игра эта мне знакома, и Дусику не поймать меня врасплох. Видывали мы кусак и поворонее.

Я обвил больную ногу указательным пальцем и успел увидеть все, что требовалось, прежде, чем Дусик завершил второе покушение. Красноватое вздутие между пальцами. Из-за такой пустячной кисты ветеринара вызывают на дом! Но Уитхорны раз и навсегда отказались возить своих любимцев в приемную. Бедняжки так нервничают!

Я выпрямился.

— Вполне безобидная киста, но боль она, безусловно, причинять может, а потому рекомендую промывать ее горячей водой, пока она не вскрыется. Тогда боль пройдет. Многие собаки сами их вскрывают, покусывая между пальцами. Но вы можете ускорить этот процесс. — Я набрал в шприц раствор антибиотика. — Происхождение таких кист точно не установлено. Возбудители не найдены. Но на случай заражения я сделаю ему укол.

Держа Дусика за шкурку, я благополучно справился с инъекцией, но тут мистер Уитхорн водворил на стол Пусика.

— Раз уж вы здесь, так осмотрите и его.

Такая просьба входила в обычный ритуал моих визитов, и я покорно прошупал и прослушал огрызающийся комок белой шерсти, а потом измерил температуру. Естественно, он страдал всеми недомоганиями собачьей старости — артрит, нефрит и прочее, включая шумы в сердце, которые бывало трудно было различить в злобном ворчании, эхом отдававшемся в грудной клетке.

Кончив осмотр, я пополнил запас лекарств, предназначенный для обоих, и попрощался. Оставалось уйти. Мистер и миссис Уитхорн замерли в сладком предвкушении.

Из раза в раз повторялось одно и то же: под злорадное хихиканье хозяев собачонки заняли пост у порога, не давая мне пройти. Они скалились с какой-то ядовитой злостью. Чтобы прорваться, я сделал отвлекающий маневр вправо, а потом подскочил к двери и ухватил ручку. Однако мне пришлось обернуться, чтобы избежать зубов, жадно щелкнувших у самых моих лодыжек. Я запрыгал, но уже не на пуантах, как прима-балерина, а словно отплясывал лихую джигу.

Два-три умелых выпада правой ногой, и я вылетел на свежий воздух, со вкусом захлопнув за собой дверь.

Пока я стоял, переводя дух, возле меня затормозил голубой фургончик Дуга Уотсона, молочника.

— Доброго утра, мистер Хэрриот! — Он махнул рукой на дверь, из которой я только что выскочил. — Этих псин навешали?

— Да.

— Вот гаденыши, а?

Я засмеялся.

— Характер у них не из самых приветливых!

— Во-во! Привезу молоко, а сам так под ноги и смотрю. Чуть дверь открывается, они сразу на меня набрасываются.

— Естественно.

Его глаза расширились.

— Так сразу за ноги и цапают! Ну и прыгаешь, как полоумный, а все на тебя пялятся.

Я кивнул.

— Мне это по опыту известно.

— Если не остеречься — все! Вот поглядите! — Он высунул ногу из дверцы и указал на резиновый сапог. По бокам каблука я увидел две аккуратные дырочки. — Цапнул-таки подлюга. До крови прокусил.

— Боже мой! А который из них?

— Да не разобрал я. Как их кличут-то?

— Дусик и Пусик, — ответил я.

— Вот те на! — Дуг уставился на меня, выпучив глаза. Его собаку звали Черныш. Он наморщил лоб, а потом нагнулся ко мне. — Может, вы мне не поверите, только вот что: они ведь очень ласковые были.

— Как?

— Точно вам говорю. Когда только-только тут поселились, знай хвостами виляли. Еще до вашего времени, конечно. Вот как оно было.

— Поразительно! — сказал я. — Но тогда отчего же?..

— Кто его знает! — Дуг пожал плечами. — Только и полгода не прошло, как они озлились. А потом все злее и злее делались.

Я продолжал ломать голову над этим преобразованием и когда вернулся в Скелдейл-Хаус. Ведь уэст-хайленд-уайт-терьеры вообще-то очень дружелюбны и покладисты... В аптеке Зигфрид писал инструкцию на ярлыке бутылки с микстурой против колик, и, не удержавшись, я выложил ему свои недоумения.

— Да-да, — сказал он. — Мне тоже про это рассказывали. Я раза два побывал у Уитхорнов и знаю, почему их собаки так невыносимы.

— Неужели? Так почему же?

— Во всем виноваты хозяева. Они их не только не воспитывали, но все время тетешкали да еще сюсюкали.

— Пожалуй, — задумчиво протянул я. — Конечно, я тоже немножко пляшу вокруг своих собак, но до тисканья и поцелуев дело, слава богу, не доходит.

— Вот именно. Избыток слащавых ласк собакам очень вреден. И еще одно: эта парочка верховодит в доме. А собаки любят подчиняться. Тогда они чувствуют себя увереннее и безопаснее. Можете мне поверить: Дусик и Пусик остались бы очень милыми песиками, если бы их с самого начала держали в определенной строгости.

— Ну а теперь всем командуют они.

— Бесспорно. И им это страшно не нравится. Если бы только Уитхорны были способны снять розовые очки и трезво взглянуть на истинное положение вещей! Но, боюсь, теперь уже слишком поздно. — Мой партнер сунул бутылку в карман и вышел.

Уитхорны продолжали меня часто вызывать, и я вновь и вновь проделывал балетные па и отплясывал джигу. А потом Дусик и Пусик издохли почти одновременно. Причем оба скончались очень мирно: Дусика нашли утром бездыханным в его корзинке, а Пусик устроился в саду подремать под яблоней и больше не проснулся.

И хорошо, что так. Конечно, они обращались со мной не слишком дружески, но мне было приятно, что их миновали испытания, которые делают тягостной работу с мелкими животными, — они не угодили под машину, не таяли от долгой мучительной болезни, их не пришлось усыплять. Казалось, кончилась одна глава моей жизни.

Однако вскоре мне позвонил мистер Уитхорн.

— Мистер Хэрриот, — сказал он. — Мы приобрели двух щенков той же породы. Вы не приехали бы сделать им прививку от чумы?

До чего же приятно было войти в комнату, где приветливо завиляли хвостами два милых щенка! Им обоим было по три месяца, и они глядели на меня умоляющими глазенками.

— Какая прелесть! — сказал я. — А как вы их назвали?

— Дусик и Пусик, — ответил мистер Уитхорн. — Нам хочется сохранить живой память о наших незабвенных милашках. — Он подхватил щенят на руки и осыпал их поцелуями.

Я сделал прививки, а потом у меня долго не было причин навещать очаровательную парочку. Видимо, оба отличались завидным здоровьем. Во всяком случае, миновал без малого год, прежде чем меня пригласили осмотреть их для профилактики.

Когда я вошел, Дусик и Пусик номер два сидели бок о бок на диване в странно застывшей позе. Я направился к ним, оба смерили меня ледяным взглядом и, словно по команде, оскалились с легким рычанием.

У меня по спине побежали мурашки. Неужели — опять? Едва мистер Уитхорн поставил Дусика на стол и я достал из футляра ауроскоп, как мне стало окончательно ясно, что судьба перевела стрелки часов назад: белая шерсть поднялась дыбом, еще недавно дружелюбные глаза смотрели на меня со злобным недоверием.

— Придержите ему, пожалуйста, голову, — сказал я. — Начнем с ушей.

Я нежно зажал ухо между большим и указательным пальцами, осторожно вставил ауроскоп, приложил глаз к окуляру, начал осмотр внешнего слухового прохода — и тут собаченция показала себя. Я услышал злобное рычание, невольно отдернул голову, и острые зубы сомкнулись где-то рядом с моим носом.

Мистер Уитхорн откинулся и захохотал.

— Ах, шалунишка! Не терпит никаких с собой вольностей! Ха-ха-ха! — Он ухватился за край стола, еле держась на ногах, потом смахнул с глаз слезы. — Боже мой, боже мой! Вот проказник!

Я был потрясен. Его словно забавляло, что он мог бы сейчас любоваться безносым ветеринаром. Я покосился на его жену: она заливалась восхищенным смехом. Какой был смысл что-то втолковывать подобным людям? Если они видят только то, что хотят видеть? Мне оставалось лишь продолжать осмотр.

— Мистер Уитхорн, — сказал я сквозь стиснутые зубы, — будьте добры, подержите его опять. Только возьмите покрепче за шею справа и слева.

Он опасливо поглядел на меня.

— А я не сделаю бо-бо моему лапусику?

— Конечно, нет.

— Ну хорошо! — Он прижался щекой к собачьей морде и нежно зашептал:

— Папусик обещает быть остороженьким, ангел мой. Не бойся, мой миленький!

Он ухватил складки кожи на шее, как я просил, и ауроскоп водворился в ухо. Осматривая слуховой проход, слушая сладкое сюсюканье мистера Уитхорна, я с напряжением ждал следующей атаки. Но когда мой пациент с рычанием сделал выпад, я обнаружил, что боялся совершенно напрасно: он нашел себе другой объект.

Бросив ауроскоп я отскочил и увидел, что Дусик погрузил зубы в основание большого пальца своего хозяина. И не просто тяпнул, а повис у него на руке, все крепче смыкая челюсти.

Мистер Уитхорн испустил пронзительный вопль и кое-как высвободился.

— АХ ТЫ ПАРШИВЕЦ! — визжал он, прыгая по комнате и страдальчески трясая кистью. Потом взглянул на две алые струйки, льющиеся из двух глубоких проколов, и вперился в Дусика свирепый взгляд: — АХ ТЫ МЕРЗКАЯ ТВАРЬ!

Мне вспомнился наш разговор с Зигфридом. Ну, может быть, теперь Уитхорны все-таки снимут розовые очки?

Просто удивительно, что у одних людей собаки всегда симпатичные, а у других — всегда скверные. Собаки подавляющего большинства наших клиентов из поколения в поколение очаровывают своим дружелюбием, но некоторые наши клиенты на протяжении долгих лет приводили к нам в приемную псов, которых словно бы снедает честолюбивая мечта — оттяпать кусок ветеринара. Причем эти последние вовсе не всегда портят своих собак глупым баловством. Нет, причина тут не столь проста. Хотел бы я ее знать!

50. Помоечный пес

«Какая жуткая опухоль!» — подумал я, когда в полумраке коридора появилась собака с уродливым выростом на морде, но тут же обнаружил, что это всего лишь жестянка из-под сгущенного молока. Разумеется, жестянкам вовсе не положено торчать из собачьих пастей, но у меня отлегло от сердца: просто Бренди вновь слишком увлекся.

Я поднял крупного желтого лабрадора на стол.

— Ну что, Бренди, опять навестил мусорный бак?

Пес виновато ухмыльнулся и попытался лизнуть мою щеку, но тщетно: его язык намертво застрял в жестянке. Впрочем, он компенсировал свою неудачу, отчаянно завивая хвостом и всей задней частью туловища.

— Мистер Хэрриот, извините, что я снова вас беспокою! — Миссис Уэстби, миловидная молодая женщина, грустно мне улыбнулась. — Но отвадить его от мусорных баков невозможно, как мы ни стараемся. Обычно я и дети справляемся с жестянками сами. Но с этой у нас ничего не вышло. Ему защемило язык крышкой.

— Мм... мм... — Я осторожно провел пальцем по зазубренному краю. — Да, дело не так просто. Ведь мы не хотим изрезать ему рот.

Выбирая щипцы, я прикидывал, сколько раз мне уже довелось вызволять Бренди из такой же беды. Он был давним моим пациентом — огромный, добродушный псина с неумной энергией. Однако упорные налеты на мусорные баки приобретали маниакальный оттенок.

Он со вкусом выискивал очередную жестянку и принимался так рьяно ее вылизывать, что запускал язык излишне глубоко и защемлял его. Семейство Уэстби и я без конца освобождали запойного лакомку от жестянок из-под компота, тушонки, фасоли в томатном соусе, всевозможных супов — ну, словом, была бы жестянка, а уж он непременно в нее залезал.

Я зажал щипцами край крышки, осторожно отогнул ее по всей длине, защемленный язык обрел свободу и тут же радостно заерзал по моему лицу. Как еще мог Бренди выразить свой восторг и благодарность?

— Хватит, хватит, глупая ты собака, — сказал я, смеясь и отстраняя ухмыляющуюся пасть.

— Да, Бренди, достаточно! — Миссис Уэстби сняла его со стола и добавила еще строже: — Чем теперь подлизываться, ты бы лучше избавился от этой гадкой привычки. Пора за тебя взяться.

Нотация нотацией, а хвост продолжал отчаянно вилять. Как и я, Бренди не преминул заметить, что его хозяйка улыбается. Сердиться на него ни у кого не достало бы духу, такая солнечная это была натура.

Мне доводилось видеть, как юные хозяева (детей в семье Уэстби было четверо: три девочки и мальчик) хватили его за все четыре лапы и раскачивали, точно гамак, или возили в детской коляске, предварительно запеленав, или придумывали еще какое-нибудь развлечение, а он терпел все это с полным равнодушием. Да нет, ему, видимо, нравилось быть участником таких игр.

Странности Бренди не исчерпывались страстью к мусорным бакам. Как-то днем я приехал к Уэстби посмотреть их кошку и устроился с ней на каминном коврик. Старшая девочка держала голову моей пациентки, а миссис Уэстби вязала, сидя в глубоком кресле. Я шарил по карманам в поисках термометра и вдруг заметил, что в комнату как-то странно, бочком, вошел Бренди, подобрался к хозяйке и сел спиной к ней с весьма небрежным видом. Затем он начал потихоньку вползать задом на ее колени. Она, не отрывая глаз от вязанья, столкнула его, но он тут же повторил свой маневр. Зрелище было удивительное: задняя часть его туловища медленно-медленно приподнималась, а золотистая морда хранила невиннейшее выражение, словно его вообще здесь не было.

Забыв про термометр, я следил за Бренди как замороженный. Миссис Уэстби сосредоточенно считала петли и словно не замечала, что зад Бренди уже воздвигался на ее красивые, обтянутые синими джинсами колени. Пес на секунду замер, точно закрепляя успех первого этапа операции, а потом еще медленнее принялся окончательно утверждать свою позицию, перебирая передними лапами и почти встав на голову. Но тут, когда завершающее усилие водворило бы большого пса на колени хозяйки, миссис Уэстби кончила считать петли и с возгласом «Какой же ты дурачок, Бренди!» столкнула его на ковер, где он и распростерся, глядя на нее томным взором.

— Что это он? — спросил я с любопытством.

— Все мои старые синие джинсы! — улыбнувшись, ответила миссис

Уэстби. — Когда Бренди был щеночком, я его часами держала на коленях, а тогда я обычно ходила в джинсах. Ну и стоит ему их увидеть даже теперь, как он старается забраться ко мне на колени.

— Не проще ли было сразу вспрыгнуть?

— Он и это пробовал, но тут же слетал на пол. Ну и сообразил, что я не хочу держать на коленях громадину-лабрадора.

— И выбрал окольный путь?

Миссис Уэстби засмеялась.

— Совершенно верно. Когда я чем-то поглощена — вяжу или читаю, — он иногда умудряется почти добиться своего, а если успел перед этим извогнуться в грязи, мне остается только пойти переодеться. И уж тогда он получает заслуженную нахлобучку.

Пациент вроде Бренди вносит всегда живописность в рабочие будни. Выгуливая собственную собаку, я часто наблюдал, как он играет на лугу у реки. Помню очень жаркий день, когда другие собаки то и дело принимались плавать — за палками или просто желая прохладиться. Прodelывали они это без особого ажиотажа — все, кроме Бренди.

Вот он помчался к берегу, вопреки моим ожиданиям не задержался ни на секунду, взмыл в воздух, растопырил все четыре ноги и на мгновение повис в пустоте, точно белка-летяга, а потом плюхнулся в воду с оглушительным плеском и в туче брызг. Да, привлекать к себе внимание он обожал!

На следующий день на том же лугу мне довелось увидеть нечто еще более поразительное. Я проходил мимо детской площадки, где ребятишки качались на качелях, вертелись на карусели и скатывались с горки. В очереди к горке стоял Бренди — непривычно солидный и чинный. Вот он поднялся по лесенке, с тихим достоинством съехал по металлическому желобу, неторопливо обошел горку и опять встал в очередь. Детишки относились к его присутствию совершенно спокойно, как к чему-то привычному, а я просто не мог оторваться от этого зрелища. Так бы и простоял там весь день.

Да, о Бренди трудно было думать без улыбки. Но мне сразу расхотелось улыбаться, когда несколько месяцев спустя миссис Уэстби привела его в приемную. Куда девалась буйная жизнерадостность? Он плелся по коридору, еле волоча ноги. Поднимая его на стол, я заметил, что он стал заметно легче.

— Что с ним такое, миссис Уэстби? — спросил я.

Она взглянула на меня с тревогой.

— Он последние дни стал каким-то вялым, кашлял, плохо ел, а сегодня утром совсем разболелся и дышит с трудом. Вы заметили?

— Да... Да... — Я поставил термометр и смотрел, как вздыхается и опадает грудная клетка. Пасть была полуоткрыта, в глазах прятался испуг. — Вид у него действительно скверный.

Температура оказалась 40°. Я взял стетоскоп и прослушал легкие. Мне вспомнилось, как старый шотландский врач сказал про тяжело больного пациента: «У него в груди шарманка играет». Каждый затрудненный вздох сопровождался хрипами, влажными шорохами, побулькиванием — ну, словом, весь набор.

Я убрал стетоскоп в карман.

— У него пневмония.

— Господи! — Миссис Уэстби легонько погладила вздымающуюся золотистую грудь. — Это очень плохо?

— Боюсь, что да.

— Но ведь... — Она умоляюще посмотрела на меня. — С тех пор как появились все эти новые лекарства, мне казалось, что пневмония перестала быть такой уж опасной?

— Вообще-то вы правы, — ответил я после паузы. — Сульфаниламиды, а теперь еще и пенициллин заметно изменили картину для людей и большинства животных, но у собак она по-прежнему поддается лечению очень туго.

Тридцать лет спустя ситуация практически не изменилась. Хотя в нашем распоряжении есть богатейший арсенал антибиотиков, добавившихся к пенициллину, — стрептомицин, тетрациклин и прочие, — а также новейшие препараты помимо антибиотиков и стероиды, меня все равно берет дрожь, когда я обнаруживаю пневмонию у собак.

— Но ведь он не безнадежен? — робко спросила миссис Уэстби.

— Нет-нет, что вы! Просто я хотел предупредить вас, что на многих собак лекарства почти не действуют. Но Бренди молод и в отличной форме. У него есть все шансы выкарабкаться. Но как он ее подхватил?

— Это я вам могу объяснить, мистер Хэрриот. Недельку назад он искупался в реке. Я стараюсь не подпускать его к воде, пока стоят холода, но стоит ему увидеть плывущую палку, как он сразу прыгает в самую середину. Вы же его видели? Любимая его штука.

— Я знаю. А потом у него начался озноб?

— Да. Я сразу отвела его домой, но очень уж было холодно. Вытираю его и чувствую, как он весь дрожит.

Я кивнул.

— Конечно, тогда он и простудился. Сейчас я сделаю ему инъекцию пенициллина, а завтра заеду к вам и повторю ее. Водить его в таком состоянии сюда не следует.

— Хорошо, мистер Хэрриот. Что-нибудь еще?

— Ему нужен легочный жилет, как мы их называем. Прорежьте в старом одеяле две дырки для передних ног, а края сшейте на спине. Вместо одеяла можно взять старый свитер. Главное, чтобы грудь у него была в тепле. Гулять не выводите — только в сад для отправления естественных надобностей.

Утром я заехал и сделал вторую инъекцию и нашел Бренди в прежнем состоянии. Не подействовали и следующие четыре инъекции. На пятый день мне оставалось только с грустью признать, что он принадлежит к подавляющему большинству собак, которым антибиотики не помогают. Температура, правда, несколько понизилась, но он почти ничего не ел и заметно похудел. Я прописал ему таблетки сульфамиридина, но и они никакой пользы не принесли.

Дни шли, а Бренди по-прежнему кашлял, дышал с трудом и все больше погружался в тяжелую апатию. Мне уже не удавалось отогнать мысль, что этот веселый, полный буйной энергии пес вот-вот погибнет.

Однако смерть прошла стороной. Бренди кое-как выкарабкался, но и только. Температура стала нормальной, он начал есть, однако этим все и ограничилось. Он не жил, а только существовал в какой-то серой мгле.

— Это уже не Бренди, — сказала миссис Уэстби недели три спустя, и на глаза у нее навернулись слезы.

— Боюсь, вы правы, — грустно согласился я. — Рыбий жир вы ему даете?

— Каждый день. Но толку ни малейшего. Что с ним такое, мистер Хэрриот?

— Видите ли, тяжелую пневмонию он одолел. Но не ее последствия — хронический плеврит, спайки и, возможно, еще что-нибудь. Процесс выздоровления словно бы на этом и оборвался.

Миссис Уэстби вытерла глаза платком.

— Просто сердце надрывается смотреть на него. Ведь ему только пять лет, но кажется он совсем дряхлым. — Она всхлипнула и высморкалась. — А я еще ругала его за то, что он залезал в банки и пачкал мне джинсы! Если бы он сейчас начал опять безобразничать, как я обрадовалась бы!

Я засунул руки поглубже в карманы.

— И ничего такого он больше не вытворит?

— Ах, где там! Бродит по комнатам, и все. Даже гулять не хочет.

Пока мы разговаривали, Бренди поднялся с подстилки в углу, медленно просеменил к топящемуся камину, постоял немножко — тощий, пустоглазый. Словно бы только теперь обнаружив мое присутствие, он чуть вильнул кончиком хвоста, потом закашлялся, застонал и тяжело опустился на коврик.

Да, миссис Уэстби не преувеличивала: передо мной, казалось, была очень старая собака.

— Вы думаете, он навсегда таким и останется? — спросила она.

Я пожал плечами.

— Будем надеяться, что нет.

Но, садясь за руль, я не повторил про себя этих слов. Слишком уж часто мне приходилось видеть телят, перенесших пневмонию. Фермеры называли их «заморышами», потому что они навсегда оставались худыми и вялыми.

Проходили недели, месяцы. Бренди я видел изредка, когда миссис Уэстби выводила его на поводке погулять. Брел он за ней с большой неохотой, и ей все время приходилось замедлять шаг. А у меня сжималось сердце: неужели это Бренди? Ну что же, во всяком случае, жизнь я ему спас. А раз сделать больше не могу, то лучше поменьше о нем думать. И я отгонял всякую мысль о лабраторе, что мне более или менее удавалось.

Как-то в феврале у меня выпал очень тяжелый день. Почти всю ночь я провозился с лошастью, у которой были сильные колики, и спать лег в пятом часу, утешаясь сознанием, что все-таки снял боль и животное чувствует себя лучше. Но тут меня потребовали к телящейся молодой корове с узким тазом. Мне удалось спасти теленка — очень крупного, но домой я вернулся совсем без сил, а ложиться спать уже не имело смысла.

После утренних вызовов у меня осталось ощущение, будто я совершенно выпотрошен, и за обедом Хелен раза два с испугом будила меня, когда мой лоб начинал склоняться в тарелку. В два часа в приемной сидело несколько собак. Осматривал я их, словно сквозь кисею, с трудом расклеивая веки. Когда дошла очередь до последнего пациента, я еле держался на ногах и совершенно не знал, на каком я свете.

— Следующий, пожалуйста, — промямлил я, открывая дверь приемной.

Вот сейчас появится собака на поводке... И действительно, вошел мужчина с маленьким пуделем. Но что это? Я даже глаза протер. Да, действительно, собака, гордо выпрямившись, идет ко мне на двух ногах.

Нет, конечно, я сознавал, что сплю стоя. Но неужто дело дошло до гал-

люцинаций? Я еще раз вытаращился на пуделя. Да, шагает себе, выпятив грудь, держа голову прямо, как солдат на смотре.

— Будьте добры, идите за мной, — хрипло сказал я и поплелся к смотровой, но на полдороге не выдержал и оглянулся. Нет, пудель, знай себе, шагает рядом с хозяином, передние лапы по швам.

Однако хозяин, видимо, перехватил мой недоуменный взгляд, потому что расхохотался и объяснил:

— Да вы не беспокойтесь, мистер Хэрриот. Он прежде в цирке выступал. Ну я и люблю похвастать его трюками. А от этого его фокуса люди даже пугаются.

— Надо думать! — пробурчал я. — У меня прямо сердце оборвалось.

Пудель был здоров — ему требовалось только подстричь когти. Я поднял его на стол, взял щипчики и улыбнулся.

— На задних лапах он, наверное, все когти сам сточил, — сказал я и обрадовался, что еще не утратил способности шутить.

Но уже через несколько минут усталость навалилась на меня с прежней силой, и я с трудом проводил их до входной двери.

Пуделек затрусил по улице на всех четырех ногах, как и положено собаке, а мне вдруг пришло в голову, что я уже очень давно не видел, чтобы собака проделывала что-нибудь забавное. Ну как Бренди. Вот он мне и вспомнился! Я устало прислонился к косяку и закрыл глаза. А когда открыл, то увидел, что из-за угла выходит Бренди, таща на поводке миссис Уэстби. Его морду по самые глаза закрывала жестянка из-под томатного супа. Заметив меня, он бешено завил хвостом и натянул поводок еще туже.

Нет, уж это действительно галлюцинация, никуда не денешься. Видение из прошлого. Надо немедленно лечь... Но я не успел отклеиться от косяка, как лабрадор взлетел по ступенькам и не лизнул меня в нос только потому, что его язык находился внутри жестянки, а удовлетворился тем, что бодро задрал ногу у стены.

Я уставился на сияющее лицо миссис Уэстби.

— Как?.. Что?..

Веселые искры в глазах и улыбка во весь рот придавали ей особое очарование.

— Видите, мистер Хэрриот? Ему лучше! Лучше!

Сон с меня как рукой сняло.

— А я... Вы привели его снять жестянку?

— Да, да, пожалуйста!

Я даже крикнул, поднимая Бренди на стол. Он стал тяжелее, чем был до болезни. Нужные щипцы я схватил, почти не глядя, и принялся отгибать зазубренные края наружу. По-видимому, к томатному супу он питал особую слабость — во всяком случае, сидела жестянка очень плотно, и мне пришлось с ней повозиться довольно долго. Но вот Бренди освободился, и я еле успел вернуться от его слюнявых поцелуев.

— Опять навешает мусорные баки, как я погляжу?

— Да. Чуть не каждый день. Несколько жестянок я сумела сама с него снять. И с горки опять катается! — Она блаженно засмеялась.

Я вытащил из кармана стетоскоп и прослушал его легкие. Кое-где слабые хрипы, но шарманка умолкла.

Присев на край стола, я оглядывал могучего пса и не мог до конца пове-

рять в свершившееся чудо. К нему вернулась вся прежняя жизнерадостность, пасть расплзалась в задорной усмешке, а в окно вливались солнечные лучи, золота и без того золотую шерсть.

— Но почему, мистер Хэрриот? — спросила миссис Уэстби. — Что произошло? Отчего ему стало лучше?

— *Vis medicatrix naturae*, — ответил я с благоговением.

— Простите?

— Целительная сила природы. Никакой ветеринар не может с ней соперничать, если уж она вступает в действие.

— Ах так. И предсказать заранее вы не можете?

— Нет.

Мы помолчали, поглаживая Бренди по голове, ушам и спине.

— Да, кстати, — заговорил я, — интерес к синим джинсам тоже вернулся?

— Еще как! Они сейчас ждут в стиральной машине. Выпачканы в глине сверху донизу. Такое счастье!

Собаки вроде Бренди приносили в мою жизнь много света — собаки, способные на выходки, вызывающие смех. Он был прирожденным комиком, и даже его неприятности с мусорными бачками имели свою забавную сторону, однако его пневмония надолго стерла улыбку с моих губ. Приятно завершить книгу историей истинного собачьего оригинала, да к тому же историей со счастливым концом. Я и по сей день не знаю, почему он выздоровел, но разве это важно?

Содержание

<i>Вступление</i>	5
1. <i>Трики-Ву</i>	22
2. <i>Тристаново бдение</i>	27
3. <i>Торжество хирургии</i>	33
4. <i>Выкурите сигару!</i>	37
5. <i>Материнский инстинкт</i>	40
6. <i>Дэн — и Хелен</i>	45
7. <i>Тип</i>	50
8. <i>Плакатик над кроватью</i>	54
9. <i>Кланси</i>	61
10. <i>Миссис Донован</i>	67
11. <i>Дарроубийская выставка</i>	76
12. <i>Знаменательные роды</i>	84
13. <i>Джок</i>	91
14. <i>Сексуальный кошмар</i>	96
15. <i>Гранвилл Беннет</i>	106
16. <i>Брошенный</i>	115
17. <i>Пенни</i>	124
18. <i>Синди</i>	129
19. <i>Единственный «гав!»</i>	134
20. <i>Диммоки</i>	140
21. <i>Магнус и компания</i>	150
22. <i>Последний визит</i>	160
23. <i>Седрик</i>	166
24. <i>Уэс</i>	174
25. <i>Забинтованный палец</i>	182
26. <i>Забавы Шепя</i>	186
27. <i>Мик</i>	192
28. <i>Стрихнин</i>	200
29. <i>Заместитель</i>	209
30. <i>Ким</i>	215

31. Собачьи бега и неожиданный выигрыш	221
32. Мистер Пинкертон в затруднении	229
33. Добрые сердца и ветеринарная практика	232
34. Джинго и Шкипер	236
35. Сет Пиллинг и его невежество	245
36. Беспризорник	252
37. Кража машины	259
38. Тео — бар-терьер	263
39. Рой	271
40. Чудесное спасение	280
41. Родди Трэверс и Джейк	289
42. Нип и Сэм	297
43. Нянюшка Джуди	302
44. Мерта	306
45. Венера	314
46. Золотинка	324
47. Простые блага	332
48. Рип	340
49. Дусик и Пусик	346
50. Помоечный пес	351

Литературно-художественное издание

Джеймс Хэрриот
СОБАЧЬИ ИСТОРИИ

Заведующий редакцией

А. А. Кирюшкин

Ведущий редактор Р. В. Дубровская

Редактор И. Б. Ильченко

Художник А. Чаузов

Художественный редактор Ю. Л. Максимов

Технический редактор Н. И. Борисова

Корректор Н. А. Мистрюкова

ИБ № 8815

Лицензия Л.Р. № 010174 от 22.01.92

Подписано к печати 28.06.96. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная,
Печать офсетная. Гарнитура таймс. Объем 11,25 бум. л. Усл. печ. л. 29,25.
Усл. кр.-отт. 29,90. Уч.-изд. л. 29,16. Тираж 15000 экз. Изд. № 9/6315.
Зак.522С 144

Издательство «Мир» Комитета Российской Федерации по печати
129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2

Можайский полиграфкомбинат Комитета Российской Федерации по печати
143200, Можайск, ул. Мира, 93